ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 6

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 6

Москва
Издательство «Алгоритм»
2005

ББК 13.5.1
О 80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 6. — М.: Изд-во «Алгоритм», 2005. — 416 с.

ISBN 5-9265-0131-8

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в 2005 году в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 50 ветеранов войны, проживающих в Московской области.

Книга послужит источником для научных исследований историков, для создания новых учебников, литературных произведений, а также может быть полезна интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню. Первыми получателями являются 50 ветеранов-авторов статей, 50 — их помощники (студенты, школьники, взрослые), 50 — организаторы (преподаватели университетов, учители школ, руководители организаций), а также библиотеки их университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра бесплатно передаются в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. Начиная с 5-го тома, книга издается в 850 экземплярах. Дополнительные 100 экземпляров предназначены для вручения ветеранами музеям подшефных школ, а студентам и школьникам — для вручения музеям школ, в которых они еще учатся или уже закончили.

Все тома размещаются на Web-странице www.ainros.ru Академии исторических наук, доступной пользователям сети Интернет для бесплатного чтения и копирования из любого места земного шара (в том числе, в школе, университете, войсковой части, офисе, поезде, самолете или в квартире).

Издание тома осуществлено на средства
Аристархова Владимира Владимировича

ББК 13.5.1

ISBN 5-9265-0131-8

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

СОДЕРЖАНИЕ

1 **Артемов Валентин Михайлович**
Фотография в День Победы 22
2 **Багдасарян Айказ Багратович**
Взяли в плен офицера 27
3 **Базанов Владимир Анатольевич**
Артиллеристы-пожарники 31
4 **Галкин Дмитрий Дмитриевич**
От берегов Балтики до Амура 39
5 **Горбачев Михаил Тарасович**
Боевой путь на запад и восток 50
6 **Горобец Александр Алексеевич**
Мы всегда возвращались 54
7 **Горячев Анатолий Петрович**
Война закончилась в Берлине 59
8 **Гринберг Семен Иосифович**
Смекалка всегда помогает 67
9 **Громов Владимир Иванович**
Диверсионный отряд 77
10 **Гурова Нина Михайловна**
Воспоминания о фронтовых буднях 91
11 **Драничников Андрей Егорович**
Красные флаги в Бухаресте 96
12 **Дудыкин Владимир Михайлович**
Летали ночью 102
13 **Ермаков Иван Федорович**
Прямой наводкой по танкам 113
14 **Иванников Владимир Алексеевич**
Спасительный овраг 123
15 **Иванов Виталий Петрович**
Переправа через Днепр 127
16 **Илларионов Борис Михайлович**
Работа в подполье 136
17 **Капустин Василий Михайлович**
Мы остались за линией фронта 144
18 **Карнаев Иван Иванович**
Праздничный обед перед боем 151
19 **Карташов Алексей Андреевич**
Не упасть от голода 165

20 **Кожатиков Александр Павлович**
Солдатская смекалка ………………………...………………. 168
21 **Кокорева Зинаида Васильевна**
Мы с вами ……………………………………………………….. 174
22 **Кравченко Иван Андреевич**
Форсирование Днепра …………………………………….…. 178
23 **Крюков Георгий Иванович**
Нагрузка на понтонеров была огромной …………………. 184
24 **Кюнг Николай Федорович**
Для меня война началась в Бресте ………………………. 193
25 **Линник Владимир Иосифович**
Бои за рейхстаг ……………………………………………….. 210
26 **Лисенков Василий Семенович**
Разведка боем ………………………………………………… 218
27 **Литвинова Екатерина Потаповна**
Воспоминания о фронтовых буднях ……………………... 222
28 **Лыга Евгений Саввич**
В разведке крепкие ребята ……………………………….... 228
29 **Манжинский Сергей Николаевич**
Прорыв из окружения ……………………………………….. 236
30 **Медведев Павел Иванович**
Сминаем проволоку… ……………………………………….. 244
31 **Михайлов Владимир Николаевич**
Молодое пополнение ………………………………………… 253
32 **Мусин Александр Васильевич**
Курская битва ………………………………………………… 262
33 **Муходавкин Григорий Архипович**
Подвиг пулеметчика …………………………………………. 268
34 **Надеждин Евгений Семенович**
Бой в Ирбенском проливе ………………………………… 276
35 **Новиков Семен Семенович**
Ночью мы бежали из лагеря ……………………………..... 282
36 **Пахоменко Александр Михайлович**
В атаке заменили командира взвода ……………………... 288
37 **Пронин Николай Михайлович**
Пять суток мы сидели в подвале …………………………. 294
38 **Романюк Иван Дмитриевич**
Нас встречал весь город ……………………………………... 300
39 **Сидоренко Иван Иванович**
Иногда нам просто везло ………………………………….. 307
40 **Степанов Евгений Федорович**
Партизанский край …………………………………………... 315
41 **Татарников Сергей Сергеевич**
Первый бой …………………………………………………… 323

42 **Тестоедов Василий Федорович**
Танк прошел надо мной 328
43 **Федотов Константин Сергеевич**
Мы участвовали в параде Победы 333
44 **Федотов Степан Фатеевич**
В мае 45-го 353
45 **Хондак Дмитрий Сергеевич**
Мы выполнили свою задачу 365
46 **Худенко Василий Макарович**
От Дальнего Востока на запад 372
47 **Чуксина Мария Ивановна**
Медики защищали Родину 384
48 **Шмелев Анатолий Александрович**
На Тихом океане 388
49 **Шорников Николай Федорович**
Военно-инженерная страда 398
50 **Шугаев Борис Александрович**
Помощь десантникам 407

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом, освободил Прагу и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать — урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа — это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя — без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они — носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них — ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

В преддверии 60-летия Великой Победы еще более ощутимым стал недостаток в солдатских мемуарах. Стала явной и насущной потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны продолжена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны — от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций каждый том предполагается издавать минимум в 850 экземпляров, первые 100 из которых передаются ветеранам и студентам, а остальные 550 экземпляров направляются в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,
- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. Косыгина,

- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),
- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина
- Кубанского государственного аграрного университета
- Кубанского государственного технологического университета
- Кубанского государственного университета

В результате этой работы, кроме изданных и настоящего, подготовлены материалы воспоминаний еще для десяти томов.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института начата работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов превзошла все ожидания — за один осенний семестр подготовлены материалы 70 ветеранов. Приобретенный опыт уже используется университетами и молодежными организациями Московской и Смоленской областей и Краснодарского края. Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала: воспоминания о войне» — «Никто не забыт, ничто не забыто».

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

ПРЕДИСЛОВИЕ К 6-му ТОМУ*

Шестой том выходит в дни 60-летия Парада Победы, ставшего символом чести и достоинства 20-го века. Немного в жизни народа происходит событий, воспоминания о которых переполняют гордостью и безмерным счастьем подавляющее большинство жителей нашей необъятной Родины.

Парад длился два часа под проливным дождем, но тысячи людей, переполнявших Красную площадь, казалось, не замечали этого, и я вместе ними. В то время я был гвардии майором и находился на гостевой трибуне по приглашению.

Таким днем стало 24 июня 1945 г. в Москве. Состоявшийся в этот день Парад Победы явился апофеозом всеобщего торжества советского народа, праздновавшего Победу над самым страшным злом XX века - немецким фашизмом.

9 мая 1945 г. Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин подписал Приказ № 369 по Красной Армии и Военно-Морскому Флоту. Полный текст этого исторического документа был зачитан по радио Ю.Б.Левитаном непосредственно из Ставки в Кремле. Страна узнала о том, что в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в пригороде Берлина Карлсхорсте подписан «Акт о военной капитуляции» Германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую Советский Союз в течение четырех лет вел против фашистской Германии, победоносно завершилась. День 9 мая объявлялся всенародным праздником. В 22 часа 9 мая в Москве состоялся праздничный салют из 1000 орудий в 30 артиллерийских залпов - первый мирный салют в честь советских воинов победителей.

Через несколько дней после подписания победного приказа Верховный Главнокомандующий приказал Генеральному штабу продумать и доложить ему соображения о параде в ознаменование Победы над гитлеровской Германией: «Нужно подготовить и провести особый парад. Пусть в нем будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск».

На следующий день в Генштабе были созданы 2 группы: одна готовила списки лиц, приглашаемых на торжественный обед, а вторая всецело занялась парадом. Через несколько дней предвари-

---

* Использованы материалы каталога выставки «Парад Победы 24 июня 1945 г.» Государственного исторического музея. Москва. 2000 г.

тельные расчеты были закончены: намечен состав участников парада, разработан его ритуал, отличный от обычного, определены форма одежды, сроки подготовки и порядок размещения людей, которые должны были прибыть в Москву с фронтов. По предварительным расчетам получалось, что на подготовку парада нужно не менее двух месяцев.

Всего на парад предполагалось вывести 10 сводных полков фронтов и один сводный полк Военно-морского Флота при 360 боевых знаменах. Помимо этого к участию в параде предполагалось привлечь военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона. Парадное шествие планировалось открыть Знаменем Победы, которое должны были нести те, кто водрузил его на куполе Рейхстага.

24 мая 1945 г. в Георгиевском зале Кремля состоялся торжественный обед, на котором присутствовали члены правительства и ЦК ВКП(б), руководящий состав Генштаба, виднейшие деятели народного хозяйства, науки и искусства,. Еще до начала обеда И.В.Сталину были доложены предложения Генерального штаба по проведению Парада Победы. Предложения он принял, но со сроками не согласился. «Парад провести ровно через месяц - 24 июня», - распорядился Верховный Главнокомандующий. Сразу после доклада командующим войсками фронтов была направлена следующая директива:

«Верховный Главнокомандующий приказал:

1. Для участия в параде в Москве, в честь победы над Германией, выделить от фронта сводный полк.

2. Сводный полк сформировать по следующему расчету: пять батальонов двухротного состава по 100 чел. в каждой роте (10 отделений по 10 чел.). Кроме того, 19 чел. командного состава из расчета - командир полка 1, зам. командира полка 2 (по строевой и по политчасти), начальник штаба полка 1, командиров батальонов 5, командиров рот 10 и 36 чел. знаменщиков с 4-мя ассистентами офицерами; в сводном полку 1059 чел. и 10 чел. запасных.

3. В сводном полку иметь шесть рот пехоты, одну роту артиллеристов, одну роту танкистов, одну роту летчиков и одну роту сводную — кавалеристы, саперы, связисты.

4. Роты укомплектовать так, чтобы командирами отделений были средние офицеры, а в составе отделений - рядовые и сержанты.

5. Личный состав для участия в параде отобрать из числа бойцов и офицеров, наиболее отличившихся в боях и имеющих боевые ордена.

6. Сводный полк вооружить: три стрелковые роты - винтовками, три стрелковые роты - автоматами, роту артиллеристов - карабинами за спину, роту танкистов и роту летчиков - пистолетами, роту саперов, связистов и кавалеристов - карабинами за спину, кавалеристов, кроме того, - шашками.

7. На парад прибыть командующему фронтом и всем командармам, включая авиационные и танковые армии.

8. Сводному полку прибыть в Москву 10 июня с.г., имея при себе тридцать шесть боевых знамен наиболее отличившихся в боях соединений и частей фронта и все захваченные в боях войсками фронта боевые знамена соединений и частей противника, независимо от их количества.

9. Парадное обмундирование для всего состава полка будет выдано в Москве.

24 мая, 1945 г. Антонов [Начальник Генерального штаба А.И.]».

Во исполнение этой директивы на фронтах приступили к формированию и укомплектованию сводных полков фронтов. Их командирами были назначены:

- Карельского фронта - генерал-майор Г.Е. Калиновский,
- Ленинградского - генерал-майор А.Т. Стученко,
- 1-го Прибалтийского - генерал-лейтенант А.И Лопатин,
- 3-го Белорусского - генерал-лейтенант П.К. Кошевой,
- 2-го Белорусского - генерал-лейтенант К.М. Эрастов,
- 1-го Белорусского - генерал-лейтенант И.П. Рослый,
- 1-го Украинского - генерал-майор Г.В. Бакланов,
- 4-го Украинского - генерал-лейтенант А.Л. Бондарев,
- 2-го Украинского- гвардии генерал-лейтенант И.М. Афонин,
- 3-го Украинского- гвардии генерал-лейтенант Н.И. Бирюков.

В боях почти все они командовали корпусами. Сводный полк Военно-морского Флота готовил вице-адмирал В.Г. Фадеев.

В период подготовки к параду слушателей военных академий, курсантов военных училищ, войск Московского гарнизона, а также суворовцев, которые должны были пройти по Красной площади 24 июня 1945 г., проблем было немного — они имели парадное обмундирование, регулярно занимались строевой подготовкой, многие участвовали в первомайском параде 1945 г.

Иначе обстояло дело с 10 тысячами фронтовиков - будущих участников Парада Победы. Их нужно было принять и разместить в Москве, менее чем за месяц на каждого сшить парадное обмундирование нового образца. Не дожидаясь их прибытия, почти все швейные фабрики Москвы с конца мая переключились на пошив парадной формы для солдат и младших офицеров. Обмундирование для старших офицеров и генералов шили многочисленные мастерские и ателье. Для маршалов Советского Союза, главных маршалов, маршалов родов войск и генералов вместо прежнего однобортного мундира стального цвета был введен двубортный мундир из кастора цвета морской волны, с двумя рядами больших золоченых форменных пуговиц, по шесть в ряду, с гербом Советского Союза. Вторая от верха пуговица на левом борту, съемная, ставилась на металлическое кольцо. Борта по краям обшивались цветным суконным кантом.

Из-за крайней степени срочности приказ о введении новой парадной формы образца 1945 г. опубликован не был. Мундиры шились по разработанным «Техническим условиям Технического комитета Главного интендантского управления Красной Армии № 1412 за 1945 г.»

Швейники справились с поставленной перед ними нелегкой задачей. Но возникли новые трудности - на этот раз в связи с изготовлением 10 штандартов, под которыми должны были выйти на парад сводные полки фронтов. Выполнение этого ответственного задания возложили на подразделение московских военных строителей, которым командовал инженер-майор С. Максимов. Изготовление штандартов осуществлялось в художественно-производственных мастерских Большого театра, что в Петровском переулке, - в то время базовом предприятии военных строителей. Там сохранилось бездействующее и по тем временам неплохое оборудование.

Однако что это за штандарты, какими они должны быть, никто понятия не имел. В Красной Армии их до тех пор не существовало. Трудились круглосуточно. Первый изготовленный образец был забракован. Тогда решили обратиться за помощью к гражданским специалистам. К работе привлекли начальника художественно-бутафорского цеха Большого театра. В.Терзибашьяна и начальника слесарно-механического цеха Н.Чистякова. Совместно с ними и был выполнен новый оригинальный эскиз штандарта.

На вертикальное дубовое древко с серебряным венком, обрамлявшим золотую пятиконечную звезду, крепился металлический

горизонтальный штырь с «золотыми» шпилями на концах. На нем крепилось двустороннее алое бархатное полотнище штандарта, окаймленное золотой узорчатой ручной вязью, с наименованием фронта. По сторонам спадали отдельные тяжелые золотые кисти. Этот образец сразу одобрили. До парада оставалось около 10 дней. Работы завершили досрочно. И тут случилось непредвиденное. Вес штандарта в собранном виде оказался таким, что пройти по Красной площади строевым шагом, держа его на вытянутых руках, было невозможно.

На выручку пришла смекалка участника изготовления штандартов И.Лучанинова, в прошлом знаменосца конного полка. Он вспомнил, каким образом к седлам крепилось развернутое на марше знамя. По этому образцу, но применительно к пешему строю, на шорно-седельной фабрике за двое суток изготовили особые портупеи с кожаным «стаканом», в котором крепилось древко штандарта. Это давало возможность нести его в парадном строю. Проблема была решена.

В мастерских Большего театра изготовили и сотни метров орденских лент, увенчавших древки 360 боевых знамен, пронесенных по Красной площади воинами-победителями 24 июня 1945 г. Каждое знамя представляло воинскую часть или соединение, отличившееся в боях, а каждая из орденских лент знаменовала коллективный подвиг, отмеченный боевым орденом.

Представленные на Параде Победы знамена символизировали исторические вехи, отметившие путь Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной. Под боевыми знаменами с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Красная Армия приняла на себя первый удар фашистских войск в июне 1941 г. На смену им пришли боевые знамена с лозунгами Великой Отечественной войны - «За нашу Советскую Родину!» и «Смерть немецким захватчикам!» Но наибольшее количество пронесенных по Красной площади знамен - боевые знамена советской гвардии. Первые из них - для гвардейских частей и соединений - были учреждены приказом Народного комиссара обороны от 18 сентября 1941 г. Эти красные полотнища с портретом В.И. Ленина впервые вручили полкам и дивизиям, отличившимся в боях 1941 г. под Смоленском и Москвой.

По указанию Генерального штаба в Москву с двух фронтов - 1-го Белорусского и 1 -го Украинского - доставили из Берлина и Дрездена около 900 единиц трофейных знамен и штандартов, в том числе личный штандарт Гитлера. Трофеи принимал в Лефортов-

ских казармах командир 181-го стрелкового полка 291-1 стрелковой дивизии полковник А.К. Коркишко. Решили не выносить на Парад Победы все трофеи, и специальная комиссия произвела их отбор. Подбирали по цвету и по размеру, которые обозначали род войск (белый - пехотинцы, розовый - танкисты, красный - артиллеристы) и их состав (батальонные, полковые, артиллерийских дивизионов и т.д.).

Всего отобрали 200 трофейных знамен и штандартов и заперли в специальную комнату, взятую под охрану сотрудниками Управления военного коменданта г. Москвы. Лишь незадолго до начала Парада Победы их привезли на Красную площадь и вручили личному составу специальной роты, уже стоявшей в парадном строю напротив Покровского собора.

10 июня 1945 г. парадные расчеты прибыли в Москву и приступили к строевым занятиям на Центральном Краснознаменном аэродроме ВВС Красной Армии имени М.В. Фрунзе. Тренировались все. Даже командующие сводными полками.

Но особенно досталось специальной роте «носильщиков» - тем, кто должен был под бой барабанов бросить к подножию Мавзолея трофейные знамена. Роту сформировали из воинов-фронтовиков сводных полков в день их прибытия в Москву. Немедленно начались тренировки. Фронтовики не имели хорошей строевой подготовки, а нужны были не просто строевики - асы.

По предложению коменданта г. Москвы генерал-лейтенанта К.Р.Синилова, руководство подготовкой знаменщиков поручили заместителю командира роты почетного караула, старшему лейтенанту Д.Г.Вовку. Начались интенсивные занятия по 6 часов в сутки. В состав роты включили бойцов из 3-го полка дивизии им. Ф.Э. Дзержинского, имевших большой опыт прохождения строем. С их помощью началась индивидуальная подготовка фронтовиков.

В ночь на 21 июня Г.К.Жуков на Красной площади «экзаменовал» роту «носильщиков» и остался доволен.

Но, к сожалению, не все «сдали экзамен» Г.К.Жукову во время генеральной репетиции Парада Победы. Первоначально открыть торжественное шествие войск планировалось Знаменем Победы. Его должны были пронести герои, которые водрузили Знамя над Рейхстагом. Однако Знамени на параде не было. Как же это произошло?

В ночь на 1 мая 1945 г. над Рейхстагом взвилось знамя Военного совета 3-й ударной армии, которому было суждено стать символом Великой Победы. 9 мая 1945 г. по приказу командования

М.А.Егоров и М.В.Кантария снимают его с купола Рейхстага и устанавливают другой красный флаг. Подлинное Знамя Победы передают в штаб 150-й стрелковой дивизии, где оно и хранилось до отправки в Москву. Именно в это время на нем белилами сделали надпись: «150 стр. ордена Кутузова II ст. идрицк. див.». Перед отправкой в Москву на знамени в корпусе дописали «79 С.К.», а в политотделе армии дополнили - «3У.А. 1 Б.Ф.»

В таком виде 20 июня 1945 г. на аэродроме Берлина Знамя Победы передали М.А.Егорову, М.В.Кантарии, С.А.Неустроеву, К.Я.Самсонову, И.Я.Сьянову для сопровождения его в Москву. Во второй половине этого же дня на Центральном аэродроме имени М.В.Фрунзе в Москве их встречала рота почетного караула Московского гарнизона под командованием капитана В.И.Варенникова. После торжественной передачи Знамени Победы Героям Советского Союза - знаменосцу, старшему сержанту Ф.А.Шкиреву и двум его ассистентам - гвардии старшине И.П.Панышеву и сержанту П.С.Маштакову оно было доставлено в Генеральный штаб.

После торжественной встречи Знамени Победы на Центральном аэродроме к авангарду колонны, неудачно маршировавшему на генеральной репетиции утром на аэродроме, подъехал полковник на «Виллисе» и забрал знамя, сказав, что оно не будет на параде.

После генеральной репетиции Знамя доставили в казарму сводного полка 1-го Белорусского фронта, откуда 11 июля 1945 г. оно было передано на вечное хранение в Центральный музей Вооруженных сил СССР и принято на государственный учет. Уже на следующий день знамя вошло в музейную экспозицию.

23 июня 1945 г. во всех центральных газетах Советского Союза был опубликован подписанный накануне последний из таких приказов - № 370:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне, назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей Армии, Военно-морского Флота и Московского гарнизона - ПАРАД ПОБЕДЫ.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата Обороны, сводный полк Военно-морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза ЖУКОВУ.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза К.К.РОКОССОВСКОМУ»

Утро 24 июня 1945 г. Красная площадь украшена красными стягами. Вдоль фасада теперешнего ГУМа были укреплены гербы союзных республик с гербом СССР в центре - напротив Мавзолея В.И. Ленина. На Лобном месте устремил ввысь струи 26-метровый фонтан. К девяти часам гранитные трибуны у Кремлевской стены заполнены до отказа. Разместившиеся там депутаты Верховного Совета СССР и РСФСР, работники наркоматов, деятели культуры, участники юбилейной сессии Академии наук СССР, стахановцы московских заводов и фабрик, иерархи Русской Православной Церкви, многочисленные зарубежные гости с нетерпением ждали начала парада.

В 9 часов 45 минут под аплодисменты собравшихся на Мавзолей поднялись члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным. Перед Мавзолеем на особой площадке - советские генералы. Командующий парадом маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский на вороном коне занял место для движения навстречу принимающему парад маршалу Советского Союза Г.К. Жукову. Ровно в 10 часов утра, с боем Кремлевских курантов, на белом коне Г.К.Жуков выехал на Красную площадь.

Прозвучала команда: «Парад, смирно!» Вслед за командой прокатился гул аплодисментов. Часы отбивают 10.00...

Грянули мощные и торжественные звуки столь дорогой для каждой русской души мелодии «Славься!» М.И. Глинки. Затем сразу воцарилась абсолютная тишина, раздались четкие слова команды командующего парадом маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. Боевые знамена войск, под которыми был завершен разгром врага, опаленные войной мужественные лица воинов, их возбужденно блестевшие глаза, новые мундиры, на которых сверкали боевые ордена и знаки отличия, создавали волнующую и незабываемую картину.

Начинается объезд войск. Затем сводный оркестр в 1400 человек под управлением генерал-майора С.А.Чернецкого и полковника В.И. Агапкина выходит на середину площади и исполняет «Славься, русский народ».

На трибуну поднимается Г.К. Жуков и от имени и по поручению Советского правительства произносит с трибуны короткую речь, поздравляя с Победой всех собравшихся. Радио транслирует это поздравление по всей стране, по всему миру.

Торжественный марш победителей открыли сводные полки фронтов, которые прошли по Красной площади в том порядке, в каком они располагались вдоль линии фронта - с севера до юга.

Первым шел сводный полк Карельского фронта во главе с командующим - Героем Советского Союза маршалом Советского Союза К.А.Мерецковым. За ним - сводный полк Ленинградского фронта. Впереди - Герой Советского Союза, маршал Советского Союза Л.А.Говоров. Далее - Сводный полк 1-го Прибалтийского фронта. Во главе колонны полка - Герой Советского Союза, генерал армии И.Х.Баграмян. Перед сводным полком 3-го Белорусского фронта шел Герой Советского Союза, маршал Советского Союза А.М.Василевский.

Сводный полк 2-го Белорусского фронта вел заместитель командующего фронтом - генерал полковник К.П. Трубников. Впереди сводного полка 1-го Белорусского фронта также шел заместитель командующего - генерал армии В.Д.Соколовский. В составе полка шла знаменная рота Войска Польского. Колонну под 20-ти знаменами с национальной эмблемой Польши возглавлял начальник Генерального штаба Войска Польского генерал брони В.В.Корчиц. Затем следовал сводный полк 1-го Украинского фронта во главе с Героем Советского Союза, маршалом Советского Союза И.С.Коневым. Штандарт фронта нес командир 9-й гвардейской истребительной авиационной Мариупольско-Берлинской Краснознаменной, орденов Ленина и Богдана Хмельницкого 2-й степени дивизии трижды Герой Советского Союза гвардии полковник А.И. Покрышкин.

Сводный полк 4-го Украинского фронта вел Герой Советского Союза генерал армии А.И.Еременко. За ним следовал сводный полк 2-го Украинского фронта со своим командующим - маршалом Советского Союза Р.Я.Малиновским. И, наконец, самый южный из фронтов - 3-й Украинский, во главе с маршалом Советского Союза Ф.И.Толбухиным. В составе полка шел представитель болгарской армии - Герой Советского Союза В.Стойчев. Замыкал шествие фронтовиков сводный полк Военно-морского Флота СССР во главе с героем Севастополя - вице-адмиралом В.Г. Фадеевым.

Гигантский оркестр сопровождал движение войск. Каждый сводный полк проходил под свой боевой марш. Пауз почти не было. И вдруг оркестр смолк. И в этой установившейся тишине начали бить 80 барабанов….

Вперед выходит особая рота с двумя сотнями вражеских знамен. Полотнища почти волочатся по мокрой брусчатке. Барабаны бьют гулко, резко, сильно. Их звуки заполняют всю площадь. Кажется, даже камни зданий гремят. У подножья Мавзолея два дере-

вянных помоста. Поравнявшись с ними, бойцы делают поворот направо и с силой бросают на них постылую ношу. С мертвым стуком падают древки. Полотнища устилают помосты. Трибуны взрываются аплодисментами. А дробь барабанов продолжается, и перед Мавзолеем все растет гора предаваемых позору вражеских знамен.

Опять заиграл оркестр. На площадь вступили части Московского гарнизона во главе с командующим войсками генерал-полковником П.А.Артемьевым. За ним - сводный полк Народного Комиссариата Обороны, слушатели военных академий - имени М.В.Фрунзе, Артиллерийской, Моторизации и механизации, Военно-воздушной имени Н.Е. Жуковского, Военно-политической имени В.И. Ленина. В черно-красной форме и белых перчатках, замыкали шествие воспитанники суворовских военных училищ. Затем мимо трибун рысью прошла сводная конная бригада во главе с генералом Н.Я. Кириченко, проехали расчеты зенитных установок на боевых машинах, батареи противотанковой и крупнокалиберной артиллерии, гвардейские минометы, мотоциклисты, бронемашины, машины с десантными частями. Парад техники завершили танки «Т-34» и «ИС», самоходные зенитные установки.

Намечавшаяся ранее демонстрация трудящихся столицы из-за непогоды была отменена. К вечеру дождь прекратился, и на улицах Москвы вновь продолжился праздник. На площадях гремели оркестры, выступали артисты. А вечером небо над городом озарилось праздничным салютом.

На следующий день, 25 июня 1945 г., в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников Парада Победы, на котором присутствовало более 2500 человек.. Кроме тех, кто прошел накануне по Красной площади в составе парадных расчетов, в Кремль были приглашены виднейшие деятели науки, литературы и искусства, конструкторы боевой техники, ударники московских предприятий, иерархи Русской Православной Церкви.

Таким вошел в историю Парад Победы.

Азаров Виктор Яковлевич
Председатель Московского областного
Совета ветеранов (пенсионеров) войны,
труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Дорогие читатели!

Шестой том издания «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» выходит в год 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. День Победы, 9 Мая,— это дата, когда особенно остро проникаешься ощущением торжественности, гордости за свой народ и грустью. К сожалению, грусти с годами становится все больше. Ветераны уходят от нас навсегда, и их жизнь постепенно становится историей.

Но пока они с нами, пока у нас еще есть возможность сердцем прикоснуться к их Подвигу, так важно успеть познакомиться, узнать, услышать из первых уст о той страшной войне, выразить благодарность людям, сумевшим вынести все ее тяготы и ценой своей жизни завоевавшим для нас Победу.

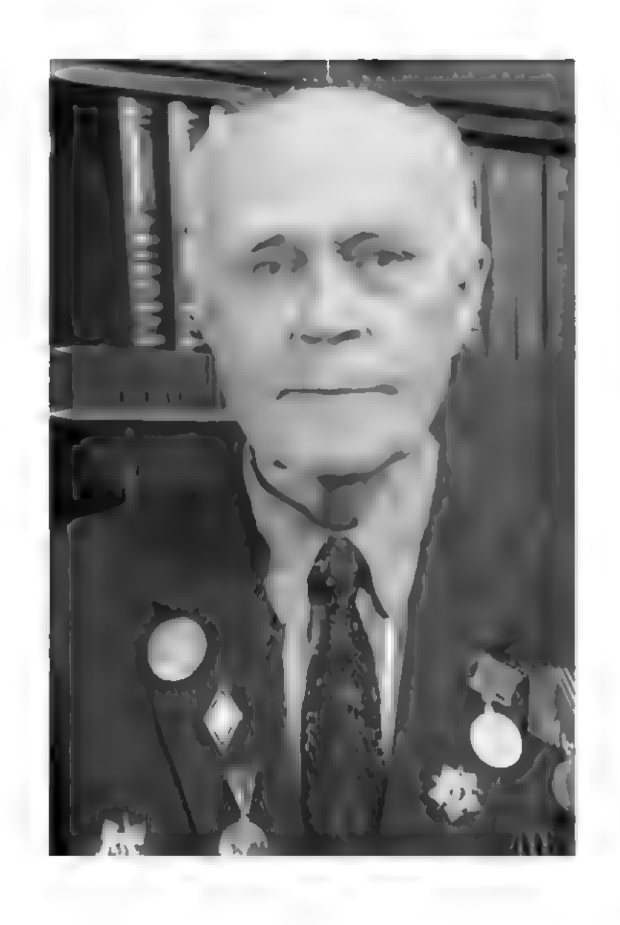
Шестой том издания подготовлен активистами Регионального отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Московской области. Наша организация с большим энтузиазмом откликнулась на предложение Академии исторических наук принять участие в подготовке воспоминаний ветеранов войны и организации их издания. Активисты «Молодежного Единства» встречались с ветеранами, готовили материал для публикации. В книге представлены воспоминания ветеранов Московской области, которые прошли свой боевой путь на разных фронтах Великой Отечественной войны и сейчас живут в Подмосковье.

До сих пор в России не издавалось ничего подобного. В этом издании есть биографические справки, но самое ценное в нем – воспоминания. Это живые фронтовые истории, на основе которых историк может найти ранее неизвестные подробности и факты, а преподаватель может на реальных примерах проводить воспитательную и патриотическую работу.

Кроме того, это свежий, непредвзятый взгляд на историю. В издании — личные воспоминания от солдата до генерала, а не общеизвестные и отфильтрованные сведения о войне.

Это особая Народная Награда нашим ветеранам — реальное увековечиние их Подвига и реальная передача ветеранами ответственности за Боевую Славу России молодежи, которой она будет гордиться и за что ей будут благодарны уже ее потомки.

Аристархов Владимир Владимирович,
Председатель Координационного Совета
Регионального отделения
Общероссийской общественной организации
«Молодежное Единство» Московской области

Артемов Валентин Михайлович

ФОТОГРАФИЯ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Родился 13 марта 1926 года в селе Санино, Покровского района, Владимирской области.

1 сентября 1934 г. поступил в первый класс школы №15 поселка Электропередача, где жили мои родители.

В 1944 г. 9 февраля со школьной скамьи учеником 10-го класса был призван на военную службу в действующую армию и участвовал в Великой Отечественной войне по май 1945 года радиотелеграфистом.

В 1946 году уволен по болезни.

В сентябре 1946, после демобилизации, начал работать в начальной школе №16 учителем начальных классов.

С 1.08.48 г. переведен на работу учителем русского языка и литературы в восьмилетнюю школу №15.

В 1950 г. заочно окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института.

С 20.081963 г. назначен директором восьмилетней школы №16, которая в 1969 году преобразована в среднюю. Проработал директором школы 24 года, а с 1.07 1987 г. продолжал работать в связи с выходом на пенсию учителем русского языка и литературы.

09.09.2002 г. уволен по собственному желанию, ушел на заслуженный отдых. Проработав в школе 56 лет.

Имею высшее политическое образование: в 1970, 1976, 1979 гг. окончил три факультета Университета марксизма-ленинизма.

С 1963-го по 1987 г. избирался депутатом Электрогорского Совета и Павлово-Посадского районного Совета народных депутатов, был назначен председателем «Комиссии по сохранности соцзаконности», затем комиссии по народному образованию, возглавлял Совет директоров школ района.

В 1987 г. решением Исполкома Московской области мне была пожизненно установлена персональная пенсия местного значения (отменены в годы правления Ельцина Б.Н.)

Имею боевые награды:

Орден Отечественной войны II степени;
медаль «За победу над Германией»;
медаль «За взятие Кенигсберга»;
медаль Жукова;
знак «Фронтовик»
и десять юбилейных медалей.

А также награды за труд:

Орден «Знак Почета»;
медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»;
медаль «Ветеран труда»;
значок «Отличник народного просвещения РСФСР»;
значок «Отличник просвещения СССР».

Решением собрания представителей г. Электрогорска Павлово-Посадского района Московской области от 23 мая 1996 года за №69/21 мне присвоено звание «Почетный гражданин города Электрогорска» с вручением ленты и знака «Почетный гражданин города Электрогорска».

Случаи из военной службы

Сначала я был направлен в 10-й запасный батальон курсантом, учиться на радиотелеграфиста.

Затем меня отправили в радиороту, 263-й батальон связи. Моя служба радиотелеграфистом на радиостанции средней мощности, установленной на машине, началась с города Гомеля в Белоруссии. Потом с батальоном связи, радистом, я пошел по многим городам Белоруссии, Польши, Восточной Пруссии.

Работа радиста очень ответственна: надо грамотно принять по радио сигналы радиограммы, чтобы в особом отделе ее расшифровали точно, так как в ней зашифрованы данные, необходимые для действий штаба и воинских частей.

Помню, в январе 1945 года наша радиостанция находилась в городе Инстербурге в Восточной Пруссии, в это время шла подготовка к штурму города Кенигсберга войсками Красной Армии. Я дежурил на радиостанции и получил задание — переслать радиограммы. Они были срочные.

Я начал работать ключом, выстукивая одну группу цифр за другой. После долгой, многочасовой и изнурительной работы, у меня онемела правая рука. Радисты говорят: «Сбил руку». Тогда я решил попробовать работать на ключе левой рукой: ведь радиограммы надо было передать все и срочно!

К счастью, левая рука четко выстукивала каждую цифру шифровки. Все радиограммы были переданы вовремя — задание выполнено!

В мае 1944 года я и мои товарищи были направлены в составе 1472-й отдельной роты связи в г. Гомель, а оттуда в небольшой городок Белоруссии Пропойск.

В это время готовилась Белорусская операция — одна из крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны 1941—1945 годов проведенная 23 июня — 29 августа,

Целью Белорусской операции был разгром группы немецких армий «Центр» и освобождение Белоруссии. Для этой операции привлекались войска 1-го Прибалтийского (генерал армии И. Х. Баграмян), 3-го Белорусского (генерал-полковник И. Д. Чер-

няховский), 2-го Белорусского (генерал армии Г. Ф. Захаров) и 1-го Белорусского (генерал армии К. К. Рокоссовский) фронтов.

Наша радиостанция находилась на большой автомашине «студебеккер», установленной на окраине города Пропойск недалеко от артиллерийской батареи, которая охраняла дорогу, т. к. по ней шла техника (танки, пушки, автомашины) на передовые позиции.

А мы, радиотелеграфисты, дежурили на радиостанции и передавали радиограммы, которые шли в штаб и другие воинские части, а также принимали радиограммы и передавали в особую часть для расшифровки их содержания.

Работа наша напряженная и ответственная, так как нельзя было допустить в принимаемых и передаваемых радиотелеграммах ни одной ошибки.

В ходе освобождения территории Белоруссии наша группа радистов прошла чрез города Бобруйск, Барановичи, так как войска 2-го Белорусского фронта 27 июня завершили окружение 5 немецких дивизий в районе Бобруйска, которые были ликвидированы 29 июня.

С августа 1944 года в составе 263 отдельного батальона связи мы прошли через города Белоруссии, Польши и вступили на территорию Восточной Пруссии.

Война шла к концу, наш батальон стоял в городе восточной Пруссии — Алленштайне. Я хорошо помню, как, вернувшись с ночного дежурства на рации, уставший, лег отдыхать. Вдруг слышу крики моих товарищей: «Артемов! Хватит спать. Победа!» Мы выбежали во двор нашей воинской части и увидели, как все поздравляют друг друга с победой Красной Армии над фашистской Германией.

Это было утром 9-го мая 1945 года. У входа на территорию нашей части стояла здоровая машина. Шофер крикнул: «Ребята! Становитесь на подножку, я вас сфотографирую». Мы с Сергеем Чибисовым (моим одноклассником) встали на подножку машины, один из солдат сел на крышу кабины, а четыре девушки-радистки встали около кабины.

Фотография маленькая, но важно, что на ней фотограф написал: «В День Победы. Алленштайн 09.05.45 г.». Эту фотографию я до сих пор берегу как память о Великом Дне Победы.

Май 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Щепин Дмитрий Александрович**, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Электрогорска.

Багдасарян Айказ Багратович

ВЗЯЛИ В ПЛЕН ОФИЦЕРА

Я родился 27 декабря 1924 года в солнечной Армении в селе Зовабер Севанского района у подножия горы, окутанной высокими каменными скалами. Родился в большой многодетной семье. В семье был старшим. Кроме меня, старшего ребенка, в семье было пять сестер, и незадолго до Великой Отечественной войны родились еще два брата. Мы жили небогато, но весело.

Я очень рано познал тяготы крестьянского труда, когда вместе с сельчанами шаг за шагом «отвоевывал» у гор место под солнцем, разравнивая каменистые террасы, чтобы заполнить их землей и посадить свой цветущий сад. Вот и фамилия моя Багдасарян, что в переводе с армянского — сад в горах, или цветущий сад. Моего дедушку звали Сарибек, что значит «горный князь». И хоть был он пастухом в горах, это не мешало ему ощущать себя князем. Все великолепие гор: отвесных скал и крутых склонов, чудесных горных пастбищ с цветущими лужайками принадлежало ему. Сарибек, мой дедушка, прожил долгую жизнь и умер в 90 лет. Много повидал он на своем веку и говорил, что советская власть самая лучшая.

В 1932 году в селе открылась первая школа и я поступил в первый класс. Мне исполнилось 8 лет. В село стали приезжать

непохожие на наших односельчан люди — это были молодые учителя. Самой заветной моей мечтой тогда было стать учителем.

Но Великая Отечественная война ворвалась в наше горное, маленькое село. Для меня, пятнадцатилетнего мальчика, 1941 год стал самым страшным и трагическим.

В первые же дни войны, ушел на фронт отец. В августе, один за другим умирают двое братьев. Одному было 2.5 годика, а второму — всего 4 месяца.

Первого сентября 1941 года не стало моей любимой матери, ей было всего 38 лет. Заботу о нас взял на себя семидесятипятилетний дедушка Сарибек.

В 1942 году окончил 10 классов и в августе добровольно вступил в ряды Красной Армии. Меня направили в Баку, где в то время располагался 37-й запасной зенитно-артиллерийский полк. Здесь готовили сержантов. А зенитчики должны были охранять бакинское небо от вражеских самолетов. Легко сказать: должны были. Кулаки сжимались от гнева и обиды, когда немецкие стервятники каждый день, словно по расписанию, прилетали бомбить столицу Азербайджана, а наши зенитные установки не могли причинить им никакого вреда. Немцы летали на такой высоте, которая была просто недоступна этим устаревшим орудиям. В этом замечательном учебном полку я прослужил до 31 декабря 1942 года. Полк входил в состав Бакинской армии ПВО.

В ночь с 31 декабря 1942 года на 1 января 1943 года меня и моих сослуживцев направили в Тбилиси. Попали мы в 638-й зенитно-артиллерийский полк, который успел отличиться при обороне Одессы. Это был славный полк с отличными боевыми традициями. Забегу вперед и скажу, что я дослужил в нем до конца войны. Здесь было совсем по-другому, чем в Баку. Новые, более современные зенитные установки наносили ощутимый урон фашистской авиации. Наш полк сбил 96 самолетов (4 не хватило до сотни и до звания гвардейского), а также уничтожил 54 танка. Да, именно танков. Когда противник совсем близко, зенитки разворачивают и прямой наводкой стреляют по танкам, подавляя тем самым огневые точки. Этой тактике артиллеристы научились в тяжелом 1941 году.

Вообще, я был командиром дальномерного отделения. Моей задачей было поймать с помощью дальномера первый вражеский самолет и определить дальность и высоту его полета, что позволяло зенитчикам вести прицельный огонь. Самолеты обнаруживали за 25—30 километров, а у меня проявился настоящий талант дальномерщика.

С Закавказского фронта наш полк перевели на Первый Белорусский. Вот тут-то мы и узнали, что такое настоящая война. Особенно запомнилось мне, как брали город Оршу.

Бой за Оршу был очень тяжелым. Фашисты бежали. А в городе действовали подпольщики. И вот белорусским подросткам удалось захватить в плен двух немецких офицеров. Этих отважных мальчишек я не забуду никогда.

Форсирование Одера, его я не раз вспоминал. Чудеса героизма проявляли советские воины. Вспоминаются лица саперов, которые под ураганным огнем — это и обстрел, и бомбежка, четко и быстро сооружали понтонные мосты. А по ним шли танки, артиллерия и зенитные установки.

Конечно же, гибли и фронтовые друзья. Мой полк продвигался вперед, все ближе и ближе к Берлину. А немецкие самолеты уже и не появлялись в небе-то. Появлялись только наши. В пригороде германской столицы застала нас весть о победе. Мне в то время было 20 лет. И 3 года войны за спиной.

Вот Франция, страна так называемых мушкетеров и рыцарей, пала под ударом фашистов за 42 дня. А мы, Советский Союз выстояли и победили. Это действительно был союз.

Мне, бывшему кадровому офицеру, есть с чем сравнить, как высок был моральный дух наших героев, настоящих воинов! Ни о каких национальных противоречиях не было и речи. Было, так сказать, одно фронтовое братство. Вместе сражались за Родину, вместе оплакивали погибших друзей.

Война закончилась, а меня ждала служба на Дальнем Востоке. Еще 30 лет я служил в армии и вышел в запас в звании подполковника. А жена моя была родом из наших мест. А с 1975 года я живу в г. Лыткарино. Трудился на заводе оптического стекла. Сейчас возглавляю Совет ветеранов. Часто выступал и выступаю перед молодежью. Что я могу сказать о себе? То, что имею

репутацию честного, порядочного, высоконравственного человека — это так отзываются обо мне.

А вот что касается медалей и наград, то это две медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», орден Отечественной войны II степени, медаль «За безупречную службу» I степени, медаль «За безупречную службу» II степени, медаль «За безупречную службу» III степени и много других юбилейных медалей. В общей сложности — более 20 медалей.

Май 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Лобанов Иван Игоревич**, студент 4-го курса Современной гуманитарной академии, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Лыткарино.

Базанов Владимир Анатольевич

АРТИЛЛЕРИСТЫ-ПОЖАРНИКИ

Родился 15 ноября 1924 года в д. Красково, Вологодской обл. Русский, православный, комсомолец с 15 лет, член КПСС, в партии с 19 лет.

До войны закончил школу — 10 классов — отличник. Через неделю после окончания ушел в армию.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в 12 часов в селе Кубинское Вологодской области. Работал в колхозе.

На войну ушел добровольцем в 17 лет. Был направлен в июне 1941 года в Первую учебную минометную бригаду — Горьковская область.

Приехал я в Горьковскую область, в первую учебную минометную бригаду. Стали готовить из нас командиров. Там был один лейтенант по фамилии Маркузон, который часто поручал проводить занятия мне.

Пошел специально в гвардейские минометные части, был командиром «катюши» на фронте. Закончил механико-математический факультет МГУ. После демобилизации с марта до 1 сентября 1947 года работал счетоводом в детском саду.

Когда узнал о войне?.. Жил в селе Кубинское Вологодской области, передача в 12 часов — Молотов сообщил о том, что Германия объявила нам войну. Это было 22 июня 1941 года. Работал в это время в колхозе.

Награжден:

орденом Отечественной войны II ст. №3026847;
орденом Красной Звезды №1214314;
орденом Октябрьской Революция;
орденом Трудового Красного Знамени — за полет Гагарина.

Погибших в войне близких родственников не было.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет.

Публикации обо мне были:

«Ступени роста» — директор НПО «Энергомаш» Богдановский, 2004 год;

«История завода «Энергомаш» — Каторгин;

«Химкинские новости» (газета), 27 ноября 2004 г. — статья Романовой;

«Вперед» (газета) — «Гагаринская улыбка».

Артиллеристы

Пошел в армию добровольцем в 17 лет. Написал заявление, нас было 15 человек, а вернулось всего трое. Приехали сначала в Вологду, там переночевали, а на следующий день нас отправили в Энергетический институт, все будущие солдаты проходили там мандатную комиссию. Всех распределили по аудиториям. Каждый ждал своего вызова. Я приехал туда с товарищем, с которым учился вместе в школе.

На комиссии подполковник спросил меня:

— Воевать будем?

Я ответил:

— Будем.

— Лупцевать немцев будешь?

— Да, буду.

А моего товарища спросил:

— Домой хочешь?

Он ответил:

— Да, хочу.

Его отправили в другую часть. С тех пор я видел его всего один раз, когда шел в столовую. Поговорили 2 минуты и больше не виделись. Как потом стало мне известно, товарищ остался под Москвой изучать трофейные огнеметы. После этого его отправили в Сталинград, больше о нем никто ничего не слышал. По всей видимости, он сгорел, когда изучал огнеметы, а может быть, был убит во время переправы все тех же огнеметов через Волгу.

Когда я окончил школу, было издано постановление из министерства: «В связи с большой потерей наших специалистов авиационной промышленности все граждане мужского пола, призванные и поступившие в Авиационные институты в Москве, освобождаются от службы в армии». Я подал заявление на поступление в авиационный институт еще до того, как написал заявление на добровольную службу в армии, ушел в армию и забыл о том, что поступал в институт. Приехал в часть, которая находилась в городе Кстов Горьковской области. Через некоторое время отец прислал документы, которые гласили о том, что я зачислен студентом в Московский Авиационный Институт. Я об этом никому не сказал, документы спрятал и постарался забыть.

Наш взвод вызвал командир батареи, построил, идет и говорит:

— Вот ты, ты и ты, два шага вперед, остальные направо на занятия.

Я был в числе тех троих, которых командир батареи решил оставить и не отправлять на занятия. Как оказалось позже, нас оставили для того, чтобы изучать новую технику. Это была «катюша» М-30, она была совершенно новой машиной, до этого у нас была «катюша» М-13. Мы работали с этой машиной до марта 1943 года и жили под городом Кстовом в деревне Большая Ельня.

Меня отправили в Москву, в третью тяжелую гвардейскую минометную бригаду, это были уже не учения, это была настоящая военная бригада. Первое время мы жили в Москве, около Даниловского рынка, а потом отправились своим ходом на Брянский фронт, в город Белев. Там мы некоторое время ждали, когда начнется наша боевая служба. На одно из комсо-

мольских собраний, которые мы проводили, пришел командир взвода и пригласил меня поехать на машине и выбрать огневую позицию. После выбора позиции, ночью, мы поехали туда и стали подготавливаться для залпа. Залп давали с земли.

Я участвовал в освобождении города Болхов. До Болхова мы тогда еще не дошли, а по радио уже сообщают:

— Русские войска взяли город Болхов.

Это было неприятно, но тем не менее мы дали залп по городу, и не больше, чем через полдня, русские освободили его.

Наша работа заключалась в том, что нас вызывали туда, где намечался какой-нибудь прорыв. Мы подъезжали, залп дадим — и на новую огневую позицию. Когда мы все объездили на Брянском фронте, приехали снова в Москву.

В августе 1944 года я приехал в Прибалтику. Служил на Первом и на Втором Прибалтийских фронтах: то в Эстонии, то в Латвии, то в Литве.

В ноябре 1943 года я опять приехал в Москву, жил в землянках. В один прекрасный день меня вызвали к командиру полка. Командир направил меня в офицерское училище, так как я был еще младшим сержантом. Привезли меня в Люберцы Московской области, а оттуда поехали эшелоном в город Миасс, в Московское авиационное училище им. Красина. Поступающих в училище было примерно 20 человек, кто не прошел комиссию, тот проходил ее заново. Там я встретил двух знакомых ребят. Они порекомендовали уехать, если есть возможность, так как учиться 4 года, а война близится к концу. Я, недолго раздумывая, уехал обратно в часть. Когда я приехал, оказалось, что моя часть уже на фронте. Выбора не было и я пошел в 319-й минометный полк на «катюши». Отслужил 2—3 дня, может быть чуть больше, как вдруг случилось такое...

Стою на посту, слышать все слышу, а ничего не вижу. Меня отвезли в медсанбат, врач сказал, что это «куриная слепота», через некоторое время меня выписали. Когда я вышел из больницы, почувствовал острую боль в боку, сделали операцию. Ночью стали бомбить медсанбат, меня отправили в Новгородскую область, там я пролежал 1,5 месяца, потом врач собрал всех выздоравливающих и отправил обратно на фронт.

У реки Великой идет машина с боеприпасами от «катюши», видим — наши, а там сидел старший лейтенант, увидел, что мы идем, и говорит:

— У нас вчера были большие потери, давайте к нам в часть.

А мы:

— Как же? Мы же идем вот туда. Ведь там идет наша команда целая.

А мы отстали немножко, специально. Мало ли, машину увидели и специально отстали, чтобы попасть к себе обратно в свою часть. Он нас и забрал. Догнали машину 321-го полка, а наша — 319-го полка. Лейтенанты поговорили и решили меня оставить в 321-м полку. Доложили командиру дивизиона, меня зачислили в штаты. В этом полку и остался, и в нем и воевал. Был в Прибалтике в этом полку в 1944 году.

3 октября 1944 года я участвовал в освобождении Риги, будучи в том же 319-м полку. Мы въехали в Ригу, остановились в парке и попали под обстрел. Кто куда, я в бомбоубежище убежал. После этого инцидента мы уехали на стадион в Риге. На стадионе выкопали капониры.

Рядом со стадионом располагался старый спиртзавод. Спиртзавод горел, а наши солдаты совершенно спокойно подходили к горящей цистерне, стреляли в нее, и через дырочки тек спирт. Под струи они подставляли котелки. Были случаи, когда цистерна взрывалась, и все вокруг загоралось, в том числе и солдаты. А кто это видел, все равно шел и делал то же самое. А потом я пришел к себе, ищу кружку, а кружки нет, я спросил: «А где кружка?» — мне указали на одного из солдат, который тоже пил тот спирт. Через некоторое время он умер. Отравилось более 20 человек. Все дело, естественно, было в спирте.

В 1945 году я приехал из Риги опять в Москву, менять материальную часть. Всего я приезжал 3 раза в Москву, менять материальную часть, а в этот раз ко мне приехал отец, ему дали пропуск в Москву. Очень жаль, но мы в тот день с ним так и не встретились. На Курском вокзале стоял забор, нас сажали в поезда и везли на фронт, а вдалеке за забором родные стоят. Нас погрузили в поезд, мы ехали в Берлин; в это время немцы с мадьярами (венграми) объединились и начали притеснять наших

и грозиться их утопить в Дунае. Туда прибыло 3 эшелона. Первый и второй эшелоны дошли почти до Варшавы, а мы были третьим эшелоном. В Венгрии в марте 1945 года развернулись все наши основные действия.

Когда мы выехали на огневую, заняли позицию, расставили все орудия, я тогда уже был командиром орудия, пришел командир батареи и расставил орудия по-своему, а также скомандовал:

— Как заработает «ишак» — без команды сразу давай залп!

«Ишаком» мы называли немецкий шестиствольный миномет, во время работы «ишак» издавал звук, очень похожий на возгласы осла.

Немцы поступали умно, привозили «ишака», давали залп и быстро увозили, чтобы не успели подбить. Все бы хорошо, но я отвлекся, слышу, кругом звуки какие-то, как потом оказалось это были зайцы, я на них засмотрелся и забыл о том, что залп надо давать.

Прибежал командир батареи, был очень недоволен и предупредил, что если это повторится, то он меня отправит в штрафную роту. И напомнил, звук услышишь — залп. Через 40 минут я услышал звук «ишака», недолго думая — залп. После пришел командир батареи, похвалил и сказал, что все прошло нормально. На следующий день началось наступление, там было очень жарко. Немцы пошли в контратаку, но мое орудие и несколько других спасли ситуацию, дали залп, и дело пошло по-другому, после командир полка объявил нам благодарность, молодцы, сказал.

Через несколько недель погиб целый расчет. Расчет — 7 человек. В моем расчете было тоже 7 человек: чуваш, еврей, казах, узбек и трое русских. Узбек и казах всегда держались вместе. Они подходили ко мне и приносили колбасы, один раз принесли костюма два. А себе принесут какую-нибудь цветную материю.

Подошли к реке, а переправа была разбита. Решили пока вздремнуть, а у меня был лист подошвенной кожи, на которой я обычно спал. Подошел ко мне чуваш и говорит: «Сержант, встафай! Я тебе бору принес». Бор — виноградное вино. Принес он больше половины ведра, мы расположились сзади машины, около колес. Налили по кружке, выпили. В это время над нами

пролетали 2 немецких летчика, очень низко, даже летчика было видно. Оба они сбросили по бомбе. После первой, у меня во рту земля, везде земля. Упала бомба туда, где я спал. В трех метрах от места, где мы расположились. Между первой и второй бомбой я успел отбежать метров на 15, встал под дерево и спрятал голову вниз. Эти бомбы повредили 2 машины, одна из них после взрыва лежала на боку. Рядом с ней сидели молодые парни и обедали, смотрю, а они все мертвы. Одна «катюша» в это время горела. Один прибежал и начал тушить, за это ему дали орден Красной Звезды.

В апреле 1945 года мы приехали в Австрию. Работали мы, как пожарники, где проблемы, там и нас зовут. Артиллерия, одним словом. Бывало такое, что когда стреляли из машины, снаряд вылетал и падал прямо перед «катюшей», поэтому у «катюши» были щитки, как спереди, так и с боков.

В Австрии мы играли существенную роль, но награждать нас не стали. Генерал говорил:

— Как мне с вами быть? Вы сегодня у меня, а через полтора часа вас не будет, я лучше отдам награды своим ребятам.

О победе я узнал, когда мы ехали, нас бросили под Прагу после Австрии. Наши связисты услышали, услышали о победе. На следующее утро нас подняли ни свет ни заря, как оказалось, командир полка решил нас проверить, построить, митинг провести, все идут, качаются из стороны в сторону. Вместо всего полка была только треть или четверть.

Накануне вечером все солдаты стали вскрывать местные погреба, и было принято решение вывести полк из населенного пункта. Увезли нас в другое место.

В итоге до Праги мы не доехали, там и без нас справились. Мы были в Чехословакии в городе Брно.

В июне 1945 мы вернулись в Венгрию, полк стоял до осени 1945 года. В конце 1945 года нас направили на Западную Украину, наш полк расформировали и создали 59 дивизион. До 1 марта 1947 года я был на Западной Украине. Никаких мероприятий не было, закончил я в звании сержанта, командира «катюши». Демобилизация проходила 1 марта 1947 года, на каждого из нас собрали данные и вывесили списки, кто, когда и где должен быть.

Сначала нас переправили в город Дорогобыч. А оттуда мы поехали домой в Вологодскую область. Ехал домой 3-4 дня. Когда я приехал домой, через 1,5 недели устроился счетоводом в детский сад, а в сентябре 1947 года пошел учиться в МГУ.

Декабрь 2004 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Вигилянский Николай Николаевич**, студент 4-го курса Московского гуманитарно-экономического института, член местного отделения Общероссийской общественной «Молодежное Единство» Химкинского района.

Галкин
Дмитрий
Дмитриевич

ОТ БЕРЕГОВ БАЛТИКИ ДО АМУРА

Родился в 1920 году в селе Малое Андосово Горьковской области. Великую Отечественную войну встретил курсантом Киевского военного училища. Прошел боевой путь от младшего политрука до майора. Воевал на нескольких фронтах, был комиссаром батареи в стрелковой дивизии Западного фронта, потом — Северо-Кавказский, Украинский, Прибалтийский, Ленинградский и Дальневосточный фронты. Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Начало войны, 22 июня. Ночь. Спят курсанты артиллерийской школы Киевского Особого Военного округа. В 4 часа утра началась бомбежка, хаос. Сильно заревела тревога... Нас выстроили на плацу. Объявили о начале войны с фашистской Германией. Меня назначили комиссаром 4-й батареи 125-го гаубичного артиллерийского полка, 81-й мотомеханизированной дивизии... Так началась война для меня на Западном фронте.

Лавина немецких танков при поддержке авиации продвигалась на восток нашей страны. Противник систематически нару-

шал связь, и командование советских фронтов, армий и даже корпусов часто теряло управление войсками. Главный военный совет издал приказ предпринять решительные контрудары и разгромить вклинившиеся группировки противника. Однако, поспешно подготовленные в течение одной ночи контрудары не достигли цели. В начале июля очень обстановка осложнилась. Мы вели бои в районе Ровно, Дубно, Кременец. Удар нам нанесли немецкие и румынские войска. За шесть дней враг продвинулся на 60 километров.

Они мчались на мотоциклах с огромной скоростью, прекрасно ориентируясь на местности, имели автоматы. Наглые и уверенные в победе. Местность в этом районе была довольно-таки открытая: встречались сады, перелески и большие необозримые поля. Лесов немцы боялись и зачастую обходили стороной, они предпочитали открытую местность и дороги.

Сильные бомбежки наводили страх и панику, так как враг налетал неожиданно и сориентироваться было очень сложно. Многих бойцов оглушило, многие получили сильнейшие контузии, потеряли ориентацию и слух. Контузило и меня. Но с поля боя никто не уходил. Страшная головная боль сотрясала весь организм. Была только одна мысль — быть среди своих, не отставать, не потеряться в этом хаосе войны. Сильнейшая контузия отошла, и я остался в строю. Война продолжалась. Это было начало войны.

Ожесточенные бои шли на территории Западной Украины. Мы терпели поражение за поражением. И вот однажды, к концу июля наши бойцы подошли к небольшому селению. К нам навстречу выбежали женщины с детьми со слезами на глазах. Они сказали, что половина селения занята немцами, они в страхе плакали, просили нас взять их с собой. Но мы не имели права этого делать — брать с собой в войска местное население.

Фашисты нас заметили. Завязался бой. Мы отступали, негде было спрятаться. Мы несли большие потери. Оказалось, попали в окружение. Впереди небольшой лес — это укрытие!

Многие бойцы не выдерживали и днем пробовали небольшими перебежками через поле или открытую местность уходить от врага. Но пуля настигала их. Скошенные вражескими снаря-

дами, они падали на землю. Поэтому мы с командиром приняли решение идти только ночью, а днем прятаться в лесу.

Знамя полка было с нами. Без знамени расформируют полк — это знал каждый боец. Я, комиссар, больше всех несу ответственность за знамя. Сдернув его с древка, снял гимнастерку, обмотался знаменем и надел свою одежду снова. «Так будет надежней и лучше!» — подумал я. Мы с боями выходили из окружения, теряя своих товарищей, близких и друзей. Или ночами, иногда ползли на животе, продвигаясь к линии фронта. Очень хотелось есть. Вспомнив, что сапоги из свиной кожи, мы ножами отрезали голенища и жевали их — это утоляло голод.

Мы почти вышли из окружения. В одну из ночей я вдруг почувствовал нечеловеческую усталость, сапоги стали тяжелыми, что-то хлюпало под ногами, свинцовая боль пронзила голову, тело и ноги. Маленькими каплями кровь по всему телу стекала в сапог, но я этого не знал. Мысли были заняты только одним: «Вывести бойцов из окружения и спасти знамя полка...» «Когда мы пройдем это топкое болото?» — сказал я вслух. Идущий рядом боец ответил, что мы идем по сухому выжженному полю... Дальнейших слов не слышал, рухнул на землю и потерял сознание. Бойцы осторожно положили меня на плащ-накидку, перевязали раны и понесли к своим. Мы вышли на линию фронта, это было 1 августа 1941 года.

Очнулся я уже в госпитале в г. Казани. Раны заживали с трудом, но все же молодой организм брал свое. В госпитале пролежал почти два месяца. И снова дорога на запад, на фронт.

От Казани до Горького почти 300 километров. Вокруг широколиственные леса, осень тронула своею желтизной березы и дубравы, красные и бурые стояли клены. Здесь была тишина, как будто и войны не было. Возвышенные места и обширные поля пересекали леса. Люди трудились на полях. Полным ходом шла уборочная.

Сердце сжималось от боли, очень хотелось домой, увидеть свое село, свою родную мать... Вот и Горький, остановка. Пересаживаюсь на телегу с лошадьми и еду, еду домой. Приехал в село, а мать в поле. Ее позвали... И мы бежим друг другу навстречу. Глаза полные слез, но нет особо минутки поговорить. Смотрим друг на друга и наглядеться не можем...

И снова застучали по рельсам колеса, падали капли дождя или жаркие лучи солнца играли на крышах вагонов, а поезд мчался все дальше и дальше на запад, на фронт. Чувство ненависти к фашистам становилось все больше и больше, ведь они отняли у нас мирную жизнь, свободу и счастье. Впереди еще были годы войны.

В феврале 1944 года я был уже в должности помощника начальника политотдела 21-й мотоштурмовой бригады. На маленькой станции Истра Московской области в пионерских лагерях формировалась наша родная, героическая мотоштурмовая инженерно-саперная бригада, которой командовал полковник Мухин Павел Федорович. На территории нашей родины шла война: взрывы, слезы, кровь, смерть — это ужасы войны! А здесь, на берегу реки Истры, в тишине и снежных заносах, расположилась наша бригада, бойцы вырыли себе землянки-блиндажи, навели в них уют. Здесь проходили боевые занятия штурмовиков, радистов, саперов, огнеметчиков. Готовили и отдельные роты — легких и тяжелых переправочных парков. Эти роты постоянно возили с собой на автомашинах сборные паромные лодки, из которых в нужной обстановке наводилась через реку переправа, по которой могли пройти войска, автомашины, боевая техника. Готовилась и отдельная разведрота и рота управления.

Живописные места в Подмосковье, чистая, но мелководная река Истра. Сама станция Истра была сожжена и взорвана немцами. Собор на станции был полностью разрушен. Очень больно было смотреть на все это. У каждого бойца, глядя на все это, рождалось чувство ненависти к фашистам.

Личный состав всех батальонов не сидел на месте во время учения. Почти все бойцы уже воевали с невидимым врагом: извлекали ежедневно тысячи мин, бомб и снарядов по всей бывшей линии обороны и боя под Москвой. Каждый день в штаб радисту Ивану Тихоновичу Ишенко приходили сводки по радио, в которых сообщалось о проделанной работе. Ночью и днем шли учения, бойцы готовились к жарким боям уже с живым врагом.

В один из летних дней вся наша бригада в полной боевой готовности была выстроена на плацу. Под звуки марша полков-

ник Мухин Павел Федорович доложил генералу Копылову, прибывшему из Москвы о том, что соединение 21-й мотоштурмовой инженерно-саперной бригады по случаю вручения ей Боевого Красного Знамени построена. Все замерли, когда к строю поднесли боевое знамя, которое генерал вручил командиру. Полковник Мухин встал на колени, поцеловал знамя и взял его в руки. Держа знамя, Мухин произносил военную присягу на верность Родине. И стройные колонны бойцов бригады повторяли военную присягу за ним. Знамя пронесли по всему строю. Бойцы приняли присягу и были готовы тут же отправиться на фронт.

Я был назначен в 21-ю моторизированную инженерно-саперную Клайпедскую бригаду на должность помощника начальника политотдела по работе среди комсомольцев. К этому времени я уже получил боевое крещения, участвуя на фронтах: Западном, Северо-Кавказском, Северном, Украинском, Прибалтийском. Моя фронтовая биография началась 22 июня 1941 года. Мне было чему учить бойцов, как идти в бой. Агитация, пропаганда, душевные беседы и рассказы о подвигах наших воинов на фронтах с фашистской Германией воодушевляли бойцов и поднимали их на подвиги. А картины войны дополняли ненависть к врагам и боль за свою Родину.

Мы ехали в сторону Ленинграда. Железнодорожные вокзалы везде были разбиты. А сама ветка железной дороги была собрана из отдельных кусков рельсов — от двух и более метров. Поезд двигался медленно. Через месяц на фронт прибыла вся наша бригада. Встреча была на станции Резекме и начали мы воевать в составе Второй гвардейской армии Ленинградского фронта, а когда Вторая армия ушла на юг, нас передали Четвертой армии.

Наша бригада освобождала Эстонию, Латвию (г. Лаугнпилс), Литву (г. Клайпеда). Много сделали штурмовики, огнеметчики и саперы бригады, по переправе стрелковых подразделений через топкие и болотистые места, почти всегда действуя впереди стрелковых подразделений или вместе с ними.

Там, где нужно было прорвать оборону немецких войск, на танки сажали десант из наших штурмовиков, одетых в стальные шлемы и каски. Там, где нужно было проделать в минных полях проходы для пехоты и танков, днем и ночью работали с миноис-

кателем и щупами в руках наши саперы. Где предполагалось наступление немцев, наши ребята за одну ночь зарывали в землю тысячи мин. А где ожидалась переправа через реку, там уже готовы навести понтонные мосты наши понтонеры. Ну а если где и задержится больно смелая гитлеровская часть, в бетонных дотах, и там их доставали сокрушительные взрывы наших саперов. Не смогли найти себе немцы убежище и в самых уютных и тихих уголках. Их обязательно достанут там огнем своих огнеметов ребята из 45-го батальона.

Не раз в тыл врагов за «языком» и ценными сведениями ходили разведчики капитана Прохорова. Многие города и населенные пункты в Эстонии, Латвии и Литве пришлось брать и освобождать воинам нашей бригады. Под градом снарядов и осколков наши бойцы строили переправу на реке Данге для литовских стрелков, чтобы они могли быстро переправиться через нее. Отвагу и мужество наших бойцов нельзя измерить!

28 января 1945 года, мы были уже в пригородах г. Клайпеды. К полудню город был освобожден от немцев. Город стоял в дыму и в пыли. То здесь, то там рвались оставленные немцами мины замедленного действия. На улицах были завалы, разбитая техника, на которой дымясь догорала резина. В центре города слышались редкие ружейно-автоматические выстрелы. А на Куршской косе были слышны взрывы мин и снарядов.

Наша штурмовая бригада особого назначения участвовала в разгроме немецко-фашистских войск Курляндской группировки в Прибалтике, довольно сильно укрепленной в инженерном отношении, необычайно многочисленному минированию переднего края обороны, улиц и зданий, жилых домов, различных объектов, складов. Необычайно много мин устанавливали на дорогах и подступах к городу.

Бойцы нашей бригады с честью выполнили особое задание по разминированию всей линии фронта и города Клапейда. Они проявили искусство маневра инженерными средствами, большую стойкость, выносливость, выдержку и осторожность, сообразительность и находчивость при столь сложной работе. «Минер ошибается только раз!» — говорили в шутку бойцы.

На дорогах часто можно было увидеть аккуратно брошенные часы, портсигары, красивые кисеты и кошельки — это мины-ловушки, на которых часто подрывались наши бойцы, желая

подобрать все это. Поэтому был дан приказ: «Ничего не трогать без саперов, сначала надо все обезвредить!» — но не ценой человеческой жизни, которая дана только раз на этом свете.

На пути встречались и колодцы с отравленной водой, и мясо — туши животных, тоже отравленные. И снова дан приказ бригады: воду и пищу получать только из своей походной кухни, которая следовала на лошадях за нами.

И снова бой. Огнеметчики, саперы-штурмовики, уничтожая сопротивления и препятствия, под огнем противника сняли десятки километров проволочных заграждений, сняли и обезвредили десятки тысяч мин, огнеметами и взрывами уничтожили и взорвали десятки сильно укрепленных долговременных огневых точек, положили десятки километров деревянных настилов дорог через топкие непроходимые места, построили много переправ и установили много паромов для переправы наших войск. Они не только обеспечивали наступление наших войск, но и вели наступление, нередко вступая в бой с фашистами.

После освобождения Литвы у меня осталось очень хорошее воспоминание о встрече с литовским населением. Они тепло и сердечно встречали наших бойцов, всячески старались помочь нам, чем могли, проявляли заботу. Выражаю им искреннюю признательность и благодарность. В душе и наяву была весна, кругом цвели сады, и жизнь становилась более радостной. В первые же часы, когда бригада зашла в город, саперы с наушниками и миноискателями, рискуя жизнью, ходили из дома в дом и извлекали мины.

После взятия г. Клайпеда советскими войсками и разминирования его, наша бригада была направлена в район Либавы и Тукумса на разгром немецкой Курляндской группировки Шернера.

8 мая в 2 часа дня радист нашей бригады Ишенко Иван Тихонович из штаба армии получил радиограмму: «Полковнику Мухину прекратить военные действия... Поздравляю Вас и весь личный состав бригады с ДНЕМ ПОБЕДЫ». Радист принимал радиограмму, а везде по фронту гремели взрывы бомб и снарядов, в воздухе раз за разом пролетали самолеты. Не верилось в правильность полученной радиограммы. Радист дает сигнал «РПТ» — не понял, повторите! Тогда радисту отвечают прямым текстом: «Война закончена!»

Ишенко тут же включает свой передатчик радиостанции и дает циркулярную позывную: «Всем, всем, всем!»... и тут же сообщает всем нашим батальонам и ротам, что война закончена. Ура! Мы отпраздновали победу. Но работы предстояло еще много: саперы продолжали разминировать линию фронта. Весна последнего военного года застала нас, бойцов 21-й моторизованной инженерно-саперной Клайпедской бригады, под Тукумсом. Наконец долгожданный мир! Радость была великая. Бригада получила почетное наименование «Клайпедская», всему личному составу по приказу Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил была объявлена благодарность, почти все воины бригады были награждены орденами и медалями, особой медалью «За победу над Германией» (Указ от 9 мая 1945 года). Это была цветущая весна — весна победы над фашистской Германией.

Окончилась война, бригада проводила домой своих старших по возрасту воинов, но здесь пришел приказ Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил о переброске нас на Дальневосточный фронт.

Предстояли нелегкие пути-дороги от берегов Балтики до седого Амура, жаркие бои в Манчжурии и участие в ликвидации последнего очага Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на Сахалине.

Вначале эшелоны с бойцами нашей бригады шли по земле, опаленной войной. Опустошенная, со следами жестоких сражений, была она в то лето. Жизнь уже возрождалась на ней. Стучали плотницкие топоры, люди ремонтировали дороги, косили сено. Нет-нет да и мелькнет солдатская гимнастерка — чей-то муж или отец наконец пришел с войны.

И едущим в эшелоне на восток солдатам нестерпимо хотелось вернуться к мирной жизни: плотничать, пахать землю, сеять хлеб и сажать сады. Но это пока для нас мечты. Стучали по рельсам колеса, поезд мчался все дальше и дальше на восток через Буй, Киров, Свердловск, Новосибирск, Биробиджан. Станция Бабстово — выгрузка и своим ходом к месту дислокации в селе Новое Ленинского района на берегу седого Амура.

Граница на реке Амур была укреплена нашими войсками и находилась в надежных руках советских солдат, которые всю войну держали ее на крепком замке. Они с радостью встретили

бойцов нашей бригады фронтовиков. Много было расспросов, вопросов, интересных встреч, воины делились боевым опытом. Наши бойцы расположились на берегу Амура, начали копать окопы. Окопы было легко копать в песке, копали в полный профиль, а наутро — дождь и наши окопы сровняло с землей. Так копали мы несколько раз. И снова война. Усталые, опаленные ветрами и порохом сражений с фашистами, обозленные, в вылинявших гимнастерках бойцы 21-й мотоштурмовой бригады с боями продвигались вперед.

Нашу оперативную группу возглавлял майор Фридман. Утром 9 августа мы вошли в первый китайский город Тунцзян на реке Сунгари, сюда же прибыла основная часть нашей бригады. Наши воины успешно справлялись с частями Квантунской армии и быстро освободили от самураев этот город. Китайцы нас встретили очень хорошо. Они держали высоко над головой свой большой палец и кричали: «Русские — шанго... шипко шанго...» Японцы в этом городе почти не оказали сопротивления, если не считать нескольких оставленных смертников, прикованных цепью к пулеметам — они стреляли до смерти.

Наступление и преследование японцев продолжалось в глубь Китая. Мы быстро продвигались вперед, преследуя отступающего противника. 132-й инженерно-саперный батальон, в котором я был единственным представителем бригады, выполнял одну из ответственейших боевых задач. Он преследовал отступающего врага вместе с другими частями и соединениями до основных его оборонительных рубежей. Яростное сопротивление японцы стали оказывать на подступах к городу Фуцзинь. Здесь у них было много долговременных оборонительных сооружений — дотов и дзотов. Каждая сопка — крепость. Завязались жаркие бои. Наши пехота и танки, сделав несколько попыток атаковать самураев, встречали сильный, уничтожающий артиллерийский и пулеметный огонь — успеха мы не имели, мы несли большие потери, и пехота залегла.

Среди огневых точек возвышался двухэтажный дот-гигант с множеством амбразур. Здесь японцы могли выдержать длительную осаду, имея в подземелье много боеприпасов и продовольствия. Здесь, в двухэтажном доте-гиганте, у японцев стояли пушки и пулеметы. Взводу младшего лейтенанта Николаева было приказано взорвать японский дот. Взвод скрытно подобрался

к доту. Бойцы блокировали его и приступили к взрывным работам.

Наши штурмовики вырыли два глубоких колодца в перекрытии, заложили толовые шашки и мины. Взрыв едва содрогнул сооружение. Пришлось заложить удвоенные заряды. Почуяв неладное, японцы стали выходить, завязался ночной рукопашный бой. Вместе с тем наверху раздался оглушительный взрыв. Бетон трехметровой толщины рухнул. Старший сержант Иван Якубин бросил гранату в пробоину ДОТа. Внутри укрепления все стихло.

Ночь под китайским небом слабым светом звезд освещала людей. Только отчетливо были видны вспышки выстрелов да слышался рев озверевших людей, вопли искалеченных и умирающих. Снаружи схватка продолжалась. Младший лейтенант Николаев и рядовой Заруцкий стойко отбивались от наседавших японцев. Им на помощь поспешил и Якубин, стреляя из автомата. Он пробирался к командиру, окруженному врагами... командир падает, раненый в грудь и живот... и уже занесен над ним штык японского офицера. Якубин вступил в схватку с японским офицером. На выручку к офицеру с криками: «Банзай!» бежали японцы. Иван Якубин почуял жгучую боль в груди. Силы его таяли, но он продолжал сражаться и отстреливаться из автомата, пока не пришла помощь товарищей.

Но было уже поздно. Спешившие на выручку бойцы видели, как полыхнуло осветительное пламя взрыва, как захлебнулся вражеский пулемет и с воплями стали выскакивать из ДОТа самураи.

— Якубин погиб! — понеслась весть о гибели комсорга, моего воспитанника, которого любили и уважали бойцы за веселый и настойчивый характер, за стремление быть там, где труднее, за смелость и находчивость в любой обстановке. «Комсорга убили!» — слышалось наверху. «Гады! Самураи! Смерть самураям! Ура-а-а!» — как эхо пронеслось по взводам. Бойцы сметали все на своем пути и очнулись лишь тогда, когда оставшихся в живых самураев загнали в подземелье...

Третий взрыв был настолько сильным, что бетон бесформенными глыбами взлетел в воздух. Спасая командира, Иван Якубин погиб смертью храбрых.

Японское укрепление, в составе которого был гарнизон около 50 самураев, был полностью уничтожен и наша пехота с танками и 132-й батальон пошли в наступление и заняли г. Фуцзинь. За мужество, проявленное при взятии китайского города Фуцзинь, капитану Васильеву и сержанту Якубину присвоено звание Героя Советского Союза. Капитан Васильев остался жив.

Иван Максимович Якубин похоронен в провинции Фуцзинь на берегу реки Сунгари, а в центре города Фуцзинь саперы 132-й инженерно-саперного батальона соорудили ему бронзовый памятник. Вечная слава героям!

Гнали наши штурмовики японцев по китайской земле до города Сан-Син. 3 сентября — день Победы — отмечали в городе Цзямусы. Пришел мир и на Дальний Восток. В том же 1945 году нам предстояло возвратиться на свою советскую землю.

В Китае есть поговорка: «Пьешь воду — не забывай, кто вырыл колодец». Так пусть же китайский народ не забывает ратных подвигов героев Советской страны, проливших кровь за их освобождение.

За мужество и отвагу, за геройские подвиги бойцы нашей бригады были награждены медалями: «За победу над Японией» (Указ от 30 сентября 1945 года).

3 сентября 1945 года была золотая осень — осень победы над империалистической Японией. Наступил долгожданный мир для народов всего мира!

Май 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь внук, **Русское Виктор Васильевич**.

Горбачев Михаил Тарасович

БОЕВОЙ ПУТЬ НА ЗАПАД И ВОСТОК

Родился 1925 года в Орловской области, Орловского района, село Кузнецы, в семье крестьянина. Русский, православный. Был членом КПСС. В настоящее время член городского Совета ветеранов ВОВ, член президиума.

До Великой Отечественной войны успел окончить девять классов 32 средней Орловской школы.

В Орел родители направили продолжать обучение, так как в деревне за 5 километров была школа-семилетка, которую я и закончил.

Перед оккупацией начал ходить в 10-й класс Лавровской средней школы, находившейся за 7 километров.

Война и оккупация прервали обучение на долгие годы. Только в 1946 году я поступил и закончил в 1950 году Орловский машиностроительный техникум и был направлен на прославленный, образованный в 1882 году, Климовский машиностроительный завод.

Разумеется, что узнал я о войне, проживая в родной деревне.

При освобождении Орла и Орловской области, армия освобождающая Орел, призвала в свои ряды действующей армии все мужское население, подлежащее мобилизации.

Был призван я, отец — 1904 года рождения и все мои товарищи 1925 — 1926 годов и старше, которые не были призваны до войны по каким-то причинам.

Мы, молодые призывники, были направлены в Армейский запасной полк, где пробыли три месяца, обучались.

8 ноября 1943 года были брошены в бой на плацдарм за рекой Сож — приток Днепра.

9 ноября, во второй половине дня, за Днепром, я был ранен в правое плечо. Осколок ушел под лопатку и так, первый «подарочек» от Гитлера, сидит до сих пор.

Долгие месяцы госпиталей, т.к. рана была серьезная и болела почти до второго ранения в правую ступню в конце июня 1944 года.

Я находился в составе 212-го гвардейского стрелкового полка в Белоруссии.

По выздоровлении в сентябре 1944 года был направлен в запасной полк и уже там, в учебную минометную роту.

Окончив ее в декабре и получив сержантское звание и как командиры минометных 82-мм расчетов был направлен на фронт в 128-й гвардейский стрелковый полк.

В боях пробыл до февраля 1945 года. В начале февраля за рекой Вислой был тяжело ранен в левую ногу и был вывезен в Польшу, потом в Марьину Рощу в Москву.

Из Москвы санитарным поездом был отправлен в Улан-Удэ, т. е. в Сибирь.

Боевой путь проходил: Белоруссия — операция «Багратион», Польша — под Варшавой, Восточная Пруссия — под Кенигсбергом, Восточная Германия, где меня ранило за Вислой в 3-й раз и с Западным фронтом для меня было покончено.

Все боевые операции на Западе проходили в основном в составе 2-го Белорусского фронта.

Дальнейшие действия Главного Командования СССР для меня, рядового солдата армии, были совершенно непонятны на первых порах. Когда нас, раненых, отправляли выздоравливать в Сибирь — это было сосредоточение живой силы на востоке.

Но когда нас, уже выписанных и сравнительно здоровых, начали направлять в город Великие Луки Псковской области, мы совершенно запутались.

Прибыв на место назначения и побыв некоторое время в запасном полку, из нас был сформирован воинский эшелон, и мы обратным путем покатили на восток.

Высадили нас в Монголии. Расформировали по боевым частям, вооружили.

Степь на сотни километров. Жара под 40 градусов и мало, мало воды…

Таким образом был сформирован Забайкальский фронт под командованием Маршала Советского Союза Малиновского Родиона Яковлевича.

9 августа 1945 года в течение трех часов артподготовки, прорвав Маньчжуро-Чжалайнурский и Халан-Аршанский укрепленные районы японцев, форсировав горные хребты Большого Хингана, преодолев безводные степи Монголии и продвинувшись вперед на 950 километров, войска Забайкальского фронта, в составе которого находился я, овладели главным городом Маньчжурии Чаньчунем и городами: Мукден, Цицикар, Жэхе, Дайрен и Порт-Артуром.

Таким образом, под ударами трех фронтов — Забайкальского, 1-го Дальневосточного и 2-го Дальневосточного — Квантунская армия, насчитывающая более миллиона солдат и считавшаяся в Японии самой боеспособной, в течение двух недель была полностью разбита, уничтожена и пленена.

В ноябре 1945 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, что солдаты имеющие три ранения и больше могли быть демобилизованы.

Имея три ранения в боевых действиях, я получил право демобилизоваться. И вот я снова по Великому Сибирскому пути еду домой на Орловщину из Порт-Артура.

30 декабря 1945 года я был дома.

За активное участие в боевых действиях на Западе был награжден медалью «За отвагу» №3243861.

Имею медали:

«За победу над Германией»;
«За победу над Японией»;
«За освобождение Варшавы»;
«За взятие Кенигсберга»;
и многие юбилейные медали.

После окончания учебы в Орловском машиностроительном техникуме был направлен в 1950 году на Климовский машиностроительный завод, и вся остальная часть жизни связана со ставшим родным заводом.

С выходом на пенсию, в 1985 году, занимаюсь активной общественной работой в Советах ветеранов ВОВ.

Все эти годы являюсь заместителем председателя Совета ветеранов КМЗ и членом Совета ветеранов города и членом президиума.

В соавторстве подготовлены к изданию и изданы две книги о Климовском машиностроительном заводе с начала его основания в 1882 году по 1990 год — год его разгрома.

В каждой городской и школьных библиотеках эти книги есть. В большинстве своем розданы работающим на заводе. Изданы за счет «новой» администрации завода.

К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне подготовлены и изданы две Книги Памяти о солдатах Великой Отечественной войны, погибших в боях и участниках Великой Отечественной войны, работающих с 1941 по 1990-е годы на КМЗ.

Книги находятся в музее города. Одна в городской библиотеке по улице Ленина, 32.

В настоящее время, также при моем участии, подготовлена к изданию и находится в работе в типографии общегородская «Книга Памяти» о погибших солдатах юго-западной и северо-восточной части города Климовска. Книга посвящена 60-летию Победы.

Май 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Коренюк Марина Михайловна**, член Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Московской области

Горобец Александр Алексеевич

МЫ ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЛИСЬ

Родился 21 октября 1918 года в селе Засулье Роменского района Сумской области.

После окончания Роменского техникума механизации сельского хозяйства поступил учиться в Харьковское военное авиационное училище, которое окончил в 1940 году с присвоением воинского звания младший лейтенант и назначен на должность летчика-наблюдателя в 39-й бомбардировочный авиационный полк, город Пинск.

С мая 1941 года личный состав полка размещался в лагерных палатках лесной местности в районе аэродрома.

22 июня 1941 года в 4 часа утра была объявлена боевая тревога в связи с началом войны с Германией.

Командование полка поставило задачу на бомбардировку немецких войск.

Из пяти авиаэскадрилий, в порядке номеров, взлетели самолеты трех. Четвертая и пятая эскадрильи (в которой я проходил службу) были подвержены штурмовке немецких самолетов. Загорелся и мой самолет СБ №6. Были убитые и раненые.

Пятый эскадрильный полк был переформирован в два полка. Наш полк (из молодежи, командир полка капитан Анатолий Бабинов) в срочном порядке перевооружен на самолеты Пе-3

(пикирующий бомбардировщик) и размещен на аэродроме Ногинск Московской области.

Выполняли полетные задания по охране дорог, по которым производилась эвакуация из Москвы, подготовка к параду 7 Ноября 1941 года (базировался на аэродроме в Щелкове).

27 ноября 1941 года наш экипаж выполнял боевое задание по разведке в районе Истры, Звенигорода, в котором пришлось вести воздушный бой с немецкими истребителями.

Вот что написал в 1948 году журнал «Вестник воздушного флота» №10 в статье «Советские штурманы» о бое, в котором я принимал участие:

«Экипаж летчика Родина, выполнив задание, возвращался на свой аэродром. Неожиданно из-за облаков вынырнули три вражеских истребителя. Они атаковали одиночный самолет. Снарядом ранило советского летчика. Штурман младший лейтенант Горобец едва успевал отбивать из пулемета атаки наседавших немцев. Припав к прицелу, он выпускал одну за другой пулеметные очереди, стараясь бить как можно более метко. Точной очередью он сбил одного немца.

Но вскоре был тяжело ранен и штурман. Превозмогая боль, Горобец не оставлял свой самолет и из последних сил продолжал вести бой.

Крепко держа штурвал, летчик искусно вел самолет, ловко маневрируя и уходя из-под ударов противника. Штурман сбил второй немецкий самолет. Третий вражеский истребитель не отважился драться один на один с советским бомбардировщиком и скрылся в облачности.

Потеряв в бою ориентировку, летчик Родин потребовал у штурмана курс. Горобец истекал кровью, в глазах его мелькали огненные круги. Напрягая последние силы, он все-таки восстановил ориентировку. Но СПУ (передающее устройство) оказалось поврежденным в бою. Как быть? И советский патриот Горобец нашел решение. Окровавленным пальцем он написал на стекле фонаря требуемый курс».

После лечения в Ногинском госпитале в составе авиаэскадрильи выполняли полеты по бомбардировке немецких войск на Западном фронте.

12 января 1942 года наш экипаж возвращаясь после выполнения боевого задания в районе города Тула, встретил немецкие истребители. Наш самолет был сбит и при ударе о землю разбился, развалился на куски. Металл не выдержал удара, а два члена экипажа выдержали, но были тяжело ранены. Летчик Родин умер на операционном столе, я был в тяжелом состоянии, но остался жить.

В мае месяце 1942 года наш полк выполнял боевые задания базируясь на аэродроме в Кубинке.

В этот период мне представилась возможность первую боевую награду, орден Красной Звезды, получить в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина.

В 1943 году полк перевооружили на самолеты Пе-2 (с экипажем летчик, штурман и радист), и он стал называться 511-й отдельный разведывательный авиационный полк 5-й воздушной армии.

При полете на разведку дислокации немецких самолетов на Белгородско-Курской дуге в воздушном бою наш самолет Пе-2 загорелся.

С данными разведки, на командный пункт нашего полка, доложили о нашем состоянии «горим», и связь прекратилась.

Мы, находясь на большом удалении в тылу врага от линии фронта, в горящем самолете, только благодаря высокому мастерству летчика Грешанова преодолели большое расстояние, и самолет приземлился на территории занятой нашими войсками.

К горящему самолету подошел командир танковой части. Он оказал нашему экипажу помощь в питании, обеспечении транспортом для доставки экипажа на наш аэродром, который находился на удалении 25—30 километров.

По прибытии вечером в полк доложили на командном пункте о выполнении боевого задания и судьбе экипажа.

Дежурный сообщил, что сейчас командование и личный состав на ужине. Следуйте в столовую и доложите командиру полка о прибытии.

Неожиданная встреча экипажа с личным составом полка вызвала просто взрыв радости, что экипаж жив.

Во время дислокации нашего полка на аэродроме Полтава, нашими войсками была освобождена от вражеских войск территория Роменского района, где проживали мои родители.

По инициативе и помощи командования полка мне представилась возможность встречи. Я, капитан, с орденами на груди и следами от ранений на лице, увиделся с родителями, отцом и матерью, в селе Засулье возле дома во дворе.

В 1944 году, перед наступлением наших войск в Ясcо-Кишиневской операции, наш экипаж в составе: летчик капитан Гришанов, штурман капитан Горобец, радист сержант Тролль на самолете Пе-2 выполняли боевое задание в сопровождении звена наших самолетов-истребителей по фотографированию линии фронта.

Задание было выполнено успешно.

При выполнении полета (запомнилось, что этот день был Пасха) в воздушном бою с немецкими самолетами «фокке-вульф» в нашем самолете был поврежден узел крепления хвостового оперения, что привело к большим трудностям в управлении самолетом.

Вынужденную посадку произвели на территории наших войск, аэродроме истребителей. Разведывательные материалы (кассеты, самолетные фотоаппараты) и наш экипаж доставили на аэродром Полтава транспортным самолетом.

Конец войны встретили на территории Чехословакии, хотя там 9 мая 1945 года было еще неспокойно.

Победу, конец войны встретили с большой радостью, но со слезами на глазах за понесенные потери друзей, близких, родных.

После войны был на разных штабных должностях, в том числе и должности начальника штаба полка стратегических бомбардировщиков, самолетов Ту-95.

С 1960 года по 1980 год проходил службу и работал в Оргмобуправлении Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения.

Награжден орденами:

Красного Знамени — один орден;
Отечественной войны I степени — два ордена;

Отечественной войны II степени — один орден;
Красной Звезды — два ордена;
«Знак почета» — один орден.

Награжден медалями:

«За боевые заслуги»;
«За оборону Москвы»;
«За взятии Будапешта»;
«За взятие Вены»;
«За победу над Германией»
и многими юбилейными медалями и знаками отличия.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Яковлев Никита**, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Одинцовского района.

Горячев Анатолий Петрович

ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ В БЕРЛИНЕ

Родился 1926 г. в с. Спасское, Клинского района, Московской области. Русский. Комсомолец.

Инвалид Великой Отечественной войны первой группы (справка Бюро МСЭ, М.О., №1561324, серия МСЭ 2001 22 июня 2004 года). Удостоверение ИНВ.ВОО, серия XIII №507410, выдано 8 июня 1994 года, Киевским-Бородинским р.м. г. Москвы

В 1944—1945 гг. окончил 7 классов. В 1950 г. окончил годичные курсы при ВСУ г. Москвы с отличием, в 1963 году экстерном окончил Пушкинское инженерно-строительное техническое военное училище.

В 1943 г. 22 января зачислен в 18-й Мытищинский истребительный батальон УНКВД (приказ №14 от 22 января 1943 года) и стал солдатом Красной Армии.

18-й истребительный батальон готовил диверсионные группы для заброски в тыл врага для диверсии.

В основном готовили диверсионные группы из старшего поколения, а нас, молодых, обязывали нести охрану предприятий в Мытищах и Подлипках и других предприятий, которые были по соседству.

Узнал о войне в школе, много было разговоров, что война должна быть короткой и победной.

Много было разговоров о гордости за Родину, патриотизме и смелости, не только у мальчишек, но и у девочек.

Решение было принято идти на фронт добровольно и бить фашистов.

Но не многим удалось добровольно быть солдатами, годы рождения не давали права.

Мне пришлось в паспорте моей мамы указать, что год моего рождения 1926-й, и это дало мне право быть военным.

До войны я хорошо дружил с Сергеем Косенковым, мы с ним часто ходили к раненым, которые лечились в Доме кино в Болшеве, Московской области. От раненных мы узнали, что война — это опасная работа и требует у людей много смелости патриотизма, физических сил и терпения.

С Сережей мы решили, что для этого мы подходим.

И 22 января 1943 года с Сергеем мы прибыли в 18-й истребительный батальон, Мытищинский. Принял нас командир батальона Иванов, очень уважительный человек. Убедительно вел разговор, посмотрел паспорт и заявил, что в тыл к немцам я вас послать не могу, дескать, вы еще молоды.

— Будете нести охрану предприятий в Мытищах и Подлипках и на Ярославском шоссе.

Мы были рады, что хорошо все закончилось.

Нас накормили и привели в подразделение 2-й роты, познакомили нас с командиром взвода (Малеев Борис). Он оказался очень хорошим человеком. Затем выделили нам каждому койку со всем необходимым.

С 22 января 1943 года я и Сергей стали считать себя солдатами. На другой день получили оружие и приступили с помощью младших командиров к изучению материальной части, оружия, также много занимались строевой подготовкой. Рабочий день проходил по расписанию военного человека.

В 1943 году ввиду того, что Красная Армия двигалась на запад, готовить диверсионные группы под Москвой не было необходимости.

И в августе 1943 года 18-й истребительный Мытищинский батальон расформировался, и нас, молодежь, перевели в снайпер-

скую школу, которая дислоцировалась на 41-м км Ярославского шоссе.

В снайперской школе мы изучали азы снайперского дела, приходилось очень сложно: зима, холодно, а мы 8 часов на морозе изучали снайперское дело и материальную часть, но мы это выдержали, нужно было.

С наступлением теплой погоды стало немного легче. Но занятия проходили полный день.

В мае 1944 года с верха прибыли представители (мы уже сменили место дислокации на г. Дмитров). Представители стали отбирать личный состав, который нужен им. Их интересовали люди крепкие, т.е. физически здоровые, отобрали 70—80 человек. В это число попал и я. Мы догадывались, для чего нужны такие люди (для фронта).

В середине мая 1944 г. в Дмитрове нас погрузили в теплушки в два яруса и вперед. Только догадывались куда.

Мы проезжали г. Вязьму, Смоленск. Смотреть было на эти города очень больно и обидно.

Под этими названиями лежали развалины и стояли пустые стены.

По округе этих городов деревни имели только название деревень, стояли трубы деревенских печей, а люди жили, готовились к посадке овощей и других культур.

Летом 1944 года прибыли на место, нам объявили, что мы находимся в действующей армии и вливаемся в 35-ю механизированную бригаду к командиру подполковнику Задорожному, 1-го мех. корпуса 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта.

Выгрузились, накормили нас, построили по два.

Вышел небольшого роста майор и объявил: «Я начальник бригадной разведки. Кто желает в разведывательную роту бригады? Сделайте два шага вперед». Никто не вышел.

Тогда майор начал отбирать физически более крепких ребят. Я попал в эту группу. Набрали 60—70 человек.

Строем мы пришли в расположение разведывательной роты, которая располагалась в землянке, землянка хорошая, нары в два яруса, покрыты брезентом.

Нас построили, из землянки вышел высокий офицер.

— Я — старший лейтенант Гаврилов Павел Иванович, командир разведывательной роты. Вы будете разгруппированы на три взвода:

1-й взвод — лейтенант Колодин Н.Н.

2-й взвод — лейтенант Вовк В.И.

3-й взвод — младший лейтенант Бахрах Ю.Я.

Техник роты — Теплик.

Переводчик — Лярин Миша.

Рота располагала механической техникой:

3 бронетранспортера (американских)

2 бронемашины

3—4 автомобиля «шевроле».

Нам объявили, что мы находимся западнее г. Брест, территориально на реке Висле, в Польше.

35-я механизированная бригада входила в состав 1-го механизированного корпуса. Командующий корпусом — генерал-лейтенант Кривошеин.

Корпус входил в состав 2-й гвардейский танковой армии (командующий — генерал-полковник Богданов). 2-я гвардейская танковая армия входила в состав 1-го Белорусского фронта (командующий — маршал Жуков Г.К.).

Как правило, группы по 4—5 человек получали боевое задание выявить, какие части стоят перед нами и откуда они прибыли. Это можно выявить через языка, но иногда срочно взять его сложно, поэтому группы усиливались количественным составом. Но задачи надо выполнять.

Группы по два-три человека проходили в тыл противника и вели наблюдение. Данные: какие войска, сколько их, сколько танков, аэродромы, сколько самолетов, какая охрана.

Осенью 1944 г. геройски погиб командир 35-й механизированной бригады подполковник Задорожный; очень был хороший человек, смелый и решительный. Командование принял генерал-майор Бабаян.

В начале 1945 г. началось наступление наших войск, наступление было успешное. Так, 17 января 1945 года наши войска овладели столицей Польши Варшавой. Войскам была объявлена

благодарность приказом №223 И.В. Сталина. За боевые операции на территории Польши в местечке Витово награжден орденом Красной Звезды (№2584243, приказ командующего 35-й механизированной бригадой № 06/Н от 31 января 1945 года). В этих боях был ранен в нижнюю губу (сквозное ранение) и в веко левого глаза.

Лечился в медсанбате, ребята из разведки, хотя прибыли проведать меня, а заодно и забрали в роту.

Командовал боем у Витово командир роты старший лейтенант Гаврилов П.И.

Поздней осенью 1944 г. наша бригада 35-МК вышла на формирование и расположилась в г. Сточек — очень красивый городок с замечательным костелом. Все члены экипажей были размещены на квартирах, частных домах. Жили с поляками дружно, очень много помогали хозяевам по устройству домашнего хозяйства.

Награды:

За овладение г. Быгдощ — благодарность от И.В. Сталина 23.01.45 №245.

За овладение г. Альдам — благодарность И.В. Сталина 20 марта 1945 года.

За прорыв обороны к Берлину — благодарность И.В. Сталина 23 апреля 1945 №339

За овладение городами Скернивицы, Сохачев, Багдаш, Вторженев, Померанено благодарности от И.В. Сталина №221, 226,245,265 от 16—18—23—29 января 1945 года

За овладение г. Берлином — благодарность И.В. Сталина №359 от 02.05.1945.

Генерал Бабаян погиб смертью героя в предместье Берлина 23—25 апреля 1945 года. В должность командира 35-й механизированной бригады вступил полковник Петров.

Хочу описать два случая, которые можно отнести к героическим.

Настоящий самоходный трофей

Лейтенант Вовк В.И., рядовой Неровня Н.М. и Гарамов А. получили задание от командира роты. Пройти в тыл противника и выяснить, какие части стоят в данном районе. Вернее, кто и что стоит перед нашими войсками.

Группа во главе с лейтенантом Вовк В.И. обнаружили в лесу танк, который ремонтировали немцы. Группа Вовк В.И. уничтожили экипаж танка, сами его отремонтировали, прошли нейтральную полосу и прибыли в свои войска.

Разведка всему голова

25—27 апреля 1945 года наши части вышли к заводам и реке Шпрее, танкам идти нельзя — преграждает река, а войскам не дают автоматчики, из окон завода бьют очень сильно.

Задача командира роты: отобрать 6—8 человек, перебраться на противоположный берег и уничтожить противника.

Старший группы младший лейтенант Бахрах Ю.Я. отобрал 8 человек, которые кто вплавь, кто по доскам взорванного моста перешли на противоположный берег.

Предполагаем, что вход в завод охраняется, так оно и было. Но часовые или устали или были пьяны. Без шума сняли часовых, одна группа осталась на первом этаже, вторая группа пошла на второй этаж.

На первом этаже и на втором были установлены пулеметные точки, каждая во главе с офицером СС.

Штурм прошел удачно, группы Бахраха уничтожили две огневые точки противника, это дало нашим войскам возможность двигаться вперед.

За эту боевую операцию я получил орден Славы 3-е степени.

В послевоенное время работал мастером, командиром роты, прорабом, начальником СМУ, заместителем начальника строительного управления в МВО, Архангельское, 1951—1952 —остров Вилькицкого, 1953—1956 — Петропавловск-Камчатский,

1956—1959 год — полуостров Таймыр, пос. Хатанга. Получил звание полковника.

Награды:

орден Отечественной войны I степени № 2555283;

орден Красной Звезды №2584243, приказ ком. 35-й мех. бригады № 06/Н от 31.01.1945;

орден Славы 3-й степени №409901, приказ ком. ГМК №40/Н 16.05.1945;

орден Красной Звезды 3519339, № в личном деле;

медаль «За боевые заслуги» без номера;

«100 лет В.И. Ленина», «120 лет И.В. Сталина», «За победу над Германией», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина»;

18 юбилейных медалей.

Орден Красной Звезды и орден Славы 3-й степени получил из рук Горкина на Президиуме Верховного Совета в 1946 году, а остальные награды получил от командиров частей, в которых служил.

В Великой Отечественной войне смертью храбрых погибли родственники:

1. Дядя Андрианов Иван Васильевич, погиб в бою 27 октября 1943 года, похоронен в Белоруссии.

2. Дядя Андрианов Михаил Васильевич, похоронен д. Луки, Могилевского района, 20 августа1943 года.

3. Отчим Колиганов Григорий Иванович пропал без вести в феврале 1942 года.

4. Отец Горячевой Нины Евсеевны — Лазаревич Евсей Игнатьевич умер от ран в 1944 году в Литве.

Войну закончил в Берлине, но очень скорбно и больно было смотреть на этот горящий город. Метро было убежище для населения, но эсэсовцы его затопили водой из р. Шпрее, и вода хлынула в ночное время; люди были не готовы, и тысячи невинных людей погибли.

Нам, советским воинам, было больно смотреть на эти жертвы, приходилось помогать.

Немцы были голодные, особенно дети, и нам приходилось кормить и взрослых и детей. Особенно плохо было с водой. Водовозки работали в две смены.

9 мая 1945 г. утром было объявлено: Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков закончилась победой Советского Союза, советского народа.

Радости было у всех очень много, от счастья палили в воздух из всех видов стрелкового оружия. Все эмоции выпустили в воздух.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Иванов Владислав Вячеславович**, аспирант факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», г. Королев.

Гринберг Семен Иосифович

СМЕКАЛКА ВСЕГДА ПОМОГАЕТ

Родился в апреле 1921 года на Украине (м. Ильинцы, Винницкой обл.). В 1930 году родители переехали в Крым (степная часть), где работали учителями в сельских школах. 10-й класс закончил в г. Джанкое с отличием, после чего был принят в Харьковский электротехнический институт (ХЭТИ) в 1938 г. В детстве и уже студентом (на каникулах) работал в колхозе, так что сельский труд был мне хорошо знаком, в том числе и обращение с лошадьми, что потом пригодилось, так как службу в Красной Армии, в том числе на фронте, начинал в артиллерии на конной тяге.

В Харькове я жил в известном студенческом общежитии «Гигант». Воскресным утром 22 июня 1941 года я был в институте, где готовился к пятому (из шести) экзамену за 3-й курс (факультет электрические аппараты и машины).

Все, кто был в институте, собрались у громадного репродуктора на входе в здание. С правительственным сообщением выступил В. М. Молотов. Запомнилось: «вероломное», «ничем не спровоцированное», «непричастность немецких рабочих и крестьян», а главное, в ответ: «отечественная война» — и в за-

ключение: «Наше дело — правое! Победа будет за нами!» Мы верили — так и будет. Последний экзамен у нас был по английскому языку, а в смежной группе — по немецкому. Это стало поводом для студенческой шутки: «Сначала повесим учебник, а потом и самого Гитлера». В годы войны многие изобретали способы наказания, мщения палачу.

Первым нашим желанием было добровольно вступить в Красную Армию (я был тогда секретарем комсомольской организации на курсе), так как по возрасту не попадали в первый призыв — мобилизации подлежали возраста 1905—1918 гг. Нам отказали: вскоре предстояли новые призывы, а студенту старших курсов вероятно предстоит перевод в одну из военных академий.

А пока мужчинам запретили уезжать из города, в том числе и иногородним. Так я расстался с родными до 1946 года. Меня временно определили на подшефный электромеханический завод ХЭМЗ слесарем 3-го разряда на полуавтоматах. Завод располагался за городом, и проблемой стали переполненные, битком набитые трамваи и автоматы у заводских ворот, отмечавшие время прихода на работу. За опоздание полагалось строгое наказание по закону. Продолжалось это с месяц, а 29 июля 1941 года я был призван Краснозаводским военкоматом. Мне было тогда 20 лет, и я успел получить начальную военную подготовку в институте на военной кафедре.

Более того, по своей инициативе закончил курсы по боевой стрельбе из пулемета Дегтярева и занимался в кружке радиотелеграфистов — работа с ключом и прием с использованием азбуки Морзе.

Дополнительную подготовку нам предстояло пройти в Чугуевском запасном полку ХВО, где оказались одни студенты Харьковских вузов. Через месяц отборочная комиссия распределила нас в разные училища округа. Часть студентов ХЭТИ, и я в том числе, стали курсантами Сумского артиллерийского училища (САУ) им. М. В. Фрунзе, в г. Сумы, другие попали в танковые войска. САУ готовило младших офицеров (лейтенантов) для в полевой дивизионной службы артиллерии (76-мм пушки и 122-мм гаубицы) на конной тяге. Еще до этого я был увлечен артиллерийским оружием, требовавшим, как мне казалось, глу-

боких знаний (стрельбы с закрытых позиций по невидимой цели), его мощью (только что закончилась финская война) и внушительной дальностью стрельбы.

В начале сентября 1941 года мы прибыли в училище. Оказалось, за несколько дней до этого, в связи с известными событиями под Киевом (угроза окружения Юго-Западного фронта), из курсантов и преподавателей САУ был сформирован первый артиллерийским полк САУ, который 28 августа вошел в состав действующей армии, вероятно на Конотопском направлении. На помощь полку спешно сформировали группу, куда вошли и харьковчане во главе с преподавателем тактики, которая отправилась в сторону г. Ворожба (говорили якобы о десанте).

9 сентября мы попали под артиллерийский налет, обошлось без жертв. Таким было мое огневое крещение.

Я попытался обобщить основные операции, в которых довелось посильно участвовать:

— пять фронтов (Юго-Западный, Калининский, Западный, 3-й Белорусский и Забайкальский);

— боевые действия: (от Орка на запад до Кенигсберга и Пиллау);

— сентябрь 1941 г. (курсант специального артиллерийского полка, г. Ворожба);

— 1942 г. (лейтенант, командир взвода, заместитель командира батареи по строевой части под Ржевом);

— до конца ВОВ 9 мая 1945 г. (гвардии капитан, командир батареи и начальник штаба дивизиона реакт. БМ-31-12УК, от Орка на запад до Кенигсберга и Пиллау);

— август — сентябрь 1945 г. (командир дивизиона БМ-31-12УК, Западная Маньчжурия);

— основные операции: оборона Киева; бои на Ржевском плацдарме, севернее Орла; освобождение Смоленщины, Белоруссии, Литвы, Восточной Пруссии, Сувалки (Польша) и Маньчжурии;

— все это время я был практически только в двух соединениях: 251-я стрелковая дивизия (789-й артиллерийский полк), а с апреля 1943 г. — в 24-й гвардейской минометной Кенигсбергской Краснознаменной бригаде (24 ГМККБр).

В период моей службы, 251сд в основном действовала в составе 20-й армии, а 24-я бригада в период с 15 марта 1944 г. до 17 июня 1945 г. входила в состав 7-й гвардейской минометной дивизии. В свою очередь, 24-я бригада целиком или по дивизионам придавалась для усиления общевойсковым армиям и частям, действовавшим в операциях на главных направлениях (реактивная артиллерия относилась к Артиллерии резерва Верховного Главнокомандования). Мне более памятны 11-я гвардейская, 5-я, 33-я и 20-я армии.

За годы войны, естественно, я стал свидетелем и участником многих событий, часть из них навсегда осталась в памяти. Расскажу об одном случае, произошедшем в самом начале моей службы в ракетных частях.

В апреле 1943 года после госпиталя я был назначен командиром батареи реактивных минометов. В то время вооружение батареи М-30 состояло из 16 наземных пусковых устройств (спец. рам), на которых размещались 64 реактивных снаряда (калибр 300 мм, вес каждой РС 70 кг). Дальность стрельбы всего 2800 м, рассеивание весьма большое. Поэтому вся эта масса боевых средств размещалась практически в зоне ружейно-пулеметного огня противника.

Наиболее ответственны были залпы РС в конце артподготовки, непосредственно перед началом атаки пехоты.

Предшествующий опыт показал, что до десяти процентов снарядов после залпа (он продолжался 3—5 минут) оставались на станках: не воспламенялся пороховой заряд. Так как штатных средств для повторного запуска таких снарядов (без воспламенителей!) не было предусмотрено — расчеты применяли самодельные средства: главным образом факелы на шестах. Все это было ненадежно, а главное — не было времени перед атакой.

....И вот наступило утро 12 июля 1943 года — начало контрнаступления севернее Орла, продолжалась Курская битва. Мне предстояло впервые дать два залпа: в начале и в конце артподготовки. По моему сигналу из ракетницы электрики с помощью подрывных машинок (ПМ) подают напряжение в электрические кабели, подключенные к воспламенителям, и реактивные снаряды (РС) группами, в заданной последовательности вылетают из облака дыма и пыли с ревом, помахивая огненными «хвоста-

ми»... Незабываемое зрелище! Но вот рассеялся дым и, несмотря на тщательную подготовку, на станках осталась часть снарядов. В ход пошли факелы на шестах. Благо до второго залпа было достаточно времени: успевали справиться с отставшими, перезарядить и подготовиться к залпу.

Наблюдая за действиями огневиков при «одиночных» пусках, я обратил внимание, что воспламенение пороха происходит не сразу после подношения факела к соплу, то есть имеет место небольшое запаздывание.

Озабоченный предстоящим вторым залпом, я подумал: нельзя ли воспользоваться запаздыванием при воспламенении со стороны сопла, с помощью сигнальной ракетницы и вовремя отскочить в сторону? Неизвестно только, каким коротким оно будет. Стоит попробовать, подсказывала интуиция. Так я и поступил после второго залпа на виду у бойцов. Ура! Все прошло хорошо: подбежали ко мне командиры боевых расчетов, я отдал им ракетницу.

Обошлось без травм. Однако при последующих залпах (на Смоленской земле) травмы все-таки были: разрыв перепонки на указательном пальце. И снова в ходу факелы на шестах. Но это продолжалось недолго. Идея пиротехнического зажигания со стороны сопла в случае отказов при штатном пуске видимо дошла до конструкторов раньше, и мы стали получать в достаточном количестве УЭВы — универсальные электровоспламенители. Они применялись до конца войны. Но потребность в них резко сократилась: существенно улучшилась конструкция. В свою очередь, в результате моего «почина» я почувствовал возросшее доверие к начинающему ракетчику, а для меня это было как бы второе крещение.

В годы войны, включая войну с Японией, я награжден четырьмя орденами: три ордена Отечественной войны и один Красной Звезды. Большинство представлений были занижены, а именно Красного Знамени и Александра Невского — дважды.

В мирное время награжден тремя орденами: Отечественной войны и Красной Звезды — дважды. Всего семь орденов: Отечественной войны I ст. — трижды, Отечественной войны II ст. и Красной Звезды — трижды, а также двадцатью медалями.

Ранен трижды: в 1941 году, 1942 году (тяжелое) и в 1944 году. Все ранения осколочные: 8 отметин по всему телу, кроме живота. Трижды участвовал в атаке.

Мои родители, брат и сестра с начала войны были эвакуированы из Крыма в Узбекистан в августе 1941 года. Связь с ними удалось восстановить лишь после возвращения в училище, то есть в г. Ачинск, в марте 1942 года. Это стало возможным благодаря активным действиям моей девушки Р. Донде, с которой мы вместе учились в 10-м классе и затем в смежных институтах, так сложилось, г. Харькова (ХЭТИ и ХММИ). Мы должны были пожениться, переписка продолжалась до февраля-марта 1944 года, мечтали о встрече. Но война, расстояние и время... Я полюбил палатную сестричку из госпиталя «5005», размещавшегося в гостинице «Киевская» — рядом с одноименным вокзалом г. Москва. Несмотря на взаимные симпатии, три месяца пребывания в лечебном учреждении не привели, однако, к предложенной мной «дружбе» (в феврале 1943 года ей исполнилось 19 лет), но, как показало время, после отъезда на фронт, доверие и чувства ее ко мне окрепли. Я получил от нее хорошее письмо (оказывается, сдержанное отношение ко мне объяснялось происками моего «госпитального» друга). Завязалась переписка с Олей Евстигнеевой. Через год я уже не мог регулировать свою почту. Чувства к Р. Донде заметно ослабли («сердцу не прикажешь») и я намекнул ей о «раздвоении чувств». Она не ответила. И когда потом в моральном плане я осуждал себя, то думаю, что поступил в тех условиях правильно и надеюсь, что в жизни Р. Донде наш юношеский роман не помешал ее будущему счастью. Первый поцелуй (ставший единственным) остался в памяти навсегда.

После войны мы с Ольгой поженились, она закончила институт, стала журналисткой, работала в областной газете «Ленинское знамя», ее многие знали в Подмосковье, и в частности в Одинцово. Очерк Н. Краско о нашей семье «Семен и Ольга» был опубликован в «Народной газете» от 28 апреля 2000 года. Мы вырастили двух дочерей, есть внуки (три мальчика) и правнуки (мальчик и девочка). Жена умерла в 1992 г.

Мой брат Михаил родился в 1924 году, закончил 9 классов и в марте 1943 года ускоренный курс Харьковского пехотного училища (ХПУ), эвакуированного в г. Наманган (Узбекистан).

В первом же бою — на реке Миус (Южный фронт, 320сд), был тяжело ранен в живот и на другой день скончался от ран (18 июля 1943 г. в ППГ №5240). Звание — младший лейтенант, должность — командир минометного взвода 481 СП. Операция на «Миус-фронте» проводилась в разгар Курской битвы (в это время я участвовал в боевых действиях севернее Орла). Первоначально похоронен в общей могиле при полевом госпитале в хуторе Карташова (Ростовская область). В последующем перезахоронен в братской могиле №55 в селе Криничный Луг (Матвеево-Курганский район), где установлен памятник и перечислены все захороненные. В свое время в поисках могилы брата (в извещении о смерти, полученном родителями, ошибочно указана «д. Карташево» вместо «хутора Карташово») и потому при запросе почта Ростова ответила, что деревня Карташево у них отсутствует. Я посетил эти места и установил контакт с руководителем колхоза и сельсовета. Встретили хорошо. Потом их представитель приезжал ко мне на Власиху.

Война для нас, казалось, закончилась с последними залпами по г. Пиллау, то есть 25 апреля 1945 года. О предстоящей отправке на восток, о войне с Японией, не знали и не догадывались.

После водружения знамени Победы над рейхстагом, ожидание вести об окончании войны с Германией стало ежедневным. 24-я бригада расположилась в 40 километрах к юго-востоку от Кенигсберга, в населенном пункте Штаркендорф. Успели привыкнуть к необычной на фронте тишине, и вдруг, в ночь с 7 на 8 мая — беспорядочная стрельба... Выскочил из помещения и был поражен необычайным фейерверком: весь горизонт в сторону моря был расцвечен тысячами трассирующих пуль, снарядов, сигнальных ракет. Не сразу осознал — это мог быть первый салют фронтовиков долгожданной победе. Звонил по начальству — никто ничего не знает. Ну, думали, сработал так называемый «солдатский телеграф» (бывало слухи о великих событиях шли от связистов). На одной из встреч несколько лет тому назад я услышал рассказ бывалого фронтовика о том, как салютовали немцы, блокированные и прижатые к морю (из Курляндской группировки) по случаю окончания войны в связи с подписанием Акта о безоговорочной капитуляции в Реймсе — 7 мая 1945

года. Так, может быть, это событие и стало поводом, в котором приняли участие и наши фронтовики?

Но вот 8 мая пришло сообщение о подписании в Берлине Акта о капитуляции Германии и о Дне победы 9 мая. Отметили по-фронтовому. А вот о Дне победы над Японией (3 сентября 1945 года) в памяти ничего выдающегося не сохранилось. Мы в этот день, вероятно, были на пути к Харбину — месту временной дислокации бригады.

В последние годы продолжал действительную службу в Вооруженных силах (до апреля 1970 г.): с XII.1945 года в 24-й гв. МККБр, г. Хороль Приморский ВО — командиром дивизиона, возглавляя школу сержантского состава, а с февраля по июнь 1946 г. временно исполняющий обязанности начальника штаба бригады, до поступления в академию.

С июля 1946 г. по декабрь 1951 г. — артиллерийская академия им. Ф. Э. Дзержинского (Москва, факультет реактивного вооружения, 6-й факультет), сталинский стипендиат. С 30.07.1948 по 02.02.1951 г. был председателем научно-технического кружка слушателей факультета, дважды выступал с докладами на научно-технических конференциях (внутри академической и московских вузов).

В процессе учебы дважды повышался в званиях: гвардии майор и гвардии подполковник, что соответствовало моей должности командира дивизиона. Закончил академию в звании инженер-подполковник, специальность — вооружение, квалификация — артиллерийский инженер-механик (так закодирован «инженер по реактивному вооружению»).

С января 1952 г. по 2 марта 1970 г. до увольнения в запас «по болезни», служил во вновь сформированных военных представительствах управлений (ГАУ, НРВ, ГУРВО), ведавших разработкой и заказами ракетного вооружения на заводах и ОКБ, в должностях: помощник военпреда (капитанская должность), военпред, старший военпред и районный инженер. С 12.06.1961 — инженер-полковник.

Служба проходила в городах:

— Днепропетровск, январь 1952 г. — апрель 1958 г., завод КОКБ «Южное»; Омск, май 1958 г. — март 1963 г., Авиамотор-

ный завод имени Баранова, филиал ОКБ-456; Москва, апрель 1963 г.— март 1970 г., КБ «Салют» (Фили) и испытательные базы в Жуковском, затем Фаустово. С 1967 года возглавлял межведомственную комиссию по длительному хранению ракет «УП-100» на объекте 386Д (Байконур, 10 изделий), с пусками и дефектацией.

После увольнения в запас в марте 1970 г. остался работать в военном представительстве 1641 МО (1653 МО), Москва, КБ «Салют» (Космический научно-производственный центр имени Хруничева) на инженерных должностях по 31 декабря 1998 года. Уволен по состоянию здоровья.

Всего служил и работал в Вооруженных силах 57 лет и 5 месяцев (с августа 1941 года по декабрь 1998 года). Считаю себя в числе первопроходцев-ракетчиков со стажем 55 лет 9 месяцев, с апреля 1943 года по декабрь 1998 года.

После войны принимал активное участие в становлении ракетно-космической отрасли СССР (России). Это относится к изделиям:

— ракеты Р-1, Р-2, Р-3, Р-5 (М), Р-12, Р-16, УР-100 (К,Н), УР-200;

— ракетоносители УР500 (К, М), «Ангара» (на стадии аванпроекта);

— космические объекты ТКС «Салют», «Мир».

Общий стаж моей службы в военных представительствах РВСН и ВКС составляет 47 лет, с января 1952 г. по декабрь 1998 г.

С января 1999 г. — инвалид ВОВ (II группы), по ранению, не работаю. По мере сил принимаю участие в работе ветеранских организаций (ВОВ, РВСН, ВКС) городов Одинцово и Москвы.

Музей нашей 7-й гв. мин. дивизии и 24-й гвардейской минометной бригады размещается в подшефной школе №494 г. Москвы уже свыше 30 лет и завоевывает призовые места в городе. Мы регулярно посещаем его. Раньше нас было сотни (со всей страны), а теперь единицы.

Ордена

— три ордена Отечественной войны I степени (февраль, сентябрь 1945 г., март 1985 г.);

— Отечественной войны II степени (сентябрь 1944 г.);

— три ордена Красной Звезды (декабрь 1943 г., декабрь 1956 г., июнь 1961 г.).

Всего 7 орденов, их них 4 на фронте.

Медали правительственные:

«За победу над Германией» (по указу Президиума Верховного Совета СССР и Президента Российской Федерации);

«За победу над Японией»;

«За взятие Кенигсберга»;

«За оборону Киева»;

«За боевые заслуги»;

«За безупречную службу в Вооруженных силах СССР»;

«Ветеран Вооруженных Сил СССР»;

«В память 850-летия Москвы»;

«Медаль Жукова» и др. (юбилейные, включая «60 лет Победы в ВОВ»). Всего 20 медалей (одна из них МНР).

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Фролов Сергей Сергеевич**, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Одинцовского района.

Громов Владимир Иванович

ДИВЕРСИОННЫЙ ОТРЯД

Я родился 9 февраля 1925 года в городе Ленинграде на улице 12-й Красноармейской.

Национальность — русский, вероисповедание — атеист, хотя и крещеный, но это от меня не зависело, потому что в церковь для крещения отвозил меня мой дед, когда мне от рождения не было и месяца.

Отец мой Иван Осипович Громов родился в деревне Жуково, Кончанской области Боровицкого уезда Санкт-Петербургской губернии. С 16 лет отправился на заработки в Санкт-Петербург, там и женился на Малышевой Екатерине Захаровне, рожденной в д. Быково Боровицкого уезда, проживавшей в то время в служанках в С.-Петербурге.

Итак, после рождения меня вместе с матерью отправили в деревню Жуково к деду (ныне деревня Жуково вошла составной частью в село Кончанское-Суровское Боровицкого района Новгородской области).

Вскоре после моей отправки в деревню был направлен и мой отец в качестве «двадцатипятитысячника» для организации кооператива и колхоза в селе Кончанское и деревне Жуково, что

он и сделал: организовал кооператив в селе Кончанское и колхозы — в селе Кончанском под названием «Красная искра» и в деревне Жуково под названием «Труд».

Умер он в 1930 году, оставив нас с моей сестрой, старше меня на два года, на попечении матери и деда. Мать и дед вступили в колхоз. Мать работала телятницей, дед рядовым колхозником.

В 1932 году я начал учиться в Кончанской школе, где окончил 4 класса. Затем поступил в среднюю школу, находящуюся в селе Сопины, от моей деревни на 4,5 км, что мы не считали слишком далеко и шагали туда и обратно в течение 5 учебных лет. Преподавание в школе велось на очень высоком профессиональном уровне. Мы получили весьма обширные знания в математике, физике, химии, ботанике, географии, истории, литературе и других науках. Хочу отметить организацию в школе военно-патриотического воспитания. Недаром многие ученики нашей школы стали носить значки ГТО (Готов к труду и обороне), ГСО (Готов к санитарной обороне), ПВХО (Готов к противовоздушной и химической обороне), ВС (Ворошиловский стрелок). Все эти значки после окончания школы имел и я.

10 июня 1941 года состоялся выпускной вечер 9-го класса средней школы (10-го класса у нас не было, и это считалось средним образованием). В выпускном классе нас было 4 мальчика и 13 девушек. Из ребят один, Саша Сычев, с 1923 года, двое, Саша Гусев и Степа Фролов, с 1924 года. Я самый молодой из ребят, так как начал учиться с семи лет. Школу я закончил по всем дисциплинам на «отлично», кроме немецкого языка, по которому получил отметку «хорошо».

Что касается моих политических убеждений, то с 1932 по 1934 год — октябренок. С 1934 по 1939 год — пионер; с 1939 по 1953 год — комсомолец; с 1953 по сей день — коммунист.

Мое кредо в жизни: «От каждого по способности и каждому по количеству и качеству произведенных им товаров и услуг, востребованных человечеством!» Девиз несколько отличается от официального, но ему я следую всю свою сознательную жизнь.

Итак, 10-го июня выпускной бал по окончании средней школы, а 22 июня началась война. Помню, было, воскресенье, мы, четверо одногодков, сидели и играли в карты в «дурака». Около нас резвилась младшая ребятня. В полдень к нам подошел Павел Ермолаев, работающий в селе Консанское молотобойцем в кузнице, с топором на плече.

Павла мы, мальчишки, уважали: он был единственным орденоносцем в деревне, заслужив орден Красной Звезды в финскую войну. Павел воткнул топор в бревно, присел рядом с нами. «Что так рано отработался?» — спросил кто-то из нас. «Кажется, все мы отработались»,— ответил Павел. «Что случилось?» — спросили мы. «А вы что, ничего не слышали? Ведь началась война».— «С кем война?» — «С немцами»,— ответил он. «Но ведь с ними же пакт о ненападении»,— подумали осведомленные ребята. «Пакт не пакт, а факт есть факт»,— ответил Павел. На другой день, прочитав в газете «Красная искра» выступление Молотова, мы убедились в правоте Павла. Началась мобилизация. В деревне из 25 дворов было призвано 20 мужчин. Проводы, слезы. После выступления Сталина 3 июля мы, трое комсомольцев-одноклассников, пришли в райвоенкомат проситься добровольцами на фронт. Сашу Сычева, которому исполнилось 18 лет, направили в школу артиллеристов, Сашу Гусева в организующийся в г. Боровичи партизанский отряд, а мне сказали, что я еще должен подрасти — мне в то время было только 16 лет и 5 месяцев.

Я, естественно, обиделся, обратился в районный комитет комсомола, но и там не нашел поддержки и с обидой возвратился домой. В августе 1941 г. с группой односельчан участвовал в строительстве оборонительных сооружений, но при приближении линии фронта мы были вынуждены вернуться по домам. Шли пешком от села к селу, питаясь подножным кормом, картошкой, овощами, грибами, ягодами.

В конце августа мать попросила меня, чтобы я навестил свою сестру, которая работала учительницей на станции Тальцы, поскольку от нее не было писем. Фронт приближался в то время к станции Хвойная, в 30 км от станции Тальцы. Взяв справку из сельсовета (паспортов в то время в сельской местно-

сти не было), я отправился к сестре. Придя на станцию Хвойная, стал ждать поезда. Пассажирские поезда уже в сторону Ленинграда не ходили. Шли один за другим воинские эшелоны с сибиряками к линии фронта. На один из них мне удалось устроиться благодаря снисхождению пожилого старшины. Это была открытая платформа среди теплушек эшелонов.

Поезд отправился в сторону фронта без остановок. Но, не доезжая до станции Неболча, вдруг остановился. Раздались прерывистые тревожные гудки паровоза. Старшина скомандовал бойцам: «Прыгайте и в лес!» С ними прыгнул и убежал я.

Два немецких самолета пролетели вдоль эшелона, сбросив бомбы, но в эшелон не попали, вернувшись, обстреляли состав из пулеметов. Хотя бойцы успели покинуть эшелон, но все равно многие попали под осколки бомб и пулеметный обстрел. Здесь я впервые увидел кровь и смерть, ранения, которые несет война. Подобрав раненых, захоронив убитых, примерно через час эшелон двинулся дальше. Я спрыгнул с эшелона на ст. Тальцы, даже не поблагодарив старшину.

На станции стоял эшелон с ранеными, направлявшийся в тыл. В одной из теплушек с открытой дверью я увидел бойца с забинтованной головой, который играл на гармошке и пел незнакомую мне до и после песню.

Жена моя и друг ты мой надежный,
Мы здесь ведем с врагом жестокий бой.
За каждый дом, за каждый столб дорожный,
За то, чтоб вновь увидеться с тобой.

Жена моя, пиши мне, ради бога,
Я без тебя страдаю и грущу.
Но вам клянусь: до нашего порога,
Пока я жив, врага не допущу.

Я не знаю, чьи слова этой песни, чья музыка, но больше я никогда ее не слышал.

Сестры на станции Тальцы не оказалось: школа была эвакуирована в ближайшее село, потому что станцию неоднократно

бомбили немцы. Все же я ее нашел, пробыл у нее 2 дня. И с попутным эшелоном вернулся домой.

В октябре я вместе с моими одногодками и двумя стариками участвовал в лесозаготовках. Вернувшись домой, застал письмо из райкома комсомола, в котором меня приглашали прибыть в райком, в г. Боровичи.

Там я получил направление и рекомендацию для вступления в организующийся в городе разведывательно-диверсионный отряд под командованием тов. Эрдмана. Отряд состоял из работников НКВД, вернувшихся из госпиталей фронтовиков и комсомольцев города и района. Всего в отряде собралось 32 человека. Два месяца на изучение оружия, в том числе немецкого, подрывного дела, партизанской тактики, сначала в г. Боровичи, затем в г. Валдай. Отряд через леса и болота южнее озера Ильмень прошел через линию фронта в тыл врага. Сплошной линии фронта в том месте еще не существовало. Немцы в леса и болота входить еще боялись, так что отряд пришел без потерь и даже без стычек. Вооружены мы были автоматами ППД, гранатами Ф-1 и противотанковыми, у каждого было по нескольку толовых шашек. Одеты мы были в ватные телогрейки и брюки. Обуты мы были в яловые сапоги. Нательное белье было теплым. Теплые были носки и портянки. Имелась рация для связи с центром. Район действий отряда был определен предместьем города Старая Русса. С задачей разведки о передислокациях вражеских войск, уничтожения железнодорожных путей и мостов, комендатур, старост и полицейских участков справились удачно. Для подрыва магистралей была выделена группа минеров, которая и совершала данную «работу».

Тактика уничтожения комендатур и немецких ставленников осуществлялась следующим образом. Подойдя к селению, отряд останавливался, маскировался. В село направлялся юный наш разведчик Ченка, как мы все его звали, мальчик 13 лет. Он заходил в дома, где располагались фашисты и их прихвостни, расспрашивая жителей. Сам он представлялся сиротой-побирушкой. Вернувшись в отряд, доносил результаты своей «разведки» командованию отряда. Ночью выделенная группа входи-

ла в село, бесшумно, если удавалось, подходила к домам, указанным разведчиком, забрасывала их гранатами и так же без лишней стрельбы, экономя патроны, отходила к отряду. Отряд немедленно передислоцировался от атакованного села не менее чем на десять километров и останавливался в лесу для отдыха. В селах и деревнях ночевать приходилось очень редко. Спасались от холода в наспех сделанных землянках или у костров (так называемые нодьи, бездымные и создающие достаточно тепла). Так продолжалось два с половиной месяца. Здесь я понял и испытал на себе, что война — это не романтика, а тяжелейший труд и лишения. В одном из налетов я был ранен осколком немецкой гранаты в правую сторону груди.

Рана была неглубокой, но в отсутствие санитарной обработки стала нагнаиваться. Меня решено было эвакуировать через линию фронта на излечение. Со мной отправился еще один боец отряда в центр (рация вышла из строя). Мы без оружия, под видом беженцев, но обходя села и главные дороги, пересекли вражескую и нашу линии фронтов.

Вернувшись в г. Боровичи и пролежав в городской больнице всего две недели, я в свой отряд больше не вернулся. Тот же райком комсомола направил меня в истребительный батальон №112, дислоцирующийся в городе.

В задачи истребительного батальона, действующего в прифронтовой полосе, входила борьба с диверсантами и охрана военных объектов. Мне пришлось участвовать и в том, и в другом деле. Мы ликвидировали двух парашютистов при рейде по району. Потом охраняли пост ВНОС (воздушные наблюдение, оповещение и связь), а потом прифронтовой аэродром, расположенный около совхоза им. Кирова Боровицкого района. Находясь в батальоне, мы усердно изучали оружие, уставы караульной службы, а также боевой устав пехоты.

В батальоне я прослужил до призыва в армию, который состоялся в ноябре 1942 года, как у окончившего среднюю школу (мне было 17 лет и 8 месяцев). Нас, новобранцев г. Боровичи и района, а также двух смежных районов, направили по железной дороге на станцию Волховстрой-2, где группа пополнилась

«рекрутами» из других районов Ленинградской области. Началась военная подготовка, часто прерываемая налетами фашистской авиации, которая бомбила Волховскую электростанцию и железнодорожный узел, находящиеся в непосредственной близости от военного городка. В феврале 1943 г. нашу сформированную группу отвезли на станцию Кобона, а дальше по Дороге жизни через Ладогу. Пешим порядком по льду мы дошли до поселка Ладожское озеро (30 км), где расположились по правому берегу Невы, представляя тылы воинских частей, занятых прорывом блокады Ленинграда в Синявинских болотах совместно с армиями Волховского фронта.

В марте 1943 г., когда фронт после прорыва блокады стабилизировался, нас эшелоном доставили в Ленинград, где мы обосновались в запасном полку в Новочеркасских казармах, находящихся на Охте, что недалеко от Смольного.

Началась интенсивная военная подготовка. Мы не занимались шагистикой: учились стрелять, пристреливали оружие, проводили тактические учения, велась политическая пропаганда. Вместе с этим мы несли караульную службу, как внутри городка, так и на некоторых объектах Ленинграда. Здесь я увидел страшную судьбу моего родного города: разрушения, голод, холод, методический обстрел города фашисткой артиллерией. Правда, авиацию над городом уже в то время не допускали наши летчики и зенитчики. Проходя по улицам осажденного города на стрельбище, тактические занятия или для несения караульной службы отдельными подразделениями или командами, мы видели и покрытый маскировочными сетками Смольный, и зачехленный досками и засыпанный песком памятник Петру I, и закрашенные позолоченные шпили Адмиралтейской и Петропавловской крепости.

Особую досаду, а поэтому и ненависть к врагу мы испытывали, видя разрушения в центре города, снесенные на дрова деревянные строения на окраинах, заклеенные окна, часто зашитые фанерой, с закоптелыми трубами времянок. Жалость возникала при виде голодных детей, которые «шпалерами» выстраивались на пути прохождения наших подразделений. Мы,

сами еще почти дети, подкармливали ребятишек, раздавая им кусочки хлеба из скудных наших пайков. К методическим артиллерийским обстрелам города к концу пребывания моего в запасном полку мы свыклись. К счастью, на территорию казарм за это время не попал ни один снаряд.

В июне 1943 г. несколько маршевых рот из запасного полка были переданы на пополнение 30-го гвардейского корпуса генерала Николая Симоняка. Наша рота в числе других влилась в 63-ю гвардейскую дивизию, командовал которой полковник Афанасий Щелков. Полком, в который я попал, 192-м гвардейским, командовал Яков Кожевников.

Дивизия находилась в то время в поселке Тохсов, отведенная после боя на отдых и пополнение. 30-й Ленинградский гвардейский корпус был основной ударной силой Ленинградского фронта. Корпус входил в 42-ю армию.

63-я гвардейская дивизия получила свое гвардейское звание за успешные действия при прорыве блокады Ленинграда. Она (тогда еще 136-я дивизия) первой встретила наступающую с Волховского фронта 372-ю дивизию. Им обоим было присвоено за это звание гвардейских.

В составе полка во время моего прибытия было 30% оставшихся в живых фронтовиков, 30% снятых с балтийских кораблей моряков и 40% нас, молодых ребят 1925 года рождения. Я был назначен первым номером станкового пулеметного расчета. Вторым номером был балтийский моряк Николай Белов, подносчиками — знакомые мне боровицкие ребята Володя Лазурин и Паша Волков, ездового в расчете не было, он был не нужен при действиях в болотах.

Николай был сильным парнем, самым старшим по возрасту. Его мы слушались, как командира. Он, иногда шутя, говорил мне: «Твое дело — тело». Тело станкового пулемета «максим» весило 24 килограмма. Станок, который переносил Николай — 32 кг. Николай иногда при смене позиций перетаскивал весь пулемет, а это 64 кг веса.

Учения в гвардейском полку проходили в приближенной к боевой обстановке. Нас учили следовать за «огненным валом»,

как можно ближе к нему. Отрывать запасные позиции для пулемета, менять позицию через 3—4 очереди и т.д. Готовилась сентябрьская операция взятия Синявинских высот. В конце августа 1943 г. дивизия, совершая сорокакилометровый марш-бросок, заняла позиции перед Синявинскими высотами, сменив обороняющие части. Сбить немцев с высот было жизненно необходимо для Ленинграда. В результате операции по прорыву блокады образовалась узкая полоса суши, по которой была проложена железнодорожная ветка, так называемая «сухопутная дорога жизни», по которой город соединялся с «Большой землей». Но она просматривалась и простреливалась немецкой артиллерией с Синявинских высот, что делало почти невозможным продвижение поездов, особенно в дневное время. Немцы за время длительного стояния на высотах сильно укрепили свои позиции, хвастливо называя их непреступным «Северным валом». Нам же приходилось атаковать высоты, передвигаясь по болоту вдоль торфяных разработок, по их междуречью. Но помогла наша артиллерия. Сотни орудий и дивизионы «катюш» настолько разрушили передовые позиции немцев, что мы заняли передние траншеи почти без потерь. Не останавливаясь, была занята и вторая линия обороны врага. Но в глубине, где артиллерия не доставала своим огнем, нам пришлось встретить упорное сопротивление фашистов. Батальон решил произвести разведку боем. Фронтовики знают, что это значит. От батальона взвод, от полка рота, от дивизии батальон демонстрирует атаку позиции врага, вызывая огонь на себя. Наблюдатели засекают его огневые точки. Конечно, среди атакующих не обходится без жертв, но, жертвуя малым, спасают многое. Война есть война. В этой разведке боем участвовал и наш пулеметный расчет. Данная операция запомнилась мне на всю последующую жизнь своей трагичностью: в ней погибло много моих фронтовых друзей. После войны я описал ее в своем стихотворении, которое я нигде не публиковал, но представляю его сейчас. Это не уходит из моей памяти, конечно, не все эмоции проходили во мне во время боя, но факт изложен в нем досконально.

Итак...

РАЗВЕДКА БОЕМ

Утро было сырым, туманным.
Сзади болото, а здесь овраг;
Вдали лесок, перед ним поляна
В овраге мы, за поляной враг.
Пришел лейтенант, он был у комбат.
Махнул на лесок, что вдали, рукой
И вяло буркнул: «За мной, ребята».
А мне, обернувшись, сказал: «Прикрой!»
И двинулся взвод, огибая кочки,
По закону войны, батальон храня,
Чтобы засечь огневые точки
Системы вражеского огня.
Лишь несколько метров прошли ребята.
Враг не стерпел: себя оголяя,
Накрыл минометным и автоматным.
Вздыбилась кустами разрывов земля.
Покрыта телами друзей поляна,
Таких знакомых, почти родных,
Вчера еще сильных, здоровых, румяных.
Ракеты в зенит, к нам бегут солдаты,
Не свои, чужие, их целый рой.
А у меня в глазах свои ребята,
В ушах приказ командира: «Прикрой!»
Чем их прикрыть, лишь полой мундира,
Готов бы и грудью прикрыть ребят,
Но есть приказ, приказ командира:
Лежать в засаде, а я солдат.
Мне б разреветься совсем не сложно,
Один, и мальчишечьи плечи дрожат.
Но плачут пусть женщины, мне не положено,
По воле войны я мужчина — солдат!
Лежу за щитком, глотая слезы,
И в горле комом, и губы в кровь,
И страх по телу прыщет морозом,
И тиком безудержным мечется бровь.
Да пот с лица струится градом,

И пальцы в сталь гашетки впились.
А губы шепчут: «Идите ж, гады», —
Сейчас посчитаемся — жизнь за жизнь!
Я понимаю, что этого мало:
Я ж тех не знаю и знать не хочу,
А скольких друзей у меня не стало,
Друзей фронтовых — не расскажешь, молчу.
Прощайте, ребята, не зря вы пали,
Не живы вы, но не жить и им.
И гневом бойца из свинца и стали
Полсотней смертей пулемета «Максим».
И цепи споткнулись пред мертвым взводом,
Комками серыми в грязь легли,
И мне не жаль грязно-серого сброда:
Мы их не звали — зачем пришли?
А нас от взвода осталось двое:
Я и вскипевший в бою «Максим».
А был и не бой, лишь
Разведка боем.

Медаль за заслуги перед городом мне вручил мэр города в 2003 году. Я действительно остался один. Мой второй номер Николай был убит осколком мины. Это случилось по нашей вине: мы долго задержались на одной позиции, и немцы нас засекли.

Но не допускать же немцев к своим позициям. Забыв о необходимости быстрой смены позиции, мы расстреляли всю ленту. За это и поплатились. Коля был убит, а я при смене позиции, уже запоздалой, был ранен пулей навылет в правую сторону грудной клетки. Меня подобрали санитары. Один из них был, наверное, из балтийских моряков. Я это определил из его слов: «Не робь, браток, подлечат в госпитале, возвращайся к нам снова». (В это время вышел приказ о возвращении гвардейцев после выздоровления из госпиталей в свои части.) Как меня доставили в медсанбат, а оттуда в Ленинград, я уже не помню — от потери крови потерял сознание. Очнулся я уже во втором Ленинградском медицинском институте (ЛМИ) на операционном столе, но и после этого я в течение двух недель находился в полубессознательном состоянии. За это время я похудел на 10 кг. Но все-таки

усилиями врачей (за что я до сих пор им благодарен) я был излечен и через три месяца возвращен в свою часть, но не в качестве станкового пулеметчика (слаб был еще носить 24 кг), а в роту автоматчиков.

Предстояла операция по освобождению многострадального города от девятисотсуточной блокады. И снова наш корпус, состоящий из трех гвардейских дивизий, находился на направлении главного удара, по направлению на Ропщу, для соединения с армией, наступающей с Ораниенбаумского плацдарма. Мне посчастливилось дойти с боями до Красного Села (бывшего Детского Села, где воспитывался Пушкин). После освобождения города я в атаке был ранен осколком мины, который, раздробив два ребра, пробил плевру и застрял в легком в правой стороне грудной клетки. Снова правая сторона, но если бы симметрично ранения были слева, я был бы уже на том свете. И снова медсанбат, а затем Ленинградский красноармейский госпиталь, который находился в то время в г. Вологде, куда был доставлен по железнодорожной дороге и я. Ранение оказалось коварным. Осколок, пробив и раздробив два ребра, оставил на них острые кромки, и когда плевра подживала и начинала двигаться, эти острые края вновь ранили ее. Кровь стекала вниз и, скопившись там, загнаивалась, температура нарастала. Так продолжалось почти полгода. Это объяснил мне главный хирург госпиталя, который предложил мне сделать операцию по резекции ребер и очистки плевральной полости от сгустившихся гнойных образований. Операция проходила под местным наркозом и оказалась успешной. Тем не менее в конце июля меня врачебная комиссия демобилизовала из армии со второй группой инвалидности.

Вернувшись домой, к радости матери, и отдохнув один месяц, я в конце месяца сдал вступительный экзамен и был зачислен на 2-й курс в Боровичский горно-керамический техникум. Победу 9 мая 1945 года я встретил, уже будучи студентом. Закончив в 1947 году техникум, был направлен по распределению на дальневосточный комбинат «Амурсталь» в город Комсомольск-на-Амуре. Там я проработал 6 лет в качестве мастера по ремонту, затем механиком огнеупорного цеха, в последние 2

года участковым механиком при ОТМ комбината по проведению планово-предупредительных ремонтов (ППР). Под моей эгидой были 4 основных цеха: мартеновский, прокатный, копровый и огнеупорный.

В феврале 1953 года я получил назначение от министра черной металлургии главным механиком на Майдан-Вельский огнеупорный завод. Но в связи с болезнью жены, которой была необходима срочная операция, а таковая в то время осуществлялась только в Москве, мы, приехав в Москву, обратились с просьбой о переназначении меня куда-нибудь в Подмосковье. Просьба была удовлетворена: меня назначили на Подольский завод огнеупорных изделий (ныне ОАО «Подольскогнеупор»), где я отработал 43 года в качестве механика цеха, начальника механического цеха, а с 1957 года начальником проектно-конструкторского отдела. В 1959—1965 гг. без отрыва от производства закончил инженерно-строительный институт (ВЗПИ) по своему профилю. Закончил даже аспирантуру и сдал кандидатский минимум, но защищать диссертацию не пришлось — умер мой руководитель профессор Сапожников, да и занят был на производстве.

За время работы на заводе много было подано и осуществлено изобретений. На 20 из них получены авторские свидетельства, более 150 рационализаторских предложений, которые внедрены в производство и способствовали развитию завода, который находится и в настоящее время в числе действующих предприятий отрасли. В настоящее время с 1996 года нахожусь на пенсии. Женат, имею двух детей, сына и дочь, трех внуков и одну внучку, имею даже одного правнука.

Что касается наград, то 19 ноября 1943 года я, будучи в госпитале (в ЛМИ), награжден медалью за оборону Ленинграда за №346999, которую вручил мне секретарь Ленинградского исполнительного комитета городского совета депутатов трудящихся Т. А. Бубнов от имени председателя совета Попкова.

После войны я был награжден орденом Великой Отечественной войны 2-й степени, пятью юбилейными медалями, знаком фронтовика, которые вручались мне Подольским райвоен-

коматом. Во время встреч с ветеранами нашей гвардейской части, дислоцирующейся в пос. Сертолово Ленинградской области, которые мы проводили регулярно, через каждые 5 лет, мне были вручены командованием дивизии знаки «За прорыв блокады» и «Снятие блокады Ленинграда», которые дороги мне вместе с медалью «За оборону Ленинграда».

После переименования города я не ношу трех последних. Считаю данное действо властей предержащих кощунством, плевком на могилы павших при защите Ленинграда воинов и жителей города, а их было более двух миллионов.

Итак, согласно пословице: сына я вырастил, дом построил, хотя и не каменный, но собственноручно, дерево (и не одно) посадил и вырастил, поэтому свою миссию в жизни считаю выполненной.

В настоящее время, участвую в общественной жизни г. Щербинки, работаю в Совете ветеранов, являясь заслуженным гражданином.

К сему, экс-гвардии рядовой

Январь 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Анохина Анастасия Александровна**, ученица 10 «Б» класса, средней школы №4 г. Щербинки, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Щербинка.

Гурова Нина Михайловна

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРОНТОВЫХ БУДНЯХ

Родилась 22 января 1924 года в Москве.

Девичья фамилия Левшицкая. В семье было 4 детей. Русская. Верующая. Состояла в комсомоле, была пионеркой. В Москве училась до 7-го класса в школе №9, затем еще год в школе в Венюкове.

Воспитывалась я в Москве. Жестоко воспитывалась. Нет, нас никогда пальцем родители не трогали, просто папины родственники все священнослужителями были и воспитывали нас по-особенному. Например, задержишься с катка, наказывали, а наказывали так: в супе, например, плавали две помидорины, и вот я должна была их съесть. Кто что не любил больше всего, тот то и делал. И благодарна я своим родителям, хорошо, я считаю, воспитали.

После окончания школы, через полгода, мне пришлось устраиваться на тогда еще текстильный завод в Венюкове. Тогда там делали станки для ткацких фабрик и меня взяли в статистику на должность учетчика. Устроилась я, вроде все начало налаживаться. Начали догадываться о войне, когда стала поступать

другая сталь. Вот за сколько начали к войне готовиться. Поработала я в статистике, а потом перевили меня к станку, и делала я чистовую обработку полевых мин. Работала я на ДИП-400. И знаете, как работала? Меня хвалили, мужики так не работали как я. Женская работа на станках считалась аккуратнее, мы берегли металл. Подметали, все собирали, ведь сталь шла дорогая. А потом через полгода стала чувствоваться напряженная обстановка. Я тогда в плановом отделе работала, когда появился шумок о том, что «Дегтярева» отстреливали, испытывали. Работали мы не покладая рук, с заводов не уходили. Но не сразу нам сказали, что война началась.

Узнала о начале войны 25 июня 1945 года. А о войне мы как узнали? Тогда у нас радио и телевизоров не было, по-другому жили. И нам сообщили через два дня после ее начала. Тогда засуетились, полезли на гору, гора тогда большая была, самолеты залетали. И мы, дети, подростки моего возраста, тогда уже в землянках жили, рыли ямы и в них жили. А перед этим финская война была, народ был еще напуган, столько смертей было, столько детей мучили.

Еще до войны мы поехали мальчишек своих молодых на фронт провожать. Мы тогда не целовались еще, а один мальчишка мне очень симпатизировал. Он мне тогда фразу сказал, никогда не забуду: «Поцелуй меня в первый и последний раз», ну и поцеловал меня в щеку. Прав оказался: никто из них не вернулся, всех убили.

Через некоторое время в Куйбышев нас эвакуировали, я уехала с третьим эшелоном. Там такой же оружейный завод был. Семнадцать лет мне тогда было. Папа наш работал тогда в военкомате, и нас тогда всех в армию отправили, пришел приказ. Попали мы в Уготско-Заводской район. Приехали туда, а не знаем же, в какой штаб идти. Полгода мы там отбыли и только потом нас в части перевели авиационные, в 684-й батальон. И причем записали меня тогда только в армию, и звание рядовой дали, когда в свой батальон попала, а до этого вольнонаемницей считалась и нигде не числилась.

Часть нашу в Мещерском формировали. Там три части было. Первый командир у нас был мужчина хороший, по-моему, Павлов у него фамилия была. Очень порядочный мужчина, майор.

Непосредственно на фронт нас отправили, когда мы были во Владимирской области, тогда еще 1927 год отправляли. Ребята еще совсем молодые, совсем без оружия, вот здесь мы страху и натерпелись. Под Тихвином это было. Вот где нам досталось крепко, потому что мы были практически невооруженные, нечем было воевать. Хоть мы и были два километра от передовой, но досталось нам. И канонаду слышали, и самолеты летали, бомбили нас. Особенно одна неделя тяжелой была. Вот это месиво было, хоть и прятались, но...

Здесь я свою медаль «За доблесть и отвагу в ВОВ» получила. Ее мне сам Гречко вручал. А получила за задание особое. Мы тогда уже домой собирались, а поступило сообщение о том, что фабрику какую-то вроде бы взорвали, и собрали нас 3 группы. Девчонок нас мало было, и попали мы в группы по две, три. В моей группе вот как раз три было. Направили нас, в общем, лес прочесывать, и поймали мы пятерых немцев. А потом еще двоих в этом же лесу поймали. Нас, как вы понимаете, шесть девчонок было, вот нас всех шестерых и наградил Гречко. А что мы потом с немцами делали? Да дальше отправили их. Надо сказать, они не сопротивлялись, ну попались, что ж поделаешь. Культурно себя вели, но не разговаривали с нами, не могли просто по-русски говорить.

А еще у нас здесь случай был. К солдатке нашей мать приехала, ну навестить. И переходила она через пути железнодорожные, а там два поезда встречных шли: один из Москвы, а другой в Москву. Вот она между этими поездами и попала. Ветром ее закрутило и под колеса кинуло. Всю ее изрезало. А узнали как? Я шла, гляжу, чемодан желтый валяется, оказался ее чемодан. Солдатку ту Аней звали. Она как узнала о гибели матери, так какая-то странная стала. Дали ей, конечно, два дня отдохнуть, но не скоро она успокаиваться стала. Вот такой случай был.

Здесь мы были около девяти месяцев, это уже практически конец войны был, причем позывные наши были «Победа», и когда победу объявляли, то дед старый на телефоне ничего не понимает, говорит кого-то к телефону, а трубку берешь — и со всех сторон: «Победа! Победа!» Вот так мы о ней и узнали. Ой! Летели с этих нар, счастье было.

А надо сказать, что женщины мы мужественными были. Жили мы на нарах двухэтажных. Стойко все тягости переносили. Зимой все замерзало, а мы любили полы помыть, чтобы командиры вперед нас прошли и споткнулись. А что? Хоть как-то улыбаться надо было, хоть уже и взрослые были. Надо сказать, что я женщина единственная была, которая свой табак просто так мужчинам отдавала (нам тогда выдавали табак), а не на сахар меняла. А женщины у нас взаимозаменяемы были, только менялись, просто так не отдавали. А я к этому отрицательно относилась, даже до скандала доходило. Была у нас одна женщина, которая практически все время на гауптвахте просидела.

Конечно, хорошего мало видели, и слез много пролили. А особенно мне все же эти ребята 1927 года рождения запомнились, очень молодые были, все полегли.

Тяжело нам было. И на земле мы спали, многое пережили. Хамства много было. Но у нас командир роты был хороший, а начальник штаба был плохим человеком.

А ранений у меня не было, бог миловал. Так пару раз трясло, но ничего, проходило.

Демобилизовались мы обратно во Владимирскую область, но здесь даже жить было негде, все было разрушено. Вернулась я в город Чехов. Здесь и замуж вышла, за чеховского мужчину. Гуров Сергей Федорович, он был парашютистом, всю войну прошел без ранений. Демобилизовался он позже меня, женщин первыми демобилизовали. Около двадцати лет тому назад умер он.

Я жизнь прожила тяжелую, дети были на моей шее. И шила и вышивала, и работала постоянно. А работала я после войны сначала на Венюковском заводе ЭНЕРГОМАШ (завод энергетического машиностроения), а после того как замуж вышла, перешла не Чеховский регенератный завод (ЧРЗ).

Но сказать хочу, что я жизни своей благодарна. И дети у меня прекрасные, один у меня, правда, умер, но с женой его мы живем душа в душу, ни разу она мне еще «ты» не сказала, и внук у меня просто прекрасный. Но память у меня уже плохая, ни чего практически с того времени не помню, 81 год уже, как-никак идет, да и здоровье уже не то. Я благодарна своей жизни. Так что жаловаться на нее не буду, но хочется, чтобы войн на

вашу долю не досталось, и чтобы жили вы счастливо, и всегда у вас хорошо все было, не так, как у нас.

Боевой путь проходил через город Тихвин.

Награждена медалью «За отвагу и доблесть в ВОВ» министром обороны СССР Маршалом Советского союза А. Гречко. А также награждена медалью «За победу над Германией» (к сожалению, документы и медаль утеряны), медалями 30, 40 и 50 лет Победы.

Ранений не имею.

Погибших в войне родственников не было.

Собственных опубликованных и не опубликованных произведений у меня нет.

Других публикаций обо мне не было.

Март 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Редька Алексей Владимирович**, ученик средней общеобразовательной школы №1 с углубленным изучением отдельных предметов, г. Чехов.

Драничников Андрей Егорович

КРАСНЫЕ ФЛАГИ В БУХАРЕСТЕ

Я родился 18 сентября 1926 года в деревне Драниченки Фаченского района Кировской области. В деревне было 35 дворов. В царские времена ее основал некто Драничников, и по мере того, как разрастался его род, и дома в деревне прибавлялись. Так что в той или иной степени все приходились друг другу родственниками. Семья была немаленькая: сестры Елизавета (1915—1980), Анна (1921—1998), братья Владимир (1918—1977), Александр (1924). Отец работал на мясоперерабатывающем предприятии. Он умер в 1945 году от воспаления легких. Мать всю жизнь проработала в колхозе, умерла в 1975 году.

По национальности я русский. Веры православной. Когда отправлялся на фронт, мать крестик повесила, сказав, что если носить будешь, то Бог тебя сохранит. Я часто вспоминал материнские слова: и когда через Дунай на амфибиях переплывали под обстрелом «мессеров», и когда тонуть я начал, да, к счастью, успел старшина Базаров на помощь прийти. Сколько раз он меня прикрывал, не давал вперед под пули лезть. «Куда лезешь, бесова душа!» — запомнились мне частые слова старши-

ны. А крестик матери я всегда носил с собой, прятал его, нельзя было в те годы в Бога верить.

В партии не состоял. Когда работал в военкомате в Мукачево, был членом и председателем профсоюза. Сейчас член клуба «Фронтовик» г. Краснознаменска (командир второй группы).

В 1933 году пошел в первый класс неполной средней школы. Окончил 7 классов. Учится далее не пришлось, так как началась война. Работать нужно было за взрослых мужчин, ушедших на фронт.

Я узнал о начале войны 21 июня 1941 года из репродуктора в колхозной конторе. Вся деревня слушала обращение Молотова. Потом кто-то сказал, что будет выступать Гитлер. Но приехал человек и репродуктор из конторы забрал. Да потом его и слушать было некому, так как мужчины ушли на фронт, а женщинам было не до этого. Страшны были проводы на войну. Мужчины шли, женщины их рядом рыдали.

9 ноября 1943 года призвали меня в ряды Красной Армии, направили в г. Горький, ныне Н. Новгород, в школу радиоспециалистов в 62-й отдельный запасной радиополк. После окончания присвоили квалификацию — радиотелеграфист третьего класса и звание младший сержант. Пункт формирования нашего соединения находился в г. Наро-Фоминске, а технику для боевых действий мы получали из Архангельска и Ленинграда.

На фронт меня отправили в звании рядового радиотелеграфиста в составе 252 отдельного моторизированного батальона особого назначения. Задача наша состояла поступить в распоряжение командующего 3-м Украинским фронтом Толбухина и принять участие в разгроме Яссо-Кишеневской группировки. Боевым крещением для меня стал румынский город Галац (август 1944 года). Страшен был первый бой. Правда, осознание какое-то пришло уже после него, когда в госпитале очухался, ведь я тогда же получил свое первое легкое ранение. После взятия Галаца батальон наш стали называть Галацким. И на следующий день Румыния сдалась. Румынский царь Михай был первым иностранцем, которому Сталин вручил орден Победы.

Далее следовал город Брэила (август 1944), где располагался огромный фашистский концлагерь. Освобожденные заключенные рассказывали, что им давали по 1 ложке гороха в день.

Потом был Бухарест. В городе нас встречала демонстрация. Все с красными флагами. Народ лез на машины. Каждому хотелось проехать вместе с освободителями. Далее мы отъехали на западную окраину Бухареста, и наша армия 3—4 дня стояла. А через неделю в город вошел 2-й Украинский фронт. Они въехали на машинах с автоматами, а освобождать город уже было не от кого. Но тем не менее название Бухарестских дали им, как освободителям.

Далее фронт подошел к границам Болгарии. И совместно с 1-й гвардейской болгарской армией мы прошли освободительным победным походом через всю страну. Города: Русе, Лом, Видин были на нашем пути. Всеобщее ликование, танцы местного населения. Хороводы водили прямо на улицах, да так, что нам на машинах проехать было трудно. Мужики местные по два жбана из тыквы в руках держат, а в них вино налито, на технику лезут: «Братушка, братушка, возьми». Так, пьяненькие и счастливые, мы подошли к Югославии, где в городе Заечар (сентябрь 1944) нас встретили немцы. Но на выручку подошла танковая дивизия, немцев смогли потеснить до Белграда. Тяжелейшие бои были за этот город. И 20 октября, в день освобождения Белграда, я получил тяжелое ранение. Взорвался артиллерийский снаряд. Да так, что я подлетел на 2 метра вверх и на голову приземлился. Итог: сломана ключица и пробита голова. Очнулся в госпитале в г. Свелайнец, что под Белградом. Там и пробыл до поздней осени. Мы, те, кто не лежачие, после обеда обычно ходили гулять. В одну из таких прогулок познакомились мы с Лепосавой. Сама она была беженкой из Белграда, в Свелайнеце у тети жила. Но после моей выписки не суждено нам было больше встретиться. Я написал ей несколько писем, но думаю, они не дошли.

После выписки я прибыл в свою часть в Венгрию, где недалеко от города Надьканижа и Капышвар, между озером Балатон и рекой Дунай в перешейке длиною 70 км поздней осенью 44 года немцы скопили значительные силы и обрушились на левый

фланг 3-го Украинского фронта. Отступать нам пришлось километров 70. Там погиб наш командир-Швец Павел Дмитриевич. Хороший человек был, любили его солдаты. Похоронили мы его в Капышваре. Далее были бои за Будапешт (зима 1945). Город несколько раз переходил из рук в руки. Потом Австрия. И города: Грац, Линц, Леобн. Так и подошли к маю 1945 года к северной границе Австрии и восточной границе Германии. Целый день шел бой примерно в 20—30 км от границы. К глубине ночи он прекратился. А на следующий день немцев мы не обнаружили. Оказывается, они за ночь ушли на север к Берлину. Но зато нас ждала встреча с передовыми частями американских войск, которые сражались неподалеку. Радостной встреча была: солдаты обнимались, братались.

Ну, вот он, наконец, настал! Долгожданный День Победы! Проснулся я ночью от пальбы. Все были взбудоражены. Первый вопрос: «Кто напал: немцы или американцы?» — «Да нет, Победа!!!» Что тут было! Люди в трусах выпрыгивали, кричали, все палили в небо.

После войны в нашей 57 армии была создана группировка войск, которая своим ходом должна была пройти по тому же пути обратно. То есть через Австрию, Югославию, Румынию. На своей боевой технике, при этом сопровождая технику, полученную по репарациям. В румынском порту Констанца немецкие машины мы погрузили на баржи. Ну а далее я по совету моего командира капитана Дзюбы Н.М. поехал в Киевское Краснознаменное училище связи имени Калинина, по окончании которого получил звание лейтенант. А далее продолжение пути, что называется «Родине служить». Довелось поучаствовать в венгерских событиях 1956 года. Большие уличные бои были в Будапеште. Подвалы под огневые точки использовались. Наша задача состояла в захвате парламента, государственного банка и американского посольства. При выполнении боевой операции я получил пулевое ранение.

В следующем 1957 году случилось печально известное дунайское наводнение. Люди забирались на крыши своих домов. Мы целый месяц на амфибиях ездили, оказывали помощь местным жителям, привозили им хлеб, колбасу. Страшная картина

была: голодные люди на крышах, овцы, поросята прямо в воде плавали. Позже мне дали медаль «За спасение утопающих».

В 1968 году участвовал в событиях «Пражской весны». Нашей дивизии было приказано в трехдневный срок совершить переход из Ужгорода в Прагу и занять там свое место в лесу — днем осуществляли переход в 500 километров, а ночью спали. Первым на нашем пути областным центром был город Кошица. «Теплый» прием устроило местное население. Гайки, болты, камни летели в наши машины. В итоге ни у одной не осталось целого лобового стекла. У многих по лицу шла кровь. Я часто потом думал, что если б у солдат было б хоть по одному патрону, то страшные вещи бы начались. Но кто-то сверху видимо это предусмотрел, и нам не дали ни одного патрона. Когда мы прибыли на место назначения, приехали чехи и привезли нам новые стекла на машины. Стояли с августа по ноябрь, а в декабре поступил приказ о возвращении в Мукачево.

Закончил я службу в звании подполковника. В 1973 году уволился из армии. И до 1994 года проработал в военкомате в городе Мукачево (Западная Украина) на должности старшего помощника начальника первого отделения ОГРВК. В 1994 году переехал в город Краснознаменск к дочери.

Награжден: орденом Отечественной войны I степени за ранение под Белградом, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «Отечественная война. Болгария 1944—1945 годов», «За спасение утопающих», «Ветеран труда», «За победу над Германией» и многими другими орденами и медалями.

Все мои родственники, участвовавшие в Великой Отечественной Войне, остались живы. Брат Владимир Егорович (1918—1977). Был призван в 1939 году и отправлен на Восток. Во время Великой Отечественной войны их часть перебросили под Ленинград. Брат награжден двумя орденами Красной Звезды. Звание — майор. Должность — начальник вещевой службы части.

Сестра Анна Егоровна (1921—1998). До войны работала на заводе в г. Дзержинске, табельщицей. Во время Великой Отечественной войны стала рядовой зенитчицей. В период 1941—1945 гг. служила в ПВО Московского округа.

Сейчас я живу активной общественной жизнью. Участвую во всех мероприятиях, организуемых клубом «Фронтовик». Рисую картины.

Январь 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Киселева Лариса Евгеньевна**, студентка 3-го курса фармацевтического факультета Новосибирской государственной медицинской академии, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», г. Краснознаменск.

Дудыкин Владимир Михайлович

ЛЕТАЛИ НОЧЬЮ

Родился 17 января 1925 г. в Московской области, Рузского района в селе Ибойлово. Русский, атеист, комсомолец.

До войны учился в 8-м классе Дедовской средней школы, Истринского района, г. Дедовска Московской области.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г. в г. Дедовск, Истринского района Московской области. Школьник.

На войну ушел по призыву. 4 января 1942 г. был зачислен в 16-й истребительный батальон Истринского района.

Направлен в 1943 г. на учебу в Ленинградский авиационно-технический техникум в г. Магнитогорск на курсы усовершенствования специалистов ВВС. Закончил училище в воинском звании старшины. Направлен в г. Клин в 10-й гвардейский авиационный транспортный полк в должности борттехника. Командир полка полковник Нейронов С.Г.

Московский авиационный институт 1955 г.

Участие в боевых действиях:

1-й Белорусский фронт в должности борттехника с 19.12.43 по 09.05.45

Забайкальский фронт в должности борттехника с 09.08.45 по 03.09.45

Демобилизовался в июле 1948 г.

Награжден:

Орден «За победу над Германией», вручен в 1945 г.

Орден «За отвагу», вручил генерал-майор авиации Горский в г. Клин в 1945 г.

Орден «За победу над Японией», вручен в 1946 г.

Орден Отечественной войны II степени, указ от 11 марта 1985 г.

Ранения: осколочное ранение в голову. Лечился в госпитале г. Клин.

Погибших в войне близких родственников не было.

Собственные опубликованные произведения имею (районная газета «Истринские вести»).

Другие публикации обо мне имеются в периодических изданиях Истринского района.

Воспоминания о боях под г. Дедовском

В то время я был 16-летним парнем. Только окончил 8-й класс Дедовской СШ. Тогда она была единственной в округе. Уже прошел выпускной для десятиклассников. А я готовился к переходу в 9-й класс.

В один из дней, мы с другом пошли в лес за грибами. Они только появились. Набрали, выходим из леса, а на улице народ толпится. Только и слышно: «Война, война…» Мы сразу поняли, в чем дело. Вот так и узнали о начале войны. В жизни все прозаически.

Уже через месяц начались налеты немецкой авиации на Москву. Организовывались отряды противовоздушной обороны. В составе этих отрядов были ученики старших классов. Домов в городе было мало, а больших и подавно. Двухэтажное здание школы считалось подходящим, и во время воздушных тревог мы дежурили на крыше своей школы.

В июле 1941 года стало создаваться народное ополчение. Мы с друзьями подали заявление с просьбой о зачислении в его ряды, — все мальчишки стремились на фронт, понимали, что надо защищать Родину. Через некоторое время получили повестки и поехали в Истру в военкомат. Но, т.к. принимали только с 17 лет, нас оттуда погнали. Сказали, чтоб не мешались, позовут, когда надо. Было нам всем по 16 лет.

У нас в г. Дедовске организовывался истребительный батальон Истринского района по борьбе с диверсантами. Туда нас тоже не взяли. Везде только с 17 лет. Тем временем линия фронта продвигалась все ближе и ближе к Дедовску.

И вот в октябре месяце мы уже почувствовали, что война подходит близко к нашему городу — началась операция немцев «Тайфун», которая имела целью захват Москвы.

Летали немецкие самолеты и разбрасывали листовки, в которых говорилось о том, что Красная Армия разбита, дальнейшее сопротивление бесполезно; красноармейцам предлагалось сдаться, перейти на их сторону и т.д.

Тем временем фронт продвинулся к Волоколамску, где стояла дивизия генерала Панфилова, сдерживающая наступление немцев. В помощь им были направлены дивизия народного ополчения и дивизия Белобородова. Тогда уже реально почувствовалось, что война-то рядом.

19 октября был приказ Государственного Комитета Обороны о мобилизации всего взрослого населения от 16 до 60 лет на строительство оборонительных сооружений под Москвой. Руководство г. Дедовска призывало к помощи в строительстве вокруг города. Все работали, вручную копали противотанковые рвы. Пришли как ребята младше шестнадцати, так и старики, которым далеко за 60 лет. С 20 октября до 7 ноября 1941 года мы ходили на работу каждый день и выкопали большой противотанковый ров вокруг Дедовска.

В один из дней стало известно, что наша армия окружена под Вязьмой. Из этого окружения выходили красноармейцы и шли они на сборный пункт в г. Красногорск по нашему Волоколамскому шоссе. Их вид действовал на нас очень удручающе. В прожженных шинелях, грязные, кто с оружием, а кто без него,

голодные… Хотя у местных жителей с продуктами было плохо, все же пытались им помочь, чем могли, накормить. Настроение у отступающих было неоднозначное. Одни говорили, что наши еще держатся, а другие, что еще 2-3 дня и немцы будут здесь. Что бы ни говорили, мы всегда надеялись на лучшее и продолжали работу.

Мне запомнился день 6 ноября. Была хорошая, ясная погода и немецкие эскадрильи самолетов массами летели к Москве. У нас была бессильная злоба. Вот они — самолеты врага, идут на небольшой высоте, а мы ничего не можем сделать. Они разбрасывали листовки такого содержания: Сталин удрал за Урал, Красная Армия разбита.

Когда мы строили оборонительные сооружения, нас часто обстреливали с воздуха. Со временем мы немного пообвыклись с этими условиями работы. 7 ноября погода резко сменилась, пошел сильный снег. Мы этому обрадовались, т.к. погода была нелетная, можно было не опасаться бомбежки. В этот день всех отпустили с работы пораньше. Придя домой, мы прослушали трансляцию выступления Сталина на Красной площади во время парада, после которого бойцы сразу пошли на фронт. Эта трансляция имела большое значение для людей, появилось реальное ощущение, что все под контролем, захватчики получат отпор.

8 ноября мы пришли на строительство и увидели, что сооружения уже заняли красноармейцы. Можно было возвращаться домой.

Мои родственники уехали в близлежащий г. Красногорск, а я решил остаться в Дедовске. Я считал, раз Сталин в Москве, то все будет хорошо, немцев задержат на каком-нибудь рубеже, а до нашего города они не дойдут и вовсе.

В те дни качественное отличие мощи вооружения немцев и наших было значительным. Рядом с моим домом в лесочке располагался 106-й артиллерийский гаубичный полк. У них на вооружении были пушки. На лошадях выкатывали их на опушку леса, распрягали и отводили их подальше. Постреляют немного и обратно. А через какое-то время немец отвечал огнем минометов.

Я решил, минуя военкомат, пойти в это ополчение добровольцем. Кто-то из бойцов сразу направил меня к комиссару,

была вероятность, что он разрешит остаться у них. Но, как и в прошлый раз, комиссар ответил отказом. Вновь я остался дома.

Однажды к нашему дому — а он располагался ближе остальных к железной дороге и шоссе — подъехал старшина. Он сообщил, что принято решение расположить в нашем доме полевую кухню одного из подразделений дивизии Белобородова, полка Суханова. Я подумал, что в случае отступления наших войск буду отступать вместе с этой кухней. Ведь оставаться на оккупированной территории было опасно. Но была надежда, что на рубеже р. Истры врага задержат. К сожалению, так не получилось.

Немецкие войска перешли плотину Истринского водохранилища и форсировали р. Истра. 26 ноября они захватили г. Истру. Началось наступление на г. Дедовск. Развернулись очень упорные бои. Была вероятность, что наши войска оставят город. Этого никто не говорил, и в официальной литературе подобных сведений нет. Но я сам был свидетелем того, как 29 ноября наши стали подрывать железнодорожные пути, мосты, все телеграфные столбы вдоль железной дороги, склады, все пристанционные постройки и станцию Гучково (ныне — станция Дедовск). Стало понятно, что в ближайшие дни немцы будут здесь. Они заняли окрестные деревни Дедово-Талызино, Селиваниха, Петровское, Нефедево, Турово, Рождествено. Еще немного и после Дедовска дорога на Москву была бы открыта.

О положении дел на фронте узнавал от работников кухни. Они выезжали кормить бойцов, и все новости и том, где в данный момент проходит линия фронта и какие деревни заняты, были им известны. Я всегда был рядом, помогал, носил дрова, топил печку и т.д.

Однажды кухню не могли провезти к бойцам. Они располагались близ захваченной немцами деревни Дедово-Талызино. Территория сильно обстреливалась. Проехать они не могли — кругом поля. Я, как человек местный, знающий все объездные пути, предложил им свою помощь. Надели на меня шинель, посадили рядом с ездовым, и мы поехали. Было интересно посмотреть, что же это за передовая такая?

Когда мы приехали, я был сильно разочарован. Ожидания не оправдались. В тот момент на передовой было спокойно. Бы-

товая обстановка боевых будней не вызвала ожидаемых эмоций и впечатлений.

У некоторых бойцов не было котелков. Они снимали каску с головы и наливали в нее какие-нибудь щи, сверху кашу, из-за голенища доставали ложку. Покушают, протрут каску снегом и надевают ее поверх шапки. Пообедал, и все нормально. Вот так я впервые побывал на передовой.

Штаб 9-й гвардейской дивизии Белобородова находился в деревне Желябино в лесочке между г. Дедовском и Нахабино. Все бои шли в районе нашего города. Кто-то доложил Сталину, что Дедовск сдан. После этого он вызвал Жукова и приказал ему самому возглавить атаку и вернуть город, т.к. путь на Москву открыт. Жуков приехал и вызвал командующего 16-й армией Рокоссовского. В итоге выяснилось реальное положение дел, — город не взят. Он все же ругался и приказал переместить штаб непосредственно в г. Дедовск. Теперь начались бои за каждый пятачок земли.

Город простреливался, сбрасывались бомбы. Мы к этому настолько привыкли, что не обращали внимания. Однажды я шел в г. Красногорск к родственникам. Стрельба не прекращалась. Вдруг, совсем рядом, провизжала мина и упала. Я тоже бухнулся в снег. Ничего не происходит. Она лежит, и я лежу рядом… К моему счастью, она не взорвалась. Я встал и пошел дальше. И такое бывало.

5—6 декабря 1941 года началось наступление наших войск. Для немцев это было неожиданностью. Оказалось, командование по ночам скрытно копило силы. Мы были удивлены и обрадованы, т.к. казалось, что такое «топтание на месте» будет продолжаться еще долго. Но, вот оно, — долгожданное наступление. К 9-й гвардейской дивизии Белобородова присоединились 36-я и 40-я бригады морской пехоты. Чтобы остановить немецкие танки, рядом с деревней Нефедево располагалась танковая бригада Катукова.

6 декабря я проснулся от шквала артиллерийской канонады. Весь дом ходил ходуном. Снаряды летели сплошной полосой. Потом на некоторое время все затихло. Затем, совсем близко, стали слышны автоматные и пулеметные очереди. Было непо-

нятно, какое же это наступление, если слышавшаяся стрельба не удалялась, а наоборот, приближалась. Оказалось, что когда наши войска начали наступление на деревню Рождествено, немцы уже приготовились к отпору. Разведчики из дивизии Белобородова не провели должной разведывательной работы и доложили, что деревня оставлена немцами. В наступление наши бойцы пошли, как говорится, во весь рост по большому открытому полю. Немцы их немного подпустили и открыли ураганный огонь… Я прошел всю войну, многое видел, но столько тел погибших пришлось видеть только на этом поле! Их были сотни. Разведка подвела. В результате, немцы оказались на окраине города Дедовска и заняли построенные нами укрепления.

Создавшееся положение спасли морские пехотинцы, которые примкнули к дивизии Белобородова. Они наступали с фланга. Бой длился целые сутки. Не смотря на то, что у каждого были каски, в атаку они шли в бескозырках. Многие из них полегли. Я видел тела погибших. Было понятно, что моряки держались из последних сил.

В некоторых источниках написано, что наступление наших войск началось 6 декабря, но, фактически получается — оно захлебнулось. Только по истечении суток деревня Рождествено бала освобождена. Далее немцев погнали на запад до г. Истры. Моя кухня тоже направилась туда, а я остался дома. Истру освободили уже 11 декабря.

У нас в городе стала налаживаться жизнь. Все власти переехали в здание, в котором на данный момент находится филиал Российского Государственного социального университета. В то время оно еще не было полностью достроено.

Путевка на войну

1 января, в первый день нового 1942 года ко мне пришел приятель и сообщил о том, что нас вызывают в районный комитет комсомола для перерегистрации всех комсомольцев. Секретарь принял с нас комсомольские взносы и выдал путевки в 16-й истребительный батальон Истринского района. Семнадцати лет мне еще не было, но расчет был на то, что когда я приеду в подразделение, уже исполнится. 4 января меня зачислили в ряды

бойцов. В батальоне были 16—17-летние ребята и старики. Остальные были уже давно на фронте. Нам выдали польские винтовки и по 15 патронов, — с вооружением было плохо. Задача заключалась в охранении тыла, поиске диверсантов и дезертиров.

В марте открылась Дедовская средняя школа. Я написал рапорт, в котором просил разрешения уйти из батальона для продолжения обучения в школе. Хотя время было тяжелое, мое желание учиться восприняли с пониманием. С марта месяца по август учился и одновременно работал в военно-восстановительной колонне. Потом пошел в 10-й класс. В ноябре 1942 года меня вызвали в военкомат и сообщили о возможности поступить в Ленинградское Авиационно-техническое училище в городе Магнитогорске. Конечно же, я бросил школу и пошел туда. После года обучения, 19 декабря 1943 года в должности борттехника я попал на фронт.

Направили меня в 10-й гвардейский авиационный транспортный полк под командованием полковника Нейронова Сергея Григорьевича в город Клин в звании старшины. Я летал на транспортном самолете Ли-2. Экипаж состоял из пяти человек: двух пилотов, штурмана, борттехника и радиста. Получилось так, что зачастую я не знал, куда летим. Радист работал только на прием, о задании знал штурман. Переговариваться и сообщать какую-либо информацию запрещалось. В мои обязанности входило все, что касается технического оснащения: перед взлетом подготовить самолет к полету, убрать шасси, следить за температурой двигателя, уровнем масла и горючего и т.д.

Мы забрасывали десантников в тыл врага, снабжали партизан. Летали ночью.

Был случай, когда самолет приземлился в лагере партизан, а взлететь уже не смог. Развить необходимую скорость не удавалось. Лежал снег, и взлетная полоса была не приспособлена. Самолет пришлось сжечь, а экипаж выводили партизаны за линию фронта.

Когда перевозили важный груз и высокое начальство, нас сопровождали истребители. Тогда летели смело, знали, что находимся в безопасности. А обратно, пустые, шли в одиночку. Нас обстреливали. В реальности, мы были вооружены формально. Из

вооружения у нас был крупнокалиберный пулемет. Я пролетал всю войну и не знаю случая, чтобы мы сбили немецкий самолет, будучи на транспортном. Пользоваться имеющимся пулеметом не имело смысла. Подобная громоздкая тихоходная машина была не приспособлена для ведения боя и маневров. Если кто-то попадался немецким самолетам, рисковал быть подбитым.

Как-то раз мы попали под обстрел. Выстрелом зенитки повредило обшивку самолета, и осколок рикошетом, по касательной, угодил мне в лобную часть головы. Я попал в больницу. Пару дней спустя, пришли мои ребята сказать, что улетают. Я не выдержал, плюнул на все и убежал обратно к ним. В полку, как полагается, меня отругали, но я все же полетел со своими.

Во время освобождения Белоруссии нам часто приходилось летать за линию фронта. В труднопроходимых местностях, где наземные машины не имели возможности продвигаться, самолет являлся единственной возможностью транспортировки грузов и людей.

Как-то ночью я проснулся от оглушительного шума, стреляли из всех видов оружия. Нам сообщили, что война закончилась. Столько времени мы этого ждали! Радости нашей не было предела.

Война на западе кончилась, и мы остались без дела. Работы не было. Мы гадали, куда же нас переведут? И вот в один из дней наши штурманы принесли карты Дальнего Востока. Нам и в голову не приходило, что будет очередная война. Создалось впечатление, будто бы мы просто перебазируемся. Начали загружать запасные бензобаки и какое-то оборудование. Зачем все это делалось, было пока неизвестно. Через пару дней зазвучала тревога, был отдан приказ вылететь на восток. Приземлились сначала в Казани, потом в Ижевске, Чите, Омске, Красноярске и т. д. Прилетели в Монголию на полевой аэродром в городе Чебалсан. Здесь начали работу. После очередной ночной выброски десантников, посадили самолет. Я только зачехлил моторы — и вдруг тревога. Нас построили и объявили, что где-то в районе Хабаровска на СССР напала Япония. Стоим в строю перед самолетами, а в небе над нашими головами уже летят советские бомбардировщики в сторону Японии.

В этот раз с нас сняли все вооружение, даже бомбовые балки и под завязку загрузили соляркой. Груз направлялся для танков, застрявших в бездорожье. Летали по 12 часов в сутки. Жара неимоверная, песок, запах солярки. Работали на износ и к вечеру падали от усталости.

Продвижение танков практически остановилось. И тогда, командование приняло решение занимать японские города с помощью десанта.

В самолет сажали пехотинцев с легким оружием. В сопровождении истребителей мы прилетали на японский аэродром, и пехота наглым образом выгружалась. Японцы не принимали никаких мер, чтобы нас остановить, поскольку подобное поведение русских было для них полной неожиданностью. Потом стали летать уже целым полком и перевезли примерно полторы сотни пехотинцев. Заняли города Чен-Чунь, Мукден, Чойболсан, Дайрен.

В город Мукден с нами прилетел пехотный генерал, взял какую-то японскую машину, несколько человек и направился прямиком в их штаб. Там он огласил ультиматум и предложил японцам сдаться. Был взят в плен японский наместник императора.

В Чен-Чуне японцы отказались сдаться. Наше командование в ответ объявило, что в этом случае город будет сметен с лица земли. Но, мы знали, сметать было совсем нечем. С самолетов сняли даже бомбовые балки, не говоря уже об оружии. Они поддались. Я видел как они строями подходили и бросали оружие, образуя тем самым целые горы.

Такое повторялось во всех городах. В результате, эта авантюра удалась. Итогом стала капитуляция Японии.

Тяжелое было время для русских людей и страны в целом. Это объединило людей и помогло в суровое время выстоять перед захватчиками. Потенциал человека проявился во всей его силе и мощи.

Летал я до самого конца войны. Практически нет такого города СССР, в котором бы я не побывал. Маршрут проходил от Ташкента до Земли Франца-Иосифа, от Бреста до Курильских островов, был в европейских странах и Стране восходящего солнца. Мне есть что вспомнить, о чем поведать потомкам.

Пусть они узнают о войне из наших уст и книг, но никогда не познают этого горя и страданий. Мы живем в великой стране с богатейшей историей. Давайте же ее любить и беречь для последующих поколений.

Февраль 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Федорова Анна Сергеевна**, студентка 5-го курса юридического факультета Российского государственного социального университета — филиала в г. Дедовск, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Истринского района.

Ермаков Иван Федорович

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ ПО ТАНКАМ

Родился 2 апреля 1924 года в Тамбовской обл., Ржаксенский район, село Большая Ржакса (с мая 1927 года проживал в Москве).

С юных лет я полюбил нашу Красную Армию и решил стать военным человеком.

После окончания 7-го класса средней школы в 1938 году я поступил учиться в 5-ю Московскую специальную артиллерийскую школу, учился там три года. По окончании спецшколы (за три дня до начала Великой отечественной войны) 19 июня 1941 года был направлен для получения военного образования в Рязанское артиллерийское училище (огневой дивизион).

О начале Великой Отечественной войны — вероломном нападении на нашу Родину гитлеровской Германии — нам сообщили рано утром 22 июня 1941 года.

На состоявшемся митинге мы — курсанты училища обращались к командованию с просьбой быстрее закончить учебный процесс и отправить нас на фронт в действующую армию. Таков был патриотический порыв.

В первые дни войны мы услышали вдохновенные слова известной песни:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Весь советский народ мужественно вступил в смертельную схватку с фашистами.

В декабре 1941 года, после очень напряженной учебы, закончился ускоренный курс обучения в училище.

Нам было присвоено первичное офицерское воинское звание «младший лейтенант» (мы, московские спецшкольники с трехгодичным стажем, рассчитывали на лейтенанта).

Я был направлен для прохождения службы в 1068-й стрелковый полк 472-й стрелковой дивизии (дислокация — г. Чимкент, Среднеазиатского военного округа) на должность адъютанта командира полка. Многие мои друзья по учебе в училище даже завидовали такому назначению. Но я, по образованию артиллерист, естественно, не был в восторге. По прибытии в полк я обратился к командованию с просьбой направить меня на фронт в артиллерийскую часть. Вскоре я был вызван в штаб округа и в день моего рождения 2 апреля 1942 года (18 лет) был направлен на Западный фронт в 523-й пушечный артиллерийский полк Резерва Верховного Главнокомандования, который входил в состав 16-й армии (командовал армией прославленный генерал Рокоссовский К.К.) и назначен на должность командира огневого взвода 2-й батареи.

523пап РВГК в то время был в составе четырех двухорудийных батарей 122-мм пушек (дальность стрельбы до 22 км, вес снаряда 25 кг и гильзы 10 кг, а вес орудия — 8 тонн). Тягами орудий были вначале тракторы ЧТЗ-65 со скоростью движения 7 км/час, в январе 1944 года поступили тягачи Я-12 со скоростью движения 35 км/час.

В течение апреля — июня 1942 года войска 16-й армии находились в обороне. 523пап занимал огневые позиции в районе г. Сухиничи Калужской обл. (недалеко от деревни Семичасное).

Наш полк и 2-я огневая батарея в частности в этот период выполняла следующие задачи:

— уничтожала и подавляла артиллерийские и минометные батареи противника;

— уничтожала танки, самоходные орудия, автомашины, пулеметные точки, склады с вооружением и боеприпасами;

— вела огонь по скоплениям живой силы;

— отражала атаки танков и пехоты.

Артиллерия противника нередко засекала наши выстрелы и интенсивно вела огонь по нашей батарее, не жалея снарядов, в течение 30—60 минут.

Личный состав батареи спасался в хорошо оборудованных блиндажах, имеющих три-четыре бревенчатых наката. Благодаря хорошему оборудованию огневых позиций в инженерном отношении потерь личного состава и техники, как правило, было мало. Земля-матушка спасала личный состав и материальную часть.

Первым настоящим боевым крещением для меня были бои, которые проходили в августе 1942 года.

Суть этих боев состояла в следующем: 11 августа, скрытно подведя к участку стыка наших 16-й и 61-й армий, пять танковых и семь пехотных дивизий, противник предпринял наступление, отличавшееся большой ожесточенностью.

Гитлеровское командование ставило перед собой далеко идущую цель — окружить Кирово-Сухиничскую группу наших войск, занять город Калугу и создать новую угрозу для Москвы. Противник замышлял сковать все имеющиеся здесь наши силы и не допустить переброски резервов к Сталинграду. Против нас выступили старейшие кадровые дивизии Гитлера.

15 августа 1942 года наш полк, совершив ночной марш в район намечаемых боевых действий, занял огневые позиции в районе Избищи, Колодези (окрестности г. Козельска) на направлении главного удара противника, где вел тяжелые оборонительные бои 5-й стрелковый корпус. 19 августа 66 танков противника прорвались через боевые порядки нашей пехоты. Создалось угрожающее положение для городов Сухиничи и Козельск.

Нашему полку была поставлена боевая задача прямой наводкой уничтожить прорвавшиеся танки.

Фашистские танки, стреляя на ходу, шли на огневые позиции нашего полка, на которые с невыносимым воем сирен пикировали, сбрасывая бомбы, вражеские самолеты «юнкерсы».

До танков оставалось уже несколько сотен метров. Создалось критическое положение. Однако наши славные артиллеристы не дрогнули, открыв ураганный огонь прямой наводкой по танкам. Подбит один танк, загорелся второй, третий… Куда бы ни устремлялись фашистские танки, всюду их настигали наши снаряды.

В одно из мгновений артиллеристы 2-й батареи зарядили пушки, но выстрелить не успели, бомба с пикирующего самолета «юнкерса» взорвалась между станинами 1-го орудия, полностью погиб расчет 8 человек, силой взрыва левую станину оторвало и отбросило в сторону метров на 15, люлька орудия завернулась на казенную часть, стреляющий механизм заклинило.

Этим же взрывом был тяжело контужен и я.

В результате трехдневного боя полк прямой наводкой подбил 22 танка (на счету огневого взвода 2-й батареи шесть подбитых танков).

Ценою больших потерь в живой силе и технике противнику удалось форсировать р. Жиздра и выйти в район населенных пунктов Колодези, Алешинка, Астраханка. Дальнейшего успеха противник не имел.

К 9 сентября 1942 года наши войска восстановили положение. Замысел фашистского командования был сорван.

Я после месячного лечения в медицинском пункте полка, был снова в строю.

После этих боев 523пап, имея на вооружении дальнобойные орудия, но получив хорошую практику, очень часто стал привлекаться для стрельбы прямой наводкой, особенно по тяжелым танкам противника.

25 июня 1943 года 523-й пушечный артиллерийский полк переформирован в 523-й корпусный артиллерийский полк в составе четырех четырехорудийных батарей и вошел в состав 16-го гвардейского стрелкового корпуса 11-й (16-й) гвардейской армии.

В этом полку я находился до конца войны, занимая должности командира 1-го огневого взвода — старшего на батарее, а с апреля 1945 года — командира огневой батареи.

В дальнейшем 523-й корпусной артиллерийский полк в составе 16гв.ск 11 гв. армии, находясь на фронтах: Брянском, 1-м Прибалтийской и 3-м Белорусском, участвовал в следующих операциях:

— сражение на Орловско-курской дуге;

— Городокско-Витебская;

— «Багратион» — по освобождению Белоруссии, форсирование р. Неман и освобождение литовской земли;

— вступление в логово фашистского зверя — Восточную Пруссию;

— беспримерный штурм крепости и города Кенигсберг;

— взятие военно-морской крепости Пиллау на побережье Балтики.

Воины нашего полка, в том числе и 2-й огневой батареи за мужество и отвагу, отличные боевые действия проявленные в боях, награждены многими боевыми наградами. Всему личному составу неоднократно объявлялись благодарности Верховного Главнокомандующего товарища И.В. Сталина:

— за прорыв обороны противника севернее г. Орел — 16.07.43 г.;

— за взятие города Карачев — 20.09.43 г.;

— за прорыв обороны противника севернее г. Витебск — 24.12.43 г.

— за прорыв обороны противника севернее г. Орша — 25.05. 44 г.;

— за форсирование реки Неман — 18.08.44 г.;

— за вторжение в Восточную Пруссию — 23.10.44 г.;

— за взятие города-крепости Кенигсберг — 19.04.45 г.

Я лично за годы войны был награжден:

— двумя орденами Отечественной войны II степени;

— двумя орденами Красной Звезды;

— медалями «За взятие Кенигсберга» и «За Победу над Германией».

На счету только нашей 2-й огневой батареи:

— подавлено и уничтожено артиллерийских и минометных батарей — 10;

— подбито и уничтожено 18 танков, в том числе 4 «тигра»;
— уничтожено и разрушено до 20 дотов и дзотов;
— уничтожено большое количество живой силы и техники;
— на счету нашей батареи даже уничтоженная подводная лодка противника в районе Пиллау. О чем даже написано в книге командующего II гвардейской армии генерала Галицкого К.Н. «В боях за Восточную Пруссию» (стр. 144).

Перед 523-м кап стояла задача подавить артиллерийские батареи противника и воспретить вести огонь боевым кораблям. Две батареи полка заняли огневые позиции на берегу моря: 2-я батарея капитана А.М. Авдеева и 3-я батарея капитана Н.А. Фадеева. Генерал К.Н. Галицкий пишет, что когда командир 2-й батареи 523-го корпусного артполка капитан Авдеев обнаружил приближающуюся к берегу немецкую подводную лодку, он установил за ней тщательное наблюдение, подготовив огневой взвод к стрельбе. Подводная лодка, не замечая отлично замаскированной батареи, приближалась к берегу и пристрелянному ориентиру-мачте. Когда она подошла к ориентиру, командир батареи открыл огонь. Подводная лодка ответила, но после двух прямых попаданий на ней раздались три сильных взрыва и через несколько минут она затонула. Артиллеристы отлично справлялись с поставленной задачей, не давая кораблям приближаться к берегу и вести прицельный огонь. Метко вели огонь орудия командира взвода лейтенанта И.ф. Ермакова.

30 апреля 1945 года война для II гвардейской армии закончилась. Выполнив все поставленные задачи, мы были выведены из боя и сосредоточились в районе Пиллау, Нейтив.

Так закончились боевые действия 523-го корпусного артиллерийского полка в Великой Отечественной войне.

За годы войны:

— за доблесть и мужество, проявленные личным составом полка в боях за город Городок Витебской области полку присвоено наименование «Городокский»; за умелые действия, доблесть, мужество и отвагу, проявленные солдатами, сержантами и офицерами в боях с немецко-фашистскими захватчиками полк был награжден орденами: «Кутузова 3-й степени» за освобождение Белоруссии и вторжение в восточную Пруссию; «Суворова 3-й степени» за освобождение Белоруссии и вторжение в вос-

точную Пруссию; «Александра Невского» за взятие военно-морской крепости Пиллау.

После окончания Великой Отечественной войны наш прославленный в боях полк имел наименование «523-й корпусной артиллерийский, Городокский, орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского полк».

День Победы мы встретили под Кенигсбергом (местечко Гутенфельд). Нам об этом сообщили в 4.00 9 мая 1945 года. Личный состав ликовал, обменивались веселыми шутками, обнимались и многие плакали от радости, палили в воздух из личного оружия. И всюду слышалось: «С Победой! С победой, друзья!»

В честь исторического события был проведен митинг личного состава. Не обошлось и без победных ста граммов.

Тяжелым был путь к Победе. Многих воинов мы потеряли на этом пути. Каждую третью семью постигло горе утраты близких и родных. У меня погибли на фронте летом 1942 года отец — рядовой Ермаков Федор Матвеевич и муж моей сестры — рядовой Байков Георгий (к сожалению, места их захоронения до сих пор неизвестны). И нам всегда надо помнить тех, кто не вернулся с фронта, кто погиб защищая нашу Родину.

Уходят в прошлое годы. Но свершения остаются.

Памятной датой всех времен и народов навеки останется день 9 мая 1945 года.

Наше поколение с честью и достоинством выполнило свой долг перед нашей Родиной. Мы выстояли в самой страшной в истории человечества войне и спасли мир от нацизма. Мы гордимся этим.

После окончания Великой Отечественной войны 523-й корпусной артиллерийский Городокский орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского полк вошел в состав 348-й корпусной артиллерийской бригады 128-го стрелкового корпуса 28-й армии Белорусского военного округа и получил постоянное место дислокации — крепость-герой Брест.

В сентябре 1951 года, по персональному отбору, я был направлен для продолжения службы (в то время особо режимную часть) в 23-ю бригаду особого назначения (ракетные войска),

которая дислоцировалась в г. Камышин, Сталинградской области. В 1959 году бригада была развернута в 44-ю ракетную дивизию в составе пяти ракетных полков. В 74-м ракетном полку г. Стрый, Львовской области я занимал должности начальника штаба ракетного дивизиона, командира дивизиона и начальника штаба ракетного полка. На вооружении дивизии были ракеты средней дальности Р-5, Р-12 и Р-14 с наземными и шахтными пусковыми установками.

В ходе военной службы окончил учебные заведения:

— Высшую офицерскую артиллерийскую школу в 1949 году, г. Ленинград;

— Высшие академические артиллерийские инженерные курсы при военной артиллерийской академии им. Дзержинского в 1956 году, г. Москва.

С июня 1961 года продолжил военную службу в Главном штабе Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) в организационно-мобилизационном управлении на должностях старшего офицера, начальника группы ракет средней дальности и начальника мобилизационной группы отдела.

В мае 1965 года получил воинское звание «полковник».

В послевоенный период получил следующие награды:

— медаль «За боевые заслуги» и орден Красной Звезды — за выслугу лет в Вооруженных Силах;

— медаль «За боевые заслуги» в связи с 50-й годовщиной Вооруженных Сил;

— орден Отечественной войны III степени в связи с 40-летием Победы в Великой Отечественной войне;

— орден «За службу Родине в Вооруженных Силах III степени» за долголетнюю службу;

— награжден юбилейной медалью «60 лет освобождения республики Беларусь от немецко-фашистский захватчиков» (через посольство Белоруссии);

и двадцатью другими юбилейными медалями.

30 ноября 1977 года по возрасту был уволен из Вооруженных сил с правом ношения военной формы. Общий стаж 36 лет 5 месяцев и 11 дней.

После увольнения в запас, будучи гражданским человеком, я продолжил работать служащим СА в Ракетных войсках СН:

— 10 лет помощником начальника автомобильной службы РВСН;

— 11 лет старшим диспетчером автопарка во 2-й автомобильной базе, обслуживающей Управления и службы РВСН.

Более десяти лет на общественной работе являюсь членом Совета ветеранов 2-й гвардейской армии (в составе которой воевал три года), а также заместителем Совета ветеранов 523-го корпусного артиллерийского Городокского орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского полка.

Коротко о моей жене Ермаковой Вере Алексеевне — с детства (трехлетнего возраста) жили с ней в Москве в одном доме — Застава Ильича, Международная улица, дом 6. Росли вместе, учились в одной средней школе, между нами была настоящая дружба. В возрасте 16-17 лет появилась и любовь. А тут началась Великая отечественная война. Я убыл на фронт. Во время войны писали друг другу хорошие письма. Мои фронтовые письма «треугольником» сохранились до сих пор. Она мне желала успехов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и скорейшего возвращения с победой домой, я ей — успехов на трудовом фронте. Она работала (будучи в эвакуации) в 1941—1942 годах в Саратове сандружинницей в госпитале, а в 1943—1944 годах в Москве на военном заводе им. Маленкова. Многие годы была донором — спасала жизни нашим воинам.

Согласно федеральному закону «О ветеранах» — она является ветераном Великой Отечественной войны и очень гордится этим.

В победном 1945 году 14 сентября мы поженились, а в этом, 2005 году уже юбилей — бриллиантовая свадьба — 60 лет как мы вместе.

И всегда, в том числе и на фронте, у меня была одна любовь — это моя дорогая Верочка, будущая моя прекрасная жена.

Из родственников в Москве жили моя мать Анна Егоровна и сестра Антонина Васильевна, с ними я также поддерживал постоянную связь. А их мужья, я об это уже говорил, погибли на фронте, защищая нашу Родину.

Я очень признателен и доволен тем, что мой сын Ермаков Александр Иванович (7 июня 1946 года рождения) полковник

запаса пошел по стопам своего отца и стал также военным человеком.

По окончании Московского высшего технического училища (МВТУ) им. Баумана в 1971 году был призван в Вооруженные Силы на два года офицером. Через год службы он принял решение остаться в кадрах.

Окончил Военную академию им. Дзержинского (ФРИС). Служил в различных частях, Главном Управлении космических средств (ГУКОС) и последние семь лет службы — в Генеральном штабе Вооруженных сил. Всего прослужил 26 календарных лет. Настоящий патриот нашей Родины.

В заключение: я горжусь тем, что мне пришлось в годы суровых испытаний быть в рядах активных защитников нашей Родины, внесших определенный вклад в дело разгрома фашистской Германии.

Мне посчастливилось служить в 23-й ракетной бригаде на заре развития Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), быть первопроходцем в этом деле, а в дальнейшем служить в организационно-мобилизационном управлении Главного штаба Ракетных войск.

Знаменательным событием в моей жизни явилось участие в историческом Параде победы на Красной Площади в Москве 24 июня 1945 года, а также в юбилейных Парадах ветеранов на Красной площади 9 мая 1995 и 2000 годов.

Я отдал служению нашей Родине все, что было в моих силах.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Бобровский Дмитрий Валерьевич**, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Одинцовского района.

Иванников Владимир Алексеевич

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ОВРАГ

Родился: 5 октября 1925 года в Тамбовской области, Петровский район. Русский, православный атеист, октябренок, пионер, комсомолец. Апрель 1945 года — на передовой юго-западнее Будапешта стал членом КПСС.

В 1942 году окончил 10 классов средней школы, летом – работал на элеваторе (лаборантом-визировщиком). Одновременно с этим НКВД проводило подготовку по изготовлению «зажигалок», бросанию гранат и их устройству.

После войны окончил:

С февраля 1949 по 1950 г. проходил в Ленинграде курсы лейтенантов.

22 января 1943 года был призван. Отец привез в город Мичуринск, откуда эшелонами нас отправили в город Энгельск, под Саратовом, в третье Орджоникидзовское общевойсковое училище. Там должны были проходить шестимесячный курс обучения на лейтенантов. Подготовка была очень интенсивной. Вокруг – степь. Было переформирование, в котором отобрали ребят, присвоили им звания лейтенантов и отправили на Курскую дугу (я в их число не попал). Выжило только пять человек. Училище же было переименовано во вторую воздушную бригаду и направлено в Москву (в Люберцы). Десять дней из Энгель-

ска в Ухтомку, где и совершил свой первый прыжок с парашюта (помню, было не страшно). Прыгали с аэростата с высоты 600 – 700 метров. Не было ощущений, как вышел за фал. Прыжков сделали штук 12 (прыгали и на воду, на лес, на строения, прыгали с оружием). В ноябре месяце отправились в Андриаполь. Там нас перегруппировали на четыре батальона, три из которых были скинуты в тыл противнику на Днепр. Все погибли, попав на «штыки немцев» я попал в четвертый.

Боевой путь проходил в составе 104-й гвардейской ордена Кутузова второй степени стрелковой дивизии, 38-го гвардейского воинского корпуса 9-й гвардейской армии, участвовавшей в боях с немецкими захватчиками на территории Венгрии, Австрии и Чехословакии в период с 16 марта по 8 мая 1945 года.

Объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина:

За участие в разгроме танковых группировок немцев юго-западнее Будапешта (приказ №306 от 24.03.45);

За взятие городов Папа и Девенр в Венгрии (приказ№311 от 26.03.45);

За взятие города Санкт-Пельтен в Австрии (приказ№336 от 15.04.45);

За овладение городами Яромержище и Знаймо в Чехословакии (приказ№367 от 08.05.45).

Ранений не было.

Награжден:

Медаль за отвагу №3383453, 31 марта 1947 года.

Медаль «За боевые заслуги».

«За победу над Германией в ВОВ 1941—1945 гг.», №0060616, 15 мая 1946 года.

Медаль «За безупречную службу» II степени, №6, 10 января 1961 года.

Юбилейные:

«20 лет победы в ВОВ»;

«30 лет победы в ВОВ»;

«40 лет победы в ВОВ»;

«50 лет победы в ВОВ».

В войне погибли родственники:

Погиб брат – Иванников Федор Алексеевич в июне 1944 года от ран в Выборге. В должности младшего лейтенанта, комсорга полка.

Погиб отец — Иванников Алексей Васильевич. Погиб дома 1 ноября 1944 года.

Остались живы родственники:

В живых осталась мать — Иванникова Мария Семеновна и 3 сестренки: Саша, Валя, Зина.

Спасительный овраг

Шли мы как-то указанным направлением по лесу. Выходим из него на опушку и видим деревушку… ну, думаем, наши уже деревушку взяли давно, и решаем подойти. До деревни было около трех километров, ну, командир наш скомандовал строиться в цепи и идти в сторону деревни. Значит, идем мы, болтаем о том о сем, как вдруг огонь по нас издалека, а командир вперед, говорит, идти. Огонь из оврага шел, рядом с деревней, впереди от нас, мы подходим к оврагу… подошли, а там никого – немцы в деревню ушли. Ну, мы цепью в деревушку… Вдруг, оттуда показываются немецкие солдаты и танкетки… мы быстро в овраг попрятались. Они по оврагу начали вести огонь, а орудия направить вниз не могут – и промахиваются. Один наш солдат даже на танк залез и ослепил в нем всех. Танкетки ушли. Нас в овраге шестьдесят человек было. Мы, недолго думая, вновь в наступление на деревню. Никто не сопротивлялся. А рядом с деревней дорога проходила на запад. Смотрим — по ней танки, машины, артиллерия немецкая идет… нас они заметили и огонь по нам. Убили командира роты, а мы все в овраг (обратно) побежали. Колона прошла. Мы еще долго сидели. И опять слышим выстрелы (в нашу сторону) Пришлось в глубь оврага сесть и «не дышать». Наш новый командир шапку подкидывает. Выстрелы прекращаются. Смотрим — наши силы! Оказалось, мы их опередили, а колону уничтожить надо было, но… не успели и она на запад ушла. Потом мы в деревню вошли, танки наши подъехали, и мы с ними дальше пошли.

Застали врасплох

Один раз, зашла наша рота в тыл к немцам (спать хотелось невозможно). На опушке у леса устроили привал (сколько проспали — не помню). Вдруг крик: «Караул… немцы…» Их целая колона шла ничего не подозревая. Все быстро проснулись и к оружию. Расстреляли всю колону, они удрать пытались, но не смогли.

Так с боями мы шли до Вены. Подошли к городу Девечер или Папа (не помню точно), и командир полка пришел в нашу седьмую роту. Нас разместили у одного дома в деревне. Погода была прекрасная — солнце, тепло… Командир взвода вышел из дома нам задание ставить, а тут минометный огонь по зданию (а там пусто)! Никто не погиб.

13 апреля – взята Вена. Наше наступление производилось с запада, и первого мая мы вошли в Вену (в центр города) там поселили нас в австрийские казармы. К нам сами австрийцы относились боязненно и недоверительно (даже проверяли, есть ли у нас рога – думали, мы демоны). Позже они к нам начали привыкать, даже говорили, что мы лучше немцев, а когда мы уходили они все плакали (чувствовали, что их защита уходит, наверное).

На этом заканчиваю свои воспоминания

Май 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Иванов Владислав Николаевич**, студент 3-го курса Московского государственного университета леса, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное единство», г. Королев.

Иванов Виталий Петрович

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДНЕПР

Родился 4 декабря 1925 г. Село Быстрое, Тюменская область; учился в нескольких средних школах Тюменской обл.

Узнал о начале войны: 22 июня 1941 г.

На войну ушел по призыву. 3 января 1943 г. Зачислен курсантом 2-го Омского пехотного училища.

Боевой путь проходил: Курская дуга — Украинский фронт, город Переяславль-Хмельницкий — Восточная Пруссия (бои в районе города Гданьск).

После войны поступил в Горьковское военно-политическое училище.

Награжден:

1. Орден Отечественной войны, 1985 г. №1385912.
2. Орден Славы 3-й степени, №225059.
3. Орден Славы 2-й степени, №17781.
4. Орден «Знак Почета», №1103260.
5. Орден Красной Звезды, №1076753.
6. Орден Красной Звезды, №697436.
7. Орден Красной Звезды, №2575834.

8. Орден Красной Звезды, №3423095.
9. Орден Красной Звезды, №3611916.
10. Орден «За боевые заслуги».
11. Медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР», 1968 г.
12. Медаль «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», 1970 г.
13. Медаль «За победу над Германией в ВОВ», 1946 г.
14. Медаль «За взятие Кенигсберга», 1946 г.
15. Медаль «60 лет победы в ВОВ», 2005 г.
16. Медаль «XXX лет Советской армии и флота», 1949 г.
17. Медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР», 1978 г.
18. Медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР», 1988 г.
19. Медаль «30 лет победы в ВОВ», 1975 г.
20. Медаль «40 лет победы в ВОВ», 1985 г.
21. Медаль «40 лет Вооруженных Сил СССР», 1958 г.
22. Медаль «50 лет победы в ВОВ», 1995 г.
23. Медаль «20 лет победы в ВОВ», 1965 г.
24. Медаль «80 лет Вооруженных Сил СССР», 1997 г.
25. Медаль «За безупречную службу», 1959 г.
26. Медаль «Ветеран Вооруженных сил СССР», 1984 г.
27. Медаль «Маршал Советского Союза Жуков», 1997 г.

Освобождал: Сумскую, Полтавскую и Киевскую области.

Ранения: осколочное ранение в голову (под Житомиром) и в марте 1945 г. получил осколочное ранение в область правого предплечья (бои за город Гданьск).

Погибших в войне близких родственников не было.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет.

Другие публикации: газета «Труд» (2003 г.), районная газета «Чеховский вестник»(2004 г.).

Воспоминания о войне

Родился 4 декабря 1925 года: Тюменская область, Голышмановский район, село Быстрое. До войны сменил несколько мест жительства, так как отца переводили с завода на завод, поэтому получал образование в нескольких средних школах в пределах одного района (Тюменской области).

О начале войны я узнал в первый же день войны. Это было воскресенье, и отмечали День кооперации. Люди выехали отдыхать. Радио, духовой оркестр у нас был… все веселились, но в 12 часов 22 июня 1941 года выступил по радио Молотов, народный комиссар иностранных дел, и объявил о внезапном нападении фашистов. Началась Великая Отечественная война…. А что значит это страшное слово? Война — это страдание матерей, тысячи погибших солдат, тысячи сирот и семей без отцов, жуткие воспоминания людей…

Все восприняли это как большое горе. Народ боялся войны, потому что немцы к этому моменту захватили всю Западную Европу. Женщины уже пошли с этого праздника со слезами, так как знали, что их мужей, сыновей будут забирать в армию. Действительно, уже через 3—4 дня началась всеобщая мобилизация. Всех мужчин призывного возраста сразу же отправили в армию. Беда пришла почти в каждый дом. Уже через 2-3 месяца начали приезжать первые инвалиды, похоронки пошли. Свершилась та трагедия, которую ожидал народ.

Когда война началась, мне было 15 лет. Отец мой был инвалидом, семья у нас была большая. Отец умер молодым, в 42 года. Я был старшим в семье и в 1942 году пошел работать на завод, чтобы прокормить семью, потому что мама была больна.

А потом, 3 января 1943 года, меня призвали и зачислили курсантом 2-го Омского пехотного училища. Тогда офицеров готовили за 6 месяцев. Мне, мальчишке 17 лет, трудно было учиться: 12 часов занятий было, это Сибирь, поэтому, как говорят, нам доставалось как следует, но не жаловались — знали, что готовят на войну. Вот мы проучились, в июле месяце прошли программу, госэкзамены. Мы сдаем госэкзамены и ждем, что нам присвоят офицерские звания: кто лучше сдал — лейтенанта, кто на тройки — младшего лейтенанта. Наши надежды на присвоение званий не оправдались.

Приходит приказ Сталина в конце июля, что все наше училище, а это было 2000 человек курсантов, 20 рот, отправить на фронт рядовыми. И вот все наше училище погрузили в эшелоны и повезли на фронт. Не доезжая до Орла, где-то в 50 километрах, мы пошли пешком, так как железной дороги дальше не было — немцы

ее всю взорвали. Дошли до Орла. Видели сгоревшие вокзалы, разрушенный город, подбитые танки на поле боя…

1 августа нас зачислили в действующую армию. Я попал в 8-й гвардейский танковый корпус, в 28-ю гвардейскую мотострелковую бригаду. Был автоматчиком.

Мой боевой путь начинается от Курской дуги. Битва на Курской дуге была в июле-августе 1943 года. А когда закончилась эта битва, началось наступление на широком фронте, освобождалась Украина.

Я начал участвовать в освобождении от немцев Украины сразу автоматчиком в мотострелковой роте. Освобождали Сумскую, Полтавскую, Киевскую области. Когда зашли на территорию Украины, увидели уже сплошные сожженные села, нам показывали могилы, даже еще не зарытые. Немцы много людей уничтожали, когда отходили, буквально расстреливали, и даже не успевали засыпать могилы. Это особенно ожесточало нас против немцев, что на нашей земле они творят такое.

Народ очень хорошо принимал нас, мальчишек. Зайдешь в дом, чтобы переночевать где-то — хозяйка, что у нее есть, тут же ставит на стол, угощает чем может.

19 сентября мы подошли к Днепру — это недалеко от Киева, город Переяславль-Хмельницкий. Мы были правее города. Как пришли туда, нам сразу приказали готовиться к переправе. Стали готовить подручные средства, это в основном для разведчиков, автоматчиков, потому что кто-то первый должен форсировать, и надо рубеж занять, чтоб потом другие войска могли туда передвигаться. И вот мы готовились с 19-ого по 22-ое сентября: делали плотики, лодки собирали, какие были на реке. Река очень большая, ширина больше километра, глубина 4-6 метров, течение приличное. Сложный рубеж — даже немецкие генералы так говорили, что ни одна армия с ходу не сможет форсировать эту реку, потому что они свой берег укрепили, у них были там окопы, сооружения сильные, а берег был у них высокий, овражистый. А у нас пологий, далеко просматривался, в военном отношении это плохо для нас было — они нашу армию далеко видели. Они нас обстреливали. И вот 22 числа в 2 часа ночи нам был дан сигнал двинуться к Днепру и начать форсиро-

вание. Была очень сильная артподготовка, «катюши» и другие трассирующие орудия прямо над головой. Все это казалось мне тогда, мальчишке еще, световым представлением, земля вся под ногами колышется. И вот мы к низу реки под прикрытием этого огня большого — форсировали. Не все мои товарищи доплыли, потому что немцы обстреливали нас с дальних позиций. Река была пристреляна, они били по этим местам. Некоторые мои товарищи утонули. Я выжил, и наша рота, те, кто остались в живых, сумели занять одну траншею, вторую. Как только выбрались оттуда с криками «ура!», нужно было выбить немцев из траншеи. Выбили их. Одну траншею заняли, вторую, третью… и такой плацдарм мы сумели занять на расстоянии около километра от берега. Немцы все время пытались нас столкнуть.

Но уже на 2—3-й день начала прибывать подмога, стали танки подступать, а их тогда привозили на понтонах — площадка такая, ее небольшой катерок таскает.

И перетаскивали и танки, и орудия на другой берег. Уже нам стало гораздо лучше, когда появился наш 8-й танковый корпус. На этом плацдарме я и держался почти до конца октября. А в конце октября нас сняли с этого плацдарма, там другие части подошли. Наша часть участвовала в освобождении города Киева, города Житомира. Ну мы уже сильно «потрепаны» были, и техники не хватало после битвы на Курской дуге и здесь, на Украине, бои были, людей мало осталось…

Нас повели на так называемую формировку, то есть для того, чтобы получать технику и пополнить число людей. И вот мы несколько месяцев находились под Киевом в лесах Дарницы, пока к нам поступила новая техника, поступили и люди новые, шла учеба: нас готовили и новую технику осваивали.

И в последующем я участвовал в боях в Польше. В июне месяце 1944 года мы перешли границу Советского Союза с Польшей. Река есть Западный Буг, небольшая такая, это уже не Днепр, ее можно было форсировать вброд. Когда реку форсировали, то, конечно, радовались, что мы не на своей территории, а уже перешли на территорию Польши. Советский же Союз уж был освобожден, поэтому было вдохновение. И, можете представить, особенно тех, ну ладно мы — в Сибири, наши семьи,

матери, сестры, братья — в Сибири, а тут вот воевали украинцы, семьи которых непосредственно были оккупированы, и от рук немцев погибли их родители, родственники, а у некоторых даже дети погибли. Поэтому эти люди особенно были вдохновлены, что они сейчас уже полностью освободили свою родину и воюют на территории Польши. В Польше нам ставили цель, что надо добить фашистов, нельзя оставить — надо добить. И здесь наступление было в быстром темпе, мы проходили по нескольку десятков километров с боями. Особенно жестокими были бои в районе Люблина — это большой город, второй по площади после Варшавы. Там уличные бои шли четыре дня, я участвовал в этих боях. Потом я уже не автоматчиком был, а разведчиком-наблюдателем минометной роты. Я должен был разведывать цели, но у меня была хорошая подготовка, так как окончил училище. Я умел корректировать огнем, несмотря на то, что я солдат, обучался по офицерской программе, а офицеров не хватало, и мне доверяли корректировать огнем этой роты. Я готовил данные на наблюдательном пункте, а минометы 82-миллиметровые, они стреляют не так далеко — всего 3 километра. Так вот они находятся в окопе или в овраге где-то, миномет же стреляет навесным огнем, а я постоянно находился на наблюдательном пункте с командирами стрелковых рот. И вот они давали приказ подавить ту или иную огневую точку, я сразу же готовил данные, передавал команду, и эта рота в шесть минометов стреляла по этому месту. Я часто отсутствовал: 10 дней, 2 недели не приходил в роту, потому что все время находился на наблюдательном пункте. Когда придешь, с ребятами встретишься: «Ну-ка, что мы там поразили? Куда мы стреляли?» — они не знают, они сидят в этих оврагах, в этих окопах и стреляют только по моей команде, поэтому я, значит, вот так в авторитете был. Потом мне сержанта присвоили. Вот так мы и Польшу прошли. Бои сильные были в районе Люблина. Тяжелые бои шли в предместье Варшавы — Праге. Сама Варшава расположена на западном берегу, а Прага — на восточном, поэтому мы Прагу и взяли, и нашей бригаде присвоили звание Пражской.

В декабре мы вышли на северную границу Польши — Восточную Пруссию, как она раньше называлась. Сейчас же это

Калининградская область. Тогда это была немецкая территория. Кенигсберг (сейчас это Калининград) — большой город с каналами, и очень трудно его было брать. Я участвовал и во взятии этого города, у меня медаль есть «За взятие Кенигсберга». Потом участвовал в боях в районе города Гданьск — это тоже крупный город, немецким считался. Сейчас это польский город.

А войну я закончил под Берлином. Мы после Гданьска совершили марш под Берлин и находились в 70 километрах под Берлином в городе Пренцлау. Мы были тогда в резерве непосредственно, затем совершили этот длительный марш. Там и танки своим ходом шли, и автомобили....В этом городе сосредоточились, там я и встретил победу.

Сильно торжествовали, конечно: «Наконец-то кончилась эта смертоносная война!» Все были рады, что хоть живые остались, потому что на наших глазах много людей гибло, постоянно эти бои. Празднования в основном шли ночью, потому что Акт о капитуляции был подписан в 10 часов вечера, а стало нам уже известно ночью, где-то часов в 12. Все следили по радио, чувствовали, что война вот-вот кончится. И когда уже получили официальное подтверждение, все были счастливы. Так я и закончил войну сержантом.

За время войны я получил 2 ранения. Одно ранение в области головы от разрыва мины, контузия была. Я тогда в окопе сидел, это недалеко от Житомира было...

Второй раз я был ранен в первых числах марта 1945 года — это были бои за город Гданьск. Был тогда ранен в область правого предплечья: стоял в окопе, и разорвался какой-то тяжелый снаряд. У меня лопатку практически вырвало — мышцы задело, а кости нет. Ну, молодой был — все заросло.

Когда я закончил войну, у меня было 5 орденов, это сейчас у меня их 9, а тогда у меня было 3 ордена Красной Звезды и 2 ордена Славы.

После войны я поступил в Горьковское военно-политическое училище.

В 1948 году я его закончил, и мне присвоили звание лейтенанта. Затем еще долго служил в армии. Я уволен в 1984 году в марте месяце. Итого, я больше чем 41 год прослужил в армии, поэтому у меня еще 4 ордена, которые я получил уже после

войны. В 1956 году в составе войск я выполнял свой интернациональный долг, как тогда считали, в Венгрии. И за выполнение заданий меня наградили еще орденом «Красной звезды».

Пятым орденом Красной Звезды меня наградили в 1968 году за достигнутые успехи по службе. Это было 50-летие Вооруженных Сил, лучших офицеров представляли к орденам. Орденом «Знак Почета» я уже награжден в 1976 году тоже за добросовестную службу. Ну а орден Отечественной войны — его вручали всем участникам войны к сорокалетию победы. Кто имел ранения, того награждали орденом Отечественной войны I степени, а кто не имел — им давали орден II степени.

За времена войны многим из моих товарищей присвоили звания Героев. Когда мы форсировали Днепр, у нас был старшина — Василий Ушаков. Ему присвоили героя, потому что он всегда впереди нас был, он нас вел, но, к сожалению, посмертно — он погиб. Наш командир батальона майор Максимов получил звание Героя Советского Союза тоже за Днепр.

Героизм на войне был постоянно. Каждая атака — это героизм. Находишься в окопе, вроде все нормально: земля спасает. Снаряд разорвался — осколки прошли сверху.... Ну а когда говорят «Вперед! В атаку!» — это тяжело, это очень тяжело и психологически, и морально. Потому как сидишь в окопе, и вдруг звучит команда «В атаку!», а я во время войны был комсомольцем, комсоргом, значит, если сказали, то должен впереди бежать. Нам доверяли, поэтому я считаю, что каждая атака — это уже героический поступок. Люди, как говорят, смотрят смерти в глаза, потому что знают, что в них будут стрелять из пулемета, автомата, орудий, только чтобы они не дошли до их позиций, чтоб не выбили их. И мы, комсомольцы, шли в атаку. Твое поручение — первым покинуть окоп, твое поручение — при приближении к траншее первым закричать: «Ура! За Родину!» И мы это делали ради наших семей, ради нашей страны, ради всего русского народа.

Но не стоит забывать, что Великая Отечественная война — это огромная душевная рана в человеческих сердцах. Огромное количество людей погибло в этой кровопролитной войне. Очень много вытерпел российский народ за эти четыре года.

Но самый большой подвиг совершили простые русские солдаты. Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности. И именно его волей, его кровью добыта победа над сильным врагом. Солдаты служили честно, без корысти. Они защищали Отечество, родных и близких.

Сейчас годы войны уже далеко позади, но народная память сохранит и немеркнущий подвиг, и неслыханные страдания, и непреклонную веру людей.

Март 2005 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Палоян Евгения Александровна**, ученица 11-го класса средней школы №1 муниципального общеобразовательного учреждения города Чехова.

Илларионов Борис Михайлович

РАБОТА В ПОДПОЛЬЕ

Родился 8 ноября 1918 года в Ленинграде. Русский, православный, комсомолец. Полковник в отставке. Комсомолец, член КПСС.

До войны окончил: 2 курса Ленинградского инженерного института водного транспорта, Ленинградское военное авиационное училище в 1939 году, школу — в 1936 году, 10 классов.

О войне узнал 22 июня 1941 г. в городе Белая Церковь, Украина. Техник-лейтенант 2-го ранга.

Служил в Вооруженных Силах с 1937 по 1972 г. Прошел путь кадрового военного от курсанта Ленинградского военного училища до полковника. К началу войны звание — техник-лейтенант 2-го ранга, должность — начальник службы авиационного вооружения авиационного полка.

Боевой путь проходил через:

город Белая Церковь, Западная Украина (июнь 1941 — сентябрь 1941);

город Конотоп, Украина (1941 — сентябрь 1943);

город Чернигов, Украина (1943—1945);

Белоруссия, город Быхов (1945 год);

Львов, Польша.

После войны не демобилизовался. Остался служить в ВВС до 1972 года.

Награжден:

Орден Красного Знамени, №544014.
Медаль «За отвагу», №379817.
Орден Красной Звезды, №3177029.
Орден Отечественной войны II степени, №982799.
Орден Отечественной войны, №42470085
и 24 медали

Места вручения наград и фамилии вручавших точно не помню.

Ранений не было. Имею контузию.

В войне погибли: мать, Илларионова Евдокия Ивановна, в блокаде Ленинграда. Было сорок с небольшим лет. Там же умерла и бабушка. Погибли они от голода. Кроме этого, погиб во время войны родной брат в возрасте 19 лет, он был студентом 1-го курса Ленинградского университета имени Ломоносова. Всех студентов забирали в ополчение рыть окопы, там он и погиб при обороне Ленинграда. Звали его Юрий Михайлович Илларионов.

Остались живы родственники: отец, Михаил Иванович Илларионов, был машинистом паровоза в Ленинграде во время войны. Также пережил блокаду брат по отцу Борис Михайлович, и мои двоюродные братья — Кирюхины Лев Николаевич и Николай Николаевич, живут сейчас в Петербурге. В период войны они были еще маленькие, поэтому участвовать в военных действиях не могли.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет.

Другие публикации: газеты «Химкинские новости» и «Вперед».

Подпольная группа

Для каждого человека тот страшный воскресный день 22 июня 1941 года начался по-своему. И хотя прошло уже не одно де-

сятилетие, моя память все еще хранит его до мельчайших подробностей…

Война меня застала на аэродроме в городе Белая Церковь, расположенном в 30 километрах от Киева. Там стоял авиационно-бомбардировочный полк, в котором я был начальником службы авиационного вооружения авиационного полка. Я отвечал за техническую готовность и техническую исправность всего авиационного вооружения, установленного на самолете, и обеспечение авиационными бомбами для подвески и бомбометания. Звание — техник-лейтенант 2-го ранга.

На рассвете в 3 часа ночи 22 июня 1941 года личный состав части был поднят по тревоге. Самолеты привели в боевую готовность. А через несколько часов, утром, заместитель полка по политической части объявил, что на нас внезапно напала фашистская Германия без объявления войны. И мы вступили в военные действия для того, чтобы защитить Родину.

Через некоторое время над нами пролетела армада немецких бомбардировщиков «Ю-88», на крыльях которых четко выделялись черно-желтые кресты. У нас зенитных средств не было, поэтому предпринять мы ничего не могли. Немецкие самолеты держали курс на Киев. Через некоторое время послышались разрывы сбрасываемых на город бомб.

После собрания командование дало боевое задание: готовить вылет наших самолетов. Мы сразу подвезли бомбы под наши скоростные бомбардировщики «СБ», стоявшие на аэродроме, подвесили их, и, по команде, днем наша первая эскадрилья пошла бомбить немецкие танковые колонны, которые двигались по шоссе с Западной Украины в сторону Киева. Задача перед летным составом полка: найти и разбомбить их. Был совершен вылет.

Вскоре наши самолеты вернулись, но уже появились первые боевые потери: часть наших самолетов, около 5, не вернулась на базу. Некоторые пилоты спрыгнули с подбитых самолетов на парашютах, остались живы и благополучно вернулись на базу, продолжив военные действия через пару дней.

В начале июля вся наша часть была переброшена на оборону столицы Украины. Все части, которые были около Киева, отступали. Большинство войск Юго-Западного фронта, оборо-

няющих Киев, попало в окружение. Из окружения улетали самолеты бомбить немцев и уже не возвращались, а летели на другой аэродром. 17 сентября 1941 года в окружение попала и моя часть. Немцы окружили нас со всех сторон. Мы вели оборону, как пехотинцы. Когда мы попали в окружение, всем офицерам было приказано уничтожить все документы, чтобы они ни в коем случае не попали в руки немцам. Немногим советским воинам удалось спастись от плена.

Особое место в моей памяти о войне занимает день 26 сентября 1941 года, последний день боев в окружении. В этот день большая часть Юго-Западного фронта, отступившая на Полтаву в районе Лохвица, в том числе и наша войсковая часть, попали в окружение. Противник, стремясь уничтожить советские войска, взятые в кольцо, обрушил на нас мощный артиллерийско-минометный обстрел. Вокруг все перемешалось: грохот, стоны раненых и дикое ржание обезумевших лошадей. Это был настоящий ад. На моих глазах падали мои боевые товарищи. Наша беззащитность разрывала душу. Но вера, что своей гибелью мы хоть немного смогли задержать продвижение противника, оставалась в наших сердцах.

В этот день я был контужен. Рядом со мной за пригорочком взорвался артиллерийский снаряд, осколки в меня не попали, но звуковой волной контузило, и я потерял временно сознание. Когда очнулся, кругом было тихо и прохладно, доносилась чужая гортанная речь. Это были немецкие солдаты, загоняющие автоматами оставшихся в живых советских воинов в колонны. Тяжело раненых немцы добивали на месте.

Потом был полевой лагерь для окруженцев, организованный на бывшем скотном дворе. Одеты мы были по-летнему — комбинезон, сапоги и пилотка, поэтому ночью, чтобы не замерзнуть, на навоз набрасывали солому, ложились сверху, друг к другу прижимались и таким образом спали, периодически переворачиваясь на другой бок.

Дня через три в лагере встретил земляка. Мы с ним до этого знакомы не были, но из разговора поняли, что оба из Ленинграда. Разговорились и решили бежать. Так как в лагере очень много людей умирали, помощь-то не оказывали, немцы разрешали вывозить трупы на тачках. Недалеко было большое кукурузное

поле, где кукуруза выше роста. Там и хоронили. Придумали план побега: я лег на тачку, а товарищ меня повез, якобы хоронить. Немец только посмотрел и махнул рукой, мол, «вези, вези». Как только до кукурузы доехали, так деру и дали.

Я решил пробираться к фронту через Конотоп, где жили родители жены. В городе уже вовсю хозяйничали немцы. Оксана, моя жена, добралась до дома раньше меня и узнала о группе советских разведчиков, действующих на территории Конотопа; она-то и поведала мне о подпольной группе. Желающие могли присоединиться. Я согласился работать не раздумывая. Сначала никакой организованной работы не было, а затем к нам специально были направлены руководительница группы, разведчица Инна Сохина, и радистка Вера Долбина с радиостанцией. Они приехали под видом эвакуировавшейся семьи погибшего полицая. У них были сани, лошадь… А для того, чтобы это все было более правдоподобно, взяли из детского сада сироту, девочку 4—5 лет. Были подготовлены соответствующие документы: жена полицейского с дочерью и родной сестрой эвакуируются с прифронтовой полосы в связи с тем, что мужа расстреляли. Сани были загружены сеном, а внизу было сделано второе дно, где была спрятана рация. Как только они прибыли, началась плодотворная работа нашей группы. Задание получали по рации, а руководительница группы давала задания нам. К примеру, надо было следить какие немецкие воинские части идут, где они размещаются, где стоят зенитные установки, для того, чтобы их бомбить; какое настроение у населения, кто работает на немцев (фамилии). Также у нас была установлена связь с партизанским отрядом Колпака. У них была своя типография, там печатали листовки, которые мы распространяли. В этих листовках была информация о том, какое положение на советском фронте, где находятся немцы. Немцы все время говорили населению, что они двигаются вперед без потерь, а мы доносили реальную информацию о положении дел. В основном, незаметно расклеивали листовки, чтобы немцы не могли понять, кто это сделал. В руки, само собой, никому не давали, так как могли нарваться на шпионов. Таким образом, мы доводили правду до людей, находившихся на оккупированной территории города Конотопа.

А для того, чтобы собираться конспиративно и не вызывать сомнения, на «большой земле» меня спросили, на что я способен. Вот тогда-то и пригодилось мне мое хобби — ремонтировать часы.

Обратился в немецкую городскую управу Конотопа с просьбой трудоустройства. Рассказал, что до войны работал механиком на авиационном заводе в Киеве, что в пути эвакуации завода отстал от поезда. Женат, жена местная. Прекрасно разбираюсь в часах и прошу разрешения открыть часовую мастерскую. Все налоги буду платить исправно.

Помещение для мастерской попросил на людном месте, чтобы проходимость была как можно больше. Немцам были нужны такие инициативные и лояльные к новой власти люди как я. Так в уголке парикмахерской на шумной улице, ведущей к железнодорожной станции, открылась часовая мастерская.

Хорошо устроились, судачили соседи о хозяевах дома № 18 по улице Щербацкая, где мы проживали. «К Оксане приехал муж и тут же открыл часовую мастерскую». Их эвакуированная родственница Вера Долбина устроилась официанткой в столовой аэродрома. А сама хозяйка часто исчезала из дома: что-то где-то перепродавала. И только немногие знали о подпольной деятельности жителей домика на окраине города, утопающего весной в розовой дымке цветущих мальв.

Члены разведгруппы, всего их было 17 человек, приходили ко мне под видом клиентов и передавали нужную информацию, я все это обобщал и передавал руководительнице группы, она зашифровывала, а радистка передавала по рации на Большую землю.

Сеансы передач производили в подвале из нашего дома, где в нише стены была спрятана рация «Белка-12». Работали очень осторожно, но всего не предусмотришь. Однажды во время сеанса передачи в дом заявились два немца полевой жандармерии. Я встретил их с улыбкой, как и положено. А перед этим я подал знак, что в доме чужие — стукнул каблуком по крышке подвала и успел прикрыть крышку вязаным ковриком.

«Нихт арбайт!» — показал на часы один из немцев.

В это время в комнату вбежал котенок, стал ловить на коврике солнечные блики и постепенно коготками стягивал коврик

с места. Я похолодел — за котенком с интересом наблюдал немец. После ухода «дорогих гостей» коврик облили скипидаром, и котенок обходил его стороной.

Помню еще два случая, чуть не приведшие к провалу: батарейки для радиостанции мы получали длинным путем через связных, жителей села Великий Самбур. Эту работу выполняла мама Оксаны — Анастасия Николаевна.

Однажды в морозный день Анастасия Николаевна возвращалась домой с санками. На санках стояла корзина, набитая соломой, под соломой был мешочек с мукой, в муке были спрятаны батарейки, а сверху на соломе лежал десяток яиц.

По дороге ее догоняют двое саней с немцами. Не выходя из саней, немцы спрашивают, откуда и что везет. Анастасия Николаевна объясняет, что обменяла вещи на десяток яиц. Немцы обрадовались, забрали яйца и махнули рукой — иди, мол.

Второй случай произошел со мной в Конотопе. Я шел по железнодорожной платформе, за пазухой у меня были спрятаны батарейки. Вдруг вижу — впереди прямо на меня идет группа украинских полицаев. Бежать, уйти в сторону — уже поздно. В двух шагах от меня на платформе стоит общественный туалет.

Я ускорил шаг, быстро вскочил в него и выбросил батарейки в выгребную яму. А полицаи уже ждут меня. Проверили мои документы и отпустили.

Дисциплина у нас в группе была железная, работали строго по указанию Центра. Так, была отвергнута идея Веры Долбиной подложить немцам в пищу отраву. Иногда приходилось собираться вместе для обсуждения возникших проблем. Тогда для отвода глаз посторонних включали старенький граммофон, под звуки веселой музыки принимали решение и быстро расходились.

Благодаря конспирации за все время работы подпольной группы, вплоть до освобождения Конотопа в сентябре 1943 года, не было провалов. Родина не забыла своих героев, после войны все члены нашей группы, в том числе и я, были награждены орденами и медалями «За отвагу».

После освобождения Конотопа Красной Армией меня отправили в город Чернигов в авиационный полк для продолжения службы.

О конце войны я узнал в городе Быхове, в Белоруссии. Рано утром, часа в 3—4, смотрим — выстрелы, выхлопы. Вышли на улицу — народ выбегает, объявили об окончании войны. Радости и слезам не было конца!!!

После окончания войны я служил в авиационных частях на различных офицерских должностях в Польше, России, Белоруссии, на Украине, Сахалине. В 1972 году был демобилизован по возрасту (прослужил 37 лет) и проработал 25 лет в центральном аппарате ВВС в Москве по вольному найму. В 80 лет я ушел на залуженный отдых.

За боевые заслуги и службу в вооруженных силах я награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, а также двадцатью медалями. В моем личном архиве до сих пор сохранились некоторые подлинные документы периода работы в тылу немцев.

Вспоминая свою военную молодость, я всегда помню о погибших товарищах, не доживших до светлого дня Победы. Мы навсегда перед ними в вечном долгу.

В краеведческом музее Конотопа до сих пор находятся экспонаты нашей подпольной группы: личные вещи, граммофон, висят портреты: мой и супруги, Оксаны Ивановны.

В день 50-летия ВОВ награжден почетным знаком «Фронтовик».

Декабрь 2004 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Боброва Оксана Алексеевна**, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Химкинского района.

Капустин Василий Иванович

МЫ ОСТАЛИСЬ ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Родился в 1926 году 25 февраля в деревне Синьгово Калужской области в 15—17 км от районного города Кирова, недалеко от г. Людиново, узловой станции Фаянсовая, крупного аэродрома Выползово. Кругом большие леса, постепенно переходящие в Брянские леса, где было очень много партизан.

Нашу местность немцы оккупировали в первых числах октября 1941 года. Прорвав оборону наших войск на р. Десне, немцы ринулись к Москве. Наши войска не смогли противостоять мощному танковому напору Гудериана.

Много наших воинов попали в плен. Было брошено много нашей военной техники и боеприпасов.

Через некоторое время я получил информацию от своего отца, участника двух войн: 1905 года с Японией и Первой мировой войны, собирать оружие — винтовки, автоматы, пулеметы, гранаты, зажигательные бутылки, патроны — и прятать в укрытие. Отец немного знал немецкий язык. Языку он научился, когда был в плену с 1915 по 1917 год, где испытал все ужасы плена. Домой вернулся больным, искалеченным инвалидом, а поэтому жестокость немецкая ему очень хорошо известна. Забегая вперед, хочу сказать, что во время войны отец имел контакт с

нашим разведчиком из-за линии фронта Прохоровым Михаилом (погиб в 1943 г.). От отца я узнал, что в нашей местности организовалась подпольная группа для борьбы с фашистами. Руководителем подпольной группы был директор нашей школы Осипов (погиб под Рословлем).

Я выполнял различные поручения подпольной группы. Подпольная группа наносила ощутимый удар по немцам. С обеих сторон были потери. В нашей группе были убиты Жуков, Куханков, Володя Семенюк (учитель начальной школы).

Однажды я получил задание — подорвать склад боеприпасов, который находился на краю леса другой деревни. Взял винтовку СВТ и запас бронебойно-зажигательных патронов и отправился на задание. Прошел лесом километров 8—10 и вышел к назначенному месту. Склад от выстрелов сначала загорелся, а потом взорвался. Когда я выходил из леса, немцы меня поймали и с криками: «Партизан!» стали избивать меня своими коваными сапогами. Окровавленного, еле живого, за руки и за ноги бросили меня в кузов грузовой машины и отвезли к нашим военнопленным, которые строили оборонительные рубежи для немцев. Переводчик из военнопленных подошел ко мне и сказал: «Мальчик, тебе надо убегать, а то тебя вечером расстреляют».

Пленные наши подняли какую-то шумиху (забастовку), я воспользовался этим, прыгнул в овраг и убежал.

Подпольная группа не давала немцам покоя. Немцы зверствовали. По ночам или рано утром, окружив деревню, немцы старались поймать тех, кто не давал им покоя, т.е. подпольщиков или партизан-разведчиков, которые иногда появлялись в наших местах из Брянских лесов.

Однажды рано утром деревню окружили немцы. Убежать в лес я не мог. Кругом немцы. Мне ничего не оставалось делать, как спрятаться под небольшой стог сена. Немцы, разбрасывая сено, прокалывали вилами, штыками. Меня спасло то, что я находился под стогом сена у самой земли между поленьями, на которых лежало сено. Не найдя никого, немцы забрали отца, избили и в бессознательном состоянии бросили в сарай и держали 8 дней без еды (отцу шел 65-й год).

В 1943 году в начале августа наши войска освободили нашу местность.

Я пришел в полевой военкомат, чтобы меня взяли в Армию и отправили на фронт. Мне сначала отказали, сказав, что я еще молод. Но я настаивал. Так я добровольно ушел на фронт.

На фронте я попал в 5-ю танковую армию десантником-автоматчиком. Потом меня перевели в разведвзвод в 5та.

В конце 1944 года я попал в 263-ю стрелковую дивизию разведчиком инженерной разведки. В задачи разведчиков инженерной разведки входили разведка переднего края противника: где какие доты, дзоты, проволочные заграждения, минные поля; обеспечивать проходы при наступлении наших войск в минных полях, проволочных заграждениях; с дивизионными разведчиками ходить за «языком», обеспечивая им проходы в минных полях и проволочных заграждениях; подрывать мосты, дороги; ходить в тыл по заданию командования. Так я сражался на Белорусском фронте. С боями прошел Эстонию, Латвию, Литву, Восточную Пруссию. Был под Шауляем, под Ригой. Брали с сильными боями г. Тильзит и с очень сильными боями крепость в Восточной Пруссии Кенигсберг.

Воспоминания о войне

На рассвете наша танковая колонна должна на большой скорости ворваться в небольшой городок. Нейтральная полоса была приблизительно в 600—700 метрах. Мы, трое разведчиков, под носом у немцев разминировали дорогу — сняли противотанковые и противопехотные мины. Когда стали отходить, немцы нас заметили и стали обстреливать из миномета и крупнокалиберного пулемета. Но было уже поздно — наши танки без потерь ворвались в немецкую линию обороны. Наступление быстрыми темпами стало развиваться.

Это было в Восточной Пруссии. Наша дивизия должна наступать на рассвете. Была весна, конец марта или начало апреля. Мы — трое разведчиков — находились на командном пункте командира дивизии. Вокруг высоты были расставлены противотанковые и противопехотные мины, растянуто проволочное заграждение.

Немцы опередили наше наступление приблизительно на час-полтора. Пехота и танки подошли вплотную к высоте и ста-

ли нас обстреливать, а немецкая пехота ползла к командному пункту. Мы трое через окна амбразур обстреливали пехоту автоматными очередями, а потом из траншей забрасывали гранатами. Но силы были неравны. Пехота с криками лезла на высоту, а танки стали нас обходить слева и справа. Нам пришлось отходить, но путь отхода нам был уже отрезан. Нам пришлось отходить по нашим минным полям, которые наши саперы поставили двумя днями раньше. Когда мы прибежали в свой батальон, а батальон уже отошел на 2-ю позицию, командир батальона очень обрадовался, что мы все вернулись живыми. На склоне у деревни батальон занял оборону. Была полночь. Мне дали задание заминировать небольшой мост асфальтированной магистрали, идущей параллельно р. Неман. Я заминировал мост и стал отходить. Вдруг осветительная ракета. Немцы меня заметили. Застрочили пулеметы. Ударили по этому квадрату немецкие батареи. Один снаряд разорвался примерно в 3—4 метрах от меня, меня засыпало землей. Я на секунды потерял соображение, в голове звон. Очнулся, подергал руками, ногами — целы. Вскочил и побежал. Когда пробежал метров 30—40, сообразил, что я бегу в сторону немцев. Развернулся на 180 градусов и побежал к своим оборонительным линиям. Батальон собирался отходить или выходить из полуокружения. Танки нас прижали к реке Неман. Нам ничего не оставалось, как прыгать с обрыва на кромку реки Неман, и по кромке под прикрытием другого берега, обрыва и темноты мы вышли из полуокружения без потерь.

На нашем направлении немцы беспрерывно атаковали нашу дивизию. Мне дано задание: срочно доставить донесение в штаб армии, март месяц. Все воронки заполнены водой. Я отправился с донесением на велосипеде. Асфальтированная дорога проходила на расстоянии 300—400 метров от немецкой обороны. Нужно было на большой скорости проехать эту опасную зону — 500—600 метров, а потом дорога резко поворачивала вправо, а там уже менее опасно. Сумерки, я тронулся в путь. Немцы заметили меня, открыли артиллерийский огонь. Вдруг взрыв. Меня с велосипедом бросает в воронку от бомбы, заполненную водой. Я с головой в воде. Выплываю и иду не по дороге, а по карте (азимуту). Получив ответ, возвращаюсь в свою дивизию. Пер-

вый час ночи. Сильный ветер. Видимость 3—5 метров. На этом направлении часть немцев не успела отступить, осталась как бы в нашем тылу. В эту темную ночь они пробирались к своим небольшими группами. Мне было приказано ни при каких обстоятельствах в бой не ввязываться. При приближении немцев мне приходилось ложиться в кювет или воронку с водой. Я вернулся в дивизию к утру — мороз примерно 3—4 градуса. Мне, промокшему до нитки, постепенно обледеневшему, пришлось сидеть в окопе и отбивать атаки немцев.

На рассвете к нашей обороне подкатила батарея «катюш», выпустила несколько залпов по немцам и атака наступающих немцев захлебнулась. А к вечеру наши войска, сломав оборону противника, пошли в наступление.

Наша дивизия постоянно — днем и ночью — вела непрерывные наступательные бои. Немцы отступили за приток реки Неман. Наша пехота окопалась по берегу реки. Кругом пожары. Вечерние часы. Нам, разведчикам инженерной разведки, командование дает задание: переправиться на занятый немцами берег и произвести разведку оборонительных линий противника: есть ли доты, дзоты, минные поля, проволочные заграждения.

На задание отправились втроем: начальник штаба батальона Шарипов, сержант Никулин и я, рядовой (самый молодой). Темная ночь, сильными большими хлопьями шел снег, видимость слабая, кругом лес и кустарники. Переправились через разрушенные конструкции моста на берег, занятый немцами. Углубились на 500—600 метров. Все замеченное нами запоминалось. Прошли еще 500—600 метров, вышли к перекрестку двух автомагистралей и из леса наблюдали, в каком направлении отходила немецкая пехота и военная техника. Недалеко от перекрестка дорог стоял большой дом, вокруг которого была естественная ограда — из кустарников туи. Мы решили разведать, что и кто в этом доме. В дом направились старший лейтенант Шарипов и я, а сержант Никулин был в засаде, прикрывая нас. В случае опасности у нас были обусловлены сигналы. Я и старший лейтенант мгновенно забежали в подъезд дома. Все тихо, никого и ничего не слышно. В подъезде очень темно. Мы притихли, прислушиваясь к каждому шороху.

Через несколько секунд в подъезд забежал немец с винтовкой в руках. В темном подъезде он получает от меня сильный удар прикладом в голову. Немец падает. Мы пулей выбегаем на улицу, чтобы немцы не зажали нас в подъезде. Перед подъездом метрах в трех стоял второй немец с автоматом в руках. У него была большая полевая сумка. Пока он сообразил, что здесь происходит — мы были в белых маскировочных халатах,— я выпустил короткую очередь из автомата. Немец упал. Мы быстро срезали полевую сумку и вернулись с задания. В сумке оказались документы, очень ценные для нашего штаба дивизии.

За выполнение этого задания все мы получили ордена: старший лейтенант Шарипов — Красной Звезды, Сержант Никулин — Славы 2-й степени; я получил орден Красной Звезды. Кроме того, я имею орден Отечественной войны и медаль «За взятие Кенигсберга».

После войны наша воинская часть в сентябре-октябре переехала из Германии в г. Феодосию. Крым был очень сильно нашпигован немецкими и нашими минами. Меня, как специалиста минно-подрывного дела, направляют с группой солдат на разминирование всей крымской земли: от Керчи до г. Феодосии. Нашей группой было снято и уничтожено десятки тысяч противотанковых и противопехотных мин, сотни тысяч различного рода снарядов, бомб, мин от минометов, несколько морских мин на Азовском море, выброшенных волнами на берег. И каждый день иду на разминирование и думаю: «Война закончилась, а для меня она продолжается. А приду ли я сегодня живым?»

Каждый выход на разминирование, освобождение крымских полей от взрывоопасной техники — это испытание судьбы. Много раз я наступал на противотанковые и противопехотные мины, и наши, и немецкие. Но судьба дарила мне жизнь. И такое испытание судьбы продолжалось более четырех лет. И я очень был рад, что все те земли, которые мне пришлось разминировать, обрабатывались под новые урожаи, принося людям радость. И не было ни одного случая подрыва на минах или на другой взрывоопасной технике людей или животных на крымской земле. Меня больше радовали не благодарности нашего командования, а благодарности жителей крымских деревень,

которые обрабатывали землю. А до разминирования они ходили только узкими тропами. Другого выхода не было, кругом мины.

После освобождения крымской земли от взрывоопасных веществ люди крымских деревень стали радоваться жизни.

Май 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Лобанов Иван Игоревич**, студент 4-го курса Современной гуманитарной академии, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Лыткарино.

Карнаев Иван Иванович

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД ПЕРЕД БОЕМ

Родился 22 сентября 1919 года. С. Городище, Соликамского р-на, Пермской области. Русский, православный.

После 9 классов средней школы поступил в пермский моторостроительный авиатехникум. С 3-го курса был призван в Красную Армию. В октябре 1939 г. прибыл в г. Ачинск и зачислен в 5-ю стрелковую роту 503сп полка 91сд.

Пошел в армию по призыву. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР демобилизован из рядов Советской Армии. Этот день пришел через 6 лет и 8 месяцев. За это время стал участником двух войн: войны с Финляндией 1939—1940-х годов и Отечественной войны 1941—1945 годов. Службу в армии начал в пехотной части, а закончил связистом в зенитной артиллерии.

В декабре 1939 г. дивизия была отправлена в район боевых действий советско-финской войны 1939—1940 гг. При штурме г. Выборга в марте 1940 г. наступил на противопехотную мину и был контужен.

В апреле 1940 г. в составе пехотной бригады был отправлен на полуостров Ханко (Гангут) в Финском заливе.

Великую Отечественную войну встретил в 300 метрах от государственной границы с Финляндией. В ноябре месяце 1941 г. был эвакуирован в блокадный Ленинград и в составе 269сп участвовал в попытке прорыва блокады Ленинграда, в прорыве блокады Ленинграда и при снятии блокады Ленинграда, а также в освобождении Пскова и Риги.

Закончил войну на Курляндском полуострове в мае 1945 года. В боях дважды был ранен.

В июле 1946 г. был демобилизован из армии.

В 1946 г. поступил на работу на химический завод в городе Боровске, Пермской области.

В 1959 г. перевели на работу на Бийский химкомбинат (Алтайский край), где проработал в должности зам. начальника цеха до 1968 года.

В 1968 г. был переведен на работу на Крымский завод пигментной двуокиси титана на должность начальника цеха водоснабжения, где проработал 30 лет до октября 1998 года.

В октябре 1998 года переехал с семьей на постоянное место жительства в город Чехов Московской области, где проживает по настоящее время.

Награжден:

Во время войны в июле1943 году дали медаль «За оборону Ленинграда».

В мае 1945 года медаль «За боевые заслуги» №2242231.

Орден Отечественная войны II ст., указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985г. № ордена 1369509.

Награжден всеми юбилейными наградами, начиная с 1946 года.

Ранения:

При взрыве в марте 1940 года наступил на мину в районе станции Тами-Суо.

Легкое ранение в устье реки Тосно в августе 1942 года и через три дня тяжелое ранение в этом же районе.

Погибших в войне близких и родственников нет.

Собственные публикации и неопубликованные произведения. Книга воспоминаний «Дорога длинной в 60 лет. Так мы жили в 20 веке». Книга опубликована в 2004 г. в единственном экземпляре, 288 страниц машинописного листа.

Другие публикации. Неоднократно опубликовывались статьи в районных газетах. Это «Чеховский вестник» и «Чехов сегодня»

Итак, в декабре 1941 года, мы поселились на берегу Невы, напротив села Рыбацкое. За дровами ходили по льду Невы к противоположному берегу, где спиливали столбы от бывшей пристани. В это время начала работать Дорога жизни через Ладожское озеро, по которой начали привозить в Ленинград продукты.

В стрелковой роте, видимо, недавно сформированной, солдаты не были знакомы между собой. Сейчас, когда каждый был у всех на виду, солдаты притирались друг к другу, и по своим наклонностям начали дружить друг с другом. Командир нашего взвода был человеком симпатичным во всех отношениях, по особенному мягко-требовательным. Начали заниматься тактической военной подготовкой. Кормили три раза, особенно нажимали на зеленую капусту, а в военном городке регулярно пили хвойный навар вместо овощей. С неделю тут позанимались. И вот 28 августа после обеда нам объявили – после ужина идем на передовую. Мы уже собрались, когда почтальон передает мне письмо из дома. Письмо написано сестрой Шурой. Читать вроде темновато, а оставлять до утра, я подумал…нет, нет, надо прочитать, возможно, до утра не доживу. Напрягая зрение, я все-таки прочитал. Дома было более-менее сносно, поэтому я не стал размышлять по его содержанию.

Стало совсем темно, когда мы пошли. Нас предупредили, чтобы шли тихо, в вещмешках не стучали котелки с ложками, курить запрещено, а я только месяц назад впервые в жизни научился курить, поэтому для меня этот запрет имел существенное значение. Баловаться курить я начал с восьми лет, курил сухой

мох, наскобленный из пазов бревен старого овина (в овине сушили не обмолоченные еще снопы ржи, овса, ячменя) на гумне — это было первое коллективное курение до опьянения. Затем, постоянно курил с ребятами в школе, и особенно в техникуме, во время перемен. Несмотря на такой длительный опыт курения, научиться курить я не смог – было только баловство. И только в начале августа месяца 1942 года, я привык к куреву. Произошло это так: обычно в армии давали по нормам только махорку, а тут выдали так называемый легкий табак «Золотое руно». Выдали по 100 граммов. Я решил его попробовать сам. Для этого ушел в лес и сделал папироску-закрутку. Понемногу начал дым вдыхать в себя. Первое время вдыхал в себя, буквально по капельке, и не закашлялся. Раньше достаточно было подойти к горлу немного дыма, начинался кашель, а уж в себя вдохнуть было совершенно немыслимо. Сразу же, за первый сеанс, дело пошло на лад. На третий день стажировки в лесу я мог вдохнуть почти полную порцию табачного дыма. Так, постепенно, у меня начала закрепляться потребность в курении. Все «Золотое руно» выкурил сам. Дальше я не заставлял себя закурить. Курить начал автоматически, особенно после принятия пищи. Получив махорку, я даже не подумал, что могу закашляться, закурил и не заметил, что курю махорку. Таким образом, курить привык на Карельском перешейке.

Итак, мы идем на передний край обороны. Прошли все окраины Ленинграда, впереди четко слышны разрывы снарядов и мин. Местность совершенно открытая, ни деревца, ни кустика. Наш район сосредоточения — устье реки Тосно. Кончилась дорога, дальше пошли по канаве. Идем гуськом. Впереди, справа, слева, вспыхивают осветительные ракеты, изредка рвутся мины, теперь уже явно подходим туда, где идет война, и ты становишься непосредственным ее участником. Постепенно канава перешла в окопы, высотой почти в человеческий рост. Прошли еще с полкилометра, и по цепочке передали, что это наши окопы, и будем занимать их. В окопах никого не оказалось кроме нас. Командир взвода сказал, что можно по очереди дремать. Командир отделения установил очередь — по часу внимательно

дежурить. В окопе были сделаны небольшие уступы, сверху прикрытые ветками, где можно сидя, подремать, не мешая при этом проходить другим. Кроме дежурных все сидят, дремлют, привалившись на стенку окопа. Эта стенка траншеи являлась как бы крепостной стеной, отделяющей нас от противника, дальше какой-то небольшой отрезок нейтральной полоски, а на ее границе — немцы. Начало брезжиться. Все траншеи заполнены солдатами. Где-то в стороне рвутся мины. Никто ни с кем не разговаривает, что будет дальше, как-то не думается, пока тихо. Последовала негромкая команда: приготовиться к завтраку. Принесли бачки с приготовленным завтраком, мешки с хлебом. Завтрак оказался исключительно калорийным. В котелки накладывали плов, рис со свежей свининой, тут же — сладкий чай, и свежий хлеб. Это был праздничный обед. Почти год нас кормили всегда не досыта, мучной заваркой, без капельки жиров, а под осень щами, и только из зеленой капусты. Наелись до отвала. Не зная, что произойдет с нами через несколько минут, этот роскошный завтрак можно было бы назвать поминальным обедом самим себе, потому что для большинства из нас это был последний обед в жизни, так как через несколько минут началась кровавая бойня.

После завтрака командир взвода сказал: командирам отделений выделить по одному человеку, чтобы отнести бачки в тыл, а оттуда принести два ящика патронов. Командир отделения в эту группу назначил меня. Надев за плечи свой вещевой мешок с котелком и пищевой бачок, прихватив винтовку, пять человек нашего взвода пошли по траншее в тыл, и, не успев пройти двадцати шагов, услышали, как наша артиллерия и минометы начали стрелять в немцев. Это был слабенький огонь, можно было бы вести счет выстрелам, и тут же, через минуту, немцы мощным залповым огнем артиллерии и минометов открыли ответный огонь, по всей длине накрыв наши траншеи. Здесь, за несколько месяцев окопной войны, все было заранее пристреляно. В это солнечное утро немцы увидели, что по всем траншеям скопились солдаты, и открыли ураганный огонь. Мины и снаряды разрывались перед нами и за нами в траншеях.

Все смешалось – бешеный рев снарядов, вой летящих мин, грохот их разрывов, летящая кверху земля и беспрерывный свист осколков; это был настоящий ад, от которого нельзя было ни укрыться, ни спастись. Люди бросались по траншее то в одну сторону, то в другую, не находя спасения. Мои товарищи побежали по траншее влево, и через мгновение там полетели комья земли, я кинулся по правой траншее, отбежав метров двадцать, здесь снаряды не рвались, но рев их и свист осколков не уменьшался. Пищевого бачка при мне уже не было.

Вижу в траншее майора, он мне незнаком, я кричу ему, потому что из-за грохота было неслышно, что мне делать, меня послали за патронами. Он крикнул: «Не знаю!» Я мгновенно подумал: пробираться в это время в тыл — заподозрят, что я убежал с поля боя, и если попадешь на какого-нибудь проходимца и вдруг он подумает так же, как я подумал, может на месте расстрелять. Я решил: за патронами идти сейчас нельзя. Оглядевшись, увидел, что левее, ближе к реке Нева, разрывов меньше. Пригнувшись, пробежал метров пятьдесят в ту сторону. Здесь, чуть левее, был небольшой участок, похожий на ров с вертикальной стенкой. Я повернул налево и прислонился к стенке, защитив себя сзади. Минут пять я простоял, прищуриваясь от солнца. Послышался шум приближающегося самолета, и я увидел его уже низко летящим перед собой. И в какое-то мгновение рев мотора, и тут же — жуткий вой самолетной сирены, свист пуль и грохот рвущихся самолетных снарядов вокруг. Я отбежал правее, и опять волна самолетов в упор расстреливающая все живое, многих завалило землей. Кто-то кричит: «Тут завалило командира...» Страшное место, подстегивает реакция — надо немедленно уйти, пытаюсь просмотреть открытую местность той стороны, откуда я пришел сюда. В том направлении вижу большой наш танк. Танк стоит, он подбит, и к нему кое-кто продвигается короткими перебежками. Я решил, что за танком можно как-то спрятаться. Начал продвигаться к нему. Сделав несколько перебежек, увидел, как вокруг танка заплясали взрывы. Нет, туда нельзя.

Пробежал по траншее правее. Остановился в не разрушенном окопе, и снова послышался шум самолетов, летящих высоко. Завыли падающие бомбы, земля затряслась, в окопе сплошной дым, и, не успев рассеяться, очередная волна самолетов, но бомбы падали дальше. Все атаки самолетов начинались со стороны солнца, и полет их можно было увидеть только тогда, когда они летели почти над головой. После бомбежки около меня никого не оказалось. Я решил вернуться в ту траншею, где завтракали. В той стороне, мне показалось, меньше разрывов, и, пробежав несколько метров, я оказался в основной окопной траншее, заполненной солдатами. Огонь противника уменьшился. Послышалась команда: «Приготовиться к атаке!» — и тут же: «Вперед, вперед, в атаку!» Все полезли на бруствер траншеи, я тоже вскарабкался наверх, все бежали в сторону противника, где-то дальше, правее, послышалось негромкое, но многоголосное «ура-а-а-а! ура-а-а!» — и тут же по всему полю завыли мины, пошли сплошные их разрывы, засвистели осколки, я упал в ближайшую воронку, с водой на дне.

Огонь противника стал таким же, как после завтрака, снаряды орали сумасшедшей какофонией над самой головой, и где-то тут же взрывались, свист осколков был таким же непрерывным, как в жаркий июльский день в болотистом сосняке на Урале хаотически летающие слепни вокруг человека. Казалось, опасно даже приподнять голову. В какие-то секунды, минуты, без близких разрывов, я осмотрел местность вокруг, никто не бежал, все залегли, огонь стал поменьше, снаряды не летели, но мины выли и разрывались постоянно. Я лежу на спине, слушаю этот непрерывный вой, и думаю: если прямого попадания мины в меня не будет, то я останусь невредим, и к тому же в одну воронку мина второй раз не упадет. Такую логику я подводил под мое настоящее положение. Вой мин и дальних разрывов снарядов продолжался. Я услышал вдалеке крик о помощи: «Помогите… санитара…» — а приподнявшись, увидел ползущего в сторону криков человека с большой сумкой за спиной; это, видимо, полз санитар. Я продолжал лежать все в той же воронке. Мины рвутся, но гораздо меньше. Сняв со спины вещмешок, достал махорку и закурил. Команд никаких не слышно.

Через какое-то время, оглядевшись кругом, увидел, как то там, то тут отдельные солдаты ползут обратно в сторону траншеи. Я тоже, не спеша, от воронки к воронке пополз к траншее. Наконец я в траншее. Там уже были солдаты, но немного. Понемногу стало темнеть. Немцы еще стреляли, но нашего не было ни одного выстрела, да и откуда им быть, мы находились в блокадном Ленинграде, и вели местные бои (с задумкой на прорыв блокады), как объясняли, чтобы отвлечь какую-то часть немецких сил от других фронтов, где немцы в это время продвигались на Кавказ, к Сталинграду, в Крым. В траншее пытаюсь найти кого-нибудь из нашего взвода. Увидел трех ребят нашего взвода. Кое-что они мне рассказали. Нашего симпатичного командира взвода мина разорвала прямым попаданием в первые же минуты. Есть другие убитые, но многих ранило. Бой затих.

И еще одна ситуация, произошедшая со мной после снятия блокады Ленинграда. Это было в 1944 году перед освобождением Пскова.

Однажды капитан говорит: «Как хочется помыться, может, мы это сделаем у себя в землянке?» Я говорю: «Нет дров, и нечем согреть воду». Действительно, лесов вокруг нет, на сопках был кустарник, и его уже весь сожгли. Капитан говорит: «Я завтра привезу тол (взрывчатку), он хорошо горит в печке и не взрывается». На следующий день я заготовил 4 ведра воды, а капитан привез полмешка шашкообразного тола. Я разжег печку-буржуйку сучками и набросал в нее: как дрова, толовые шашки. Вначале шашки бурно задымились белым дымом, а потом появилось пламя, и печка раскалилась. Вода быстро нагрелась, и 2 ведра я отдал капитану в его половину землянки. Капитан разделся и начал мыться. В это время открывается дверь в нашу землянку и заходит генерал инженерных войск армии — он был непосредственным начальником капитана. Генерал начинает задавать вопросы, а капитан голый стоит навытяжку и отвечает, причем генерал был среднего роста, а капитан высокий, солидный, с черными усами. В общем, картинка юмористическая. Ге-

нерал спрашивает, что сделано, по одному вопросу, по другому, капитан отвечает: сделано, делается и т.д., а фактически, мы еще ничего не делали. Я страшно удивился такому беспардонному вранью капитана, так как я был в курсе этих вопросов. Генерал ушел, и у нас с капитаном закипела работа: отправили телеграммы, письма, вызовы, заказы и т. д. Для меня это было своеобразным открытием — вранье и последующая работа по этому вранью.

В районе устья реки Тосно под Ленинградом я получил ранение. Тут вроде все тихо, и можно оглядеться. Так, беззаботно, я пролежал минуты две, и позади меня услышал голос: «Ты что тут делаешь?» Я говорю: «Несу гранаты». Он мне приглушенным голосом говорит: «Иди сюда быстрее, дальше немцы». Я ползком вернулся назад, и левее, по проходу, прошел к нашим. Они рассказали, что час тому назад перебрасывались с немцами гранатами. Перед этой лощиной у них была глубокая траншея, а наверху установлен станковый пулемет. Более половины гранат я раздал пулеметчикам. Штук десять осталось в мешке. Стемнело, и я прилег недалеко от пулеметчиков на дне траншеи, положив перед собой пять гранат. Интересно то, что гранаты были заранее взведены, оставалось только спускать рычажок и бросать. От неосторожного движения, когда они были на спине, мог произойти случайный спуск рычажка и… взрыв.

Я лежал на животе, немцы вели артобстрел позади нас, возле нас разрывов не было. Я лежал и мысленно прогнозировал, что ночью в этой траншее ничего особенного не произойдет, и вдруг по нашей траншее обрушился сплошной разрыв мин. Меня ранило в грудь — страшная боль, гимнастерка на груди стала мокрой от крови; я вскочил, прижав руку к груди, и побежал по траншее. В этот момент меня узнал наш бывший политрук комендантского взвода на Ханко Максимов. Увидев, что я ранен, сказал: так бывает на войне, а на мой вопрос, кто меня перевяжет, сообщил, что в двадцати метрах в землянке наш медпункт. Стоял сплошной грохот разрывов, я пробежал это расстояние и

тут же наткнулся на землянку. Пробежав проход, упал в землянке. Меня подняли и на всю грудь сделали толстую повязку из ваты и марли. Приостановив кровотечение по груди, положили на низкие нары в землянке. Вскоре обстрел усилился, и в землянке поднялся шум: «Немцы пошли в атаку, у кого есть гранаты?» Раненых была полная землянка, но постепенно все стихло. Началась эвакуация раненых санитарами. Всех отправили в тыл, и санитар спрашивает: «Все раненые отправлены?» Услышав его, говорю: «Я ранен». Спрашивает: «Сам можешь двигаться?» Я говорю: «Не знаю». Санитары поднимают меня на ноги. Я пытался двигаться сам, но из-за острой боли отказался двигаться самостоятельно. Тут же, в немецкой землянке, санитары расстелили немецкое одеяло, хорошо стянули между собой, положили меня на одеяло, под связанные узлы одеяла просунули весло от лодки (у нашего подразделения были лодки с веслами для форсирования реки Тосно). Они подняли меня на свои плечи и понесли. В то время мой вес был не более пятидесяти килограмм, но все равно нести такой вес по траншее ночью трудно. Но санитары были крепкими ребятами. У меня продолжалась острая боль в груди, я стонал, и боль притуплялась.

Несли меня по траншее с периодическими отдыхами. Вскоре рядом с траншеей, оказался полковой медпункт в небольшой палатке. Санитары решили показать меня здесь. В палатке врач посмотрел на состояние моей повязки, но перевязывать не стал, и только добавил перевязочного материала. Ребята, подняв меня на свои плечи, понесли дальше. Начало светать. При очередной передышке санитары попросили меня самостоятельно пойти. Поставили меня на ноги, я потихоньку пошел сам. Вдогонку сказали, что скоро берег Невы, а там нужно спросить, где медсанбат или полевой госпиталь. Я вышел на берег Невы в том месте, где находилась землянка с земляным потолком. Во время движения боль в груди усиливалась, поэтому я зашел в землянку, чтобы немного передохнуть. Но т.к. самостоятельно лечь не смог, в землянке не остался, и пошел дальше. На берегу было уже значительное движение солдат, это вызвало у меня неудоб-

ство, т.к. мне надо при движении стонать, а тут кругом люди. Отбросив стеснение, я шел и стонал. Шел долго, а полевой госпиталь был все дальше и дальше. Наконец, увидел несколько огромных палаток. Меня завели в палатку, где стояли около сотни коек. Положили на койку, сказали, что скоро понесут на операционный стол. Большинство коек заняты ранеными. Примерно через час меня на носилках понесли в операционную. Там были два врача, мужчины. Вскрыли повязку на груди, и поставили замораживающий укол, сделали разрез, и удивились, что ничего не нашли. Зашили рану, перевязали, и отнесли обратно в палатку под брезентовым куполом. Дали выпить стакан чаю, есть не давали.

К вечеру нас погрузили в санитарную баржу, и по Неве поплыли в Ленинград. Плыли с остановками, долго, и выгружать нас начали только утром. Выгрузили в санитарный автофургон, и положили на подвесные носилки. Ехали где-то по окраине Ленинграда. Местами дорога была с ухабами, и малейшее сотрясение вызывало острую боль в груди. В конце пути я напрягал все силы, чтобы не потерять сознание. В груди была адская боль. Наконец, машина остановилась, и нас выгрузили. Меня вели под руки. Завели в приемный покой, и сразу же подвели к ванной. Помогли мне залезть в ванну, и я начал раздеваться, но тут же начал терять сознание, меня поддержали, вымыли, надели чистое белье и на носилках принесли в палату, положили на койку, укрыли одеялами. Я был в сознании. Часа через два у меня из горла в рот потекла кровь. Я начал захлебываться кровью. Прибежала сестра, потом вторая сестра и врач. Сбегали и принесли стакан соли, налили воды и заставили выпить. Кровоизлияние прекратилось. Всю ночь около меня дежурила сестра, но ничего плохого со мной не было. Началось медленное самоизлечение на койке.

Через три дня меня на носилках отвезли в операционную. Осматривал врач-старик. Высокий, худой, лысый, с грубым голосом. Он осмотрел мою рану, заставил снова забинтовать, и меня отвезли на мою койку. Так началось мое лечение в госпи-

тале. В нашей палате лежало 15 человек, все тяжелораненые. Были люди в возрасте, и молодые, но большинству за сорок. Я лежал не вставая. Мне сказали: все, что мне нужно, сделает няня. Кушал я из тарелки, которую ставили мне на грудь. Питания хватало, хотя и было скудным, блокадным. Давали грамм 50 сухарей, суп, чуть-чуть каши. В общем, с полмесяца я не ощущал потребности в добавке. Ежедневно замеряли температуру. На осмотр к врачу меня не возили. На двадцатый день разрешили сидеть. На двадцать пятый день сестра сказала, что поведет меня на рентген. Я резво встал на ноги, и тут же мои ноги, как ватные, согнулись, и если бы не сестра, я бы упал. После этого, вставая с койки, я вначале руками держался за спинку койки, а потом пытался вставать на ноги, и проверять свою устойчивость. Потренировавшись своей методике вставания с постели, почувствовал, что на месте стоять могу самостоятельно, на ногах. На рентген пошел с сестрой под ручку. Поднялись на второй этаж по широкой деревянной лестнице. До войны, говорят, здесь была школа. Перед окнами на улице не было трамвайных путей. Сделав рентген-снимок, в карточке записали – «В правой части брюшной диафрагмы просматривается инородное тело, размером 1 х 1 см». Это значит, что осколок из грудной клетки опустился ниже. Рана на груди постепенно заживала, а на ноге заживление шло очень медленно. Пока лежал в госпитале, раненых привозили с «Невского пятачка». Это место проклиналось всеми. «Пятачок» был на левом, противоположном берегу Невы, на несколько километров выше по течению, чем устье реки Тосно. Это был наш постоянный плацдарм на вражеском берегу. Весь пятачок был пристрелян немцами, со всех сторон наши положили на нем тысячи солдат за полтора года удерживания этого плацдарма. Подлечившихся здесь людей отправляли в запасную бригаду Ленинградского фронта. Среди раненых наблюдались явления симуляции. У одного пожилого солдата покалечена ступня. Врачи рекомендовали ему массировать ступню. Но он до нее не дотрагивался, и все-таки улучшение было, т.к. грозный старик-врач однажды привел целую делега-

цию медицинских «звезд», и усиленно расхваливал методику лечения этой ступни.

Через месяц после моего поступления в госпиталь, меня выписали, хотя рана на ноге продолжала кровоточить, а на груди еще не сняли с раны швы. Утром, после завтрака, нам принесли одежду – шинель, бывшую в употреблении, такие же брюки и гимнастерку, нательное белье, ботинки с обмотками, рукавицы и шапку. В группу набралось человек двадцать. Вручили справку о ранении и продовольственный аттестат. Вышли во внутренний двор. Неприятный осенний ветер, вдали видна белая церковь, других достопримечательностей не видно. Построились, вышли на фасадную сторону школы, и повернули влево по тротуару. Пересекли двойные трамвайные пути, какое-то время переходили с одной улицы на другую, и вышли на Дворцовый мост. Сразу за мостом, слева, стоял дом, на карнизах его крыши установлены скульптуры людей. Я спросил, что это за здание, мне ответили: это Зимний дворец. Я, конечно, удивился, что не узнал это прославленное здание. Фотографии его были в газетах, показывали в кино. Наша группа прошла дальше, и остановилась у военных казарм — здесь находилась 36-я запасная бригада.

В этой бригаде раненые долечивались, и отсюда распределялись по воинским частям. Разместились на двухэтажных деревянных нарах, все были ходячими, но недолеченными. На стене висело объявление – желающим вернуться в свою часть, записаться у дежурного по этажу. Вернуться в свою часть у меня желания не было. Что меня ожидало там? Попасть в стрелковую роту, и опять в окопы, на передовую. Невеселая перспектива. Я решил: пусть будет так, куда пошлет меня судьба. Плохо будет или хорошо — винить себя не буду. Так приметно поступал во всех критических случаях. Локтями не работал.

В запасной бригаде никаких занятий не было, чувствовали себя свободно. Читали газеты, слушали радио, ходили на перевязку и лечение ран, т. е. были под неослабным медицинским контролем, и по мере залечивания ран тут же отправляли в во-

инские части. Питание было тощеньким, поэтому с удовольствием шли дежурными по кухне. Там, конечно, наедались до отвала, т.к. кухня обеспечивала питанием несколько тысяч обитателей этих казарм. Дежурные по кухне ели вдоволь. Рана на груди хорошо затянулась, швы сняли, но на ноге еще появлялась мокрота. Вечером, на проверочной линейке объявили – составлена группа для отправки. Куда будут отправлять, не сказали. В этом списке назвали и мою фамилию.

Январь 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Панкратова Марина Сергеевна**, студентка 3-го курса Московского государственного индустриального университета, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Чеховского района.

Карташов Алексей Андреевич

НЕ УПАСТЬ ОТ ГОЛОДА

Родился 14 марта 1923 года в г. Пенза. Русский, православный.

До войны учился в средней школе №1 г. Пензы, окончил 10 классов. О начале войны узнал 22 июня 1941 года в г. Пензе.

На войну ушел в июне 1942 года, а до этого работал электросварщиком на заводе Дезхимоборудование в г. Пензе. С июня по август 1942 года проходил обучение на курсах связи в Саратове при воинской части.

Всю войну с 1942 года по июнь 1944 года проходил на Ленинградском фронте в качестве радиста и телефониста в 9-м артиллерийском полку 72-й дивизии и в 30-м гвардейском корпусе под командованием генерала Симонова — рядовым.

С июня 1942г. по январь 1944г. находился в обороне Ленинграда в районе Колпина и Пулковских высот. С января 1944-го по июнь 1944 г. участвовал в боях по снятию блокады с Ленинграда.

За время боев был дважды тяжело ранен: в феврале под Лугой — сквозное осколочное ранение в грудную клетку, в июне 1944 г. — сквозное пулевое ранение в живот на Карельском пе-

решейке. По ранению лечился в госпиталях Ленинграда и Ростова.

После выздоровления и отпуска по болезни, военкоматом г. Пензы направлен для обучения во 2-е танковое училище Ульяновска. После Дня Победы в мае 1945 года из курсантов училища ушел и продолжал службу в училище в должности старшего лаборанта цикла связи. В сентябре 1947 г. по указу Президиума Верховного Совета СССР был уволен в запас с присвоением воинского звания младшего лейтенанта.

В марте 1953 года вновь призван в ряды Советской Армии как специалист-связист в войска ПВО и направлен в воздушную армию в г. Ташкент, откуда был направлен в 33-й полк ВНОС г. Сталинабада в должности командира взвода радиосвязи, где и прослужил по 26.11.1973 года офицером в различных должностях. Уволен по состоянию здоровья и возрасту в воинском звании майор.

Награжден: Орден Отечественной войны I степени, две медали «За боевые заслуги», медаль «За оборону Ленинграда» и 16 юбилейными медалями.

Из близких родственников в ВОВ участвовала сестра Фонберг Зоя Андреевна в качестве врача. Погибших в войне нет.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет. Других публикаций обо мне не было.

Воспоминания о фронтовых боевых буднях

Особых воспоминаний нет. Но хочу отметить жителей г. Ленинграда, которые в тяжелейших условиях голодного Ленинграда проявляли чудеса мужества и героизма.

Так, я был очевидцем, находясь на Кировском заводе, который, несмотря на бомбежки и артиллерийские обстрелы, всю войну работал, поставляя на фронт оружие и боевую технику.

Я был свидетелем одной сцены, когда в цеху увидел юношу 14—15 лет, стоящего за станком и привязанным к нему. Когда я спросил мастера, для чего это, он мне ответил: чтобы не упасть от голода.

Второй эпизод: это во время войсковой операции под Красным Бором в районе г. Колпино. Мне с радистом была поставлена боевая задача — прибыть на наблюдательный пункт стрелкового подразделения для поддержки его огнем нашей артиллерии, так как они сменили свою позицию. Мы сбились с пути и попали на территорию противника, так как услышали немецкую речь. Но все обошлось благополучно, и боевую задачу мы выполнили. За это я был награжден медалью «За боевые заслуги».

Март 2005

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Беляева Александра Владимировна**, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Железнодорожный.

Кожатиков Александр Павлович

СОЛДАТСКАЯ СМЕКАЛКА

Родился 31 октября 1926 г. в деревне Мироновка, Спасского района Рязанской области, русский. В детстве был окрещен родителями, но явно свое отношение к церкви не проявлял, а праздник Пасхи всегда отмечал. Член КПСС с 1955 г. до момента развала СССР.

Начало войны

Мне было 14 лет, учился в школе. 22 июня 1941 г. в 6 часов утра по радио услышали о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Помню слова, которые доносились из радио 3 июля: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Мы надеялись, что война быстро закончится, но она по времени затягивалась. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, часть Латвии, Белоруссии, западной Украины. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Весь народ поднялся на борьбу с фашизмом, и мы, школьники, не оставались в стороне, помогали взрослым сооружать лесозавалы, в надежде на то, что танки не пройдут. Но нет, не получалось, техника у немцев была мощная.

1942 год, лето, село Ижевское, родина Циолковского, там очень красивое озеро, а запах уцелевших садов до сих пор присутствует во мне. И через всю эту красоту мы рыли траншеи, рвы против фашистских танков.

Учебка. Участие в боевых действиях

31 октября 1943 год мне исполнилось 17 лет, а 12 ноября 1943 года был призван в армию. Направили меня под г. Кострому Песочные лагеря в учебное подразделение для подготовки младшего начальствующего состава. В мае 1944 года получил звание младшего сержанта противотанковых войск (работал с пушкой 45 мм калибра).

Боевой путь

В звании ефрейтора я был направлен в 1001-й стрелковый полк, 209-й Лесичанской Краснознаменной стрелковой дивизии 51-й армии.

Участвовал в освобождении Крыма.

В мае 1944 года дивизия формировалась в районе г. Чернигова, а затем была отправлена под г. Полоцк. Наша дивизия относилась к 1-му Прибалтийскому фронту, которым командовал маршал Баграмян. Наша задача: совместно с третьим Белорусским фронтом, третьим Украинским, Карельским фронтами окружить и разгромить Курляндскую группировку, которая насчитывала около 500 тысяч фашистов. Это было осенью 1944 г. А ранее летом в 1944 году под г. Шауляй погиб в бою командир отделения и я был назначен на эту должность в звании младшего сержанта. В отделении было 11—12 человек. Командиром нашей роты был старший лейтенант Бирюков.

Ранение

В октябре 1944 года был ранен в левую ногу, направлен в госпиталь на лечение в г. Паневежис (Прибалтика). На лечении находился по январь 1945 года. В этом городе находилась авиационная дивизия, куда я и был направлен, она занималась обеспечением авиационной техники.

В конце апреля дивизия была перебазирована в г. Кенигсберг для уничтожения фашистской группировки.

Окончание войны

Война для меня началась с освобождения Крыма, а закончилась в Прибалтике, в г. Шауляй, в 3-й воздушной армии под командованием генерал-полковника Поривина. 12 мая 1945 года я был направлен на место постоянного базирования в г. Пиллау.

Награды

Все свои награды я получил после войны, да мы и сражались не за награды, а за свою Родину.

1. Орден Отечественной войны.
2. Орден Октябрьской Революции.
3. Медаль «За боевые заслуги».
4. Медаль «За победу над Германией».
5. Медаль «За взятие Кенигсберга».
6. Медали победы в Великой Отечественной войне: 20 лет, 30 лет, 40 лет, 50 лет, 55 лет, 60 лет.
7. «40 лет Вооруженных Сил СССР».
8. К юбилею: «50 лет Вооруженных Сил СССР».
9. «60 лет Вооруженных Сил СССР».
10. «70 лет Вооруженных Сил СССР».
11. Медаль «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР».
12. Медаль «За безупречную службу».
13. Медаль «Ветеран Вооруженных Сил СССР».
14. Награжден за воинскую доблесть и в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина
15. Медаль «В память 850-летия Москвы».
16. Награжден медалью Жукова
17. «За доблесть и отвагу в ВОВ».
18. За активное участие в ветеранском движении награжден Почетным знаком РКВВС.
19. Знак «Фронтовик 1941—1945 гг.».

Родственники

У моих родителей было пятеро сыновей. Мы все воевали, но на различных фронтах. Старший брат Дмитрий 1905 года рождения воевал в Орловско-Курской дивизии, был контужен, списан в запас. Второй брат, Илья, 1908 года рождения закончил 4 класса, рядовой, погиб под Сталинградом в 1942 году. Третий брат, Евгений, 1919 года рождения, окончил среднюю школу, пулеметное училище, лейтенант, погиб под Москвой в 1941 году. Четвертый брат, Федор, 1921 года рождения, окончил среднюю школу, служил моряком на крейсере «Марат», погиб во время блокады Ленинграда в 1944 году.

Получив похоронки, сердце матери не выдержало, она умерла. Спустя три месяца от горя умер отец.

Демобилизация

Узнав обо всем, у меня не было желания возвращаться домой, и я поехал в августе 1945 года в г. Харьков, поступил в авиационное училище, а в 1946 году окончил его в звании младшего лейтенанта. Служил в Австрии во 2-й воздушной армии под командованием генерал-полковника Красовского.

В 1950 году поступил в Академию им. Жуковского окончил в 1956 году в звании капитана, был направлен в г. Актюбинск Астраханской области.

На протяжении 20 лет я занимался испытанием авиационной техники. В 1966 году меня направили во Вьетнам, там была очень сложная обстановка, шла война с американцами. Я получил задание устранить недочеты (так казалось вьетнамским летчикам) в работе самолета МиГ-21ПФ, была слабая эффективность использования ракетного управления. Меня очень тепло приняли вьетнамцы и, конечно, посол СССР во Вьетнаме.

Я изучал причины в недостаточной слаженности работы в полку, где базировались самолеты МиГ-21ПФ, занимался с летным составом. Наши самолеты скоростные и маневренные, успех попадания ракеты по цели составляет от 40 до 60 %. Это очень высокий показатель, а у вьетнамских летчиков так не получалось. Причиной было то, что расстояние между самолетом и целью не

всегда выдерживалось и блокировка не срабатывала, поэтому ракета изменяла траекторию и не всегда попадала в цель.

Воспоминания фронтовые. Между боями

Это было под Метау. Так как мы были пехотинцы, то порой в день приходилось проходить по 40—50 км. Когда приходилось держать оборону, то первым делом нужно было окопаться так, чтобы можно было спрятать голову. Приходилось рыть очень длинные траншеи, чтобы можно было передвигаться с пулеметами. Первая заповедь пехоты — во время боя не беги вперед, старайся спрятаться в воронку, так как снаряд дважды в одну воронку вряд ли попадет. Окапывались мы в основном по ночам, чтобы оставаться незамеченными врагом и ночью. Нужно было дежурить, чтобы не вышло как в соседней роте, где немецкая разведка похитила бойца.

Гибель командира роты старшего лейтенанта Бирюкова

Это было в Прибалтике на реке Лиалупа, недалеко от г. Елгава. В наиболее уязвимых местах немцы минировали поля и натягивали проволоку-спираль, чтобы противник свободно не прошел. Однажды ночью наш командир сопровождал пятерых разведчиков, шли по небольшому свободному от мин участку, но один из разведчиков немного отклонился от тропы и попал на мину. Прозвучал крик и немцы, которые перед этим с противоположной стороны кричали нам на ломаном русском языке: «Рус Иван, не стреляй, мы ужинаем!» — открыли огонь. Разорвало еще одну мину. Наш командир погиб. Он прошел почти всю войну и так нелепо погиб.

Редкий случай на фронте

Марш. Движется колонна — впереди разведка, над нами летят немецкие самолеты, дается команда «воздух», все солдаты выполнили команду, а наша походная кухня оказалась в это время на мостике. С нашей стороны началась пушечная стрельба, самолеты пикируют, кажется, прямо на нас, а в пехоте есть отделение с противотанковым ружьем — ПТР. И два солдата

направили свое ружье на самолеты, дали несколько выстрелов, самолет задымился, упал и взорвался.

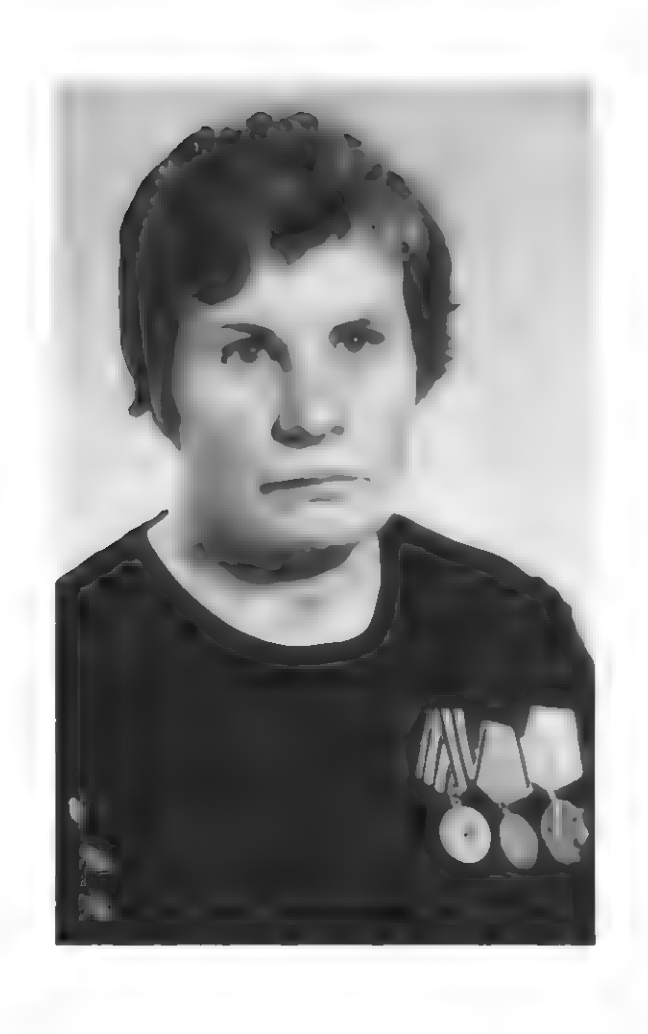
Не подвела солдатская смекалка. Остальные самолеты не стали нас преследовать.

В настоящее время я работаю в ОАО Корпорация «Тактическое ракетное вооружение «Звезда-Стрела», г. Королев, где еще являюсь председателем Совета ветеранов.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Лычагин Артем Николаевич**, студент 3-го курса юридического факультета Московского университета потребительской кооперации, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Королев.

Кокорева Зинаида Васильевна

МЫ С ВАМИ

Родилась я 13 ноября 1921 года в поселке Полотняный завод Дзержинского района Калужской области. По национальности русская, по вероисповеданию — православная. В 1930-х годах состояла в комсомоле в качестве секретаря, в 1940-х была членом коммунистической партии.

Я училась в школе №1 в поселке Полотняный завод, закончила ее в 1937-м и в этом же году поступила в Калужский медицинский техникум. В 1940 году окончила техникум с отличием и была направлена на работу в Дагестан, в город Каспийск.

День начала войны я не забуду никогда. Я тогда работала по направлению в Каспийске медицинской сестрой. Это было воскресенье, 22 июня 1941 года в 5 часов вечера. Погода была просто изумительная, мы гуляли по аллеям парка, из репродукторов доносились звуки вальса. Но они неожиданно стихли, раздался голос, сообщивший нам о том, что фашисты начали наступление. Люди замерли, воцарилась полная тишина, улицы опустели за считанные секунды.

Меня, как, собственно, всю молодежь, работавшую тогда в больнице, направили в Махачкалу на стройподготовку. Однако ситуация сложилась так, что в Махачкале я осталась на очень долгое время — до 1949 года. Мне пришлось помочь организовать там хирургическое отделение и остаться работать.

Работали мы в ужаснейших условиях, была полная антисанитария, мы стерилизовали инструменты для операций на примусе. А еще, поскольку за окном стояло лето, было очень жарко, и из-за этого развелись вши. Их было такое количество, что, когда шли по коридору, под ногами хрустело.

А как страшно было смотреть на солдат, которых привозили к нам с фронта — под временными повязками мы обнаруживали огромных белых червей, разъедающих раны.

Сколько носилок мы, молодые девчонки, перетаскали за время войны — подсчитать просто невозможно.

Каждый день мы переправляли выздоровевших солдат обратно на фронт, назначалось точное время их отправки, но и среди наших были предатели, поэтому официально время назначалось одно, а отправляли мы их раньше.

Еще, помню, случай такой был. Наш эвакогоспиталь находился возле здания театра, началась бомбежка, и один снаряд попал прямо в театр, проломив крышу. Мы думали, что все умрем, потому что если взорвется театр, то взорвется и все в округе, но снаряд не взрывался. Мы зашли в здание и увидели, что авиабомба начинена цементом, а на ней написано: «Мы с вами».

В 1945 году я вышла замуж за Кокорева Алексея Ивановича. Он служил в партизанском отряде, которым командовал товарищ Бабакин. Сам Алексей Иванович был из Балашихи, поэтому в 1949 году мы вместе приехали сюда, здесь я и живу до сих пор.

Я награждена семью медалями и одним орденом:

Юбилейная медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Номер награды А№4755605, дата

вручения 21 февраля 1966 года, Балашихинский горвоенком, вручал полковник Саначев.

Юбилейная медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР» Дата вручения 22 октября 1968 года, Балашихинский горвоенком, вручал полковник Саначев.

Юбилейная медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Дата вручения 4 мая 1975 года, Балашихинский горвоенком, вручал полковник Феофанов.

Орден Отечественной войны II степени. Номер награды А№954099, дата вручения 11 марта 1985 года, подписано секретарем Президиума Верховного Совета СССР.

Юбилейная медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Дата вручения 29 апреля 1985 года, Балашихинский горвоенком, вручал подполковник Богачев.

Юбилейная медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Номер награды П№12896671, дата вручения 22 марта 1995 года, подписано Президентом РФ Б. Ельциным.

Медаль Жукова. Номер награды Г№0880290, дата вручения 19 февраля 1996 года, подписано Президентом РФ Б. Ельциным.

Медаль «За оборону Кавказа» мне вручили после следующего: по приказу Сталина нашим солдатам необходимо было удержать Грозный. Решено было вырыть окопы вокруг всего города и пустить по ним нефть. Как только показались фашистские танки, нефть подожгли, и врагу пришлось повернуть назад.

В войну я потеряла брата и дядю. Осенью 1942 года мой родной брат, Портнов Иван Васильевич, возвращался домой в г. Юхнов. Он проходил мимо склада с боеприпасами, когда фашисты начали бомбить. Один снаряд попал точно в склад, который взорвался, не оставив в живых моего брата. До дома ему оставалось дойти всего лишь несколько километров, но судьба обошлась очень жестоко, как и с большинством людей, участвовавших в войне.

В том же 1942 году погиб мой дядя, мамин брат, Бибиков Пармен Андреевич. Он был партизаном. К сожалению, никаких сведений у меня о нем нет.

Январь 2005

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Кешишева Анна Леонидовна**, студентка 3-го курса Российского государственного гуманитарного университета, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Балашихинского района.

Кравченко Иван Андреевич

ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

Родился 8 ноября 1924 года в поселке Васильевка Хабарского района Алтайского края.

Русский, член КПСС, образование высшее юридическое.

До войны учился в Хабарской средней школе Алтайского края.

О начале войны узнал в тот же день, т.е. 22 июня 1941 года. В декабре этого же года, как только исполнилось 17 лет, я добровольно прибыл в райвоенкомат и был направлен в Томское артиллерийское училище на 6 месяцев. По окончании училища за отличную учебу мне было присвоено звание лейтенанта, и в июне 1942 года я был направлен на Воронежский фронт. Штабом артиллерии фронта назначен в 35-й гвардейский минометный полк (полк легендарных «катюш») командиром огневого взвода отдельного дивизиона. Полк принимал участие в обороне Сталинграда на дальних подступах. С боями пришлось отступать до самого Сталинграда. В боях наш дивизион потерял семь боевых машин из восьми и был отозван в резервное пополнение, в котором находился до ноября 1942 года, т.е. до начала наступления наших войск под Сталинградом. Во время окружения немцев под Сталинградом наш дивизион поддерживал 8-й кавалерийский корпус, куда я был прикомандирован офицером свя-

зи. Во время этих боев в декабре 1942 года был ранен начальник разведки дивизиона, и через несколько дней я был назначен на эту должность. И с этого момента и до конца войны я служил начальником разведки дивизиона «катюш» (244-й отдельный гвардейский минометный дивизион 35-го гвардейского минометного полка).

Боевой путь проходил на Воронежском, Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах. Освобождал Воронежскую, Сталинградскую, Ростовскую, Харьковскую, Запорожскую, Николаевскую и Одесскую области. Далее с боями прошел Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию и Австрию.

Принимал участие в освобождении городов: Морозовск, Миллерово, Старобельск, Чугуев, Изюм, Барвенково, Славянск, Краматорск, Артемовск, Павлоград, Синельниково, Славгород, Запорожье, Апостолово, Никополь, Николаев, Кировоград, Корсунь-Шевченковский, Одесса, Тирасполь, Бендеры, Кишинев. И далее отдельные малые и большие города указанных выше европейских стран, а также их столиц: Бухареста, Софии, Белграда, Будапешта и Вены.

Имею одно легкое ранение, но лечился непосредственно в части и никаких документов на этот счет не имею. Таким образом с июля 1942 года по май 1945 года неотлучно находился в действующей армии на фронте.

Награжден: тремя орденами Отечественной войны и тремя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта» и другими.

По окончании войны в течение года находился в войсках на территории Румынии. Демобилизовался в звании «Старший лейтенант» в августе 1946 года.

Далее служил в органах государственной безопасности с 1950 по 1987 год включительно. Ушел в отставку в звании полковника. В связи со службой награжден различными медалями за выслугу лет, медалями в честь годовщины Советской Армии, за победу над Германией и медалью «Ветеран военной службы». Всего 22 медали.

Из близких родственников погиб старший брат в финскую войну в 1940 году.

Собственных публикаций у меня нет. Обо мне были краткие заметки по телевидению (Алма-Ата) и в газетах (г. Железнодорожный Московской области). Участвовал в Парадах Победы, посвященных 50-летию Победы, в г. Алма-Ате и 55-летию Победы в г. Москве.

Бой на Днепре

Форсирование Днепра южнее г. Запорожье. В начале ноября 1943 года командованием было принято решение захватить плацдарм на правом берегу р. Днепр. Поручено это было 333-й стрелковой дивизии. К ней и был прикомандирован наш дивизион «катюш». Те части, которые должны были форсировать реку, готовили себе плавсредства (плоты, лодки). Мы, т.е. я, начальник разведки дивизиона, два радиста и разведчик также раздобыли себе лодку и ждали приказ. Это был не первый случай форсирования рек с целью захвата плацдарма, в которых я участвовал, и всегда перед форсированием велась часовая артподготовка. На этот раз форсирование реки, причем такой широкой, как Днепр, велось без артподготовки. Под утро ноябрьской ночи, точнее в 4 часа утра в полной тишине под дождем мы двинулись к правому берегу. Изредка немцы стреляли осветительными ракетами, но свет их не пробивал ночную мглу. И наши части вплотную приблизились к берегу и только тогда немцы нас обнаружили. И что тут началось! По всему берегу стали беспрерывно вспыхивать ракеты, был открыт ураганный огонь из пулеметов, минометов и пушек, а затем огонь стала вести и дальнобойная артиллерия. Воды Днепра бурлили от взрывов. Некоторые лодки тонули, пораженные огнем немцев, но передовые части уже зацепились за берег и дали условный сигнал ракетами. И тут же был открыт ураганный огонь нашей артиллерии и «катюш». Огонь со стороны немцев почти прекратился, т.к. он был накрыт нашими залпами! Пехота с криками «Ура!» пошла вперед, а артиллерия волной переносила огонь в глубь территории, затем, начиная от места, указываемого нашими сигнальными ракетами, и снова вглубь. И за каждой волной продвигалась наша пехота. Оставалось и нам доплыть до берега метров 15—20, как рядом разорвался снаряд. Нашу лодку пере-

вернуло, и мы пошли ко дну. К такому варианту событий мы были готовы, оружие и радиостанция были при нас, кроме продуктов, которые утонули. Мы же, сделав 3—4 шага по дну, всплывали, глотая воздух, затем снова на дно и опять 3—4 шага — и так до берега. Все четверо выбрались благополучно. Намокла только рация и отказалась работать. Выжав на берегу одежду, мы выбрались вместе с пехотой, минометчиками и артиллеристами в глубину немецких окопов. Наконец, рассвет. Оглядевшись, мы определили, что плацдарм получился маленький: где-то 1,5—2 километра в ширину и 500—800 метров в глубину. Он почти весь простреливался. Но у немцев здесь было мало сил, да и артподготовка нанесла им ощутимые потери. Но и нам нечем было наступать, мало было на той стороне пушек и минометов. Пришлось окапываться и ждать ночи для подкрепления. Есть было нечего, мои связисты «рыскали» по немецким окопам в поисках еды. Так в тревоге, в боях местного значения мы провели день и ночь. Наступило утро, и тут мы заметили, что немцы подтянули танки и самоходки, начали группироваться, занимать исходные позиции. Всем стало ясно: будет контратака с целью сбросить нас в холодные воды Днепра. Раньше чем через сутки они не могли ничего сделать, т.к. в этом районе (согласно данным нашей разведки) у них запчастей не было, надеялись на широкий Днепр.

Моя задача, как начальника разведки, была — определение места скопления немцев для контратаки и уничтожения их залповым огнем «катюш». Уточнив по карте место сосредоточения немцев (а приготовились контратаковать четыре танка, пять самоходок и курсанты какой-то полковой, как потом выяснилось, школы), я подготовил данные, произвел пристрелку из крайних орудий и дал команду по рации (она у нас просохла и заработала) ждать. Контратака началась, курсанты за танками и самоходками шли в полный рост, постреливая из автоматов. И как только они подошли к пристрелянному месту, я дал команду «огонь!». Залп «катюш» очень удачно накрыл атакующих, и после разрыва снарядов на поле осталось гореть два танка и все самоходки, редко, кто из «курсантов» поднялся, но побежал к себе в тыл. Наша пехота с криками «ура!» бросилась как по команде вперед и плацдарм был расширен в глубину до 2—2,5 км, а в ширину до 3—4 км. Мы сумели хорошо закрепиться. В даль-

нейшем, после пополнения наших войск на плацдарм, последний был еще расширен. За эту операцию я был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Находясь на небольшом плацдарме на р. Северский Донец, нам пришлось почти оставить его в начале апреля 1943 года при очень трагических для меня обстоятельствах.

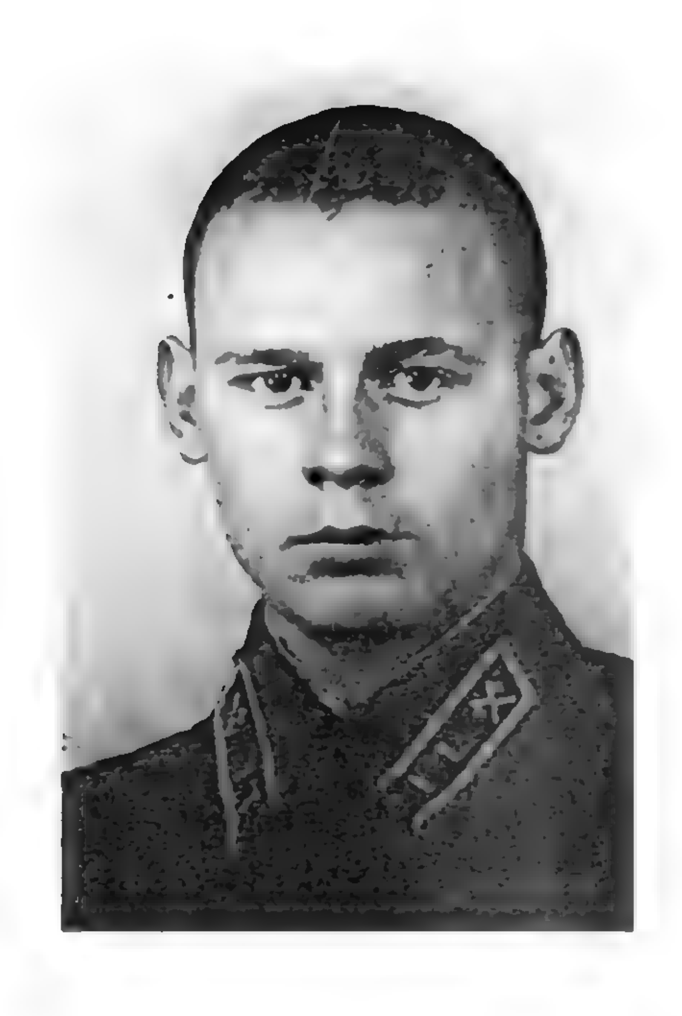
Наши наблюдательные пункты с командиром артиллерийской батареи находились прямо на переднем крае, на расстоянии 40—50 метров от переднего края немцев. Это было и опасно и очень неудобно было вести наблюдение. Были случаи, когда мы или немцы забрасывали друг друга гранатами, хотя это было не так часто, т.к. снайперы подстреливали бросавших. В первых числах апреля начался ледоход по реке, по льду которой были проложены телефонные кабели. Немцы дождались этого момента, ночью закололи штыками наши дозоры и прошли в глубь нашего плацдарма в небольшое село, и там завязался бой. Мы остались как бы в тылу. Разобравшись с ситуацией, мы с артиллеристами пробрались на окраину села, подобрав ручные пулеметы, и в спину немцев открыли огонь, несколько расстроив их планы, и помогли нашей пехоте прийти в себя. Таким образом, и мы включились в уличный бой. И вот, выскакивая из-за угла дома, я встретился лицом к лицу с немцем. У меня в руках пистолет, и у немца пистолет. Мы остановились как вкопанные в метре друг от друга, и обоих, наверное, охватил шок. Ни он не стреляет, ни я. Чувствую: волосы поднимают мою шапку. Не знаю, сколько прошло секунд, но это была вечность, т.к. перед глазами явная смерть. Ни он, ни я не поднимаем оружия, на это нужны мысли, нужна команда мозга, а их не было. И тут я или от дрожания руки, или по другой причине, не помню, не поднимая пистолета, выстрелил первый и попал, видимо, в нижнюю часть живота. Немец, ойкнув, стал падать, взмахнув руками, и тоже выстрелил. Пуля его пистолета пробила мне верх шапки. В лежащего немца я механически — или от страха? — выстрелил еще несколько раз, не глядя на него. И тут мой разведчик дернул меня за рукав и увлек за дом. Оказывается, он наблюдал эту картину и не мог стрелять из автомата, боясь задеть меня, да и тоже растерялся. Еще побегав и постреляв, мы вышли из боя и решили

переправиться на тот берег, т.к. мы остались без связи со своим дивизионом и не видели смысла здесь оставаться. Но командир пехотного полка, который удерживал плацдарм, не отпускал нас, называя трусами, и только к вечеру, поняв, что мы ничем ему не поможем, кроме как отстреливаться из окопов, залитых водой, он разрешил, но предупредил, что это сделать надо незаметно и ночью, чтобы не поднимать панику. Мы отползли метров на 250—300, нашли бревно, все втроем разделись до нижнего белья, и, в ледяной воде, придерживая связанную ремнем одежду и оружие, отталкивая от себя льдины, поплыли по течению, понемногу подгребая руками, к своему берегу, и, так, на небольшом повороте реки, уже, видимо, километрах в полутора от места нашего старта, мы пристали к берегу под огнем немцев, т.к. противоположный берег был «немецким». Выйдя из воды, отжав белье, мы натерлись водкой, которая, к счастью, у нас оказалась, оделись, и по ночному лесу, утопая по колено в мокром снегу, кое-как нашли своих. Они считали нас уже погибшими, т.к. знали, что немцы почти ликвидировали плацдарм. Нас напоили горячим чаем с водкой, растерли еще раз, и уложили спать. Но уже часа через два: «Подъем!» — и новая команда разведчикам, т.е. нам. Наш дивизион стал здесь ненужным и перебрасывался на другой участок фронта за 80 километров для захвата нового плацдарма или прорыва немецкой обороны. Мы должны были разведать маршрут передвижения, расставив условные указатели, найти место для огневой позиции дивизиона, оставить часть разведки и связи встречать, а самим идти вперед, выбрать НП. Война продолжается.

Март 2005

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Беляев Денис Вячеславович**, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Железнодорожный.

Крюков Георгий Иванович

НАГРУЗКА НА ПОНТОНЕРОВ БЫЛА ОГРОМНОЙ

Родился 21 октября 1923 года. Поселок Красноармейск города Сталинграда. Русский, православный.

До войны окончил 9 классов в Сталинградской средней школе №55.

В мае 1941 года поступил на учебу в Ленинградское Краснознаменное военно-инженерное училище им. А.А. Жданова.

Когда узнал о начале войны?

22 июня 1941 г. рано утром все Ленинградское Краснознаменное военно-инженерное училище им. А.А. Жданова было поднято по тревоге. Начальник училища майор Александр Данилович Цирлин объявил о начале войны.

Начинал участвовать в боевых действиях командиром понтонного взвода 61-го отдельного понтонно-мостового батальона Московской зоны обороны. В боях под Москвой, участвуя в составе 16-й армии генерала К.К Рокоссовского, мы обеспечивали и части 20-й армии. Мы, понтонеры, помогали войскам форсировать водные преграды.

Боевой путь проходил:

Оборона города Москва, село Погорелое-Городище, участвовал в боях на Курской дуге и освобождении городов Карачев, Брянск, Почеп, Унега, Клинцы, Новозыбков и других населенных пунктов типа Жуковка, Дятьково, Хотынец, Ульяново. Участвовал в операции «Багратион» по освобождению городов Белоруссии: Витебск, Городок, Полоцк, Глубокое, Поставы.

Принимал участие в боях по освобождению Латвии и Литвы.

Участвовал в штурме и освобождении городов Восточной Прусии Гумбинен (Нестеров), Тильзит (Советск), Инстербург (Черняховск), Тапиау (Гвардейск), Пиллау (Балтийск), Кенигсберг (Калининград).

Форсировал реки Москва, Руза, Лама, Вазуза, Угра, Сож и многие другие.

Военные действия закончил:

На берегу Балтийского моря в районе г. Пиллау (Балтийск) — апрель 1945 г.

В городе Гумбинен (Нестеров), Восточная Пруссия.

Встретил Победу 9 мая 1945 г.

Награжден:

За 45 лет службы в Вооруженных силах России был награжден орденами Боевого Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине» III степени, медалью «За отвагу», медалью «За боевые заслуги» и еще более чем 30 памятными и юбилейными медалями.

Ранения:

1. 20 августа 1942 года на реке Вазузе, в районе Погорелое-Городище тяжелое ранение.

2. В 1944 году под городом Витебск, местечко Малые Рубицы на шоссе Витебск — Полоцк. Диагноз — слепое пулевое ранение мягких тканей ягодицы.

3. 10 июля 1944 года под м. Давнары, Латвия. Слепое пулевое ранение мягких тканей голени.

4. 20 сентября 1944 года под городом Добеле — Латвия. Касательное осколочное ранение мягких тканей грудной клетки.

Воспоминания о фронтовых, боевых буднях

В апреле 1941 года к нам в 55-ю школу, в которой я учился в 9-м классе, пришел представитель военкомата. Собрал вокруг себя всех мальчишек и «по секрету» и чуть ли не шепотом сказал:

— Скоро будет война и поэтому, не ожидая ее начала, предлагаю вам выбрать себе военную профессию. Выбрать по душе свою будущую военную специальность. Подать заявление в военкомат для направления вас в выбранное вами военное училище. К началу войны вы уже будете командирами Красной Армии и, изучив и познав военную науку, с сознанием дела будете громить врага, посягнувшего на нашу Родину.

В нашем поселке, тоже «шепотом», говорили и старики о приближающейся войне. Они-то хорошо знали признаки войны, по войне 1918—1920 гг., когда здесь, на царицынской земле, гремела Гражданская война.

Из всего списка военно-учебных заведений я выбрал себе свою военную специальность понтонера-сапера.

В мае 1941 года, имея неполных 18 лет, я прибыл в город Ленинград на учебу в Ленинградское Краснознаменное военно-инженерное училище им. А.А. Жданова.

Училище располагалось в Инженерном (Михайловском) замке, где мы прошли курс молодого солдата, приняли военную присягу. Стали курсантами училища, с чем нас поздравил бывший начальник училища — комбриг Михаил Петрович Воробьев, ставший начальником инженерных войск Красной Армии, а впоследствии и маршалом инженерных войск.

Меня определили в 10-ю понтонную роту старшего лейтенанта Кривопляса 3-го понтонного батальона майора Петрова. Командирами взводов были лейтенанты Б. Затылкин, М. Кушников и М. Видзон. Началась новая, рассчитанная по минутам воинская жизнь. Пошли занятия в классах и непосредственно в поле… Но это продолжалось недолго. 22 июня 1941 г. рано утром весь батальон и все училище были подняты по тревоге…

Выстроив на плацу весь личный состав училища — начальник училища майор Александр Данилович Цирлин объявил о начале войны:

— Враг будет разбит, победа будет за нами! — заключил майор Цирлин.

Первую боевую задачу в составе всего 3-го батальона мы выполняли под Ленинградом, строя оборону на Лужском рубеже, познавая на практике тонкости инженерного оборудования рубежей обороны. Возводили противотанковые узлы обороны, артиллерийские позиции, наблюдательные и командные пункты, не говоря уже о траншеях, ходах сообщений и различных вспомогательных и отсечных позициях, которые возводились и по фронту и в глубину. На Лужском рубеже, в создании которого мы принимали активное участие, зарвавшийся враг был остановлен войсками Ленинградского фронта почти на месяц.

Училище перебазируется в город Кострому, где в декабре 1941 года, закончив ускоренный курс обучения, присвоив воинское звание «лейтенант», нас, 28 лейтенантов, направляют на Западный фронт, которым командовал генерал армии Г.К. Жуков. В скором времени я становлюсь командиром понтонного взвода 61-го отдельного понтонно-мостового батальона Московской зоны обороны. В боях под Москвой, участвуя в составе 16-й армии генерала К.К Рокоссовского, обеспечивали и части 20-й армии. Мы, понтонеры, помогали войскам форсировать водные преграды, такие, как реки Москва, Руза, Лама, Вазуза, Угра и многие другие.

Нагрузка на понтонеров была огромной — ведь переправу войск вели под постоянным минометным артиллерийским огнем и авиационной бомбежкой.

Командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков в своих мемуарах вспоминает: «На правом крыле фронта, в районе Погорелое-Городище, усиленная 20-я армия в августе повела успешное наступление с целью разгрома противника в районе Сычевка — Ржев, но наступление было приостановлено и город Ржев остался в руках противника».

Через 50 лет, на Красной площади, участник парада Победы, мой однокашник по нахабинской школе, полковник в отставке Владимир Васильевич Воробьев рассказал мне:

— Мой саперный взвод из 36 человек, приданный танковому батальону 20-й танковой бригады, получил задачу наступать в направлении села Карманово и овладеть им. Село Карманово было ключом всей Сычевско-Ржевской операции. Пройдя по понтонной переправе (которую, оказалось, держал мой взвод), повели наступление на село Карманово. Карманово взять не удалось. Батальон потерял 28 танков Т-34 из 31, а во взводе осталось семь человек вместе с командиром взвода.

Да, мы были рядом, каждый делал свое дело. Воробъев остался жив и невредим, а меня на реке Вазузе, в районе Погорелое-Городище 20 августа тяжело ранило. Более того, наш командир, Герой Советского Союза майор Усов, остался лежать на окраине села Погорелое-Городище.

Каждый воин по-своему оценил Сычевско-Ржевскую операцию — и командующий фронтом и командиры саперного и понтонного взводов.

В эвакогоспитале №1804 города Горький лечился пять месяцев. Признан годным к строевой службе и в феврале 1943 года направлен командиром взвода разведки в 183-й отдельный саперный батальон 1-го танкового Краснознаменного корпуса (ТКК), в составе которого участвовал в боях на Курской дуге и освобождении городов Карачев, Брянск, Почеп, Унега, Клинцы, Новозыбков и других населенных пунктов типа Жуковка, Дятьково, Хотынец, Ульяново.

На завершающем этапе этого наступления, не дойдя до реки Сож, пришлось испытать странное чувство, как будто тебя расстреливают. Правый берег реки Сож очень высок. Левый низменный, пойменный. Задача состояла в том, чтобы разведать возможные пути выхода к реке танков и артиллерии. Подъехав на бронетранспортере к селу Ветка, мы с сержантом А. Бородиным держась в 400—500 метрах от высокого берега, повели разведку поймы реки Сож. Когда мы отошли от крайних строений села Ветка на расстояние примерно 500 метров, пуля снайпера попала в приклад моего автомата ППШ, висевшего у меня за спиной дулом вниз.

Все. Говорю Бородину: «Мы на мушке у снайпера. Давай, Саша, соображай». Мы уже хорошо научились воевать. Начали

«нервировать» немца. Он часто стрелял, но продырявил только мою телогрейку и штаны — до ранения не дошло. Стрелял он только в меня, а Саша Бородин «маневрировал» в 10 метрах.

Обратный путь в 500 метров мы преодолели в два раза быстрее. Помахав снайперу кулаками из-за крайнего дома села, возвратились в подразделение с дырками от пуль.

В 1944 году в составе 1ткк и в той же должности участвовал в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии, городов Витебск, Городок, Полоцк, Глубокое, Поставы.

Отличившиеся в этих боях 44-я мотострелковая и 159-я танковая бригады 1ткк стали именоваться «Полоцкими».

Под городом Витебск, местечко Малые Рубины на шоссе Витебск — Полоцк, был ранен. Диагноз: слепое пулевое ранение мягких тканей ягодицы. Остался в строю и командовал взводом «стоя».

Принимал участие в боях по освобождению Латвии и Литвы от фашистских захватчиков и освобождении городов Латвии: Даугавпилс, Елгава, Добеле. Городов Литвы: Биржай, Паневежис, Шауляй, Ионишкис, Куршенай, Жигаре.

Противник отступал. Мы вели разведку маршрута в правом разведывательном дозоре. Дорога шла по лесу. Не доезжая до опушки леса, увидели убегающих за бугор немцев. Решили выехать на склон и, не подставляя транспортер возможной пушке, остановились.

Спрыгиваю с машины и — о ужас! Переднее колесо транспортера стоит на противотанковой мине! Это 9,5 килограммов тротила, пронеслось в голове. «Ложись и не шевелись!» — командую. Эту мину я хорошо знал. Она одним боком вылезла из песка. Проверил донный взрыватель, обезвредил мину. Разведчики еще сняли с дороги около 15 штук.

Выехав на бугорок, дали очередь по ближайшим кустам из двух пулеметов. Из кустов разбежались оставшиеся фрицы. В кустах нашли двух раненых. Они были саперы из дивизии «Великая Германия». Нам же крупно повезло!

10 июля 1944 года под местечком Давнары, Латвия, был ранен. Слепое пулевое ранение мягких тканей голени. Остался в строю.

20 сентября 1944 года был ранен, в четвертый раз, под городом Добеле (Латвия). Касательное осколочное ранение мягких тканей грудной клетки. Опять госпиталь — № 1812 в 15 километрах от города Даугавпилс.

Четыре месяца хорошего лечения дали положительный результат: годен к строевой.

В январе 1945 года в должности командира саперной роты 183 ОСБ и того же 1ткк принимал участие в восточнопрусской операции, прорыве многоэшелонированной, долговременной обороны немцев на границе Литвы с Пруссией. Участвовал в штурме и освобождении городов Гумбинен (Нестеров), Тильзит (Советск), Инстербург (Черняховск), Тапиау (Гвардейск), Пиллау (Балтийск), Кенигсберг (Калининград).

После этих сокрушительных ударов за блестящее выполнение боевой задачи нашему 1-му танковому Краснознаменному корпусу было присвоено наименование Инстербургский, а 89-я танковая бригада стала называться Тильзитской.

Наш 183щсб был награжден орденом Красной Звезды.

Командир 1тикк генерал-лейтенант Василий Васильевич Бутков стал Героем Советского Союза.

После штурма и взятия города-крепости Кенигсберг войска 3-го Белорусского фронта вышли на берега Балтийского моря, разгромив Земландскую группу немцев в Восточной Пруссии. 24 апреля 1945 года настало затишье. Конец войне! Но не тут-то было. Солдат должен воевать.

Вывели нас в город Гумбинен (Нестеров) и приказали готовиться к маршу на Дальний Восток. На другой берег — берег Тихого океана.

В период боев в Восточной Пруссии каждый из ее участников получил семь персональных благодарностей от Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина.

Семь раз салютовала Москва в честь воинов 1-го танкового Инстербургского Краснознаменного корпуса за отличные боевые действия танкистов генерал-лейтенанта В.В. Буткова и саперов майора С.В. Рязанцева в Восточной Пруссии.

Под Берлином шли ожесточенные бои, а мы, отдыхая, думали о войне с Японией.

Утром 9 мая 1945 года город Гумбинен озарили «фейрверки». Стреляло все оружие — автоматы, карабины, пистолеты, зенитные орудия. Танкисты, не желая быть отстающими, задрав пушки, палили в вверх. Куда?.. Разберись потом, кто стрелял. Веселились, пели и плясали, но не долго.

12 мая (без боезапаса) нас вернули в Кенигсберг.

— Воевать с японцами вам не с чем. В корпусе осталось около десятка танков. Живите в Кенигсберге. Обживайтесь. И, видимо, надолго,— сказали отцы-командиры.

В июле 1945 года меня определили в кадровый состав Советской Армии и направили на учебу в Московскую высшую офицерскую инженерно-минную школу Красной Армии — МВОИМШКА — под Москву, станция Нахабино. Был слушателем и капитан В.В Воробъев. Но в то время мы и не знали, что воевали под Ржевом совсем рядом.

Два года учебы пролетели быстро. Я попросил направить меня в свой родной 183осб 1тикк. Мою просьбу удовлетворили. В батальоне служил до осени 1956 году и в должности и.о. командира 183осб был направлен на учебу в Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева. По окончании академии в 1961 году был назначен начальником инженерной службы Плесецкого полигона Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

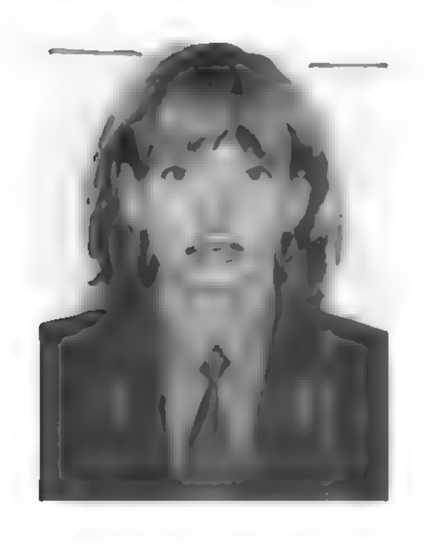
Прослужив в РВСН 25 календарных лет с должности заместителя начальника инженерной службы ракетных войск, в звании полковника и в возрасте 63 лет по возрасту вышел в отставку годным к строевой и с правом ношения формы.

Собственные публикации:

1. В 1950 году в «Военно-инженерном журнале» был напечатан материал по теме: «Ускоренное строительство низководного моста под грузы 60 тонн на рамных опорах». По опыту командира понтонной роты».
2. К 55-летию Великой Победы «Информационный вестник Совета Союза ветеранов-ракетчиков» №17 в мае 2000 года опубликовал статью «Мой ратный труд сапера».

3. Находится в редакции и готовится к изданию мои воспоминания под названием «45 лет в строю».

Май 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Децик Наталья Николаевна**, инспектор ОДиР УВД Одинцовского района, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Одинцовского района.

Кюнг Николай Федорович

ДЛЯ МЕНЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ В БРЕСТЕ

Я родился 9 августа 1917 года в селе Софьино, Сычевского уезда Смоленской губернии. Русский, православного вероисповедания (в крещении).

Отец — Кюнг Федор Иванович — выходец из Швейцарии (Кюнг Фридрих Фердинанд), скотовод работал до Октябрьской революции в имении помещика скотоводом и сыроводом.

Мать — Ефросинья Тимофеевна — дочь крепостного крестьянина, до революции работала дояркой в том же имении Софьино. После Октября семья получила надел земли 18 га из расчета 2 га на члена семьи; хозяйство было среднего достатка.

В 1929 году семья вошла в состав только что образованного колхоза «Победа».

С января 1937 года — член ВЛКСМ; с 1932 года — Осавиахима; как и большинство юношей в то время, занимался в кружках: стрелковом; спортивном (лыжи, бег), парашютно-планерном. Сдал нормы на значки «Ворошиловский стрелок» I степени и «Готов к труду и обороне» I и II степени.

В 1934—1935 гг., будучи внештатным членом Вяземского горкома ВЛКСМ, был руководителем военно-спортивной работы города.

Окончив с отличием Тесовскую девятилетку Смоленской области, в 1932 поступил в Вяземский педагогический техникум. После окончания в 1935 году был назначен учителем истории и обществознания в Семлевскую школу №21. Вяземского района, Западной железной дороги; работая, учился на историческом факультете (заочное отделение) Ленинградского университета.

В 1938 году назначен директором этой же школы; Ленинградский университет окончил с отличием летом 1939 года.

Жена Ирина Павловна — учительница начальных классов к моменту призыва в РККА, в начале 1940 года было двое детей.

До начала Великой Отечественной войны окончил полковую школу 84 стрелкового полка, 6сд. ЗОВО в гарнизоне Брестской крепости; в звании старшего сержанта с мая 1940 г. Декабрь 1940 г.: полкомвзвода полковой школы, а с декабря 1940 года согласно образованию был переквалифицирован в заместители политрука полковой школы, с присоединением звания младший политрук.

22 июня 1941 года в 4.00 не было привычной команды дежурного по школе: «Школа, подъем!»; не было более грозной команды: «Школа, в ружье!»

Вздрагивала земля, звенели стекла окон, сплошной гул и багровые отблески предрассветного утра (в Бресте рассвет наступает часом позже московского). Густая пелена дыма вместе с пылью заволокла всю территорию крепости. Так для меня началась война.

В первые минуты замешательству не было предела. Оно усилилась еще и тем, что начальник полковой школы старший лейтенант Ширяев и командир взводов, как и большинство командиров состава, не смогли проникнуть в крепость из-за шквального огневого вала и потому, что все городки командного состава вокруг Бреста подверглись жестокой бомбардировке.

Сумятица и неразбериха усилилась еще и тем, что сотни лошадей, сорвавшись с коновязей артиллерийского парка, с диким визгом носились по территории крепости. И все-таки старшему политруку школы Леониду Кислицкому с небольшой группой товарищей удалось пробиться в крепость, в школу; как только наступила звонящая тишина, он подал команду вскрыть

помещение с боеприпасами и занять на валах Волынского укрепления (Южный остров) оборону. На территории Острова располагался окружной госпиталь, его здания были разрушены и горели; больные и медперсонал во главе с батальонным командиром Николаем Богатеевым, придя в себя, искали защиты и пути спасения. В полдень товарищ Богатеев отбивая в рукопашной схватке очередную атаку гитлеровцев погиб, а основные штурмовые группы, полурассыпанным строем, прикрываясь автоматными очередями, ринулись на валы укрепления и к южным воротам.

Уже первые выстрелы курсантов и пулеметные очереди младшего сержанта Ивана Долганова прижали атакующих к земле. Были слышны резкие вскрики офицеров атакующих. И вновь волна за волной в рост — атака. И вновь дружные залпы заставляют штурмовиков залегать. Так продолжалось несколько раз. Не добившись успеха, гитлеровцы обратились в бегство в прибрежные кустарники реки Буга. И тут же по нашим позициям был открыт огонь из минометов. Его внезапность оказалась для нас трагичной… первые потери, первая кровь… Младший сержант Тарасов, бывший рядом, тихо вскрикнув, глухо застонал. От сладковатой гари взрыва и вида смертельно раненного товарища меня охватили непонятная одурь и тошнота.

На центральном острове — в Цитадели крепости весь день кипели бои. Были слышны взрывы гранат, выстрелы — очереди, и тот смертоносный минометный обстрел. Оказывается, несколько штурмовых рот гитлеровцев прорвались через Западные Терекпольские ворота в Цитадель, захватили столовую начальника состава и полковой клуб 84-го полка (бывшая церковь) и уже, видимо собирались рапортовать о победе. Однако укрывшиеся в подвалах бойцы 3-го батальона после бомбардировки приведены в боевой порядок приказом комиссара полка Ефима Фомина. Контратака была решительной и внезапной для успокоившихся гитлеровцев. Большая часть их была истреблена без выстрелов; отдельные группы их бросились в бой к Тереспольским воротам и были истреблены бойцами одной из рот 333-го полка (личный состав полка находился в летних лагерях).

Около полудня начали бомбардировку по всей площади крепости, сбрасывая осколочные бомбы. Группы самолетов по

3—5 на бреющем полете простреливали наши позиции; а затем начался обстрел из минометов; под его прикрытием вновь началась атака на валы. Теперь уже не ротными колониями, не в рост, а по всем правилам боевых уставов, перебежками отдельными группами. И на этот раз гитлеровцы отхлынули к берегу Буга.

Наступило затишье. Полуденное солнце нещадно палило.

Старший политрук приказал мне взять группу бойцов и разведать склад боеприпасов. Он находился недалеко от казармы полковой школы. Склад оказался невредим, и его хозяин — военный техник — лейтенант Бойко указал, где брать патроны и гранаты. Сержант Чамаев — ладный крепыш и курсанты направились с ценным грузом на позиции. Бойко придержал меня и тяжелым вздохом сообщил: «Три дня назад у меня родилась дочка… как они там в роддоме… город-то в огне». Может, только при его горьком виде я подумал о своем…

6 июня, получив летний отпуск, как на побывку, ко мне приехала супруга Ирина, оставив двух малышей у родителей под Смоленском.

Определил ее в одном из домов деревни Волынке, вблизи крепости, в 600—700 метрах от реки Буг.

20 июня в полдень я был принят в ряды ВКП(б) и отпросился у начальника школы старшего лейтенанта Ширяева за счет обеденного перерыва посетить семью. Рассказывая о подробностях процедуры приема, заметил ее рассеянность. Спросил, в чем дело. «Коля, не завтра — послезавтра — война». Заметив мое замешательство, добавила: «Уж который день все жители об этом говорят, и в магазине полки пустые». Все так было неожиданно, что в ответ я смог только сказать: «Ты что, к хахалю торопишься домой?» — «Ты понимаешь, что говоришь?» Горько улыбнувшись, она решительно сказала: «Пошли в магазин — сам увидишь!» Действительно, полки магазина были пустые; только наверху сиротливо лежали, видимо, никому не нужные горелки и два-три стекла от лампы. Продавец, пожав плечами, тихо сказал: « Командир, все говорят… вот и расхватали…»

По пути в школу тяжело размышлял: доложить или воздержаться? Решил сообщить. Старший политрук, недавно призванный из города Горького, был еще больше похож на штатского,

но выслушав, прижав палец к губам прошептал: «Кюнг, ты знаешь что такое ревтрибунал, да еще здесь, у границы? Пакт-то на десять лет заключен… Так что…» Придя на вечернюю проверку, отвел в сторону и сообщил: «Я получил шесть билетов в областной драмтеатр, группа из Москвы прибыла. Так вот ты с супругой и мы с Ширяевым, со своими женами с 16.00 до 22.30 будем сидеть в партере…— И добавил: — А ты…» И подмигнул.

Лейтенант Бойко заметил: «А у тебя как?» Взяв ящик с патронами, ответил: «Выгружай наверх боеприпасы, ребята будут забирать».

Ночью была выслана группа курсантов, разведать пути прорыва. Вернувшись, сержант Чечеткин доложил: «На пути — дозоры…» И, вынув какой-то сверток добавил: «Из голенища убитого немца вытащил, а из сумки — плитку шоколада, и вот — хлеб, завернутый в промасленную бумагу, на бумаге было четко написано «1936», значит давно. Развернули пакет — оказалась листовка-рисунок. На рисунке кремлевская стена с раскрытыми воротами, у ворот с поднятым мечом солдат; из-за ворот льется поток крови, в нем трупы, трупы… а на заднем фоне, у Царь-пушки, фигура обезьяны с лицом Сталина; руки фигуры подняты над головой с зажатым в них глобусом…

Тут же послышалось: «Умеют, сволочи агитировать!» На втором листке обращение Гитлера к солдатам; не все в нем было понятно (немецкий мало кто кое-как понимал), но сумели понять концовку о том, что «я отдаю лучшую кровь своего народа на алтарь спасения Европы от большевизма». Спустя некоторое время я убедился, что массовая агитация листовками во многом превосходила нашу. Геббельс со своей «командой» во многом преуспел, тогда наш Главпур РККА…

На второй день обороны нам стало известно, что отдельным группам смельчаков удалось вырваться из Цитадели, но было известно, что большая часть погибает при переправе через канал, обводящий Цитадель. Михаил Пискарев — старший сержант, полкомвзвода собрал группу своих курсантов и вечером 23 июня спросил разрешения на прорыв. Разрешение было дано. В полночь группа отправилась через вал у Южных ворот к выходу на Ковельское шоссе. Выстрелов не слышно: «Проско-

чим». Потом, уже в 1958 году, будучи членом Советского Комитета ветеранов войны, я среди многих писем прочел письмо из Царицына от майора Михаила Егоровича Пискарева. Он сообщал об обороне валов Южного Острова крепости и своем участии в дальнейшей борьбе с фашистами. Как и другие подобного рода письма, я передал его писателю Сергею Сергеевичу Смирнову — он вплотную тогда занимался поисками защитников Брестской крепости после известной киноэпопеи. «Бессмертный гарнизон». Кстати, при встречах с ним мы называли его Защитником защитников Брестской крепости, а на похоронах в Ново-Девичьем монастыре он ушел от нас как Комендант бессмертного гарнизона.

На третий день, в полдень, теплый ветер от Буга принес тяжелый, спертый сладковато-трупный запах. Разлагались убитые гитлеровцы. Своих товарищей мы имели возможность в ночной прохладе предать земле.

Санинструктор Сергей Милькевич доложил старшему политруку о том, что раненным товарищам, кроме глотка воды и сухаря, помочь нечем: лекарства, бинты израсходованы; вывернуты все ранцы, зимние нижние белье, портянки; «Рвем на части свое нижнее белье»,— закончил горький доклад Милькевич.

Глоток воды! Как он дорог для здорового бойца в жаркий полдень. Станковый пулемет замолчал еще накануне: пулемет «максим» без воды — железка; ленты пулеметные «потрошили» для винтовок. ППД (пистолет-пулемет Дегтярева) также молчали. Однако у гитлеровцев, видимо, отпала охота повторять открытые атаки, и все позиции обороняющихся накрывались убийственным огнем из ротных минометов. После полудня, будучи в очередной раз на своей позиции, был ранен: впереди вспыхнуло оранжевое пламя, звонко хлопнуло, и у локтя левой руки стало нестерпимо жарко. На зов приполз Милькевич, отложил винтовку, засучил рукав. «Ничего страшного, осколочек влип…» Рану закрутили каким-то жгутом. «Йода нет, и одеколон, у кого был, весь использован». Отползая, добавил: «У ребят хуже».

К вечеру этого дня, как только смолкли разрывы, группа курсантов, расположившись на поляне, укрытой валом, занялись вопросом, чья каска лучше. Оказывается, с расстояния в 25 мет-

ров из нагана немецкая каска пробивалась насквозь; наша останавливала сплющенную пулю у задней стенки. «И все же наша лучше!» — кто-то горько пошутил.

Когда на пятый день сержант Чомаев сообщил, что склад пуст и что лейтенант Бойко со своими товарищами видимо, ушел на прорыв, старший политрук решился на прорыв. Посоветовавшись, образовали три группы из оставшихся товарищей. В мою группу вошло 18 курсантов. Сергея Милькевича и его помощника — Шадрина — оставили при раненных, к ним присоединился пограничник с ручным пулеметом. Больно, остро и глубоко засели слова: «Я отсюда никуда не уйду!»

Ранним туманным утром 27 июня пройдя по давно знакомым тропам, обошли сгоревшее село Волынку, вышли на обочину Ковельского шоссе. Мучительно, тяжело было уходить. Оглянулся на горящий, весь в дыму, город Брест. Горько стало; вспомнилось: «в 16.00 в воскресенье будем в Областном драмтеатре». Действия начались, но уже в другом, на другом театре.

28 июня подошли к большому селу Дивин, истребили отряд мотоциклистов у здания почты, на котором уже была вывеска: «Post». Злоба кипела от чужих названий. Прошли Камень-Каширский, запаслись боеприпасами, сухим пайком. 3 июля в Сарках — узловой железнодорожный пункт, город; здесь услышали речь вождя Иосифа Сталина. Горько стало на душе. И то сказать: фашисты заняли Минск, Литву, Львов, рвутся к Смоленску! В комендатуре получили назначение двигаться товарняком в Мозырь, т. е. в распоряжение своего Западного округа.

Утром 7 июля в составе гаубичной батареи 204гап 2322-й дивизии принял участие в боях за Бобруйск. С боями прошли Демоновичи, Озаричи, Паричи, от Бобруйска отступили теме же пунктами, к своим базам у Мозыря. 15 июля вновь начали гнать гитлеровцев к Бобруйску. 6 августа — вновь отступление.

Через Хойники дивизия пошла к переправе через Днепр у города Лоев. День за днем оставляли города Черниговщина, Репки, Щорс, Корюковка, Мена. Далее бои за города Борзну, Конотоп, Бахмач, Нежин; после тяжелого боя у города Прилуки в конце сентября, оказавшись в окружении (Киев был оставлен 19 сентября), во главе небольшого отряда пробивался на север, стремясь добраться до Брянских лесов. Прошли ночами Креле-

вец, Шостку, Ямполь. Ранним утром при переходе через речушку, при выходе из нее «напоролись» на дозор немцев. Осколком гранаты был ранен в правую ногу. Это было уже 8—10 октября.

Плен. Переведен в Гомель — лагерь военнопленных, потом в Минск. Далее, в товарняках — в Германию. В конце октября — лагерь для военнопленных, «шталаг» № 304 у города Раза (округ Лейпцига). В июле 1942 г. как еще кое-как сносный к работе в группе 600 товарищей отправлен в лагерь при шахте в Бельгии, вблизи Брюсселя.

4 августа 1943 года арестован (выступление против вербовщиков власовцев) и через тюрьму гестапо, водворен в концлагерь в Бухенвальде. Уже в 1998 году в отделе Министерства обороны получили и выдали мне копию документа гестапо, последняя запись в котором под датой 06.09.43 г. Передан гестапо г. Франкфурт-на-Майне, с определением причины ареста — «Bolschewist» — т. е. «большевик и передан конвою «Einsa...», т.е. полевому вспомогательному отряду. А это расстрельная команда при гестапо. Это было 17 сентября 1943 года, и я стал номером 20955. 11 апреля 1945 г. освобожден в результате вооруженного выступления подпольной антифашистской организации, будучи руководителем одной из подпольных групп.

22 июня 1945 года Брест — лагерь СМЕРШа. В середине июля прибыл с надлежащими документами в город Вязьму, откуда был призван в РККА. До 25 сентября 55-й запасной полк под Калугой.

По указу Президиума Верховного Совета от 25 декабря 1945 года назначен учителем истории и обществознания в Ознобишинскую школу Подольского района Московской области. До 1991 года учитель, завуч Щербинской школы №4 (новостройка). Последние восемь лет учитель истории Быковской школы.

В справке — СФИЯ МСЭ 002 №951940 от 20 февраля 2004 года записано: «Ранен на фронте при защите СССР».

Ранения. Первое 23 июня 1941 года при отражении атаки гитлеровцев на валы южного острова Брестской крепости. Скользящее штыковое ранение запястья левой руки.

Второе. Утром 27 июня при прорыве из крепости; сквозное пулевое ранение в мякоть левой руки у локтевого сустава.

Третье. В конце июля 1941 года бою у деревни Лесчана Рудня, южнее Бобруйска и Паричей — пулевое ранение запястья правой руки.

Четвертое. Утром 8 октября 1941 года при выходе из окружения севернее города Шостка, после переправы речки — осколком гранаты в правую ногу (ниже колена).

В настоящее время, с 1998 года — председатель Совета ветеранов города Щербинка.

Награды:

2 ордена Отечественной войны I степени:

а) №289246; указ Президента Верховного Совета от 8 февраля 1958 года (секретарь Георгадзе). Вручен в Подольском военкомате в начале 1958 года.

б) №647409; указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1958 года «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.

Первый орден был вручен, как и многим моим товарищам по Брестскому гарнизону, за защиту Брестской крепости.

Медали:

« За победу над Германией»

«20 лет Победы в Великой Отечественной войне»

«30 лет победы ВОВ»

«40 лет победы ВОВ»

«50 лет победы ВОВ»

«60 лет победы ВОВ»

«Медаль маршала Г.К. Жукова»

«Правительственная медаль ГДР «Борец-антифашист. 1933—1945 гг.».

Правительственная медаль ЧССР «Знак чести», за участие в интернациональной борьбе против фашизма (Прага, 4 апреля 1967 г.).

Медаль «Крест святого рыцаря» — от французской организации борцов Сопротивления фашизму (11 апреля 1960 г., Париж).

Памятная медаль «60 лет Сталинградской битвы»

Памятная медаль «60 лет Курской битвы»

Медаль Советского комитета ветеранов войны и 4 креста Западного фронта

Медаль «Фронтовик 1941—1942 гг.» (9 мая 2001).

Участник двух парадов Победы (1990 г. и 1995 г.).

Почетные грамоты: ЦК ВЛКСМ, Министерства обороны (маршала Р.Я. Малиновского), Министерства просвещения, Советского Комитета ветеранов войны, Всесоюзного общества «Знание» (Военная секция) и др. — за военно-патриотическое воспитание воинов Советской Армии, молодежи и учащихся школ.

В Великой Отечественной войне погибли:

брат Герман Федорович Кюнг (1915);

брат Иван Федорович Кюнг (1920) — 28 августа 1942 г. в Сталинграде;

брат Григорий Федорович Кюнг (1911), колхозный конюх, колхоза Киселева Смоленской области, Новодугинского района (сожжен в бане за сопротивление, оказанное гитлеровцам при реквизиции колхозных лошадей (ноябрь 1941 г.).

Со стороны супруги Ирины Павловны погибли:

старший брат Шапкин Филипп (1911) — партизан, убитый в феврале 1943 г. в бое с карателями в Кардыновском районе под Смоленском;

старший брат Шапкин Алексей (1909), полковник юстиции, военный прокурор в МВО, погиб в боях под Гжатском осенью 1941 года.

После войны остались живы: сестра Анна Федоровна (1906) доярка колхоза «Победа» Смоленской области, Сычевского района; сестра — Мария Федоровна (1914), старший бухгалтер МИФИ.

Перед грозой

20 июня 1941 года (это была пятница) в полдень на артполигоне 6-й дивизии Брестского гарнизона состоялось выездное заседание парткома 84сп. В числе товарищей был принят в ряды ВКП(б) и я. Доложил начальнику полковой школы старшему лейтенанту Ширяеву о том, что о радости обязан известить свою супругу Ирину Павловну прибывшую на лето ко мне на побывку.

Проживала она в селении Волынка, вблизи крепости. Сразу заметил, что слушает рассеянно, будто занятая чем-то посторонним. Спросил: «Ира, в чем дело?» Полушепотом, ответила: «Коля, не завтра — в воскресенье война! — И добавила: — Мне надо уехать домой…» — «Ты с ума сошла? Ты знаешь, что говоришь?!» — «Пойдем в магазин, сам все увидишь!» Ответила и стала собираться. Зашли в магазин…

…Все полки магазина — пусты. На одной в углу лежат сиротливо две-три горелки и стекло от керосинной лампы. Продавец, указав на них, сказал: «Не взяли, не подходят…— И тихо добавил: — Пан командир, все говорят: вот-вот война — вот и расхватали…»

…Доложил старшему политруку Кисловодскому. Ответ был ясен и прост: «Кюнг, под трибунал захотел за панику? Меня туда же потащат!! А жене скажи, что в воскресение в 16.00 мы все шестеро, в том числе и она, будем в областном драмтеатре; из Москвы театральная труппа прибыла».

Начало

Земля вздрогнула, качнулась, а вместе… Привычной командой «школа, подъем!» или более тревожной «в ружье!» не было. Предрассветное утро озарилось сотнями багровых вспышек, и крепость потонула вмиг в сплошном грохоте и гуле разрывов бомб, снарядов и мин; огонь, дым, пыль, камни — все заполнило вокруг. Взбешенные от неожиданности лошади, сорвавшись с коновязей, дико визжа, крича, то сбивались в кучу, то рассыпались, усиливали неразбериху и сумятицу.

Только сторонний наблюдатель смог бы описать происходящее. Когда стихло все, наступила звенящая тишина.

Опомнившись, курсанты полковой школы заняли давно знакомые места на валах своего Волынского укрепления крепости. Прорвавшийся сквозь огнемет старший политрук Кислитский приказал старшине Левченкову с каптерщиком раздать патроны.

Со стороны реки Буга, сквозь редкий туман, выдвинулись густые цепи серо-мышиного цвета. Шли поротно, полурассыпным строем, будто на смотровом учении. Странное чувство ох-

ватило, видимо, не только меня. Нужно было стрелять, убивать вот их, в этих мышиного цвета одеждах.

Чего проще на полигоне в который раз тремя выстрелами поразить мишень с рисунком солдата в каске тарелочкой. А теперь стрелять по живым людям... Впервые команда «огонь!» все скрасила. Серые фигурки стали падать. Цепи бросились наземь; снова выстрелы — оттуда автоматные очереди. Еще и еще: «Огонь! Огонь!» И гитлеровцы обратились вспять, скрывшись в прибрежных зарослях. Спустя некоторое время обрушился шквал мин. Первые взрывы, первые жертвы. Рядом, тихо вскрикнув, хрипловато застонал младший сержант Тарасов. Стало не по себе: кровь товарища, сладковатый запах гари от взрыва... помощь санинструктора Шадрина уже была бесполезна. А справа в Цитадели и где-то позади слышались винтовочные выстрелы и автоматные очереди.

Крепость принимала бой. Большой штурмовой группе гитлеровцев удалось ворваться в крепость через западные Тереспольские ворота, они заполнили двор Цитадели и, видимо, считали дело оконченным. Но из подвалов третьего батальона взвод за взводом, с криком «ура!» устремились в атаку бойцы во главе с комсоргом полка Самвелом Матевосяном. Он, выполняя приказ, полкового комиссара Фомина и возглавил контратаку. Решительным штыковым ударом и прикладами бойцы батальона истребили большую часть штурмовиков. Остальные, убегая к Терепольским воротам, были уничтожены опомнившимися пограничниками 9-й заставы лейтенанта Кижеватого.

Началась месячная оборона крепости.

Ранним утром 27 или 28 июня, собравшись к прорыву на Ковельское шоссе, я предложил примкнувшему в первые дни пограничнику присоединиться к нашему отряду. У него был ручной пулемет. «Я отсюда никуда не уйду!» — хрипло ответил он.

3 июля в 11.00 слушали выступление И.В. Сталина. Больно резануло: «Оставлен Минск, Львов, Литва». После полудня получили время, сходили на станцию. Там — эшелон платформ, полностью занятых раненными бойцами. Большинство сидели, но многие лежали на матрасах, одеялах... Отвечали: «Из-под

Перемышля, Львова, Новгород-Волынска». На вопрос «как там?» отвечали: «Спрашиваете? Убивают, кромсают — война!»

Но держатся подкрепления идут. Действительно, на параллельном прогромыхал эшелон. На платформах расчехленные орудия, танки, бронемашины, молодые красноармейцы.

В конце июля на окраине деревни Песчана Рудня, у кладбища, отражали атаки с подброшенными из Паричей гитлеровцами. В деревне разорвались снаряды. Из деревни дико причитают: «Милый мой, ты же жив, жив!» Молодая женщина держала, прижимая к груди, поросенка. «Ты — живой, живой!» Оказывается ее младенца сразило осколком, и, обезумев, мать металась с подхваченным поросенком.

6 августа рано утром во время завтрака командир орудия сержант Никита Алексеев, мой однокурсник по Вяземскому техникуму, привлек внимание своего расчета подробным рассказом о своей Духовщине на Смоленщине, о родителях, друзьях.

Рассказал как летом, будучи в лагере Осоавиахима у реки Вязьма, купаясь, ослаб и стал тонуть. «И не быть бы мне здесь, да вот, он — Николай — вытащил на берег». Николай — это был я. Вскоре появился зловещий разведчик — «рама». Пролетая медленно и повернув над деревней Черни (под Паричами) улетел к Бобруйску. Не прошло и пяти минут, как над головой просверлил воздух снаряд, разорвавшись в 100—150 метрах сзади батареи. Команда: «По укрытиям!» Тут же прогремел взрыв впереди батареи. «Вилка»! Навалившись на товарищей, я втиснулся в окопчик. Третий разорвался в расположении батареи. От четвертого орудия послышался какой — то хрюкающий стон. Выскочив, увидел Никиту Алексеева, свернувшегося у лафета орудия; осколок пронзил живот товарища.

Командир взвода младший лейтенант посоветовал похоронить при личном оружии — револьвере наган…

Этот был день решительного наступления немцев, и наш 165-й полк 232-й дивизии 21-го получил приказ отступать к Хойникам и к переправе у Лоева.

Это было уже в концлагере Бухенвальд. Февраль 1944 года. Шла вечерняя поверка. На площади более 35 тысяч политза-

ключенных из 18 стран Европы. Побарачно, в шеренги по 10 — коробкой. Каре, построились узники и вместо обычной переклички-подсчета дежурный прочитал приказ о казни через повешение двух «русских бандитов» за совершенные ими «злодеяния». На вышке, над воротами в лагерь развернулся спаренный пулемет, в лагерь вошел наряд автоматчиков при касках. Из бункера вывели двух остриженных щупленьких подростков, повели к виселице. Поставили каждого на табурет. Резкий стук сбитых табуреток. Опустив головы, как по команде сняли головные уборы. Тут же из рупора хриплые команды: «Мютцен ауф! Мютцен ауф, свиньи!» («Надеть шапки, свиньи!»). У пулемета лязгнул затвор, автоматчики вскинули оружие. Но в мертвой тишине никто не пошевельнулся: опустив головы, политзаключенные не шевельнулись.

Исчерпав гнев, рапортфюрер обратился к стоявшему рядом коменданту. Тот что-то сказал. Рупор захрипел: «Морген оне гипайзе, гану таге!» Завтра на весь день весь состав лагеря лишается пищи…

Спустя время стало известно, что эти два парня — юноши, где-то сбежали из трудового лагеря и при их поимке, видимо, оказали сопротивление. Ночью их привезли в лагерь для казни в крематории. Уже в лагере по пути к крематорию они вырвали у ничего не подозревающего конвоира винтовку, перебросили ее через проволоку. Пока конвоир вернулся за своим оружием, подняв шум на вахте, ребята укрылись в лагерной кухне. Их приютил немецкий политзаключенный — повар, спрятав в подпольной нише.

Несколько дней, во время проверок, рапортфюрера объявляли о том, что тот, кто укажет место, где укрылись «русские бандиты», получит дополнительный паек и пакет сигарет и при рассмотрении дела будет досрочно отпущен на свободу. «Доброволец» нашелся — один из поваров, польский офицер, а теперь узник Бухенвальда. Он приметил, что повар Эрих постоянно с пакетом пищи скрывается в подвал кухни…

…Через неделю (это было уже в марте) польский товарищ Генрих Соколак, (я с ним держал связь) придя после отбоя в 30-й барак, где я содержался, тихо сообщил: «Николай, тот пан офицер теперь уже не получит ни пайку с сигаретами, ни свободы…»

Вскоре из филиала Бухенвальда лагеря «Дора» (там узники, в подземелье собирали, монтировали Фау-1 и Фау-2) пришла не менее печальная весть. У черноморского матроса, Михаила Скибы, приговоренного за саботаж к повешенью оборвалась веревка; палачи повторили, — вновь обрыв… в третий раз тоже. Он был пристрелен. Падая, крикнул: «Все — равно пропадете, собаки, наши близко!» немецкого товарища — бывшего члена ЦК германской компартии — Альберта Кунца повесили следом. Он отказался, за обещанное досрочное освобождение, выполнить предложение коменданта «Доры».

Усилиями немецких политзаключенных и советских в Бухенвальде была создана своеобразная подпольная школа для советских детей. Это были дети погибших пограничников, расстрелянных партизан. Они содержались в 8-м бараке. Там, после боя в спальне старый учитель Никодим Васильевич Федосенко (из села Таромское под Днепропетровском) учил детей грамоте и счету.

Я рассказывал детям отрывки из истории нашей Родины и картинки из географии СССР. Это было в конце января 1944 года. После рассказа я задержался и поинтересовался, как Никодим Васильевич будет проводить «диктант первачкам». Дети сели. У нар у окна и на клочках бумаги приготовились писать. «Пишите, дети: «Мама моет раму»… Написали? Пишите дальше: «Папа роет фашисту яму».

…Американские войска топтались где-то у Рейна, наши войска только взяли Варшаву и вели тяжелые бои в Венгрии, а в концлагере Бухенвальд, в самом пекле фашистского зверя, за колючей проволокой с пулеметными вышками…

«Папа роет фашисту яму»... Прошло почти 60 лет с тех пор, а мне до сих пор, ночами, слышен хрипловатый голос 65-летнего советского учителя Никодима Васильевича Федосеева.

…«Роет фашисту яму»... Тело Н.В. Федосеева покоится на кладбище села Таромское, близ Днепропетровска. Школьники одной из школ этого города постоянно ухаживают за его могилой.

Послесловие

После демобилизации я с супругой (она вынесла с малышками все тяготы фашистской оккупации на Смоленщине), определился работать в Подольском районе. Работал учителем с горячим желанием. В Ознобишинском клубе два месяца читал лекции из истории нашей родины. Вскоре по просьбе ГК КП(б) — КПСС — работал нештатным инструктором горкома партии, агитатором в двух колхозах.

11 марта 1949 г. приехавшие в школу трое в штатском надели мне «браслеты» — наручники, произвели обыск. Забрали нашу с супругой переписку и увезли на Лубянку. Обвинение было сурово-категоричным:

— добровольная сдача в плен;

— агент гестапо в концлагере Бухенвальд по выдаче советских патриотов;

— резидент одной из иностранных разведок по Московской области… (статья 58-б). Следствие длилось 14 месяцев. Из них 8 месяцев сидел в одиночке. За отказ подписать это «обвинение» оштрафован пятью сутками карцера: за резкий протест с применением физического воздействия на следователя ст. лейтенанта тов. Ефима … — 15 суток строгого (холодного) карцера. 6 мая 1950 года в кабинете начальника следственного отдела полковника Герасимова было им записано решение: «освободить из-под стражи; по постановлению 204 за неимением улик и подозрений.

Необходимо заявить; вопреки многим заявлениям и в печати и по радио определенно заявляю — никакой жестокости, никакого физического порядка, пыток со мной не было; питание — нормальное.

Более того, каждый следователь пытался «довести» дело с обвиняемым до суда, с тем, чтобы за успехи получить дополнительную оплату — месячный отпуск в санаторий или на курорт.

Говорят, нет добра без худа. В 1956 году был образован Всесоюзный Советский Комитет ветеранов войны во главе с Маршалом СССР Семеном Константиновичем Тимошенко.

По представлению Московского обкома партии я был включен в его состав в качестве члена Президиума СККА.

Вскоре меня утвердили председателем секции бывших военнопленных. А в 1960 году был рекомендован в руководство международного Комитета бывших узников Бухенвальда в качестве вице-президента от Советского Союза. Как член редакции принял участие в сборе материалов по изданию Международного сборника — « Бухенвальд». Документы и воспоминания»

…В своей поэме «Василий Теркин на том свете» (1958 г.) Александр Твардовский, зная «одиссеи», подобные моей (его отец, супруг дочери помещика, был во время коллективизации выслан из Смоленщины в Сибирь), так выразился о некоторых моих реальностях того, нашего времени.

Здесь как в скорой той машине
Что по улице идет!
Сама давит, сама режет,
Сама помощь подает...

Председатель совета ветеранов, почетный гражданин города Щербинка.

Январь 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Анохина Анастасия Александровна**, ученица 10-го «Б» класса средней школы №4 г. Щербинки, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Щербинка.

Линник Владимир Иосифович

БОИ ЗА РЕЙХСТАГ

Я родился 19 января 1926 года в г. Чернигов (Украина). В предвоенные годы учился в средней школе г. Сумы на Украине, где работали и жили мои родители. В июне 1941 года я окончил 8 классов.

22 июня 1941 г. с друзьями-одноклассниками рыбачили на р. Псел. Возвращаясь домой, вышли на площадь В.И. Ленина и увидели сотни человек, слушающих радиотрансляцию. Выступал В.М. Молотов. Так мы узнали о нападении фашистской Германии на нашу Родину. Много молодежи пошло в военкомат, чтобы записаться добровольцами в Красную Армию. 23 июня пришли туда и мы. Нам, конечно, по возрасту отказали. Предложили поступить в истребительный батальон, формировавшийся для охраны объектов города. Шел мой шестнадцатый год. В сентябре 1941 г. немецкие войска вышли на р. Псел, создав угрозу захвата города Сумы. Отец, Линник Иосиф Евдокимович ушел с партизанским отрядом в леса на севере области. Мать, Линник Матрена Антоновна, военный врач, с госпиталем была направлена в Горьковскую (ныне Нижегородскую) область. С ней уехал и я.

Там я окончил 10 классов. В июле 1943 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии и был направлен в 13-е Ростов-

ское артиллерийское училище, готовившее офицеров противотанковой и дивизионной артиллерии. Окончив курс училища в декабре 1944 г. с группой выпускников в звании младший лейтенант меня направили на 1-й Белорусский фронт. 10 января 1945 г. я вступил в должность командира взвода управления батареи 357-го артполка 171-го стрелковой дивизии (79-й стрелковый корпус) 3-й ударной армии. 14 января 1945 г. войска 1-й Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г. К. Жукова с плацдармов на левом берегу р. Висла перешли в наступление. 17 января вступила в бой 171 СД. Так началась для меня Виско-Одерская наступательная операция. Дни и ночи непрерывно наступали наши полки в направлении г. Бронбуг (г. Быдгощ, Польша). В эти дни командир батареи Асильбеков и я участвовали в боевых порядках стрелковых батальонов 525-го стрелкового полка нашей дивизии. К 1 февраля, перейдя государственную границу Германии, наши войска окружили группировку противника в районе г. Шнайдемюха и вели бои по ее уничтожению. С 1 марта 1945 г. войска 3-й ударной армии (в том числе и наша 171сд) получили приказ, развернувшись фронтом на север, наступать к Балтийскому морю и разгромить войска фашистов, сосредоточенные там.

Началась Восточно-Померанская наступательная стратегическая операция. Нам противостояли войска СС. Наш 357-й артполк (командир полковник Иванов) поддерживал огнем и колесами наступление 525-го стрелкового полка.

Разведка дивизиона — старший лейтенант Власенко, командир батареи капитан Асильбеков и я — обеспечивали управление огнем дивизиона (12 122-мм гаубиц), находясь в боевых порядках 2-го батальона 525-го стрелкового полка.

В районе населеного пункта Бутов два батальна СС при поддержке танков контратаковали и остановили наступление полка. Взаимодействуя с отдельным истребительно-противотанковым дивизионом мы огнем прикрывали наши стрелковые подразделения. Стена заградительного огня гаубиц, стрельба противотанковой прямой наводкой сорвали 4 яростные контратаки СС, потерявших 9 танков и больше сотни убитых. Под ударами подошедших танков и огня артиллерии СС отступили. Наши батальоны ворвались в Бутов.

Полки дивизии рвались к Балтике в направлении порта Каммиж. В порту грузились части СС под прикрытием крейсера береговой обороны и двух миноносцев. Наступающие батальоны были остановлены огнем корабельной артиллерии. Из-за нелетной погоды наша авиация помочь не смогла.

Командир нашего 357-го артполка подполковник Иванов получил приказ командира дивизии сосредоточенным огнем батареи подавить огонь кораблей на дальности до 5 км, нанести огневой удар по порту Каммиж. Впервые мне пришлось участвовать в контрбатарейной борьбе артполка с кораблями противника. Не выдержав мощи огня, немецкие корабли покинули бухту. После сосредоточенного огня батарей нашего гаубичного дивизиона в порту Каммиж был подожжен и потоплен транспортный корабль противника. Каммиж был взят на берегу остались лежать сотни убитых СС. За операцию по выходу к Балтийскому морю и разгрому группировки противника много наших воинов были награждены орденами и медалями. Я был награжден первой моей медалью «За боевые заслуги». Мне досрочно присвоили воинское звание «лейтенант» и приказали вступить в должность старшего офицера батареи, заменить раненного старшего лейтенанта Савостлеева.

В начале апреля 1945 г. наш полк в составе дивизии совершил марш и сосредоточился в лесном массиве восточного берега р. Одер.

Началась подготовка к берлинской стратегической наступательной операции. До Берлина оставалось 70 км. Мы начали переправляться на Кюстринский плацдарм (западный берег р. Одер) и готовили огневую позицию батареи. В ночь на 9 апреля, переправив огневые взводы батареи на плацдарм, мы заняли огневую позицию. Укрепляли огневую позицию, круглосуточно подвозили боеприпасы, готовились к наступлению. 16 апреля в 5.30 утра началась артиллерийская подготовка наступления. 603 орудия на 1 километр фронта, сосредоточенные на плацдарме, по сигналу открыли огонь. Шквал огня и металла дробил оборону немцев. Грохот и рев взрывов всколыхнули плацдарм. Огнем управляли по таблицам огня и флажками. Стоя рядом со стреляющей гаубицей, я видел откат ствола, но не слышал из-за сплошного рева выстрела. Преодолевая яростное сопротивление

врага, наши войска лавиной пошли на Берлин. Завязались упорные, кровопролитные бои. Вечером 20 апреля полки нашей 171-й стрелковой дивизии первыми ворвались на северо-восточную окраину Берлина.

Батареи нашего 357-го артполка поддерживали огнем наступающие батальоны 380-го стрелкового полка. Дни и ночи шли бои за каждую улицу, дом. Город горел. В воздухе стоял устойчивый запах дыма, каменной пыли. Немцы защищались яростно и упорно. К утру 23 апреля полки нашей 171сд прорвались к каналу в центре города. Был момент, когда командир дивизии полковник А.И. Негода лично поднял и повел в атаку батальон 380-го стрелкового полка.

Огонь артиллерии танков, бомбоштурмовые удары авиации прокладывали тяжкий путь стрелковым батальонам к центру города. 28 апреля после тяжелого боя полки 171сд вышли к р. Шпрее. 2-й батальон 380-го стрелкового полка захватил мост Мольтке. В 700 м был рейхстаг (здание законодательного собрания фашистской Германии), опорный пункт в обороне центра города. За ним городской парк Тиргартен. 29 апреля начался бой за рейхстаг. Штурм было приказано провести двум штурмовым отрядам. Командиры штурмовых отрядов: командир 1-го батальона 380-го стрелкового полка 171сд старший лейтенант Самсонов К.Я. и командир 1-го батальона 756-го стрелкового полка 150сд капитан Неустроев С.А.

В штурмовой отряд старшего лейтенанта Самсонова вошли: 1 стрелковый батальон 380-го стрелкового полка, 4 танка, две 122-мм гаубицы, четыре 76-мм орудия, ЗиС-3, отделение минеров (до 8 чел.), 2 отделения огнеметчиков с ранцевыми огнеметами, отделение химиков (до 6 чел.).

Оборону рейхстага немцы прикрывали огнем из зданий МВД, театра, артиллерией из парка Тиргартен. К 4.30 30 апреля после ожесточенного боя «Дом Гиммлера» был взят 380-м стрелковым полком нашей дивизии, вскоре был взят и другой опорный пункт — «Кроль опера».

29 апреля 1945 г. я получил приказ командира дивизии с двумя 122-мм гаубицами огневого взвода и их расчетами переправляться по мосту Мольтке через р. Шпрее, войти в подчинение командира 1-го стрелкового батальона 380-го стрелкового

полка старшего лейтенанта Самсонова, сопровождать штурмовой отряд огнем прямой наводкой. По мосту и плацдарму на левом берегу р. Шпрее вели огонь немецкие батареи из парка Тиргартен, прямой наводкой стреляли зенитные пушки, вели шквальный пулеметный огонь. Под прикрытием дымовой завесы мы и танкисты форсировали р. Шпрее. Доложил старшему лейтенанту Самсонову, получил задачу, установили гаубицы на позиции под прикрытием зданий на берегу.

В 350 м от нас стояла серая громада здания рейхстага, опоясанная траншеями с железобетонными калитками, позициями зенитных пушек, танков и штурмовых орудий. Рейхстаг обороняли свыше тысячи курсантов морских школ и подразделения охранных частей СС.

Бой за рейхстаг характерен ожесточением и упорством, из-за р. Шпре по позициям противника вели огонь 89 наших орудий, танки и САУ.

В 4.30 30 апреля штурмовые отряды пошли в атаку. Противник встретил ураганным огнем. Атака успеха не имела. В ходе боя огнем гаубиц по бойницам окон второго этажа здания мы уничтожили 2 пулеметных гнезда и зенитный автомат на позиции. В бою был тяжело ранен командир 1-го орудия А. Мухамедбердиев, лучший сержант батареи.

В 11.30 начался общий штурм. Атакующие роты под прикрытием огня артиллерии и танков вышли к оврагу с водой. До двух рот СС поддержанные танками, контратаковали фланг роты 380-го стрелкового полка. Контратака была отбита в рукопашном бою. В 13.00 к рву прорвался штурмовой отряд командира Неустроева. Началась подготовка к решающему штурму. На позиции штурмового отряда Самсонова стали на прямую наводку 2 батареи отдельного противотанкового дивизиона. Несколько танков и самоходных установок уточнили задачи, получили боеприпасы.

В 18.30 30 апреля под прикрытием огня артиллерии, танков и САУ пошли в атаку, переправившись через ров, роты штурмовых отрядов. Мы вели огонь по танку в огне, вскрыли окоп и сожгли танк, вели огонь по целям в здании. В этом бою геройски погиб заряжающий 2-го орудия рядовой Волоконский П.Ф. Первыми прорвались к ступеням здания младший сержант Ере-

мин и рядовой Савенко из 1-й роты батальона старшего лейтенанта Самсонова и закрепили красные штурмовые флажки у входа в здание. Вместе с ними прикрепил к колонне у входа свой флажок младший сержант Патницкий из 1-го батальона, но был убит пулеметной очередью. Атакующие роты ворвались на первый и просочились на второй этаж здания. Бой шел внутри здания, гремели автоматы, рвались гранаты, на переходах этажей сходились в рукопашных схватках. Мы прекратили обстрел здания и были готовы к отражению возможных контратак. Командиры штурмовых отрядов переместили командные пункты на первый этаж здания.

В батальон командира Неустроева доставили знамя Военного Совета 3-й ударной армии. Командир 756-го стрелкового полка 150сд полковник Зинченко приказал разведчикам Егорову и Кантария водрузить его на купол здания. Под командой лейтенанта Береста и под прикрытием отдельных стрелков сержант Егоров и сержант Кантария прорвались на купол здания и примерно в 22.00 30 апреля водрузили знамя, прикрепив его к скульптурной группе фронта здания. Потом его назвали Знаменем Победы.

Всю ночь на 1 мая в здании шел бой. Рейхстаг горел. В этом аду из дыма и пламени доносились автоматная стрельба и взрывы гранат. Вечером 1 мая из одного из входов в подземный этаж фашисты выбросили белую простыню в виде флага. В ночь на 2 мая 1945 г. гарнизон рейхстага сдался.

К 6 часам 2 мая 1945 г. батальоны 171сд и 150сд вступили в парк Тиргартен и соединились с воинами 8-й гвардейской армии.

Утром 2 мая началась массовая капитуляция берлинского гарнизона. По улицам конвоировались колонны пленных. Лежали горы оружия, в окнах уцелевших домов висели белые простыни и полотенца. Бои за Берлин в целом завершились.

Нашему 357-му артиллерийскому полку, стрелковым полкам и 171-й стрелковой дивизии были присвоены приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина наименования «Берлинские». Нам, участникам боев, Верховным Главнокомандующим за разгром врага на Балтике, овладение Берлином были объявлены благодарности. Командующий войсками 1-го Бело-

русского фронта Маршал Советского Союза Жуков объявил благодарность участникам штурма рейхстага. Многие воины были награждены орденами и медалями, удостоились званий Героев Советского Союза. Я был награжден орденом Красной Звезды.

Так для нас завершилась Великая Отечественная война. Многие из боевых товарищей не дожили до этого святого дня. Вечная им память и слава.

День Победы 9 мая 1945 года я встретил в Берлине. После подписания акта капитуляции фашисткой Германии вечером 9 мая наш 357-й артиллерийский полк произвел салют из артиллерийских орудий нашей батареи.

Ранений не имею. Легко контужен в бою за г. Канмин (на Балтике), но с наблюдательного пункта не ушел.

Во время войны и после ее окончания я переписывался с родителями и одноклассницей по школе в г. Сумы (Украина). Отец, Линник Иосиф Евдокимович, партизанил в отряде, по болезни был в госпитале. Мать, Линник Матрена Антоновна, военврач, начальник отделения эвакогоспиталя, в 1945 г. в воинском звании майор уволилась из Вооруженных Сил и жила в Сумах, похоронена в г. Одинцово Московской области. Письма (солдатские треугольники) шли редко, но много радости доставляли нам в те суровые годы.

После войны я 2 года служил в том же полку в группе Советских оккупационных войск в Германии в должности старшего офицера батареи.

В 1947 г. после расформирования дивизии получил назначение и служил в 1501-м гаубичном артполку 55-й гвардейской стрелковой дивизии Белорусского военного округа в г. Гродно, в должностях старшего офицера и командира батареи.

В Гродно встретил любимую и преданную подругу Линник (Сукачеву) Марию Даниловну. В 1950 г. мы создали семью и счастливо прожили 54 года. В январе 2004 г. она скоропостижно ушла из жизни. Мы вырастили и воспитали двух сыновей — Виталия и Владимира.

В апреле 1952 г. я получил назначение в одну из первых ракетных частей — 90-ю инженерную бригаду РВГК, где служил в должностях начальника отделения, зам. начальника штаба отдельного дивизиона.

В 1961 г. окончил Ростовское высшее инженерное училище им. Главного маршала артиллерии Неделина.

Далее проходил службу в РВСН в должностях зам. командира части, заместителя командира дивизии, зам. Главного инженера армии, заместителя командующего ракетной армии по вооружению.

В 1976—1987 гг. — начальник управления в центральном аппарате Главнокомандующего РВСН.

В 1988 г. уволился из кадров Вооруженных Сил СССР в запас. Проживаю в г. Одинцово Московской области.

Награжден орденами: Отечественной войны I ст. (указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г.), Красной Звезды (указ от 01.07.1945 г.), двумя орденами Трудового Красного Знамени (указы от 29.08.1960 и 18.09.1983), «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» (указ от 30.04.1975 г.). Награжден в марте 1945 г. медалью «За боевые заслуги», а также 19 медалями СССР и РФ. В 1986 г. указом Верховного Совета РСФСР присвоено почетное звание «Заслуженный энергетик РСФСР».

После увольнения из кадров ВС СССР вел активную работу в Совете ветеранов войны, военной службы и правоохранительных органов Одинцовского района Московской области. Ветеран-ракетчик.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Бобровский Дмитрий Валерьевич**, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Одинцовского района.

Лисенков Василий Семенович

РАЗВЕДКА БОЕМ

Родился 30 декабря 1922 года в селе Чаево Череповецкого района Вологодской области.

Закончил среднюю школу №1 в городе Устюжна Вологодской области, где проживали родители в 1941 году.

В июне 1941 года добровольно поступил в Архангельское военно-инженерное училище на ускоренный курс. На фронт ушел досрочно с группой командного состава училища в 3-ю стрелковую дивизии, Волховский фронт, в конце октября 1941 года. Во время ночного боя 8 декабря 1941 года, будучи командиром саперного взвода, 468-го стрелкового полка, был тяжело ранен. Проходил лечение в армейском госпитале с 8 декабря по 10 января в городе Боровичи, а затем был направлен в город Иваново, где продолжал лечение до 15 апреля 1942 года. После выздоровления был направлен на Северо-Западный фронт в 250-ю стрелковую дивизию. В середине мая дивизии было приказано провести разведку боем с целью обнаружения и изучения обороны противника, его огневых средств, инженерных сооружений и заграждений.

Для проведения разведки был создан сводный отряд под командованием начальника разведки дивизии.

В отряд был подобран «обстрелянный» личный состав и командиры подразделений. Подготовкой отряда руководил командир дивизии генерал-майор Степаненко. Это был опытный, душевный и заботливый командир. Беседовал с каждым солдатом и командиром, поинтересовался моим состоянием после госпиталя и где я начинал войну. Документы, знаки различия оставили в расположении части.

Уже совсем не по-командирски комдив расцеловал каждого, кого приказ провожал почти на верную смерть.

На рассвете, без единого выстрела, отряд из двухсот верных смертников ушел на выполнение боевой задачи.

Под шквальным огнем фашистов бойцы по сделанным проходам ворвались в первую траншею противника.

Назад вернулись только тридцать пять уцелевших и без единой царапины. Та разведка боем не забудется никогда. Шли на верную смерть, но поставленную задачу выполнили, правда, ценой больших потерь. Страха под фашистским огнем не чувствовали. Никакой боязни, только ярость и злость.

Затем я попал на Юго-Западный фронт в район Харькова, где уже командовал ротой.

В июне 1943 года меня откомандировали в Подмосковье, где формировали штурмовые инженерно-саперные бригады. Я попал в 18-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду, которая располагалась в районе Чехова. Учили рукопашному бою, умению пользоваться ножом, подрывному делу, умению минировать и разминировать. Готовили штурмовиков, которые всегда должны были находиться «на острие», там, где был нужен прорыв, где пехота и танки бессильны. Рота была численностью 110 человек.

День за днем катилось колесо войны. Прорыв под Курском, освобождение Чернигова, форсирование Днепра, бои за Мозырь, Ковель в составе Белорусского фронта.

За годы войны участвовал в следующих операциях: в битве за Ленинград, в ноябре-декабре 1941 года; в контрнаступлении советских войск под Тихвином; в битве за Днепр в августе — декабре 1943 года; в Белорусской операции в составе 1-го Белорусского фронта; форсировании Западного Буга и вступлении в пределы Польши 20 июля 1944 года; Висло-Одерской операции

12 января — 3 февраля 1945 года; в освобождении столицы Польши Варшавы; в Берлинской операции с выходом на Эльбу 16 апреля — 8 мая; захвате столицы фашистской Германии Берлина — 2 мая.

При подходе к Эльбе я был вторично ранен 5 мая.

За храбрость и мужество в годы войны награжден:

орден Красного Знамени;

ордена Красной Звезды;

орден Александра Невского;

2 ордена Отечественной войны I степени;

медалью «За отвагу»;

благодарностями Верховного Главнокомандующего: За освобождение Ковеля; за прорыв сильно укрепленной обороны немцев западнее Ковеля с выходом к реке Западный Буг; за освобождение города Седлец; за овладение крепостью Прага — предместьем Варшавы и важным опорным пунктом обороны немцев на восточном берегу Вислы; за освобождение столицы союзной нам Польши городом Варшавой — важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на реке Висла; за овладение городом Дойч-Кроне — важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом обороны немцев в Померании; за овладение городом Альдамм и ликвидацию сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки Одер восточнее Штеттина; за отличные действия при прорыве обороны немцев на западном берегу Одера и наступлении на Берлин; за завершение окружения г. Берлин; за овладение городами Ратенов, Шпандау, Потсдам; за овладение городом Бранденбург; за овладение столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии.

В мирное время за освоение, эксплуатацию и обеспечение техникой войск награжден:

орденом Трудового Красного Знамени — указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1974 года;

орденом Красной Звезды — указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.10 1967 года.

Во время войны поддерживал связь с родственниками и друзьями.

Первый день Победы встретил на койке армейского госпиталя. Радовались, что победили, остались живы, с болью вспоминали родственников, боевых товарищей, тех, кто не дожил до этого дня.

После выздоровления служба в ГСВГ (Группа советских войск в Германии) в 19-й гвардейской механизированной дивизии 1-й гвардейской танковой армии.

В январе 1950 года, по замене, был переведен в Прикарпатский военный округ на должность командира 534-го отдельного гвардейского инженерно-саперного батальона, которым командовал до июня 1955 года.

В июне 1955 года поступил в Инженерную академию имени Куйбышева, которую закончил в июне 1960 года. После окончания академии был направлен в Ракетные войска стратегического назначения и назначен на должность командира войсковой части 54203, которой командовал до ноября 1965 года.

После окончания строительства всех сооружений и постановки всех подразделений на боевое дежурство и выполнения важного правительственного задания был назначен начальником войсковой части 25850.

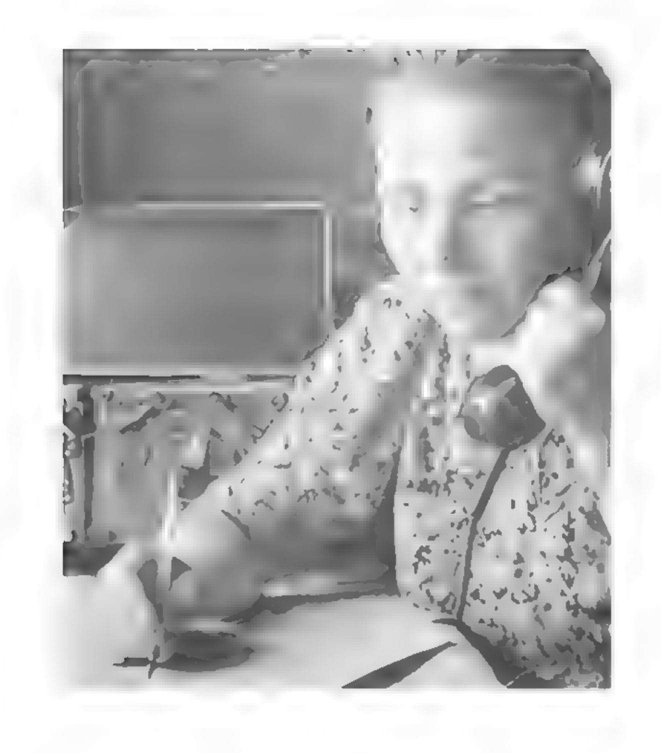
Войсковой частью 25850 командовал более десяти лет.

Уволился в запас по возрасту в июне 1976 года.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Кухарева Юлия Юрьевна**, инспектор ОДиР УВД Одинцовского района, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Одинцовского района.

Литвинова (Прудникова) Екатерина Потаповна

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРОНТОВЫХ БУДНЯХ

Родилась 23 ноября 1922 г. в деревне Пиряны, Хисловического района, Смоленской обл. Русская, православная, партийности не имела. Узнала о начале войны в Карелии.

К тому времени окончила 10 классов школы.

Когда начались бомбежки, была эвакуирована в Татарию, Октаныжский р-н. В Татарии жили дедушка с бабушкой, я поселилась у них. 5 мая 1942 г. пришел приказ Сталина мобилизовать девушек в армию, на фронт, так что в боевых действиях начала участвовать по призыву.

Каждый из нас, ветеранов ВОВ, помнит начало первых военных действий на территории нашей Родины.

Когда немцы начали бомбить наши города и села, всем стало ясно, что началась война.

В это время я жила у сестры, переехала к ней, так как мы с матерью жили вдвоем в лесу, на хуторе, папа умер, а потом еще произошло раскулачивание крестьян. После всего этого мы и остались в практически безвыходном положении, вот и пришлось перебраться в Карелию к сестре, ведь кроме родных никто не поможет. Там я работала на почте. С началом бомбежек

кругом началось смятение. Люди переживали за родных, уходящих на фронт, ведь знали, что многие не вернутся. Дома оставаться тоже было страшно, ведь теперь случиться могло все, что угодно. А я еще со всеми местными ходила копать противотанковые рвы, ведь в тот период необходимо было любое содействие нашим бойцам. Потом, когда находиться у нас в деревне стало слишком опасно, меня эвакуировали в Татарию, где жили мои дедушка и бабушка. Я поселилась у них. Вместе со всеми жителями я ходила делать укрепления, рыть окопы, в общем, также помогала, чем могла. Было сложно, ведь я была тогда молодой девчонкой, а приходилось копать, таскать тяжести, работать нужно было много и чем быстрее, тем лучше. Когда пришел приказ Сталина мобилизовать девушек в армию, это было 5 мая 1942 г., меня призвали и повезли сразу в Читу, Забайкалье. Так и начались первые мои настоящие дни на войне. Уже 21 мая 1942 г. я приняла присягу.

Конечно, все мы ведь были тогда молодые, практически дети, все сначала переживали, боялись. А потом все стало, как будто так и надо, ведь человек ко всему может привыкнуть, даже к ужасу войны, ведь людям во все времена хотелось жить и верить в лучшее.

Вот я начала свой воинский путь в Чите. Сначала чувствовала себя чужой, но это ощущение быстро прошло — война объединяет всех. Страшно было, умирали люди. Я сразу же попала в 12-ю воздушную армию, стала специалистом телеграфных аппаратов М-44. В моих руках находилась связь. Сообщения шли зашифрованные, информация, которую они несли, была секретной. По азбуке Морзе я передавала их нашим самолетам, обычным и боевым. Это была очень ответственная работа. От меня зависели жизни тысяч людей, ошибок не должно было быть, ведь в результате малейшей неточности могла произойти катастрофа.

Время тогда наступило сложное, как и вся война для всех нас. Это были бесконечные бои и тяжелые работы, а в мои обязанности входило постоянно следить за рацией, принимать и отправлять сообщения. Бывало, заходишь куда-нибудь в окоп или другое укрытие, воды по колено, а то и выше. Рацию мы носили на плечах, на себе, а аппаратура была очень тяжелая.

Я не была на передовой, так как я посылала сообщения, но жилось нам не намного легче, ведь все равно боевые действия проходили перед нашими глазами. Я воевала с Японией, мы буквально пешком шагали по Монголии. Вот идешь, и где ни глянь — только небо с землей. Нигде ни одного дерева, ничего нету. Жили только в палатках, считай, на голой земле. Холодно было, но как-то согревались, старались одеваться теплее — болеть возможности не было. А если и подхватишь простуду, то все переносили на ногах, таблеток, как сейчас, тоже не было, переболевали так.

Очень многие участники войны говорят, что они по вечерам костры, бывало, разжигали, сидели, грелись, разговаривали. А у нас и огня-то развести нельзя было, деревьев-то нет — степи кругом. Разговоров веселых или задушевных тоже не было, какой там, горе везде, война, тут не до смеху было. Все думали о своих родных и близких людях, находившихся далеко, где-то там.… У кого кто-то воевал, у кого просто вынуждены были остаться дома — идти было некуда. И вместе со всеми я тоже думала о своих, переживала, что с ними, где они.

Ранений было много, в основном, конечно, от раздававшихся вблизи взрывов. Но, слава богу, серьезных не было, все зажило. Только один раз как-то сидели мы в окопе, передавали сообщения, и вдруг разорвался очередной снаряд. Никто даже не понял, что произошло. Все смешалось: на нас вдруг полетела земля, осколки, все потемнело. Кругом смятение. Вот тогда меня серьезно ранило в ногу. Сначала даже боли не почувствовала, так быстро и неожиданно все случилось. Лишь когда все более-менее успокоилось, я осознала, что случилось. После этого происшествия мне пришлось 1,5 месяца пролежать в больнице. Как и следовало ожидать, это было осколочное ранение, было очень больно. Сильно боялась, что не смогу ходить, но врач сказал, что не только ходить, но и бегать буду. Так и случилось, благодаря Господу, осталась здоровой, все прошло, только шрам до сих пор заметен. Пока там находилась, познакомилась со многими людьми, у каждого из которых были свои проблемы. Словом, куда ни глянь — всюду сплошная боль и горе. Посмотришь, как люди мучаются,— и еще тяжелее становится. Даже

когда я вылечилась и, наконец, вышла из этой больницы, долго еще все это вспоминалось — слишком много видела страдания вокруг. Ну а потом вернулась я обратно на фронт, и снова начались «серые будни» борьбы с врагом. Ни один из нас никогда не забудет то время.

В остальном так и протекали у меня военные будни, в окопах да землянках. Кроме военных сообщений и беды, вокруг не видала ничего.… Да и на что смотреть? Как ночь темная проходило все вокруг. Какие тут воспоминания…

Великая Отечественная война затронула всех. Практически ни одна семья не осталась без потерь. Многие матери, сестры и жены так и не дождались своих сыновей, братьев, мужей. Беда не прошла и мимо меня. Во время этой войны погибла моя сестра и ее муж. Сестра умерла от болезни, а муж у нее погиб на фронте, тоже за Родину сражался и за нас жизнь отдал. В общем, теряла я родных мне людей, любимые мои уходили…

Все теряли и собой рисковали, но бились с врагом, ведь нам было за что бороться. Я не жалею, что на фронт пошла, я бы все равно этот выбор сделала, выбор — защищать Отечество, ведь это долг каждого. Мы сражались за наши жизни и жизни дорогих нам людей, воевали за счастье в глазах любимых и близких. Боролись не только за себя, но и за них и за будущее нашего и следующих поколений.

Когда сказали, что война кончилась, даже и не помню, день то был или ночь. Все в одно слилось. Всем даже боязно стало, ведь домой возвращаться пора, а есть ли дом? Что стало с теми местами, откуда мы пришли? И есть ли куда возвратиться? Страшно было, но ничего, главное, войны больше не было.

День Победы действительно стал для нас праздником со слезами на глазах. Мы радовались, что прошли через это, выдержали все, что выпало на нашу долю, но одновременно с этим скорбели о тех, кто не вернулся, кто сражался с нами, но не смог дойти до конца. Память о них всегда будет жить в наших сердцах.

Ушла рядовой, пришла сержантом. Награды получала, а про себя думала: «Наконец-то все это закончилось и ушло, мы защитили, мы смогли…»

Вот и все, что тут есть еще сказать.… Хотелось бы повидать тех, кто со мной был, поговорить. Да разъехались мы, адреса потеряли. Сейчас бы съездила в те места, посмотреть, что изменилось. Ну да ладно, что было, то было.

Слава богу, прожила я много лет, и каждый раз День Победы — это самый любимый праздник в году, лучший день в году для всех нас.

Боевой путь проходила:

Тюмень, Уланцирик — Монголия; затем Россия.

Военные действия закончила в Монголии, Уланцирик.

Командиром роты был Хомутов.

Об окончании войны узнала в Тюмени.

Награждена:

Орден Отечественной войны II ст. № 4900916, указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985 г.

«Медаль Жукова» № 0350816, указ Президиума Верховного Совета России от 19.02.1996 г.

Медаль «Ветеран труда», указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.03.1978 г.

Также получала юбилейные медали:

«20 лет победы в Великой Отечественной войне», указ Президиума Верховного Совета СССР.

«30 лет победы в Великой Отечественной войне», указ Президиума Верховного Совета СССР.

«40 лет победы в Великой Отечественной войне», указ Президиума Верховного Совета СССР.

«50 лет победы в Великой Отечественной войне», указ Президиума Верховного Совета России.

«60 лет Вооруженных Сил СССР», указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.10.1978 г.

«70 лет Вооруженных Сил СССР», указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.01.1988 г.

Места вручения наград и фамилий вручавших не помню.

Ранения: осколочное ранение в ногу, 1,5 месяца пролежала в больнице.

Во время войны погибли сестра и муж сестры.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет.

Других публикаций обо мне не было.

Февраль 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Кравец Мария Михайловна**, ученица 10-го «А» класса средней общеобразовательной школы №1 с углубленным изучением отдельных предметов города Чехов Московской области.

Лыга Евгений Саввич

В РАЗВЕДКЕ КРЕПКИЕ РЕБЯТА

Родился 30 июня 1917 года.

Место рождения: село Приволжье, Приволжского района Самарской области.

Русский, бывший комсомолец, член КПСС с 1942 года.

До войны окончил Самарский пединститут, физико-математический факультет, математическое отделение в 1939 году.

Узнал о войне 22 июня 1941 года в г. Чапаевске Самарской области, работая преподавателем в средней школе №2 в г. Чапаевске.

На войну ушел добровольцем 17.07.1941г. после четвертого моего настоятельного обращения в городской военкомат г. Чапаевска, т.к. на преподавателей школы была бронь.

Был направлен на учебу на кратковременные пехотные курсы в г. Самаре, после в Ульяновское пехотное училище. Закончил училище на «отлично» в декабре 1941 года, присвоили лейтенанта и направили на Северо-Западный фронд в 391-й стрелковый полк 170-й стрелковой дивизии 27-й армии, где был назначен на должность командира разведвзвода полка. За 8 месяцев взял 6 пленных (языков) противника. В августе 1942 года был назначен помощником начальника штаба по разведке. С сентября 1942 года по май 1943 года был помощником начальника

оперативного отделения 170-й стрелковой дивизии. С мая 1943 по сентябрь 1943 г. командовал стрелковым батальоном, с сентября 1943 г. по май 1944 был заместитель командира 717-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии, с июня по октябрь 1944 г. был командиром 427-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии.

С октября 1944-го по ноябрь 1948 г. учеба в Академии им. М.В. Фрунзе. Был направлен учиться в академию по приказу И.В. Сталина, который гласил: «Отобрать со всех фронтов лучших 1000 командиров и направить на учебу в общевойсковую военную академию им. М.В. Фрунзе». Окончил академию вместе с трижды Героем Советского Союза полковником А. Покрышкиным.

Участник первого Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г., а также трех Парадов в 1946, 1947, 1948 годах и в 1995 году в честь 50-летия Победы.

По окончании Академии им. М.В. Фрунзе, работал в Закавказском и Воронежском военных округах. Демобилизовался из рядов Советской армии с должности заместителя Начальника Тамбовского суворовского училища.

Боевой путь проходил: Северо-Западный и Волховский фронты с декабря 1941 по сентябрь 1943 года по прорыву блокады Ленинграда в районе Новгорода и Старой Руссы.

В резервном фронте 170-я стрелковая дивизия находилась в течение июня 1943 г.

1-й Белорусский фронт с июня 1943 по октябрь 1944 года. Освобождал города: Орел, Курск, Калинковичи, Барановичи, Белицк, Гомель, Жлобин, Бобруйск, Слуцк.

Награжден: орденами: Отечественной войны I степени 14.08.1943 г. за №22448, Отечественной войны I степени за №695134 от 11.03.1985 г., тремя орденами Красной Звезды за номерами 487230 от 07.01.1943 г., 782027 от 19.05.1944 г. и 3766881 от 17.03.1966 г.

Медалями: «За отвагу» за № 706118 от 21.02.42 г., двумя «За боевые заслуги» за №488491 от 07.12.1942 г. и 24.11.1961 г., а также 25 юбилейными медалями и пятью почетными знаками СССР и РСФСР.

Демобилизовался в 1966 г. Работал заместителем директора средней школы, зав. лабораториями в Воронежском политехническом институте, заведующим кафедрой, проректором этого института. С 1987 года не работаю. Пенсионер, инвалид I группы (по-новому III степени).

Ранения: контузия в мае 1943г. на Северо-Западном фронте (СРА). Осколочное ранение ног в июне 1944 г. на 1-м Белорусском фронте (1БФ) и осколочное ранение плеча в августе 1944 г. на 1БФ.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений нет.

Обо мне опубликовано в «Книге Памяти» участников первого Парада Победы и были опубликованы статьи о моем участии в ВОВ как инвалида ВОВ.

Более 10 лет принимаю активное участие в работе Совета участников и ветеранов войны в г. Железнодорожном, являясь членом президиума и членом Совета ветеранов. Последние пять лет зам. председателя городского Совета участников и ветеранов войны, возглавляю в Совете ветеранов комиссию по военно-патриотическому воспитанию молодежи и комиссию по обеспечению ветеранов садовыми и огородными земельными участками, постоянный председатель первичной ветеранской организации, которая охватывает около 1000 ветеранов.

Погибших в войне родственников не было.

Воспоминания о фронтовых боевых подвигах

Мне, как участнику и инвалиду войны на всю жизнь остались в памяти следующие эпизоды:

По окончании кратковременных пехотных курсов и училища, меня, лейтенанта, направили на Северо-Западный фронт в распоряжение командира 391-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии. Я представился командиру полка подполковнику Резникину. Он со мной поговорил не более двух минут и сразу назначает командиром разведвзвода полка и сообщает, что взвода нет — весь погиб, численность взвода 50 человек, положен замполит — и приказывает сформировать взвод самому из

солдат полка. Я излазил все траншеи и подобрал крепких, физически здоровых ребят, после прибыл старший лейтенант на должность замполита.

Я перед собой поставил вопрос: почему мало беседовал со мной командир полка, а назначил на такую ответственную должность? Позже ответил на свой вопрос: потому, что я был физически крепким юношей, т. к., учась в институте, был чемпионом Самарской области на спринтерских дистанциях по бегу, а зимой на коньках и играл в сборной области в русский хоккей.

В разведке такие парни и нужны. Командир полка во мне не ошибся, т.к. за короткое время я взял в плен шесть языков.

Через несколько месяцев меня повысили в должности, назначив помощником начальника штаба полка по разведке.

В марте — апреле 1943 года была поставлена задача 170-й стрелковой дивизии 42-го корпуса 48-й армии 1-го Белорусского фронта форсировать р. Сож и овладеть Гомелем. Моему 391-му стрелковому полку, где я временно исполнял обязанности командира полка (командир был ранен и находился в госпитале), поставлена задача овладеть г. Белица, заводом на берегу р. Сож, форсировать реку и овладеть западной окраиной Гомеля. Гомель весь горел и представлял собой сплошную дымовую завесу. Командир дивизии полковник Ципленков требовал срочно форсировать Сож на подручных плавсредствах, т.к. противник должен оставить Гомель, а окружить его не получится. С большим трудом были подготовлены плавсредства, и на четвертый день должны были форсировать, однако пришел приказ отставить форсирование и перейти в наступление в направление Речицы и Бобруйска. Шли проливные дожди, дороги размыло, тылы отстали и личный состав был голодным. Но не бывает худо без добра! Солдаты разведали в Белице склады немцев с куриными яйцами и ими стали питаться. Мне на наблюдательный пункт приносят длинный ящик с яйцами. Я сырые яйца не любил, а здесь выпивал, наверное, не меньше сотни штук и был сыт и так привык, что до сего времени с удовольствием употребляю сырые яйца.

Когда дивизия начала наступать в направлении Речицы, то вначале продвигались без боя, но бой завязался, длился более часа и вдруг со стороны противника затишье. Оказалось, другой

нашей дивизии была поставлена та же задача по форсированию р. Сож и овладению Гомелем. Произошло взаимное обнимание, целование, смех. И так бывает на войне!

Когда пришел приказ о передаче 170-й дивизии в распоряжение Резервного фронта, который должен сосредоточиться в районе Липецка и Ельца, то дивизию предстояло передислоцировать по железной дороге.

Для проведения разведки и размещения частей и подразделений в районе Ельца меня, 24-летнего капитана, назначают старшим и дают трех офицеров штаба для выезда к месту размещения. Выделяется один необорудованный товарный вагон и одна платформа для погрузки легковой машины командира дивизии и грузовой машины. В пути десятки раз бомбили эшелон. Прибыв на ст. Елец, сразу же поехали на машинах к месту дислокации, которое находилось в 30 километрах от станции. Однако, проехав около 10 километров, ломается легковая машина, а еще через несколько километров и грузовая. Дождь промочил нас до костей, идем мокрые, голодные, и сил нет дальше двигаться. Вдруг попадается маленькая деревушка. Просим нас чем-то покормить. Кругом отказ, и вдруг заходит в дом, где мы были, женщина с корзиной (оказалась она председателем женского колхоза). Она нас хорошо покормила, в сарае мы поспали на соломе пару часов и снова в путь.

Проведя рекогносцировку, снова в путь к железнодорожной станции. Встретили вовремя все эшелоны и разместили части в намеченных районах сосредоточения. Поставленная задача была выполнена.

Дивизии была поставлена задача — овладеть Речицей, предварительно форсировав Днепр. Успешно продвигаясь на запад, 391-й стрелковый полк, не встречая сопротивления со стороны противника, подошел к берегу Днепра, и мной была поставлена задача: по понтонному мосту перейти на противоположный берег и продвигаться в направлении Бобруйска. И вдруг замечаю — мои солдаты и часть офицеров пьяные, хотя 100 грамм не выдавались. Оказалось, солдаты разведали несколько замаскированных у берега бочек со спиртом, где котелками набрали спирт и лакомились. Тут же приказал бочки взорвать.

Когда подошли к Речице, противник оказывал упорное огневое сопротивление, однако 391-й стрелковый полк первым ворвался в Речицу и овладел городом. С июня 1943 года 170-й стрелковой дивизии было присвоено звание Речицкой.

Прибывает новый командир 391-го стрелкового полка и, по моей просьбе, меня назначает своим заместителем, т.к. штабная работа была не для моего характера. Полк продолжал успешно продвигаться в направлении Бобруйска, но перед деревней Горваль, расположенной на западном берегу реки Березина, противник оказал упорное огневое сопротивление, однако Горваль полком была взята, но не дал противник форсировать реку, хотя ожесточенные бои шли шесть дней.

Неожиданно меня вызывает в блиндаж на наблюдательный пункт командир дивизии. Прибываю на наблюдательный пункт, и впервые в жизни увидел человека с генеральскими погонами. Командир дивизии представляет меня и говорит: «Вот это храбрый и волевой капитан Женя Лыга, о котором я вам докладывал. Позже я узнал, что это был командующий 48-й армией генерал-лейтенант Курочкин.

Генерал начал ставить мне задачу: «На подручных средствах форсировать реку Березину, зайти в тыл противника на глубину 12 км, овладеть шоссе на западной окраине деревни… (название не помню) и удерживать его до подхода главных сил, не допуская подбрасывания сил противника к переднему краю. За выполнение этой задачи я тебя представлю к званию Героя Советского Союза». Я это воспринял с большим воодушевлением. А через паузу добавил: «Такую задачу ставлю второй раз, т.к. первая попытка была безуспешной. Батальон был взят противником в плен и сожжен в деревенских сараях». Меня такое известие несколько насторожило, но приказ надо было выполнять. Мне выделили усиленный батальон, мы подготовили плоты для форсирования и через два дня успешно форсировали Березину под покровом ночи. По намеченным азимутам по лесу вел колонну в тыл противника. Перед рассветом батальон подошел к деревне, расположенной на высоте, и увидел немцев в этой деревне. Вызвал командиров рот и стал ставить задачу по взятию деревни и овладению шоссе. Вдруг подходит ко мне советский майор и докладывает, что он прибыл со штрафной ротой в мое

распоряжение. Я и ему поставил задачу. По моему сигналу красной ракетой атаковали и взяли деревню. Батальон перекрыл шоссе на западной окраине, а личный состав начал рыть окопы.

За 11 дней обороны шоссе противник под прикрытием танков десятки раз атаковал батальон, но безуспешно. Батальон нес большие потери, я был ранен. Подошли наши главные силы, и я с ранеными отошел в лес, где сразу же батальон был окружен противником. Три дня вели ожесточенные бои, но стояли насмерть, о чем я доложил по радио командиру дивизии. Он дал указание, чтобы я подготовился к выходу из окружения по коридору, который проделают залпом реактивных снарядов «катюш».

Все произошло по намеченному плану, и я с батальоном через 14 дней после окружения оказался среди своих. За выполнение задания многих офицеров и солдат наградили орденами, грамотами. Меня, по поручению генерала Курочкина, командир дивизии наградил именным пистолетом «парабеллум» и вручил орден Отечественной войны I степени. Я задал вопрос: «А где Золотая Звезда?» Он ответил: «Такой вопрос задавай генералу Курочкину».

Когда я учился в академии им. М.В. Фрунзе, в 1947 году, генерал-полковник Курочкин стал начальником академии. На одном из приемов я осмелился задать этот вопрос и он мне ответил: «Помню, ты задание выполнил блестяще, молодец. Орден Отечественной войны I степени — высокая награда».

Запомнился и такой эпизод.

Наша 170-я стрелковая дивизия в составе 48-й армии форсированно продвигалась в направлении Бобруйска, чтобы, совместно с другими соседними дивизиями, окружить и уничтожить Бобруйскую группировку противника.

Колонны пехоты, артиллерии и тыла 391-го стрелкового полка двигались сутки днем и ночью, растянувшись на три километра. Я периодически объезжал колонны и наводил порядок как заместитель командира полка. Не доходя 500—700 метров до моста, который находился в 4—5 км от Бобруйска, я вместе с замполитом дивизии спешился, ожидая голову колонны.

Вдруг подъезжает на бронетранспортере высокий, физически сложенный генерал танкист и приказывает остановить ко-

лонну полка и встать на обочину дороги, чтобы пропустить танковый корпус. Полковник-замполит не соглашается. Генерал, недолго думая, врезал полковнику кулаком, и замполит через перила моста полетел вниз в ил. Пока тот выкарабкивался, генерал отдал приказ мне, сел в бронетранспортер и уехал. Я остановил колонну, и сотня танков на большой скорости проехали для окружения Бобруйской группировки, а колонна полка прибыла в назначенное место, когда окружение уже состоялось и, немецкие солдаты сдались и сосредотачивались большими группами на опушке леса. Солдаты полка приходили к немцам пешком, а оттуда возвращались верхом на конях и, таким образом, стрелковый полк превратился в кавалерийский полк.

Март 2005

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Беляев Денис Вячеславович**, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Железнодорожный.

Манжинский Сергей Николаевич

ПРОРЫВ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Родился в 1926 г. 25 сентября. Место рождения: г. Серпухов. Национальность: русский. Партийность: беспартийный. Членство в общественных организациях: комсомол, Осоавиахим.

В 1941 г. окончил школу (школа №11 г. Серпухова), образование неполное среднее.

О начале войны узнал 22 июня 1941 г. в 12.00. С товарищем слушали приемник, вдруг срочное сообщение наркома иностранных дел Молотова.

Был призван 7 ноября 1943 г. Службу начал 19 ноября 1943 г. в 5-й запасной инженерно-саперной бригаде; место формирования соединения — Владимирская обл., село Боголюбово.

Начал участвовать в боевых действиях с 1 июня 1944 г. в составе 25-й инженерно-саперной бригады, воинское звание — рядовой (сапер). Командир батальона — Жуков.

Боевой путь проходил через:
1 июня 1944 г. — станция Пустошка;
конец июля — г. Опочки;
август 44 года — г. Резекне;
август 1944 — г. Рига;
февраль 1945 г. — г. Добеле;

5 марта 1945 г. — г. Суголда;
март 1945 г. — г. Тукмус.

Освобождал:

Г. Опочки в конце июля 1944 г. в составе 3-й ударной армии Северо-Западного фронта.

Боевые действия закончил около г. Тукнус в составе 8-й гвардейской панфиловской дивизии 23-го стрелкового полка (автоматчик) 27 марта 1945 г.

Ранения:

17 октября 1944 г. тяжелое осколочное ранение правой стопы с ее повреждением. Убыл из 25-й инженерной саперной бригады. Место лечения — г. Резекне (Латвия), лечился по 20 декабря 1944 г., вернулся в 391-ю стрелковую дивизию.

23 января 1945 г. пулевое ранение в правую руку. Лечился в г. Крустопиль (Литва) по 5 марта 1945 г., вернулся в 8-ю гвардейскую панфиловскую дивизию 23-го гвардейского полка.

27 марта 1945 г. слепое пулевое ранение левого плеча. Лечился в г. Шауляй (Литва). Находился на излечении по 16 мая 1945 г. 28 мая вновь направлен в Ленинградский военный округ в 7-ю гвардейскую дивизию. Курсант отдельного учебно-стрелкового батальона.

Демобилизовался: На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 25.09.1945 г. демобилизован как имеющий три ранения 13 ноября 1945 г.

Награды:

Орден Отечественной войны I степени.

«За боевые заслуги» №1086024; №0218/н от 14.08.1944 г. Вручал командующий 3-й ударной армией. Дата вручения: 20 августа, место вручения: около г. Резекне.

«За отвагу» №1921140;№021/н от 16.06.1945 г. Вручал командир 14-го гвардейского полка 7-й гвардейской дивизии. Дата вручения: 20 июня, место вручения: г. Пярну.

«Чертов мост»

В августе наши войска подошли к городу Резекне. Чтобы овладеть городом, надо было навести мост через реку Даугаву,

или, по-русски, Западную Двину. Нескольким саперным бригадам, в том числе и нашей, была поставлена задача провести эту операцию. Делали мы это под ураганным огнем противника, на виду у немецких пулеметчиков, которые патронов на нас не жалели.

Мост мы начали строить с забивания свай: брали кувалды и заколачивали в дно бревна, стоя по колено в воде, а в это время наших ребят прямо-таки выкашивал немецкий пулемет. Ценой огромных усилий мы все-таки смогли этот мост построить, и командование наградило нас, саперов, медалями «За боевые заслуги», которую я получил впервые в жизни.

Русские не сдаются

После второго ранения, когда меня выписали из госпиталя, я попал в 8-ю гвардейскую панфиловскую дивизию, дислоцированную в Латвии. Наша дивизия прорвала линию фронта и оказалась как бы «в мешке». Немцы стояли по бокам, и мы никак не могли их потеснить. Из-за опоздания других дивизий, остался лишь узенький коридорчик в 14—15 километров для возможного отступления. Для нашего соединения этот коридор-все равно, что ничего, и мы перестали наступать на врага, больше и больше обороняясь, дабы не попасть в окружение. Это было страшнее смерти. Однако немцы тоже не спали, и спасительный коридор сузился до состояния щели в 5 километров, да вдобавок ранило командира роты, а потом, как по команде, фашисты начали поливать нас огнем из минометов, покалечив и убив еще человек 20.

Во время этой атаки, как ни странно, я не получил ни царапины, а командира роты ранило в легкое. Дали мне в помощь еще одного солдатика и приказали доставить раненого в расположение штаба дивизии, да побыстрее. Ну, как обычно, смастерили мы из плащ-палатки и веток носилки и понесли его вдвоем. Ориентиром для себя избрали телефонный провод, невесть как уцелевший на земле, то и дело выворачиваемой взрывами страшной силы — заработала немецкая артиллерия. Немцы местами почти замкнули кольцо, и носилки приходилось тащить почти ползком, а ведь дело было в лесу, в болоте. Мы кое-как, когда по колено, а когда по пояс в воде, несли командира, а потом на пределе сил донесли его до расположения штаба дивизии.

Только мы хотели вернуться обратно, как подошел майор и говорит: «Ребята, не надо. Не возвращайтесь. Кольцо немцы вот-вот замкнут, а вы вдвоем еще и тут пригодитесь. А если хотите вернуться — воля ваша. Это на ваше усмотрение».

Я отвечаю: дескать, как же я своих ребят-то брошу?! Нет, говорю, пойду. И снова я отправился по телефонному проводу к своим, а мой «напарник» так и остался в штабе. И только я вернулся, как немцы через полчаса замкнули кольцо.

Остались мы в лесу, заняв бывшие немецкие укрепления. А немцы стали нас окружать, разделяя на полки. Сначала разделили, а потом начали наступать на нас. Первыми в атаку пошли власовцы, солдаты армии Власова, причем крыли нас таким матом, что всем чертям в аду тошно становилось. За ними — истинные арийцы и итальянцы. В общем, всех их мы отбили, и дивизия воссоединилась, но потеряла около 9000 человек. Я-то ранен, лежу себе в этот момент в «лазарете» — старом блиндаже, приспособленном под медицинские нужды, и вместе со всеми жду плена. Слышу — заработали «катюши». Били по немцам, не целясь, в упор, благо те были буквально перед носом. Потом вижу — к нам пробились свои, из другой дивизии. И мы, раненые, побежали из своего лазарета к освободителям, да все быстрее и быстрее. Жаль только, что тяжелораненых пришлось оставить в окружении. И лишь потом мы узнали, что немцы «рационально» распорядились с ними. Кого добили, а кому ампутировали раненные конечности: ранена рука — отрезали руку, нога — ногу не жалели…

Короче говоря, мы вырвались. Дивизия воссоединилась, но понесла большие потери, более 9 тысяч убитых, не говоря о раненых. В результате дивизию потом почти полностью расформировали. А я попал в госпиталь. За этот прорыв уже после войны меня нашла награда: медаль «За отвагу». Это было у местечка Сугулда. Там до сих пор в болотах и лесах находят останки бойцов нашей дивизии и перезахороняют их на воинском кладбище.

Гори-гори ясно…

Случилось это в мою бытность сапером. Нам тогда выдали бушлат вместо формы, автомат, патроны и три гранаты. Как на грех объявили привал, а мне убийственно захотелось поспать.

Естественно, спрятал я свои боеприпасы под куст, даже прикопал, а для памяти поставил веточку — еще забуду, не дай Бог. Так вот и заснул.

Просыпаюсь я и что вижу перед собой? Ребята из моей роты разожгли костер, да как раз там, где я гранаты спрятал, и спокойно так суп варят из концентратов. Гороховый, по-моему. А концентраты наши, серпуховские, с завода пищевых концентратов. Все, помню, гордился тем, что эти пакетики — мои земляки. Я как закричу: «Ребята, что ж вы делаете!! Я же здесь гранаты запрятал!!!», а потом кинулся к костру, схватил котелок, а он-то уже закипел! Я его — в сторону, сам — костер топтать, а мои товарищи смотрят на весь этот спектакль и не знают, что делать. Затоптал я костер, достал гранаты и говорю, вот, мол, они! С запалом! Осталось только чеку дернуть, и они взорвутся.

Вот так из-за простого сна мог я и сам домой не вернуться, и товарищей погубить.

Поле, минное поле…

Когда в августе, прорвав линию Северо-Западного фронта, наша дивизия вошла на территорию Латвии, наша саперная рота оказалась в тылу войск. Какое-то другое саперное соединение прошло впереди и разминировало пути наступления. Но на самом деле разминировали они только главную дорогу.

В нашем взводе был старенький «студебеккер», который эксплуатировали как только могли. Вот, едем мы по главной дороге, а впереди огромная воронка — разминировали дорогу от фугасов. Взорвался только один, а второй так и не сработал. А тут как тут командиры, адъютанты, словом, начальство. И приказали нам, рядовым, воронку эту засыпать. Потому что пехота, легкая артиллерия и легкие танки уже прошли, а для тяжелых орудий нужно воронку засыпать. Долго ли, коротко ли — засыпали мы ее. А тут поле рядом. Ну, мы, молодежь, пошли пройтись (ноги затекли, спина, да и просто погулять по полю захотелось).

И тут — взрыв. Оказалось, что попали мы на минное поле, которое идущие впереди «коллеги» разминировать позабыли. Так, наверное, победу праздновали над группировкой войск противника. А может, 100 граммов «от наркома» так повлияли… В общем, мистика!

Ну, а пока суть да дело, я решил, что нужно как-то выбираться отсюда, пока еще все части тела при мне. Молод я был тогда, ни семьи, ни детей. Понадеялся на наш любимый «авось», и пошел. Долго шел, минут двадцать, пока не вышел.

Повезло, хоть целым вернулся, да и ягод, пока шел, тоже подсобрал…

Ленинградец

Еще до первого моего ранения, в бытность мою сапером, наша рота участвовала в освобождении Риги. И вот как-то нашу саперную роту отправили в штаб дивизии, чтобы пополнить особый батальон, сформированный для рейда в глубокий тыл противника. Этот рейд должен был разыграть перед немцами наступление и отвлечь их от активных военных действий по обороне Риги.

На следующее утро лесом, болотами и зарослями камыша мы прошли в тыл немцам. Прошли очень и очень удачно — никто нас так и не увидел. Как и было условлено, мы перерезали дорогу, где и приняли тяжелейший и неравный бой. Там полег почти весь батальон. В живых остались лишь я, командир батальона и еще один боец, коренной ленинградец. На вид ему было лет 35-40, но все считали его стариком. Но без него мы вряд ли добрались бы до своих: он буквально научил нас жить на болоте. Под его надзором мы пробирались через чащобы и трясины, питались, и аккуратно обходили стороной немецкие патрули, расставленные даже на болотах и в лесу.

Очень жаль, что я даже не запомнил его имени, да и что взять с семнадцатилетнего мальчишки, безумно радостного, когда мы вернулись в расположение нашей дивизии. Большое ему, этому ленинградцу, спасибо — он спас нас всех.

Пуля — не дура, штык — не молодец

То, что самое страшное на войне — это штык, я узнал в 391-й стрелковой дивизии, куда я попал после первого ранения.

Стоял январь. Раннее утро. Мы расположились на одной стороне оврага, а немцы — на другой. И тут неожиданно в землянке появился огромный бидонище неопределенной емкости,

полный спирта. О нормальной водке в те суровые дни не могло быть и речи — страна переживала и без того тяжкое испытание, чтобы думать о хмельных напитках для собственных граждан. Только одно «но»: мне-то всего семнадцать, а сто грамм спирта для такого организма — это не шутка. Вот и зашумело у меня в голове после первого же глотка.

В 6 или в 7 утра (не помню уже) пришел приказ к наступлению. Как говорится, у пехоты в атаке есть два пути: первый — на небеса, а второй — компот пить — тоже ничего особенно радостного не сулит. Вообще, если из тысячи ушедших в атаку возвращалась сотня, то это был редкий успех, который не спешил повторяться каждый день. Так это было.

Страшнее рукопашной схватки на войне нет ничего. Даже самая оголтелая штыковая атака не сможет сравниться с этим накалом страстей и эмоций. Поэтесса сказала, что тот, кто не бился врукопашную, не видел войны вообще. Действительно, когда бежишь навстречу противнику, то пробирает незаметная, но все же ощутимая подсознанием оторопь. Это потом ты — машина, слепая, глухая и немая ко всему постороннему; машина, которой хорошо и просто здорово в окружении себе подобных, несущих не автомат, а простенькую штыковую винтовку (автоматы были только у гвардии и саперов). В рукопашной схватке человек — это уже не человек, а обитатель другого мира… В ближнем бою я и получил второе ранение.

Водитель кобылы

В мою лихую бытность сапером командир роты сделал меня своим денщиком. А произошло это вот по какой причине: откуда-то привели лошадь, и к этому «двигателю» прилагалось транспортное средство марки «дилижанс» с двумя колесами в базовой комплектации. Вот в мои нехитрые обязанности и вошло управление этой техникой. Командир позвал меня и говорит: «Будешь возить меня в штаб батальона и штаб полка, или куда прикажут». Постепенно в расположении нашей роты собралось несколько лошадей. А мне, никогда не имевшему даже малейшего представления о принципе работы лошади, доверили их обслуживать. Нет, я, конечно, лошадей видел до войны, даже

кормил хлебом с рук, но для меня, человека небольшого роста и еще менее знакомого с тем, как запрячь и распрячь коня или кобылу, тайны конного дела пока оставались тайной.

Однажды вечером привели ко мне коня и распрягли. Наутро мне предстояло его запрячь, причем быстро, правильно и красиво. Я, с моим небольшим ростом и, не умея запрягать, только пугал лошадь своими энергичными попытками сделать это. Спасибо, старшие товарищи помогли, и дело пошло, но к крыльцу командира я подвел коня с хомутом набок и дышлом, протирающим шею несчастного животного.

После многодневных тренировок я научился-таки управляться с лошадьми не хуже заправского конюха.

Однажды наша рота вошла в небольшой городок, оставленный фашистами без боя. Естественно, что он был пуст и безлюден. Командир и я, к тому времени освоивший даже верховую езду, проезжали по лесной дороге, как вдруг сверху послышался вой — на задание летела четверка «мессершмиттов». Командир (на то он и командир) быстро спрятался под дерево, а я в гордом одиночестве так и остался стоять посреди дороги. Мой «начальник» так прикрикнул на меня, что я не мог не отреагировать, и быстро присоединился к нему. Правда, он пригрозил пристрелить меня на месте, если такое повторится.

Май 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Катасонов Сергей Владимирович**, студент 3-го курса Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», г. Серпухов.

Медведев Павел Иванович

СМИНАЕМ ПРОВОЛОКУ...

Я родился 27 августа 1923 года в селе Заводопетровском Ялуторовского района Тюменской области. По национальности русский, веры — православный. Беспартийный.

Я окончил школу в 1942-м. После окончания школы работал в колхозе. В 1944 году первое Горьковское танковое училище. В 1952-м поступил в Иркутский горно-металлургический институт.

Узнал о начале войны 23 июня 1941 года. Начал участвовать в боевых действиях с 12 августа 1942 года по призыву в Красную Армию. 18 февраля 1942 года прибыл в пункт формирования 96-й стрелковой дивизии на станцию Завитая Амурской области.

На фронт нашу 96-ю стрелковую дивизию направили 20 июля 1942 года. Начинал войну в звании сержанта, командира отделения в стрелковой роте.

Мой боевой путь проходил через г. Серафимович Волгоградской области, Калач — на Дону. С 23 ноября 1942 г. по 26 января 1943 г. участвовал в боях за Сталинград.

Летом 1943 г. освобождал г. Кательва Полтавской области в составе Воронежского фронта (Ватутин Н.Ф.) 68-й гвардей-

ской стрелковой дивизии под командованием генерала-майора Исакова.

Боевые действия закончил в Германии г. Висмар 3 мая 1945 г. в составе 3-го гвардейского Котельниковского танкового корпуса в должности командира танкового взвода, в звании гвардии младшего лейтенанта. Командир танкового корпуса генерал-лейтенант танковых войск А. П. Панфилов.

Был ранен 26 января 1943 г. в левую ногу на окраине Сталинграда. Лечился в медсанбате 68-й гвардейской санитарной дивизии. Второе ранение получил 7 сентября 1943 г. в правую руку. Оба ранения легкие. Продолжал службу в своей дивизии.

Далее был направлен на учебу в 1-е Горьковское танковое училище. Затем в Гороховецкие лагеря.

Путь с войны лежал через Германию, далее через Польшу в 1946 г. из Северной группы войск.

Демобилизовался в январе 1947 г. из Северной группы войск, расположенной в Польше. Вернулся в свой колхоз, где работал трактористом.

Имею следующие боевые награды: два ордена Красной Звезды, юбилейная медаль «Отечественной войны» 1-й степени.

Трудовая награда — орден Трудового Красного Знамени.

Награды за образцовое выполнение боевого задания вручали на фронте, в перерывах между боями, сам командир танкового корпуса.

В период военных действий под г. Серафимовичем 19 ноября 1942 г. погиб мой старший брат 1919 г. рождения. Он был сапером. Они с товарищами делали проходы в минных полях и проволочных заграждениях.

Остались живые родственники: младший брат, механик-водитель танка Т-34, награжденный орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», воинское звание — сержант.

С воспоминаниями о войне выступал в районной газете.

В публикациях о ветеранах 2-го Белорусского фронта были заметки и обо мне. Статья во фронтовой рубрике «Герои боев», «Танкист Павел Медведев», а также 4 статьи в районной газете, автором которых является Орешников Юрий Петрович.

Особо запомнившиеся эпизоды войны

Моя 96-я стрелковая дивизия была сформирована на Дальнем Востоке в первой половине 1942 г., штаб дивизии был на станции Завитая Амурской области.

Мы со старшим братом (1919 г.) были призваны 18 февраля 1942 г. и служили в этой дивизии вместе.

Я был зачислен в полковую школу, которая готовила младших командиров для этой дивизии. Школа находилась на станции Возжаевка. А мой брат был направлен в саперную роту. Первым командиром дивизии был полковник Жеребин Дмитрий Сергеевич, участник боев на озере Хасан.

В начале августа 1942 г. 96-я стрелковая дивизия прибыла с Дальнего Востока на донскую землю в составе трех полков: 1389-го, 1384-го и 1381-го. Я был в 1389-м полку. Выгрузились и в ночь на 5 августа начали движение к фронту. После двух ночных переходов подошли к реке Дон. Здесь мы сменили части 304-й и 63-й дивизий, заняли рубеж обороны на левом берегу Дона от устья реки Медведицы до хутора Подпешенского. Перед нами тихий Дон. Это могучая и быстрая река.

В 1942 г. у стен Сталинграда решалась судьба не только нашей страны, но и всего мира. В междуречье Волги и Дона развернулось величайшее сражение. 12 июля 1942 г. образовался Сталинградский фронт. Это было начало Сталинградской битвы.

Нам предстояло форсировать эту реку. Бойцы начали готовить плоты для перевозки пушек 45-го калибра, минометов, станковых пулеметов «максим» и других…

Наша дивизия вошла в состав 21-й армии Донского фронта, которым командовал генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский. А 21-й армией командовал генерал Иван Михайлович Чистяков.

Город Серафимович располагался на правом берегу Дона, на большой круче. Он был захвачен немцами 1 августа, и нам предстояло его освободить. Дивизия получила приказ: в ночь с 12 на 13 августа без артиллерийской подготовки форсировать Дон из устья реки Медведицы.

И вот наступила ночь. К этому времени и подготовка и расчеты закончены. Каждый знал, каким способом будет преодолевать водный рубеж, кто на плотах с орудиями, а кто на подручных средствах. Намечены районы высадки на правом берегу. Все было спланировано на местности. Сигнал «весла на воду», и понесли нас воды Медведицы к правому берегу Дона. Тишина стояла тревожная, ни одного выстрела, только тихий всплеск воды от весел. Стоило нашей «флотилии» достичь середины реки, как сразу же мы были обнаружены фашистами. Засветились воды Дона ракетами, начали разрушаться плоты, тонуть лодки, появились раненые и убитые. Река кипела от взрывов. Слышатся голоса о помощи, кого-то втаскивают на уцелевшие плоты, кто-то навсегда скрылся в бурных волнах реки. Наконец отдельные плоты достигли правого берега Дона, и тут же заработали наши пулеметы по огневым точкам противника. Бойцы, не успевшие привести себя в порядок, мокрые, босиком шли в атаку. Враг пытался сбросить нас в воду. Уже начинался рассвет, и можно было увидеть, что к чему. Бой разгорался. Левее нашего полка был 1384-й полк в районе монастыря.

Этот бой с форсированием водной преграды был боевым крещением для всех нас. В течение 13 августа нам удалось расширить плацдарм на правом берегу, привести в порядок себя и подготовиться к дальнейшему наступлению по освобождению города Серафимовича. Город был освобожден только 26 августа. Погибло много командиров и политруков из нашей роты. Командир роты Ткачев Иван Петрович, наш товарищ по полковой школе, был ранен, и за освобождение города его наградили орденом Ленина.

В боях за освобождение города Серафимовича погибли и были ранены сотни наших бойцов, десятки лучших офицеров. Всего дивизия потеряла 5000 человек. Вот почему и помнит тихий Дон ветеранов нашей дивизии. В городе есть улица имени 68-й Гвардейской стрелковой дивизии.

Три раза собирались ветераны дивизии в городе Серафимовиче.

В дальнейшем врага оттеснили на расстояние 30—40 км. Готовился плацдарм для последующих боев. 19 ноября 1942 г. рано утром началась артподготовка. После прекращения огня

войска перешли в наступление. В первые два дня продвинулись незначительно, т.к. проволочные заграждения помешали успеху. Командование направило саперов делать проходы. Во время проведения этой операции был смертельно ранен мой старший брат Александр. Товарищи нашли меня, и я отпросился похоронить брата. Мне дали двух красноармейцев для похорон. Мы завернули его в плащ-палатку и спустили в окоп. Лопатки взяли у саперов. На холмик положили каску. Дали оружейный салют и отправились догонять свой полк. Долго я не мог написать домой маме письмо, что Саша убит. Сообщил ей об этом только тогда, когда закончили Сталинградскую битву.

Под городом Калач-на-Дону мы догнали своих. Мы шли днем и ночью. Навстречу двигались какие-то люди. Я приказал своим ребятам остановиться и залечь, а затем по ситуации стрелять. Сам пошел навстречу колонне. У них были какие-то незнакомые знаки отличия и белые бараньи шапки на голове. Не то что у немцев, закутанные в шали. Я понял, что это были командиры. Они обратились ко мне со словами «Камрад, камрад». Похоже, как товарищи. Объяснили, что двое суток не ели, голодные и идут сдаваться в плен. Никакой охраны не было, шли сами по себе. Это были румыны численностью до полка. В первый же день контрнаступления румынская армия сдалась в плен. Это 12 тыс. человек — Распопинская группировка. Я им показал, в каком направлении двигаться. В это время у меня была на боевом взводе граната Ф-1. Пришлось отойти подальше и ее выбросить. Догнали мы полк только около Калача-на-Дону. Мост через Дон наши танкисты и десантники захватили целым. Около станции Советская встретились войска, идущие с юга и севера Юго-Западного и Донского фронтов.

Начались тяжелые бои в Сталинградских степях. Зима стояла морозная, 30—35 градусов. Особо тяжелые бои шли в районе Мариновки, Карповки, Платоновки. Наше командование направляло дважды парламентеров, чтобы немцы сложили оружие, для того, чтобы избежать ненужного кровопролития. Три парламентера: у одного белый флаг, другой трубач — сигналист, третий — с пакетом. Они прошли как раз мимо нас под Мариновкой. Наши самолеты разбрасывали листовки, в которых был текст ультиматума. Первых обстреляли, но вторые доставили

ультиматум. Но немцы отвергли, надеясь, что Гитлер поможет освободить их из кольца. И с 10 января началось наступление.

25 января 1943 г. наши части подошли к Сталинграду, а 26 января к Мамаеву кургану. Здесь, на окраине города, я был ранен шрапнелью в правую ногу. Пуля прошила икру. Санитары перевязали меня и дали костыль. Видя, что бой заканчивается, я остался в строю.

1 февраля наша дивизия была выведена из города, и части дивизии сосредоточились на станции Качалинская. За успешную операцию по разгрому Сталинградской группировки немецких войск приказом Народного комиссара обороны от 6 февраля 1943 г. 96-я стрелковая дивизия переименована в 68 гвардейскую стрелковую дивизию в составе 3-х гвардейских стрелковых полков 198-го, 200-го и 202 гвардейских стрелковых полков и 136-го гвардейского артиллерийского. Я был в 202-м. В середине марта 1943 г. дивизия была сосредоточена в лесах железнодорожной станции Графская Воронежской области для пополнения людскими резервами и новой техникой. Бойцы усиленно занимались боевой подготовкой, т. к. предстояли серьезные бои на Орловско-Курском направлении. С 27 мая 1943 г. дивизия совершала марш из Воронежской через Рязанскую и Тульскую области в район Ясной Поляны. Здесь мы стояли почти две недели и посетили дом-музей Л. Н. Толстого. В дальнейшем дивизия проходила через Куликово поле. Здесь произошло следующее волнующее событие. Член Военного совета Степного фронта перед строем дивизии вручил командиру гвардейское знамя. Гвардии генерал-майор Г. П. Исаков произнес клятву верности Родине и готовности, если надо, умереть за ее освобождение от вражеского нашествия. Многочисленное войско повторило эту клятву. Всем воинам были вручены гвардейские значки.

Совершая марши, дивизия приближалась к фронту. На второй день сражения под Прохоровкой подошли наши войска. Еще все горело, стоял чад. Под Михайловкой меня ранило второй раз, и я вышел из боя. Через месяц вернулся в полк, который стоял на Днепровской круче Балыно-Щучинки. Через 2 недели меня вызвали в штаб полка и предложили поехать учиться на танкиста. Я дал согласие, и нас, группу из 5 человек, отправили учиться в 1-е Горьковское танковое училище, которое находилось в Гороховецких лагерях Владимировской области.

Учился я с большим желанием. Летом 1944 г. нас перевели в город Ефремов Тульской области, где в ноябре 1944 г. я и закончил училище младшим лейтенантом. Нас, выпускников направили в г. Нижний Тагил на Урал для получения танков. Во 2-м Западном танковом полку сформировались танковые экипажи, начались учения по ведению танкового боя. Затем погрузились на платформы и в путь через Москву на Брест и в Польшу. Мы влились в 3-й гвардейский Котельниковский танковый корпус, которым командовал генерал-лейтенант танковых войск Алексей Павлович Панфилов, боевой генерал. Корпус состоял из 3-й гвардейской танковой бригады, 18-й и 19-й гвардейских танковых бригад.

Наш корпус во 2-м Белорусском фронте под командованием маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского был на острие атаки. В своих воспоминаниях «Солдатский долг» он очень хорошо описывает боевые действия нашего танкового корпуса.

Начиная с января по 3 мая 1945 г. мы были в непрерывных боях, в передовых отрядах. С нами постоянно находился заместитель командира 3-й гвардейской танковой бригады майор Сорокин Иван Андреевич, который получил звание Героя Советского Союза за взятие шести немецких городов в Восточной Пруссии и Германии.

Очень быстро мы шли по территории Германии, иногда по 40—50 км в сутки, сбивая заслоны и засады. Командиры танков часто садились за рычаги и вели машины, давая механикам-водителям отдохнуть.

Это было под Данцигом. Наша танковая бригада развернулась в линию и прошла на город. Я внимательно следил за полем боя с открытым командирским люком. Бойцы миновали переднюю линию обороны и ворвались в город. Вдруг я вижу, слева от нас один за другим загораются танки и бегут горящие танкисты. Я скомандовал проскочить это пространство быстрее. Проскочили. Но впереди, вижу, немцы выкатывают большую пушку. Они опередили нас. Сильный удар, и танк остановился. Сорвало люк механика-водителя. Сам механик ранен. Я быстро спускаюсь вниз, стаскиваю механика, отдаю ребятам перевязать его, сам сажусь за рычаги и пытаюсь завести мотор. С трудом завелся, включил заднюю скорость, отошел метров на 500, ми-

нуя бегающих немецких солдат, и вышел из поля боя. Прибыли на сборный пункт аварийных машин, отнесли раненого механика. Почему немцы не стреляли в подбитый танк? Не знаю. Так я спас и экипаж и танк, который вскоре и отремонтировали.

Двигаемся на запад. На автостраде Берлин — Штеттин попали в засаду. Там были закопаны «фердинанды». Снаряд попал в борт моторного отделения, где расположены баки с горючим. Танк загорелся, и мы были вынуждены выскочить. Экипаж не пострадал. Нас подобрала техническая «летучка», и мы уже на следующий день были в другой машине. Там не было экипажа. Продолжаем двигаться вперед.

Первого мая 1945 года я в составе передового отряда иду вторым. Впереди порт Росток. Дистанция 20—30 метров. Вдруг сильный взрыв, и впереди идущий танк разлетается на части. Огромная воронка во всю ширину дороги. Даю механику команду обойти по обочине дороги. Вышли, пошли вперед. Перед городом вижу сторожевые вышки и проволочные заграждения. Сминаем проволоку и подъезжаем к баракам, из которых выглядывают люди. Машу рукой, иду им навстречу. Они начали выходить ко мне. Это был интернациональный лагерь, в котором был собран весь интернационал Европы. Мы объяснили, что пришли русские танки и вы свободны. Было много радости. Нас поднимали на руки. Но у нас была задача идти вперед. Въезжаем в город — порт Росток первыми. Останавливаемся на площади. К нам начинают подходить люди. Объясняем им, что война заканчивается. Тут же подходят другие танки.

А второго мая мы освободили женский лагерь, где находились советские женщины, угнанные в неволю.

Третьего мая г. Висмар, недалеко от Гамбурга. Здесь мы встретились с союзниками — англичанами, у которых был командующий фельдмаршал Монтгомери. Здесь была его встреча с маршалом К. Рокоссовским. Мне посчастливилось несколько раз воевать под командованием К.К. Рокоссовского. Это Донской, Сталинградский, Центральный фронты, Второй Белорусский, Северная группа войск (Польша). Солдаты очень любили его, а он их. Он говорил, что счастлив, что был вместе с нами все эти годы. И если смог что-то сделать, так это благодаря нам.

«Великая Отечественная война была всенародной. И победа над врагом тоже была всенародной. Армия и народ праздновали ее одной дружной семьей. И от этого еще полнее, еще больше было наше солдатское счастье…» Так закончил свои воспоминания скромный замечательный человек Рокоссовский Константин Константинович.

Еще, помню, был такой случай. Беженцы сильно мешали продвижению наших танков и войск. Они заполонили все дороги. Пропаганда Геббельса так напугала немцев, что советская армия всех убивает. Захватив необходимое имущество и продукты, они бежали куда глаза глядят. А затем убеждались, что никто их не трогает, и возвращались домой. Надо было очень внимательно следить за дорогой. И вот я увидел впереди на дороге что-то шевелящиеся в тряпье. Остановил танки и бегом к этому месту. Там оказался ребенок. Я его завернул в тряпки и отнес его на обочину дороги в безопасное место и продолжил свой путь. Возможно, что он жив и не знает своего спасителя. Вот так это было.

Январь 2005 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Климентьев Константин Евгеньевич**, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» г. Краснознаменск.

Михайлов Владимир Николаевич

МОЛОДОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Родился 23 июня 1925 года в Москве. Русский, православный, был членом ВЛКСМ, КПСС. Возглавлял на общественных началах организацию Осоавиахим.

До войны окончил 8 классов в Калининградской средней школы Московской области. 9-й класс окончил там же в 1942 году. В июне 1942 года поступил в 10-й класс при Московском инженерном институте им. Орджоникидзе, где в августе сдал экзамен за 10 классов и в сентябре поступил на 1-й курс этого же института на автомобильный факультет. В институте проучился до 28 декабря 1942 года, до ухода добровольцем в ряды Красной Армии.

22 июня 1941 года в 12 часов, во время выступления министра иностранных дел Молотова, узнал о начале войны, будучи учеником школы.

Стал участвовать в боевых действиях 4 июля 1941 года после выступления Сталина, вместе со школьниками 9—10 классов вышел на рытье окопов под Вязьмой. Проработал на рытье окопов и противотанковых рвов 2 месяца до 30.08.1941 года. 28 декабря 1942 года Мытищинский военкомат направил меня в офи-

церское пехотное военное училище, которое находилось в городе Казани.

На фронт в составе военного училища прибыли в июне 1943 года. Воевал на Курской дуге с июля 1943 года в качестве командира стрелкового взвода в 75-м гвардейском стрелковом полку 26-м Гвардейской стрелковой дивизии. С боями прошли весь этап Курской битвы. Затем 11-я гвардейская армия была переброшена под Витебск на 1-й Прибалтийский фронт. С боями освобождали города Витебск, Полоцк, Клайпеда, Рига и другие. Участвовал в боях против Курляндской группировки противника.

Ранения:

За время нахождения на Курской дуге был дважды ранен. Поле боя не покинул. В боях под городом Невель был ранен третий раз и отправлен в госпиталь. После лечения в госпитале продолжал службу в рядах Красной Армии.

Награжден:

орденом Красной Звезды № 3309206;

орденом Красной Звезды № 466795, июль 1945;

орденом Отечественной войны I степени № 1508825;

орденом «Знак Почета» № 614612 от 27.12.1973 (вручил генерал В.И. Варенников);

орденом «Дружба» № 6402 от 29.09.2001 (вручил губернатор МО Б.В. Громов).

Медали:

«За боевые заслуги»;

«За доблестный труд»;

«За оборону Москвы»;

«Ветеран ВС СССР»;

«Ветеран труда»;

«За службу в ВС СССР» 1, 2, 3-й степеней

и другие, всего более 30 штук.

В войне погибли родственники:

В войне погибли три брата: Михайлов Сергей Николаевич, Михайлов Борис Николаевич и Михайлов Михаил Николаевич. Все погибли в боях под Москвой.

Послевоенные пути-дороги

Окончил Военно-политическую академию им Ленина, служил в Западной группе войск в Германии и на Дальнем Севере. Участвовал в освоении целинных и залежных земель в Казахстане.

Так начиналась война

…Шел 14-й день войны. Народ — под впечатлением выступления И.В. Сталина, смысл которого был ясен каждому: ничего противнику не оставлять, взрывать, уничтожать, громить врага на всех направлениях, подняться на борьбу — от мала до велика.

Надо ли говорить, какие чувства обуревали нас, только что закончивших 8 классов калининградской школы №1. Попробовал бы кто-нибудь назвать нас мальчишками! Мы были — бойцы-планеристы Тайнинского аэроклуба, носили это звание с гордостью и по-настоящему готовились защищать Родину. Каждый свободный от уроков день проводили на аэродроме — летали.

Но как раз в тот день на летном поле разбился самолет, шедший с фронта, и начальник аэроклуба объявил, что три дня полетов не будет.

Три свободных дня! Я жил тогда на даче в Болшеве, на Большой Комитетской. Отец с сестрами на работе, три старших брата уже мобилизованы. А у нас все тихо, мирно. Теплый ветерок колышет легкие нарядные занавески на террасе. Мама хлопочет — готовит завтрак, проносит пыхтящий самовар. В саду пахнет травой и летом. Война никак не вписывается в это ясное солнечное утро.

— Николай Петрович, зайдите чайку попить, не проходите мимо! — кричу я, завидев нашего классного руководителя Н.П. Тузова.

— Володя, Михайлов, это ты? — Скорым шагом учитель входит во двор. — А я тебя-то и ищу. Дорогой мой, чай пить некогда: наш класс мобилизуют на трудовой фронт, собирайся. Ложку, миску, кружку… ну что надо, знаешь — и срочно в школу.

— Не могу, Николай Петрович…

«Я — боец-планерист, меня могут посчитать дезертиром»,— проносится в мыслях, пока объясняю ситуацию.

— Да всего на три дня, — успокаивает Тузов встревоженную маму.

Быстро натягиваю синие сатиновые шаровары («варенку» наших времен), белую рубашку, вещмешок на плечо… прихватил еще фотокарточки семьи.

— Готов! — докладываю, стараясь не смотреть на мамино лицо.

Словно в замедленном фильме из ее дрожащих рук падает и разбивается тарелка. Четвертого сына отдает Родине. Что-то будет?!

На пороге оглядываюсь. Дом. Мама. На столе остывает разлитый по чашкам нетронутый чай…

Своих мы догнали по дороге к станции Подлипки. Приехали в Москву и пешком направились в обком комсомола. Там уже собралось около двух с половиной тысяч таких же учеников из всех районов области.

Пятнадцатиминутный митинг о необходимости защищать Отечество, и мы двинулись к Рижскому вокзалу, где нас уже ждал товарный эшелон. Недолгая погрузка по 80 человек в вагон. Колеса застучали, отмеривая путь на запад. Встречные поезда везут эвакуированных, раненых, технику с предприятий.

Высадили нас за Вязьмой, на станции Издешково, в трех — пяти километрах от Днепра. Под проливным дождем вручили каждому по большой лопате — и бегом к реке. Время не ждет. Враг наступает.

Задачу поставили на месте: срезать левый берег, сделать его отвесным, непреступным для плавсредств противника. Копать надо было снизу вверх. По высоте берега выходило пять «ступенек» — нижний кидал срытую землю верхнему, и так до вершины откоса. Участок поделили так: на каждые пять человек — 25 метров берега высотой 5—6 метров.

Работали мы по 18 часов в сутки. Спали, если повезет, в сараях, нет — просто в кустах. Первые дни жили впроголодь, выдавали буханку хлеба на 40 человек. Тот хлеб, что привез наш эшелон, за неимением брезента выгрузили прямо на землю, и под дождем он превратился в кашу.

А фронт подступал. Канонада приближалась все ближе и ближе. Неподалеку от нас, в Ярцеве, был сброшен немецкий десант. Гул войны стоял вокруг. Стреляли, казалось, везде. Фаши-

стские самолеты нагло бомбили мирных жителей, работавших на окопах, охотились за отдельными бойцами, идущими на восток на сборный военный пункт. Мы, в своих тогда еще белых рубашках, были хорошей мишенью для немецких летчиков. Однажды нам досталось особенно крепко…

Некоторые ребята не выдержали, сбежали в Подлипки! Добравшись до дома, рассказали о всех наших трудностях, о том, что многие погибли под бомбами. Один парень взялся назвать имена убитых. Так весть о моей гибели дошла до мамы. Парня того потом судили за дезертирство и распускание слухов. Но что пережили наши матери… Проверить ничего было нельзя, да и работали мы вместо трех дней два месяца.

Выполнив задание на Днепре, мы отходили к Вязьме, откопав на берегу противотанковый ров. Потом стали рыть окопы и траншеи, которые тут же заполняли солдаты. В последнюю, уже под самой Вязьмой, сажать было некого, и от нас взяли ребят, которые должны были учиться в 10-х классах. Выдали им обмундирование, по винтовке на несколько человек — и посадили в траншею встречать врага.

30 сентября за нами приехал секретарь Мытищинского горкома комсомола и перед строем стал сверять списки погибших. Вдруг прозвучала моя фамилия .

— Я! — шагнул я из строя.

— Живой?! Садись в автобус!

Таких «живых-погибших» нас набралось 17 человек.

Оставшиеся более двух тысяч ребят отправились в Москву пешком. Скажу сразу, идти им пришлось долго: пробирались лесами, попали в окружение. Но все же вышли. Правда, многих недосчитались…

А мы ранним утром в том самом крошечном автобусе выехали в столицу. Минское шоссе в этот час было совсем пустым. Военные, видимо, перебазировались ночами.

И вот она, Москва. На Арбате водитель объявил, что автобус испортился, дальше не поедет. Добирайтесь на метро и электричкой. Голодные, измученные, мы и этому были рады.

Да, чуть не забыл. За работу на трудовом фронте нам заплатили деньги. Мне выдали 127 рублей (старыми, конечно). Это была моя первая зарплата.

Вышли из автобуса и увидели «Булочную»! (теперь там ресторан «Прага»). Я сагитировал ребят: пойдемте все туда, купим белых булочек! Поедим. Есть хотелось страшно. Зашли в магазин — булки, батоны, черный хлеб, тут же сахар, конфеты! Я сориентировался первым: выбейте, пожалуйста, две городских и коробку конфет за четыре пятьдесят.

Кассирша, не поднимая головы (она что-то усердно пересчитывала), грубо так ответила: «Карточки давайте». «Какие-то карточки? — думаю — А-а-а! — вдруг сообразил. — Видно, за шпиона меня приняла». Сдернул с плеча свой вещмешок, достаю маленькие, 3 х 4, фотоснимки моих родных. Чьи же, думаю, ей нужны. Семья-то у нас большая, только детей шестеро. Наверное, лучше родителей. Выбрал нужные, говорю: вот. Это мама, это папа, а это я. Кассирша подняла голову и опять грубо так:

— Вы что, издеваетесь надо мной?!

— Да нет,— говорю,— честно: это — мама, это — папа…

Тут уж она взглянула на нас попристальней. Семнадцать мальчишек, черные, худые, обтрепанные (хотя мы перед возвращением, как могли дыры залатали). На ногах — чуни, веревочные лапти…

— Господи, — воскликнула, — откуда же вы такие?

И надо же, в это самое время репродуктор передает: …под Вязьмой наши войска ведут ожесточенные бои с превосходящими силами противника…

— Оттуда, — гордо эдак отвечаю я. — Из под самой Вязьмы.

И эта непреступная кассирша вдруг как заплачет!

— Милые мои, — сквозь слезы говорит,— не такие теперь карточки нужны, а вот такие… и ничего я вам продать-то не могу… — А сама все плачет.

Не знаю почему, но не 22 июня, не когда братьев провожали, не под Вязьмой, а именно здесь я понял, что такое война. Дошло, догнало, как говорится.

Спустились мы в метро. Смотрю, продают такие же конфеты, только в 4 раза дороже. Ах ты, думаю, все равно маме с первой получки куплю. И купил.

…Маму я увидел еще издали. Поседела, а все хлопочет во дворе. Закричал: мама, мамочка!.. Она бросилась ко мне на шею, запричитала: Володя, родной, я знала, что ты живой! Я не верила в твою смерть!

Ну, я держусь изо всех сил.

— Мамочка, я получил деньги, — говорю, — вот тебе подарок, конфет коробка.

— А у меня, Володюшка, для тебя тоже подарок, — утирая слезы, сказала мама и взяла что-то в пригоршню с моего письменного стола.

— Я знала, что тебе это будет интересно…

— Что это, мам?

Она разжала руку. На маминой ладони поблескивали свежие осколки зенитных снарядов — «урожай» из нашего сада. Вот так.

…С 1-го октября начались занятия в школе. Но мы, мальчишки, проучившись дней 10, снова уехали на трудовой фронт. Последние окопы мы рыли перед Подлипками: а «ежи» ставили на Ярославском шоссе, на повороте в Болшево. Война теперь была реальностью.

Воспоминания о войне

В лютую стужу 28 декабря 1942 года семнадцатилетнему пареньку Михайлову В.Н. вручили наконец-то, повестку. Но как ни доказывал новобранец, какие доводы ни приводил, чтобы его послали в авиационную школу, у военного комиссара в тот момент была разнарядка только в Казанское пехотно-стрелковое офицерское училище. Все. Разговор окончен. Кру-гом!

… Здесь, в Казани, в снегу по колено, морозы давят под 35 градусов, но военной подготовке это не мешало. Приказ срочно выступить на фронт застал курсантов на стрельбище в период сдачи экзаменов. Марш-бросок «бегом-шагом-бегом», и «единым духом» одолели все 16 километров до училища. Здесь наспех пришили к ветхому просоленному от пота обмундированию фронтовые погоны (по ночам белесые гимнастерки колом стояли на полу у солдатских коек) и к 18.00 на вокзал «с места, с песней, шагом марш!». Молодое пополнение шло в насквозь просоленных гимнастерках через живой коридор многотысячной толпы провожавших их людей, многие из которых махали платками, плакали. Но новобранцы, печатая шаг, гордо несли головы. «Белоруссия родная, Украина золотая… Наше счастье молодое мы стальными штыками защитим», — бравурно не-

слось над солдатскими колоннами в две с половиной тысячи человек.

Воинский эшелон без единой остановки «зеленой улицей» домчался до Москвы. Здесь два часа на переобмундирование и… на передовую под Козельск, на рубеж реки Жиздра. Надо было защитить этот старинный городок на Калужской земле, известный еще с 1146 года. Через сотню лет он уже успел прославиться тем, что его жители в 1238 году оказали героическое сопротивление ордам хана Батыя. Теперь на маленький провинциальный городишко наступала оснащенная современным автоматическим стрелковым оружием, закованная в крупповскую броню танков орда фашистов.

Наспех обученное пополнение влилось в 26-ю Гвардейскую дивизию и сразу же почувствовало себя как в аду под массированной огневой обработкой немецкой артиллерии. Здесь не то чтобы хорошо осмотреться вокруг — нельзя было поднять головы, а неумолимые приказы следовали один за другим: то взять крохотную деревеньку в 5—6 дворов, то овладеть маленькой высотой на ровном, как бильярдный стол, поле. По 10—15 раз на день ходили в лобовые атаки, захлебываясь кровью. Немецкие пулеметчики словно косою укладывали на землю шеренги наступавших. К исходу первого дня боевого крещения бескрайнее поле на центральном направлении едва ли не один к одному было устлано трупами безусых мальчишек в военной форме. Подавляющему большинству из них не было и 20 лет…

Первая боевая задача

Вечерело, когда к группе бойцов подошел командир роты: «Необходимо установить наличие противника в деревне и, по обстановке, выявить огневые средства. Пойдете вчетвером: вы, вы и вы, — указал на солдат, — старшим будет Михайлов».

Ночь, моросит мелкий обложной дождь. Непроглядная тьма. Приказано держаться левее трупов, сплошной вереницей лежащих в открытом поле. Двинулись на ощупь. Прошли метров триста. Дальнейшее движение предстояло по глубокому кювету. Я на минуту задумался, и вдруг молнией пронзила мысль: а если он заминирован?

— Следовать за мной, ступать по откосам кювета, на дно не становиться, — приглушенно произнес я и первым двинулся вперед.

Прошли метров двести, когда услышали хрипловатый окрик:

— Пароль?

— Курок, — ответили мы.— Отзыв?

— Курск. Проходите. Как это угораздило вас сюда забрести? Здесь же заминировано. Вчера трое моих ребят подорвались в этом кювете, — встретил нас угрюмый заросший старший сержант с противотанковым ружьем.

Перебросились несколькими фразами. Старший сержант указал направление, и разведчики продолжали путь. Вскоре мы увидели два огонька. Видимо, курили и переговаривались немцы.

— По команде,— произнес я шепотом,— стреляем по огонькам и сразу же укроемся, пока не стихнет ответный огонь.

Прогремели автоматные очереди, в ответ тьму разорвали вспышки выстрелов, загрохотало впереди на большом пространстве, в воздухе повисли осветительные ракеты. Возвратились перед рассветом тем же путем. Первая боевая задача была выполнена успешно.

На волоске от смерти

Как-то я оказался под ураганным пулеметным огнем. Пули ударили в бруствер. В одно мгновение выбросил из-под себя свернутую в жгут плащ-палатку, чтобы плотнее прижаться к спасительной земле. После боя в ней оказалось одиннадцать пробоин, полученных за считанные секунды.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Тупицын Александр Валерьевич**, инженер ЦНИИ машиностроения, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», г. Королев.

Мусин Александр Васильевич

КУРСКАЯ БИТВА

Родился 11 октября 1923 г. в с. Верхушнур Новоторьяльского района Вятской губернии. С образованием Марийской АССР этот район был передан в Марийскую республику.

Наша семья была многодетной, насчитывала 8 детей, из которых двое умерли в малолетнем возрасте, поэтому детство проходило и в холоде, и в голоде. К тому же обрушившийся шквал репрессий в 30-е годы на нас и ближайших родственников лишил средств к существованию, так как лишились земли, живности и всего хозяйства. Большинство родственников было сослано в район Урала.

В 1931 г. я поступил, а в 1938 г. окончил Верхушинскую неполную среднюю школу. В этом же году семья вынуждена была перебраться в город Йошкар-Ола, где к тому времени в дорожном управлении трудились отец и мой старший брат.

В 1938 г. я поступил учиться в Лесотехнический техникум. По соседству с техникумом размещался аэроклуб, и моя душа стремилась в небо, тем более был призыв «Молодежь на самолеты». Поступить в аэроклуб удалось только в 1941 г. перед самым началом войны, так как в 1940 г. не пропустила мандатная комиссия.

В ночь с 21 на 22 июня мы с друзьями погуляли в парке, и утром я спал богатырским сном, пока не разбудила мама и с большой тревогой в голосе сообщила, что началась война.

Выступление по радио В.М. Молотова было как гром среди ясного неба. В моем сознании война еще не вызывала ужаса, я был молод и не имел представления, что такое на самом деле война. Мы все понимали, что нас война не обойдет, но не представляли, что это произойдет так быстро, и, конечно, не могли представить всей трагичности первого периода войны. Слова песни, которую тогда распевали, что Красная Армия всех сильней и лозунг «Врага будет бить только на его территории!» вселяли уверенность, что это не надолго.

Наш аэроклуб был прикреплен к Ярославскому авиационному училищу, куда нас и должны были направить после окончания аэроклуба для дальнейшей учебы, но после многих мытарств оказались в г. Ижевск, в Ленинградском артиллерийском училище. После бурного протеста, вплоть до отказа принимать пищу состоялась беседа с начальником училища, который обрисовал обстановку, прочитал нам отцовско-начальственную мораль и предупредил, что если не приступите к занятиям, то будете преданы суду военного трибунала.

Так навсегда оборвалась мечта стать летчиком.

В училище проучились семь с половиной месяцев, было присвоено воинское звание лейтенант, и я получил направление в распоряжение командующего артиллерией Воронежского фронта, куда и прибыл в конце октября 1942 г.

Сначала я был в резерве, а потом был направлен в 32-ю отдельную истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду РВГК (резерва Верховного Главнокомандующего), которая впоследствии стала гвардейской и получила наименование 11-я гвардейская ИПТАБр РВГК.

Бригада состояла из двух артиллерийский полков, вооруженных 76-мм пушками ЗиС-3, и двух батальонов, из которых весной 1943-го начали формировать 3-й полк, командиром которого стал майор Чапаев А.В. (сын легендарного героя гражданской войны В.И. Чапаева). Мне было приказано возглавить учебный взвод из будущих командиров орудий и наводчиков, с задачей сделать из пехотинцев артиллеристов-противотанкистов.

Таким образом, к началу Курской битвы полк был сформирован, укомплектован, в своем составе имел 5 батарей, вооруженных 45-мм противотанковыми пушками (которые мы называли «прощай Родина»).

Основным боевым крещением для меня явилась Курска битва, хотя и зимнее наступление 1942—1943 гг. было не из легких.

Полк вначале размещался в с. Ракитное. Ночами мы выезжали на передний край и где-то в районе с. Ольховатки скрытно готовили огневые позиции, которые заняли примерно за двое суток до начала немецкого наступления.

На рассвете 5 июля 1943 г. после массированной артиллерийской подготовки и авиационной бомбежки на наши позиции устремилась масса фашистских танков и штурмовых орудий.

Перед нами было почти чистое поле, а когда дым и гарь немного рассеялись, то я увидел лавину танков, которые, ведя ураганный огонь, устремились на наши позиции. Картина была страшная.

Дальность прямого выстрела у 45-мм пушки 500 м, мы открыли огонь, вижу, что попадаем в танки, а они все равно идут на нас. Дело в том, что впереди шли новейшие фашистские танки, такие, как «тигр», «пантера», самоходное орудие «фердинанд», с толщиной брони около 110 мм, которую наши снаряды не пробивали. За ними уже шли средние танки и бронетранспортеры с пехотой.

Наши огневые были подавлены. Один из танков смял нашу пушку и стал гусеницами поперек окопа, где мы лежали с одним из солдат и начал стрелять. Земля мягкая, рыхлая, после выстрелов, танк стал проседать и сдавил нас так, что нечем было дышать, и я потерял сознание, но остался жив, только волосы на голове побелели. Оставшиеся в живых, как могли, попрятались в ходах сообщений и в ближайшем овражке, покрытом кустарниками, так как бой шел уже сзади нас, а мимо шли резервы фашистов.

Ночью по ходам сообщений ползком стали пробираться к своим, и к утру вышли в расположение одного нашего танкового полка.

Потери были большие. Из 20 пушек осталось только 4, поэтому полк был выведен во 2-й эшелон, где мы получили по-

полнение личного состава и новые 57-мм противотанковые пушки ЗиС-2, с которыми прошли до конца войны.

Очень напряженными были бои при форсировании Днепра, захват и удержание плацдарма в с. Щученка, это в районе города Ржев. Все это происходило под ураганным огнем артиллерии противника и непрерывных бомбежек. Враг предпринимал отчаянные попытки захватить наши огневые позиции и сбросить нас в Днепр. Дело доходило даже до рукопашной. Я помню, как при очередной попытке захвата наших позиций мне впервые пришлось идти в рукопашную. На меня бежал здоровенный рыжий немец, и мне казалось, что это мой конец, но я неожиданно упал и отключился. Когда очнулся, выяснил, что за мной бежал один из очень преданных мне солдат (вдвое старше меня), который подставил мне ногу, я упал, он убил немца, а меня оттащил в окоп и тем самым спас жизнь.

После освобождения г. Киева нашу бригаду перебросили под г. Фастов, где пришлось отражать танковые удары врагов, пытавшихся снова прорваться в г. Киев.

В зиму 1944 г. пришлось участвовать в отражении яростных атак фашистских войск, которые стремились спасти от уничтожения большую группировку, окруженную нашими войсками в районе Корсунь-Шевченковский.

Весенняя наступательная операция 1-го Украинского фронта была омрачена вестью о тяжелом ранении и кончине командующего фронтом генерала армии Ватутина Николая Федоровича.

В командование фронтом вступил маршал Советского Союза Г.К. Жуков, и 4 марта войска перешли в наступление.

Наступление проходило в сложных условиях, в период весенней распутицы, все дороги оказались труднопроходимыми, непролазная грязь затрудняла движение, образовалось большое скопление машин и другой техники, по которым тут же наносились авиационные удары.

Наш полк в числе других частей участвовал в освобождении городов Староконстантинов, Проскуров, Винница, Тернополь, Львов.

Впереди была Висло-Одерская наступательная операция, где впервые пришлось встретиться с новейшими танками того

времени T-VIБ, или «королевские тигры», у которых толщина лобовой брони достигала уже 190 мм.

На Одерском плацдарме, к великому сожалению, мы потеряли своего командира полка Героя Советского Союза подполковника Богданова.

Январь месяц 1945 г. ознаменовался новым наступлением наших войск. Мне довелось участвовать в освобождении Польши, городов Краков, Катовице, дойти до Берлина, но затем нас повернули на Прагу, где вспыхнуло восстание и восставшие просили о помощи.

Вечером 8 мая я вел огонь по уходящим из одного населенного пункта немецким машинам, подъехал какой-то генерал и спрашивает: «По кому ведешь огонь, артиллерист?» Я доложил. «Это твои последние выстрелы — сказал он, — ибо Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции». Это была для нас радость несказанная, пройти через такую мясорубку и остаться живыми.

Утром 9 мая 1945 г. мы подошли к г. Прага и остановились в г. Млада Болеслав. Такой теплой и радостной встречи, как в Чехословакии, я не встречал всю войну. Круглыми сутками все дороги были запружены людьми, с музыкой, цветами, угощениями, готовыми нас носить на руках.

Так закончилась эта кровопролитная битва, принесшая нашему народу неисчислимые потери и страдания. Война дорого обошлась и нашей семье: в 1942 г. погиб мой старший брат — танкист, муж старшей сестры, два двоюродных брата, дядя.

Я войну закончил в звании старший лейтенант, командир батареи. Имел два легких ранения.

Был награжден двумя орденами Красной Звезды и несколькими медалями. Имею несколько благодарностей от Верховного Главнокомандующего:

1. За отличные боевые действия в боях на Курской дуге (приказ ВГК от 5 августа 1943 г.);
2. За форсирование р. Днепр и удержание Букринского плацдарма (приказ ВГК от 28 сентября 1943 г.);
3. За освобождение от немецких захватчиков гор. Проскуров (приказ ВГК от 29 марта 1944 г.);

4. За освобождение от немецких захватчиков гор. Львов (приказ ВГК от 27 июля 1944 г.);

5. За освобождение древней столицы Польши гор. Краков (приказ ВГК от 24 января 1945 г.);

6. За освобождение центра промышленного Домбровского района г. Катовице (приказ ВГК от 28 января 1945 г.)

После окончания войны проходил службу в составе войск в Чехословакии, Германии и Австрии. В апреле 1951 г. по замене был направлен в Северо-Кавказский военный округ, во вновь создаваемые Ракетные войска.

Окончил 10-й класс вечерней школы, получил аттестат зрелости, затем Высшую офицерскую школу по ракетному профилю, после чего поступил и в 1959 г. окончил Ростовский военный институт Ракетных войск стратегического назначения. После учебы служил в войсках. В 1969 г. с должности заместителя командира ракетной дивизии был переведен на должность начальника отдела центрального аппарата главнокомандующего РВСН.

За ратный труд был награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны и двадцатью тремя медалями.

В 1977 г. по состоянию здоровья и возрасту в воинском звании «полковник», с выслугой 38 лет был уволен в запас.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Бобровский Роман Валерьевич**, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Одинцовского района.

Муходавкин Григорий Архипович

ПОДВИГ ПУЛЕМЕТЧИКА

Родился 8 апреля 1922 года.

В Великой Отечественной войне я участвовал с октября месяца 1943 года и до мая 1945 года на Западном, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах в должностях — командира вывода разведки полка, начальника разведки дивизиона 14-го артиллерийского полка 352-й Оршанской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии.

Как и все советские люди, я старался внести свой посильный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков, вероломно вторгшихся в нашу страну, и ее освобождение от фашистской чумы.

В 1939 году по путевке комсомола был направлен в Ростовскую артиллерийскую специальную школу №11, которую окончил в 1942 году, после чего был направлен в Сумское артиллерийское училище, которое окончил в 1943 году. По окончании училища мне было присвоено первое офицерское звание младший лейтенант, и я был направлен на Западный фронт и назначен командиром взвода разведки 914-го артполка 352-й стрелковой дивизии.

Участвовал в следующих боевых операциях:

— в белорусской операции «Багратион»;

— в уничтожении немецко-фашистской группировки в Восточной Пруссии и штурме ее столицы Кенигсберга;

— в освобождении Чехословакии;

— в форсировании водных преград — Днепра, Березены, Немана;

— в освобождении белорусских городов — Орши, Борисова, Минска, Лиды, города-крепости Гродно.

Воспоминания о белорусской операции «Багратион»

В нюне-июле 1944 года Красная Армия развернула крупнейшее наступление под кодовым наименованием «Багратион» за освобождение Белоруссии. В течение нескольких недель наши войска, преодолевая ожесточенное сопротивление гитлеровцев, прошли с боями сотни километров от Орши и Витебска до границ Восточной Пруссии. В этой грандиозной исторической битве участвовала и наша 352-я стрелковая дивизия, действовавшая в составе 36-го стрелкового корпуса 31-й армии 3-го Белорусского фронта.

Части дивизии в стремительном наступлении прошли 730-километровый путь от дер. Загваздино под Оршей через Березину, Смолевичи, Минск, Лиду, Гродно и форсировали Неман севернее Гродно.

В состав дивизии входили: 1158-й, 1160-й, 1162-й стрелковые полки, 914-й артиллерийский полк, 475-й саперный батальон, 413-я разведрота, 436-й медсанбат и другие подразделения и службы.

Дивизия не только участвовала в прорыве обороны врага под Оршей (за что получила наименование Оршанской), но после прорыва обороны фашистов действовала вместе с дивизиями 31-й армии и 2-м гвардейским танковым Тацинским корпусом непосредственно на главном — Минском направлении, участвовала в освобождении Минска, за что стрелковые полки дивизии получили наименование «Минские».

28 июня 1944 года после короткого отдыха дивизия преследовала противника параллельно автостраде Москва — Минск, отбивая все попытки фашистов, оставшихся в тылу, помешать движению наших войск, особенно танков, по шоссе. По распо-

ряжению штаба корпуса 29 июня был создан подвижной передовой отряд в составе 1-го батальона 1160сп, взвода сапер, взвода разведки, 2-го дивизиона 914ап и батареи истребительного противотанкового дивизиона. Весь отряд двигался на машинах вместе с танками. Возглавлял отряд заместитель командира дивизии полковник Логинов.

Отряд быстро двигался по маршруту Синчуки — Друцк — Селец — Сурковка, затем Санники — Хролищево — Тимоховка — м. Круча — Нов. Полесье — Завидовка — Полежаевка — Старая Слободка — Мочииица — Тишачье — Николаевка — Ухвала, по пути уничтожая группы отступающего противника и захватывая их в плен. Создание подвижного отряда позволило опередить отступавшие на Минск колонны врага, не позволяя ему закрепляться на промежуточных рубежах, а основные силы дивизии, быстро двигаясь за авангардом, громили полуокруженные части противника. Так, например, в районе д. Малиновка на колонну 914-го артполка вышла группа немцев до 1000 человек с обозами и артиллерией. Наш первый дивизион с ходу развернулся и начал в упор расстреливать врага, более сотни из них было уничтожено, 30 фашистов взято в плен, захвачены автомашины, минометы, орудия. Остальные немецкие солдаты разбежались по лесу. И такие скоротечные бои возникали во всех частях дивизии.

Механизированный передовой отряд к 15.00 30 июня прорвался к Березине в районе д. Новоселки и при поддержке артиллерии начал форсировать реку. Противник — подошедший 350-й охранный полк, 221-я охранная дивизия. Полицейские полки СС пытались не допустить нашей переправы, но наступательный порыв наших воинов был так велик, а части врага оказались растянутыми в длинную цепочку от Борисова до Новоселок и южнее. Мост через реку уже горел, и передовой отряд, используя подручные средства, под прикрытием артогня, вошел в воду. Первым начал переправу пулеметчик Ращупкин со вторым номером Смирновым, следом — лейтенант Михайловский и другие. В воде то и дело вздымались столбы от взрывов мин и снарядов противника. И тут на другом берегу заговорил «максим» Ращупкина, его огонь позволил захватить первые траншеи врага. В полном составе переправилась рота старшего лейтенанта Смирнова и пошла на штурм окопавшихся фашистов, часть

их была уничтожена, часть пленена. Плацдарм создан! Начали переправу подошедшие 2-й и 3-й батальоны 1160сп, севернее батальоны 1162сп, затем — 1153сп. Артиллеристы 914ап прикрывали переправу огнем и вручную перенесли часть орудий на правый берег Березины, чтобы отразить контратаку танков врага. К исходу 1 июля вся дивизия, включая артполк, форсировал Березину, и готовилась к новому броску — на Перстень, Красное, Слободка, Заручье, Судабовка.

В 4.00 2 июля авангард дивизии — 1162сп — встретил организованное сопротивление на рубеже Жодино, Судабовка, но быстро опрокинул врага. В 16.00 завязались упорные бон за Смолевичи, где фашисты имели танки и самоходки. Во взаимодействии с 927 самоходным артполком, танкистами 2-го гвардейского Тацинского корпуса, 1160сп и 1162сп уничтожили несколько танков противника, дважды переходившего в контратаки. Два танка подожгли бронебойщики Сташков, Ковальчук, Шелгунов и Ларичев. Батарея лейтенанта Кочеткова била по фашистам картечью. Командир пулеметной роты Царев лично уничтожил 7 офицеров. Автоматчики двух взводов под командованием старшего лейтенанта Меликсетяна при поддержке двух танков Т-34 блокировали дзот, захвалили две улицы и железнодорожную станцию.

Героически сражались за Смолевичи артиллеристы 4-й, 5-й и 2-й батарей 914ап, которые поставили пушки на прямую наводку и расстреливали в упор контратакующих гитлеровцев. Командир дивизиона Москаленко особо отметил 5-ю батарею капитана Ткаченко, командиров орудий Ватолпна и Запорожца. К вечеру Смолевичи были полностью очищены от врага. Захвачено 10 исправных танков, склады связи, горючего, продовольствия, фуража. В бою за Смолевичи снова отличились пулеметчики Ращупкин и Смирнов.

На плечах врага вслед за танками части дивизии с ходу взяли Загорье, Березняки, Юхновку, Битую Гору, разъезд Постанка и, не дав противнику закрепиться, ворвались в 4.00 3 июля 1944 года на восточную окраину Минска. Все три полка — 1158, 1160, 1162-й и приданный побатарейно 914ап вместе с танкистами генерала Бурдейного очищали от групп фашистов улицу за улицей, захватили железнодорожную станцию с загруженной тех-

никой эшелонами и вышли на западную окраину города. К 6.00 3 июля Минск был освобожден!

К середине дня с юга вступили в город 1-й гвардейским танковый корпус и части 3-й армии 1-го Белорусского фронта. Таким образом, кольцо окружения группировки немецких войск восточнее Минска сомкнулось. Отступавшие к городу войска противника оказались в гигантском «котле».

Закрепляя захват Минска, 352сд перешла к временной обороне на рубеже свх. им. Ворошилова, свх. Локшица, пос. Винковизна, затем х. Юзерово, х. Затишье, Петровщина. Ожесточенные попытки окруженных частей врага вырваться в юго-западном, южном и северном направлениях стоили ему огромных жертв, но были безуспешными. Наша дивизия вместе с соединениями 113ск 31-й армии разгромили несколько групп врага с артиллерией и танками: на шоссе Минск — Слуцк отряд капитана Берегового 1162сп уничтожил две группы фашистов по 500 и 300 человек, бойцы 1158сп в районе Вольма, севернее д. Трасковщина окружили несколько групп гитлеровцев и частью их перебили, частью взяли в плен — всего более 1000 человек. Много пленных взял и 1160сп. 2-й дивизион 914ап в районе Старое Село и с/х Красное уничтожил и рассеял огнем прямой наводкой около 800 фашистов, захватил автомашины, орудия, минометы. В районе с/х им. Калинина 7-я батарея артполка огнем с открытых позиций встретила контратаку кавалеристов и пехоты врага, затем, психическую атаку обреченных фашистов, поддержанных «фердинандом», и вместе с нашими бойцами убили более 120 солдат и офицеров врага, многих взяли в плен, захватили трофеи.

С 10.00 5 июля дивизия (кроме подразделений, сражавшихся с окруженными немцами) продолжала наступление в направлении Сухарево, Дегтяровка, Птичь, Старое Село, Чачково, Ислочь, Лукаши. 7 июля освобождено Кульжицу, Привжало, Волжу, Зитис, затем и Ивенец, Дуда, Ивье, г. Лиду (вместе с 6-й кавдивизией 3-го гвардейского корпуса) к вечеру 12 июля дивизия сосредоточилась в районе Куриловцы, Мостище. Территория Минской области полностью очищена от врага.

Непосредственно на минском направлении вермахт потерял более 100 тысяч солдат и офицеров, в том числе пленными 38 тысяч человек.

Как видно из приведенных частичных сведений, большой вклад в уничтожение фашистских войск в Белоруссии, освобождение Минска и Минской области внесли и воины 352сд — за освобождение Орши — Оршанской, за освобождение Гродно — Краснознаменной, за участие в ликвидации Восточно-Прусской группировки врага — ордена Суворова 2-й степени.

За боевые действия по освобождению Белоруссии 352-я дивизия неоднократно отмечалась в приказах Верховного Главнокомандования.

27 июня 1944 года за участие в овладении г. Орша 352сд получила наименование Оршанская.

С 1 июля за форсирование Березины дивизии объявлена благодарность. 3 июля за освобождение г. Минск дивизии объявлена благодарность, стрелковым полкам присвоено наименование Минские.

9 июля за овладение г. Лида объявлена благодарность.

16 июля за овладение крепостью и городом Гродно дивизии объявлена благодарность, 25 июля дивизия награждена орденом Красного Знамени.

31 июля за форсирование Немана дивизии объявлена благодарность.

За период боев в Белоруссии орденами и медалями награждено воинов дивизии: орденом Суворова 3-й степени — 3 человека, орденом Кутузова 3-й ст. — 1 чел., орденом Красного Знамени 20 чел., орденами Отечественной войны I ст. 6 чел., второй степени — 53 чел., Красной Звезды — 544 чел., Славы — 393 чел., медалями 337 чел., а всего 1358 воинов. Звание Героя Советского Союза присвоено пулеметчику Рашункину Александру Михайловичу, орденом Ленина награжден второй номер расчета Смирнов. Высокими наградами отмечены командир дивизии Стриженко, его заместитель Логинов, начальник политотдела Галахин, командиры полков Колесников, Евдокимов, Кононенко. За июнь — июль 1944 г. дивизией уничтожено 2850 и взято в плен 1786 немецких солдат и офицеров. Захвачены трофеи: автомашин — 264, самолетов — 4, танков — 10, орудий — 28, вагонов — 139, паровозов — 48, складов — более 30, множество стрелкового оружия и боеприпасов.

В боях уничтожено танков и самоходок — 6, бронетранспортеров — 2, автомашин — 16, орудий — 13, подавлено 27 артминобатарей, 211 пулеметных точек, разбито 34 повозки с боеприпасами.

Потери дивизии за июнь — август 1944 г. убитыми 916 человек, ранеными 3128 чел., стрелкового оружия — около 2000 единиц, минометов — 8, орудий — 7.

1944 год — год решающих побед. Наша 352-я Оршанская Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени стрелковая дивизия в составе 3-го Белорусского фронта победоносно завершив операцию «Багратион» и освободив всю Белоруссию от фашистского порабощения, вышла на границу Восточной Пруссии и заняла оборону.

Граница Восточной Пруссии! Три с лишним года мечтал увидеть ее советский солдат. И в тяжелую пору кровопролитных боев у стен Ленинграда, и в тревожные дни под Москвой, и в труднейшее время защиты волжской твердыни — Сталинграда, мы верили, что этот день придет. Началась всесторонняя подготовка к уничтожению восточнопрусской группировки немцев.

В новогоднюю ночь 1945 г., получив приказ командира полка принять участие в разведке по взятию «языка» я отправился в боевые порядки роты, откуда должны пойти в разведку.

В траншее и в землянке в ожидании начальника разведки дивизии собрались разведчики и солдаты роты, на участке которой должна уйти в разведку разведгруппа дивизии. В землянке тихо играет баян. один разведчик поет негромко, мечтательно, с душой, как только поют на фронте, песню «Землянка». К поющему несмело присоединяются несколько голосов, старательно и задушевно выводя каждое слово. И в словах этой песни были выражения сокровенных мыслей каждого, кто пойдет через некоторое время в разведку, его воспоминания и надежды. Кончилась песня, затих баян, а разведчики долго еще сидели в землянке не шевелясь, задумчивые и серьезные, погруженные в свои мысли. Вывел нас из этого состояния приход начальника дивизии, который поставил нам задачу на разведку. Группа разведки быстро переметнулась через бруствер траншеи и поползла по-пластунски по ничейной полосе в сторону первой немецкой

траншеи. Нейтральная полоса — метров 300—400; доползли до середины, вдруг слева услышали приближающийся шум (шорох) со стороны немецкого переднего края. По рации связались с командованием, доложили обстановку, получили приказ пропустить немцев и выяснить их количество. Так мы и сделали.

Пропустив немцев, мы развернули разведгруппу, доложили обстановку и ожидали сигнала от командования. Когда немцы подползли к нашей первой траншее, то здесь их встретил огонь разведгруппы, в результате боя 16 немцев было взято в плен, остальные были уничтожены на нейтральной полосе.

Сведения, которые были получены от пленных немцев, были очень ценными и были использованы при планировании операции по уничтожению восточнопрусской группировки немцев.

Май 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Манаков Дмитрий Николаевич**, студент 1-го курса Московской государственной академии приборостроения и информатики, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Балашихинского района.

Надеждин Евгений Семенович

БОЙ В ИРБЕНСКОМ ПРОЛИВЕ

Родился я 23 декабря 1917 г. в поселке Пролетарский, Серпуховского района Московской области. Русский. Комсомолец. До войны окончил школу в 1932 году, потом поступил в фабрично-заводское училище (ФЗУ).

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г. во время прохождения воинской службы в районе Финского залива, в звании старшины морского флота второй статьи.

Призван в армию в 1935 году по спецнабору на Краснознаменный Балтийский флот. Участник двух войн: Финской и Великой Отечественной.

Звание: старшина морского флота второй статьи.

Командир: контр-адмирал Осипов Сергей Александрович; проживал в Ленинграде.

Боевой путь: Ленинград, Финский залив, Балтийское море.

Семья у нас была бедная. У родителей было пятеро детей, из них три мальчика: Борис, Сергей и я. Было у меня также две сестры: Нина и Полина. Из всех детей я был самый старший.

Когда мне было 15 лет, у меня умер отец, и всю мужскую работу пришлось взять на себя. В те годы было нелегко прокормить самого себя, а большую семью — еще труднее. Я устроил-

ся работать на колхозное поле, заготавливал сено для скота. Приходилось косить огромные территории, затем сушить и укладывать сено в сарай. Были дни, когда руки от косы стирались до мяса, а еще надо было завернуть сено в сверток и отнести в сарай. Масса одного свертка достигала 100-120 кг. Платили хлебом. К тому времени, в 1932 году, я закончил 7 классов школы, затем в 1933 году поступил в фабрично-заводское училище (ФЗУ). ФЗУ находилось на Пролетарской фабрике в одноэтажном здании, занятия проходили с 8 до 14 часов ежедневно, без выходных. После учебы бежал на работу в соседнюю деревню Кузьменки зарабатывать хлеб для семьи.

Но время шло, в 1935 году мне исполнилось 18 лет. Тогда пришла повестка о призыве в Красную Армию из Серпуховского районного военкомата. Родные и близкие тяжело восприняли мой призыв в армию: мать не хотела отпускать, плакала, сестры переживали. И я понимал, что будет мне тяжело без родной поддержки, что буду я служить где-то далеко и тосковать о матери, сестрах, братьях, о родном поселке, где прошли отроческие годы. В поселке меня любили за трудолюбие и способность понять любого человека, поэтому провожали меня на службу все, кто был со мной знаком.

На приемной комиссии в серпуховском военкомате мне задали вопрос, в какие войска я хотел бы пойти служить, и я гордо ответил, что хочу служить в Морфлоте. Я неплохо уже разбирался к тому времени в армейской организации и считал, что быть моряком — почетно. Комиссия отметила это, ведь не каждый стремился к службе, и я был отправлен на Балтийский Краснознаменный флот для прохождения спецподготовки. Служба текла медленно и размеренно, я постепенно осваивал навыки военно-морского дела в живописных районах Финского залива. Но в 1939 году началась Финская война. Весь Балтийский Краснознаменный флот был мобилизован и направлен командованием в районы военных действий. В ту войну я уже состоял в звании капитана и командовал торпедными катерами. Во время боевых действий в Финском заливе был ранен в плечо и в ногу. После ранения мне было присвоено звание старшины морского флота второй статьи.

Финская война вскоре закончилась. Служба в Красной Армии снова пошла своим чередом, тянулись обычные армейские

будни. Среди сослуживцев у меня появилось много товарищей. Мы любили вместе отдыхать на природе, купались в море. Както летом в июне 1941 года был солнечный день, и мы с ребятами купались в море, вдруг в штаб из Москвы пришла телефонограмма о том, что немцы ночью начали бомбить СССР. Мы с горечью поняли, что Отечество в опасности и только мы, бойцы регулярной Красной Армии, можем защитить наших жен, матерей и детей от опасного вероломного врага. Все были готовы отдать жизнь за спасение своей Родины.

Когда мы прибыли в порт, на наш торпедный катер уже погрузили около 2 тонн оружия помимо тех трех торпед, что на нем уже были. На базе, в порту, повсюду ходили разговоры об обстановке в стране, неожиданности нападения врага. И каждый хотел скорейшей победы, избавления от нависшей угрозы, каждый сделал бы все, что было в его силах, дабы защитить свою страну и народ. Мы пошли в штаб и познакомились с назначенным нам командиром батареи контр-адмиралом Осиповым Сергеем Александровичем. С ним мы проходили службу в годы Финской войны. Командир наш оказался хорошим руководителем, общительным человеком, с которым легко можно найти общий язык. Оказалось, он живет поблизости, в Ленинграде.

Началась война… Суровая, беспощадная битва за существование целостной Страны Советов и свободу народов. Каждый день тянулся как год, казалось, что силы противника не иссякнут никогда; каждый поход торпедных катеров проходил напряженно, практически всегда мы попадали под обстрел, но чудом спасались и даже поражали силы противника.

В трудные минуты я вспоминал родной поселок, ребят из колхоза, однокашников. Вспоминал семью, которая находилась в блокадном Ленинграде: мать, сестер, Нину с Полиной, братьев, Бориса и Сергея. Я знал, как им приходится тяжело в осажденном городе, понимал, что вся наша страна бедствует, что ее народ страдает, и никто не может защитить ее кроме регулярной Красной Армии, бойцом которой я являюсь. Я делал все, что было в моих силах, дабы победить врага, прогнать его с родной земли.

Я до сих пор храню в памяти те годы. Очень нелегко их вспоминать… Вновь всплывают страшные картины смерти близких, родных, сослуживцев; вновь рождается горечь прожитых лет и событий. Несмотря на то, что мне к тому времени до-

велось уже пережить одну войну, происходившие события все больше шокировали мое сознание.

Самый запомнившийся мне бой произошел майской ночью 1944 года возле острова Эзель в Ирбенском проливе. В то время преимущество немецких войск на территории СССР было уже сильно ослаблено, однако некоторые группировки еще представляли серьезную угрозу спокойствию в нашем регионе. Поступила радиограмма, что приближается немецкий десант в количестве около 9 тысяч человек. В тот момент в нашей батарее было 5 торпедных кораблей; несмотря на это, стояла твердая задача командования — потопить вражеские корабли полностью, пленных не брать. Задача, конечно, была не из легких — силы оказались чересчур неравными — немецкие войска превосходили наши как по качеству, так и по количеству вооружения, численности десанта. Но наша дивизия воевала не первый день — за годы войны мы повидали многое и не собирались уступить в тот момент, когда лучи победы уже освещали освобожденные от фашистских захватчиков земли.

Торпедные катера снаряжали в порту для похода. Я полез на мостик заряжать пулемет и вдруг заметил, что издалека приближались вражеские корабли. Я долго стоял в оцепенении, всматривался в ту сторону, откуда появились и продолжали плыть страшные вражеские машины. Внимательнее присмотревшись, я испытал шок, — я увидел, что на палубе кораблей были хорошо вооруженные солдаты, которые веселились на этих кораблях, они даже не подозревали, что погибнут в такой прекрасный для них момент. Там были парни по 18—20 лет, которые не понимали, где они находятся и для чего, они искренне радовались жизни, пели песни, танцевали. Я думаю, что они даже не знали, что такое война. Но на войне все не так: кто лучше знает и разбирается в ситуации, тот выигрывает. И, не колеблясь ни минуты, я отдал приказ: огонь изо всех торпедных отсеков. Поднялся жуткий гвалт, шум и грохот, все вокруг заполыхало, казалось, загорелось все море, как будто вместо воды в нем было горючее.

Отовсюду доносился страшный визг металла и душераздирающий крик раненных. Тяжелый бой не останавливался ни на минуту. Вот уже прошло около трех часов с начала сражения,

все это время я не отходил от пулемета, мои руки буквально прикипели к горячей стали орудия. Большинство кораблей было потоплено, из воды доносились крики немцев: «Русские! Не стреляйте, умоляем!» На моих глазах погибли почти все мои лучшие друзья: Колька Хоботов, Тема Молодой, его два родных брата. Передо мной представали картины их гибели, и я продолжал отчаянно всаживать пулеметные очереди в воду, где плыли те самые парни, которые совсем недавно веселились на кораблях. После того, как в воде не стало слышно голосов; я отошел от дымящегося пулемета и с трудом опустил затекшие руки. Осмотревшись вокруг, я понял, что война — самое страшное, что может быть на земле; почти все мои друзья и сослуживцы погибли… Мало кто остался в живых… Я подошел к краю борта катера и увидел, что о борт бьется не морская вода, а человеческая кровь. Постояв минуту, я без сил упал от ужасной боли в животе, поднял голову и увидел, как кровь ручьями течет из простреленного живота. Я лежал и плакал, вспоминая, как мы с друзьями только вчера ели шоколад, разговаривали, шутили, а сегодня их уже нет… Казалось, что все это сон, что я проснусь и они опять будут рядом со мной. От шока и ужасной боли в животе я все больше переставал понимать, что происходит, и в конце концов потерял сознание.

Очнулся я уже в госпитале «Дом Кузнеца», который находился в Иркутске. Лечили меня там год, почти все это время я ни с кем не разговаривал и не мог спать, потому что, закрыв глаза, я снова видел тот бой, видел погибших товарищей. Мне трудно было справиться с этим, я до сих пор помню тот бой во всех деталях. Да, время лечит, но заметно лечит только физические раны, моральные переживания остаются навсегда и порой причиняют даже большую боль, чем раны физические. Что-то удалось забыть, а что-то тревожит мою память и по сей день.

Демобилизовался я в марте 1945 года. Тогда уже было очевидно, что война кончилась.

Во время войны у меня погибли все братья и сестры во время блокады Ленинграда. Даже не знаю, были ли они похоронены и где.

На этом, пожалуй, заканчивается мой рассказ о службе в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.

Демобилизовался в марте 1945 года. Вернулся в поселок Пролетарский. Устроился на работу начальником ткацкого цеха. Работал до 1972 года.

Награжден:
медаль «За Оборону Ленинграда»;
орден Отечественной войны I степени;
Участвовал в обороне Ленинграда.

Ранения: май 1944 г. — два сквозных ранения в брюшную полость. Лечение проходил в Иркутске, в госпитале «Дом Кузнеца», 1 год.

Погибли 2 брата и 2 сестры во время блокады Ленинграда.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет.

Других публикаций обо мне не было.

Март 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь:

Алексеев Павел Дмитриевич, ученик муниципального общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 1 с углубленным изучением отдельных предметов, г. Чехов.

Недосекин Дмитрий Евгеньевич, ученик муниципального общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 1 с углубленным изучением отдельных предметов, г. Чехов.

Новиков Семен Семенович

НОЧЬЮ МЫ БЕЖАЛИ ИЗ ЛАГЕРЯ

Родился 5 марта 1924 года в Курской области, Солнцевский район, хутор Буланец. Русский, в данный момент не партийный, в молодости был членом ВЛКСМ.

До войны окончил 4 класса (в 1937 г.).

Узнал о начале войны в 4 часа 22 июня 1941 года.

Окончил курсы трактористов (в 1942 г.).

А вообще я считаю, что я везучий человек, потому что вернулся с войны живой. Когда началась война, мне было 17 лет.

Немец наступал стремительно, и очень скоро мы оказались на оккупированной территории.

Я попытался убежать от немцев с нашими отступающими войсками, но очень скоро оказался в лагере для военнопленных. Лагерь (г. Старый Оскол) немцы организовали очень быстро, просто огородили поле колючей проволокой, а вокруг поставили часовых. В него согнали около 25 тысяч пленных солдат и около 100 штатских.

Есть и пить пленным не давали. Один раз кинули через проволоку разрубленную на части лошадь. Некоторые пленные ели ее прямо сырую, а немцы в это время их фотографировали.

Немцы били пленных плеткой, досталось и мне.

В первый же день я встретил в лагере своего знакомого, лейтенанта по имени Николай. Он сидел в лагере третьи сутки, и хорошо изучил обстановку. Мы решили с ним бежать вдвоем. Я достал для него штатскую одежду, и уже через два с половиной дня мы сбежали, но эти дни я запомнил на всю жизнь.

Ночью разутый и полураздетый я убежал из лагеря и прятался в картофельных полях.

В ближайшем селе, куда я пришел, было много немцев. Один немец подозвал меня и велел нарубить дров, потом накосить травы.

Старик, хозяин дома, в котором стояли немцы, говорит мне: «Мальчик, я вижу, ты не из нашего села, иди домой, пока тебя не хватились»,— и я ушел.

Домой я добрался через несколько дней, но дома никого не нашел. Я догадался, что искать своих надо у родственников за 40 километров, там тоже были немцы, и бежать было некуда. Так мы оказались на оккупированной территории. И так началась для меня война. Когда нас освободили части Красной Армии, то всех ребят 1924—1926 годов рождения призвали в армию 15 марта 1943 года.

Я попал в Марийскую АССР на учебу. Вместо обуви у нас были лапти, а вместо ушанок — буденовки. Но недолго мы мерзли и голодали, после приезда в часть Ворошилова всех командиров поснимали с должностей и заменили другими. Сразу нам выдали добротное обмундирование и стали хорошо кормить.

Направили меня как тракториста в танковое училище (9-й учебный танковый полк в городе Владимире, окончил в феврале 1944 г., присвоено звание сержанта, заряжающий танка Т-34).

Быть танкистом я мечтал с детства, поэтому учился старательно, чтобы защищать свою любимую Родину.

Танки мы получали в Нижнем Тагиле (февраль, 1944 год). Наш эшелон с танками добрался до фронта за 10 суток. Прибыли в г. Шпола (2-й Украинский фронт) в 8-ю гвардейскую бригаду под командованием полковника Орлова; наша бригада была в составе 20-го гвардейского корпуса (5 марта 1944 года) под командованием генерала-лейтенанта Лазарева.

5 марта наш танк был передан гвардии генералу Лазареву (вместе с экипажем).

20-й танковый корпус вместе с бригадой пошли в бой.

Прорвали оборону (линию фронта) села Гусаково. Были ожесточенные бои. Немецкие войска несли большие потери. Освобождали населенные пункты и подошли к реке Бух (в марте 1944) освобождали город Винницу.

Наш танк был передан 8-й гвардейской бригаде под командованием полковника Орлова. Бригаду укомплектовали новыми танками Т-34.

Наши танки вместе с войсками пошли на штурм города Умань и освободили город. Немецкие войска понесли большие потери. Много было взято фашистов в плен, техники. После ожесточенных боев освободили село Хрестиновку.

Форсировали реку Песчаную и освободили село Песчаное. Наш танк был подбит. Погиб командир танка, механик Джугашвили, радист был тяжело ранен в голову, я был контужен (март 1944 г.),но в госпитале я не лежал, а лечился при части.

Наша бригада вела бои, освобождая г. Кадоми, село Слабодзе, Слободку, населенный пункт Колбасная, г. Котовск и станцию Раздельная. Полностью за два месяца (март, апрель 1944 г.) освободили от немецких захватчиков Украину и часть Молдавии (2-й Украинский фронт). Наша бригада и корпус вышли на формирование (станция Апнярка), три танка не дошли до назначенного пункта формирования, в том числе и наш танк с экипажем, вышли из строя из-за повреждения (для ремонта). Командир генерал-лейтенант Лазарев, радист, механик Юлин и я — заряжающий. Наши танки отремонтировали и передали (3-му Украинскому фронту) — 7-му танковому корпусу, 240-му полку (июль 1944 г.) под командованием полковника Зыкина. Стояли на формировании, 19 августа 1944 г. прибыли в Могилев; 20 августа на огневую позицию под командованием 7-го танкового корпуса. Мы собирались совершить прорыв, прорвали оборону с ожесточенными боями, фашисты понесли большие потери и мы оказались в тылу врага, дошли до реки Прут, полностью окружили войска 22-й дивизии немцев.

25 августа 1944 г. немцы пошли штурмом, хотели прорвать нашу кольцевую оборону. Артиллерию немецкую мы уничто-

жили, но пошли в атаку немецкие танки и открыли шквальный огонь по нашим танкам. Наш танк был подбит. Были раненые; я обгорел. Юлин, механик, сгорел. Меня отправили в госпиталь города Тирасполь (август 1944 г.).

В октябре меня и еще около 1000 человек выписали из госпиталя и направили в город Измаил, затем посадили на пароход «Кись», и мы поплыли по реке Дунай. Пока мы плыли, диверсанты подожгли пароход. Многие погибли, а я добрался до берега.

Кто остался в живых, пересадили на баржу и так довезли до Белграда (27 октября 1944 г.).

Я попал в 73-ю стрелковую дивизию, 153-й артиллерийский полк, наводчиком 76-миллиметровой пушки.

Прошли маршем по Белграду, нас приветствовали маршал Советского Союза Толбухин и главнокомандующий Югославии Броз Тито (28 октября 1944 г.).

Сразу пошли в бой, с боями дошли до реки Дунай. 7 ноября 1944 года форсировали реку Дунай и на плацдарме наша батарея погибла, остались в живых я и ездовой. Я не успел сесть на баржу с ранеными. По барже немцы открыли шквальный огонь и баржа затонула. На плацдарме мы пробыли сутки. Оставшихся в живых переправили на другой берег в медсанбат.

10 ноября нас погрузили на 28 подвозок и отправили в госпиталь в город Самбатей. На наш обоз налетели 9 самолетов и стали бомбить. Я скатился с повозки и оказался в кювете, бомба попала в повозку. Наш обоз почти полностью был уничтожен. Местные жители (югославы) подобрали еще нескольких раненых и на следующий день мы продолжили путь в госпиталь города Самбатей.

Выписался из госпиталя в декабре 1944 года, вместе с еще 150 военнослужащими.

2 января 1945 года мы прибыли в город Копошва и были назначены в запас. Из запаса, нас танкистов, передали 249 танковому полку.

15 января 1945 года немцы прорвали оборону у озера Балатон. Мы вступили в бой, освободили населенные пункты: Копошвапи, Местечне, Надбаев, Шафок. В городе Шафок меня ранило в руку. Я лечился в медсанбате при части. Наш полк занял оборону у озера Балатон.

В апреле 1945 года немцы бросили на прорыв большие силы, 150 танков («тигры»). Ни один танк не прошел, все были уничтожены. Наши войска стояли насмерть, и противник не прошел.

Наши войска пошли в наступление. Наш 249-й танковый полк был передан 52-му танковому полку. Я воевал на танке Т-34, был наводчиком.

Пробивались с ожесточенными боями и подошли к городу Грац (Австрия) в 2 часа ночи 9 мая 1945 года.

Наш танк налетел на мину, но экипаж остался жив.

9 мая был освобожден город Грац.

В 9.00 9 мая 1945 года война закончилась.

После окончания войны (12 мая 1945 г.) наш полк передали 79-му танковому полку. Прибыли в Румынию, и нас передали 101-му танковому полку под командованием полковника Горфункина. Наш полк был переброшен в Бухарест. В начале февраля 1947 года наш полк передислоцировали в город Александрию.

28 февраля 1947 года пришел приказ Верховного Совета о демобилизации военных 1923—1924 года рождения, и я был демобилизован.

Был награжден:

орденом Отечественной войны I степени;

«За боевые заслуги» — озеро Балатон;

«За победу над Германией»

и другими наградами.

Кроме меня защищали родину 3 брата:

1. Новиков Николай Семенович 1918 года рождения. Призван в армию в мае 1940 года. Звание старшего сержанта, имел несколько тяжелых ранений, награжден медалями и орденами.

2. Новиков Павел Семенович 1921 года рождения. Призван в армию в мае 1940 года. Звание старшего сержанта, имел несколько тяжелых ранений, награжден медалями и орденами.

3. Новиков Владимир Семенович 1926 года рождения. Призван в армию в 1943 году. В апреле 1943 года защищал Москву, был зенитчиком в звании ефрейтора, награжден медалями.

После демобилизации приехал на родину, в хутор Буланец, работал в колхозе с 1947 по 1948 год.

В марте 1948 года устроился на завод КМЗ, работал в литейном цехе обрубщиком, а потом мастером. По состоянию здоровья был переведен в деревообрабатывающий цех мастером.

По состоянию здоровья в ноябре 1977 года дали инвалидность. Инвалид войны II группы.

Май 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Коренюк Марина Михайловна**, член Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Московской области.

Пахоменко Александр Михайлович

В АТАКЕ ЗАМЕНИЛИ КОМАНДИРА ВЗВОДА

Родился 20 декабря 1922 года в селе Вторая Михайловка, Куйбышевского района Новосибирской области.

В 1940 году окончил 9 классов, затем школу комбайнеров.

Война меня застала здесь, на ремонте комбайнов при МТС. На второй день войны я написал заявление о добровольном уходе на фронт. Но райвоенкомат отказал мне в этом, сославшись на уборку урожая. После этого я отправил заявление в Наркомат обороны, и меня призвали, отправив в учебный батальон. Там я проучился три месяца. Мне присвоили звание сержанта и в составе лыжного батальона отправили на фронт помощником командира взвода. Это было в январе 1942 года. Я прибыл на фронт в составе 17-й дивизии 43-й армии. Нам была поставлена задача атаковать немецкую передовую. И в этой атаке командир взвода погиб, и я возглавил взвод. В результате атаки мы выбили немцев с обороны и продвинулись вперед. Часть немцев бежали, а оставшихся и оказавших сопротивление добили в траншеях. За этот бой я был награжден медалью «За отвагу». Затем наш батальон пополнился туркменами, с которыми мы пошли в атаку под покровом ночи и снова выбили немцев из занимаемых рубежей. Я в этом бою был легко ранен в голову и руку. Лежал в госпитале в городе Коломна в пятой школе. Когда выздоровел,

был отправлен на формировку Западного фронта на ст. Кратыва, затем на фронт помощником командира взвода полковой разведки 17-й дивизии 43-й армии. Ходили в разведку для выявления огневых точек противника, вызывали огонь на себя. Один раз взяли пленного немца, он оказался унтер-офицером и дал нам ценные сведения. Затем нам было дано задание провести разведку боем. Отправилось на выполнения этого задания человек 40, со взвода полковой разведки, с роты дивизионной разведки, с армейской разведки. Ночью подобрались к немецкой передовой и открыли огонь. В этом бою я уничтожил немецкий пулеметный расчет. Была ночь, и я оказался в 5 метрах от этого расчета, оставалось только бросить гранату. И я это сделал. В ходе этого боя меня тяжело ранило, и я три месяца находился на лечении в городе Коломна. В августе 1942 года инвалидом второй группы меня выписали из госпиталя.

Затем я работал на разных работах, заочно окончил планово-экономический техникум и работал плановиком. Имею троих детей. Старший — техник, средний — инженер, младший — подполковник. Немного увлекаюсь поэзией. До 1990 года проживал в Молдавии. После — в г. Краснознаменске.

Брат — Пахоменко Степан — капитан погиб на фронте при Яссо-Кишеневской операции. Двоюродный брат Иван погиб при форсировании Днепра. Дядя Семен проходил службу на Дальнем Востоке. Двоюродные братья Гриша, Миша, Петя были на фронте и вернулись инвалидами. Мое пребывание на фронте было в 17-й дивизии 43-й армии 1312-м полку.

Был награжден медалью «За отвагу». Вторую медаль «За отвагу» я получил через 15 лет после победы.

Атака

От одного бойца к другому
Переползает санитар
И под огнем бинтует рану
Чтоб вновь боеспособным стал.

Вот он взвалил на плечи ношу,
Ползет с солдатом по снегу.
Терпи, родимый, я не брошу,
Сейчас тебе я помогу.

Остервенело, рвутся мины,
Земля горит, мешая звон,
Единой целью одержимы,
Идет в атаку батальон.

Дрались упорно и жестоко,
Спаялось все в один металл,
Отвага с мужеством высоким,
И немец дрогнул, побежал.

«Ура» кричали во всю глотку,
Косили фрицев кто как мог,
За нашу сильную сторонку,
За горечь пройденных дорог,
За наши села, города,
За все припомнили тогда.

В вечерних сумерках бой стих,
Выполнил задачу батальон,
За этот бой в числе других
Я был медалью награжден.

Закат

Красив закат на Колыме,
Как бы одевшись в наряд,
Переливаясь в синей мгле,
Рубином сопки все горят.

В подножье стелится туман,
И речки горные журчат.
Оленей быстрый караван
На свой постой к дымку спешат.

Лишь сойка где-то прокричит,
Да дятел робко простучит.
Сосна от ветра проскрипит —
Стихает все, лишь зверь не спит.

И тишина стоит вокруг,
Как будто вымерло все вдруг,
Исчез в ночной тиши закат —
Лишь звон в ушах да боль до пят.

Помни

Остановись и поклонись, прохожий, обелиску.
Он воздвигнут брату, сыну, иль отцу.
В нем отвага со скорбью материнской
Уподоблены венцу.

Постой, не говори красивых ярких слов.
Тихой поступью с головою непокрытой
Подойди и возьми живых цветов.

Он ради нашей жизни утонул в болотах.
Шел в бой в ненастье и в пургу.
Недосыпал, недоедал, был поглощен одной заботой,
Чтоб отплатить сполна коварному врагу.

Шел в бой непроторенною дорогой,
А через шквал огня и огненный металл, и едкий дым.
Придя в Берлин, и в знак Победы,
Знамя на рейхстаге водрузил.
Если ветеран с седою бородою
И с боевыми орденами на груди
Где-то повстречается с тобою,
Его ты тоже без внимания не пройди.

Победа

С тех пор прошло уж 60.
Мы помним Курск и Сталинград.
Солдаты пали в том бою
За нашу землю Русскую.

В нашей памяти живут
Их юность и их ратный труд,
Их подвиг в честь живых.
Потомки, помните о них.

В 41-м с автоматом
К нам пришли фашисты в хату.
Угощали супостата
Штыком, пулею, гранатой.

Разгорелася война.
Четыре года шла она.
Фашист Европу покорил,
Но на Союз не стало сил.

Не сбылась мечта фашистов
В Москве в театре пировать.
Под столицею Москвой
Им был дан жестокий бой.

Покатилися фашисты без оглядки впопыхах.
За Москву и за застолье в театре
Не сбылась мечта никак.
Им бы ноги унести, да в свой вермахт прийти.

На защиту стали дружно
Мирной Родины своей.
Крематории и печи
Не смогли сломать людей.

С боями шли наши солдаты,
Разгромив фашистов в прах,
В знак победа на рейхстаге
Водрузив Советский флаг.

Прошло с тех пор уж 60,
А раны до сих пор болят.
Не излечилися они.
Мы помним ужасы войны.

Январь 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Климентьев Константин Евгеньевич**, руководитель местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», г. Краснознаменск..

Пронин Николай Михайлович

ПЯТЬ СУТОК МЫ СИДЕЛИ В ПОДВАЛЕ

Родился 16 февраля 1926 года. Деревня Сенино, Лопасненский район, Московская область. Русский, православный, в партии не состоял.

В 1937 году окончил 5 классов, затем учился в промтехшколе имени Сталина, которая находилась на улице Беговой.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, проживая в деревне Сенино, Лопасненского района Московской области. Придя домой, я заметил, что все мои родственники суетятся, я сначала не понял, что случилось. Я спросил у матери что происходит, и она объяснила мне, что случилось великое горе — Германия объявила войну России, то есть началась война. Мать мне объяснила, что утром по радио дали объявление об этом страшном известии, которое потрясло не только меня и мою семью, но и всех жителей России. В начальный период войны людей призывали бороться при помощи радио и написанной песни, которая не могла оставить никого равнодушным, под названием «Священная война». В начальный период войны было страшное смятение, люди не понимали ничего и не знали, что делать, — была паника.

На войну ушел по призыву. В начале марта мне принесли повестку — это событие стало страшным ударом для всей моей

семьи. Мать моя долгое время не могла смириться с тем, что я уезжаю на войну. Было много слез моих родных, когда я уезжал, правда, и я тоже не смог сдержать слез. Формировка моя состоялась 14 марта 1943 года под Полоцком. Во время формировки я познакомился со многими людьми. Мы, правда, особо не говорили, потому что атмосфера была тревожная, ведь мы знали, что на нашу родную землю почти ежеминутно покушается неприятель. Меня определили в 53-й запасной стрелковый полк, телефонистом. Моя работа состояла в том, что я должен был передавать начальникам очень важную информацию, но так как я был еще маленьким в то время, сам я информацию не расшифровывал, я только помогал связь размещать и передавал информацию начальнику.

Боевой путь проходил через: Литву, Латвию и Польшу. Атмосфера в городах была какая-то непонятная. Некоторые люди хотели, чтобы их освободили от фашистского нашествия, а некоторые нет. Как-то я проходил по городу Латвии, наблюдал за происходящим, и в меня начали стрелять, но я не растерялся и за угол быстренько спрятался и ждал, пока стрелять перестанут. Могли даже с крыши камень на голову скинуть, вот такая была тревожная атмосфера в городах.

Освобождал. Так как я был телефонистом, города не освобождал, да и кого там освобождать: там не города, там хуторское население в этих районах.

Военные боевые действия закончил в Клайпеде, город Латвии. Ощущения были непередаваемые. Везде была радость. Радовались не только военные, но и все жители города. Всюду стреляли в знак приветствия российским солдатам, пелись песни, все плясали — такая большая радость была у всех. Но радость была в течение нескольких дней, а после все скорбили, но надежда никогда не умирала, все надеялись на то, что их сыновья, мужья, братья вернутся.

Ранения.

25.01.1945 г. — осколочное, сквозное ранение в область живота, слева. Лечился в Двинском госпитале. Сначала я долгое время лежал, так как плохо себя чувствовал. В госпитале я знакомств новых не заводил, потому что я думал прежде всего не о себе, а о тех, кто воевал в это время за меня и за мою семью, о

своих друзьях, о настроении в роте, ведь если нет настроения, то и борьбы не будет. После выздоровления попал в свою роту, так как пополнения не было.

Награжден:

Медаль «За отвагу». Вручена в марте 1945 (медаль украдена);

Медаль «За победу над Германией». Вручена 3 февраля 1946;

Медаль «30 лет Советской армии и флота». Вручена 5 ноября 1949 года;

Медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне». Вручена 11 апреля 1966 года;

Медаль «50 лет Вооруженным Силам СССР». Вручена 5 марта 1969 года;

Медаль «30 лет победы в Великой Отечественной войне». Вручена 25 апреля 1975 года;

Медаль «60 Вооруженным Силам СССР». Вручена 5 ноября 1978 года;

Медаль «40 лет победы в Великой Отечественной войне». Вручена 3 мая 1985 года;

Медаль «70 лет Вооруженным Силам СССР». Вручена 23 февраля 1988 года;

Медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне». Вручена 22 марта 1995 года;

Медаль Жукова. Вручена 19 февраля 1996 года;

Орден Отечественной войны I степени №1273597. Вручен 11 марта 1985 года.

В войне погибли родственники.

Но радость победы была омрачена, ведь в этой войне погибли мои родственники. Осенью 1943 года погиб отец, Михаил Иванович Пронин, — на передовой под бомбежку попали.

Остались живы родственники: братья Леша (1923 года рождения) и Петя (1920 года рождения).

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет. Писать мне было некогда. Даже если бы я захотел писать о себе что-нибудь, то я этого не умею делать.

Других публикаций обо мне не было, да я, в принципе, и не хотел, чтобы они были, то есть не способствовал этому.

Воспоминания о фронтовых боевых буднях

Было мне 15 лет. Узнал я, что война началась, по радио, как и все, но сразу защищать Родину не пошел, потому что возраст мой еще не подошел тогда, мне было только 15 лет. Призвали меня только спустя 2 года, так как людей в армии было мало, и требовалась новая сила. Собрал я свои вещи и отправился на формировку, которая состоялась под Полоцком 14 марта 1943 года. Меня определили в 53-й запасной стрелковый полк телефонистом. Первый мой командир, капитан Шейкин, был замечательным человеком. Он мне всегда помогал, и я очень ценил его.

Сражались мы как-то под Шауляем, осенью 1943 года, погода была скверная, дождь шел. Было нас целый батальон, более 300 человек. Местечко было маленькое. Мы все держались вместе, чтобы, если на нас начнут нападать, отразить набег неприятеля. Поскольку нас было мало, по сравнению с неприятелем, который во много раз превосходил наше войско, немцы загнали нас в какой-то подвал. Подвал был маленький, а нас довольно много, поэтому нам в этом подвале было тесно, сидели, словно селедки в банке. Слава богу, у нас была рация, по ней мы и вызвали помощь. Сидели мы очень тихо, старались даже не шевелиться, чтобы стрелять не начали, хотелось ведь жизнь сохранить. А некоторые офицеры, наоборот, чтобы живыми не передаться в руки неприятеля, сами на себя пистолеты наводили. В наше время в плен не сдавались, а если попадали в плен, то только случайно, когда идешь в разведку, можешь заблудиться. Немцы стояли над нами и караулили, как бы кто не сбежал. Я хотел было посмотреть как там немцы-то, но тут меня один мужчина, лет пятидесяти, статный был, красивый, остановил, и говорит: «Ты, сыночек, подожди, я уже пожил». Только выглянул мужчина, его сразу же убили, мне так жалко его было. Мне сразу страшно стало, ведь я подумал, что и я мог оказаться на его месте. В окружении мы сидели пять суток, было очень голодно, спать было негде, поэтому мы с нетерпением ждали помощи. Через пять суток нам на помощь пришли танки модели

Т-34. Сидя в подвале, мы слышали крики, стрельбу, движение танков — это было ужасно, и как-то не по себе было знать, что люди из-за тебя рискуют жизнью. После долгой и упорной борьбы мы наконец-то вышли из окружения, осталось нас очень мало, но хорошо хоть столько.

Наступали на нас как-то немцы, а мы с друзьями как раз в это время линию связи сматывали, после удачной связи со штабом. На елке снайпер сидел, кукушкой мы таких называли, а мы сразу и не заметили его, и как начал он по нам стрелять. Катушка у нас была большая с линией связи, и меня зажало между катушкой и воронкой, как я ни старался выбраться, у меня не получилось, ну и залег я там, в воронку, чтобы меня не задело. Лежал я полтора часа, не поднимаясь, а если пошевелишься чуть-чуть, то снайпер сразу стрелять начинал. Снайпер этот всю связную катушку побил, хотел, наверное, рикошетом меня убить. Вдруг подвернулся такой момент, что с другой стороны начали лошадей с пушкой переводить, ну я в это время в другую воронку перескочил, так и не заметил меня снайпер.

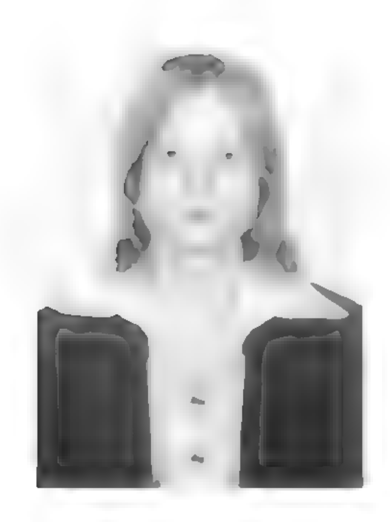
Как сейчас помню, погода была снежная мы в наступление пошли 25 января 1945 года у Балтийского моря. На нас напал артналет, многие мои товарищи погибли в этом бою, я тоже так просто не отделался, меня ранило в этом бою. Ранило меня в живот, идти не могу, поэтому я под танком четыре часа лежал, пока меня медсестра не нашла. Медсестру Любашкой звали, здоровая была женщина. Она меня сразу взяла, потащила к только что подошедшему провожатому с шестью собаками и положила меня на носилки. Провожатый повез меня в ближайший госпиталь, полежал я там немного, а после меня перевезли в Двинский госпиталь. В госпитале я не мог долго лежать, хотелось в свою роту попасть, поэтому я, как только поправился, убежал из госпиталя обратно к своим.

Заставили нас осенью 1944 года в Литве линию связи сматывать, было нас шесть человек. Видим, самолет летит, а сразу не поймешь, наш он или не наш, летит-то низко. Он нас увидел и давай по нас стрелять с пулемета, лошадей наших убил, а потом видит, что мы еще бегаем, и на нас второй заход сделал. Мы в поле были, а осень была, овес уже высокий был, примерно по пояс высотой, мы с ребятами в овес легли и не шевелимся, что-

бы пилот нас не заметил, самолет еще несколько заходов сделал и улетел. Нас, слава богу, самолет не задел, и все мы живы остались, только лошадей наших убило. Мы до ближайшего хутора дошли, там у хозяина лошадей и отобрали, хозяин даже не сопротивлялся, потому что знал, что так надо было для армии.

Свободного времени у нас практически не было. Ночью, когда было потише, мы сами землянки копали. А делалось это так: рылись канавы и накрывались они брезентом, а сверху землей присыпались. В одной землянке помещалось человек десять — пятнадцать, как кильки жили, чтоб теплее было. С солдатами у меня были очень хорошие отношения, мы были как одно целое. Мы дорожили друг другом и готовы были жизнь отдать, если друг попросит. Мылись тоже без всякой роскоши: наливали в бочку воды холодной, брезентом вокруг обтягивали, и барахтались там, в то время даже такая баня нам за радость была. Кормили нас тоже не очень шикарно, скажем даже бедновато, иногда даже совсем не кормили, тогда солдаты даже свеклу мороженую ели, после чего умирали от заворота кишок. Если старшина корову где утащит, разные же старшины бывают, тогда мы пировали. Можно так сказать, даже конину мертвую ели, если время было свободное, ведь конина это тоже мясо, а когда есть нечего, почему бы и нет. Когда суп варили, за радость было там хотя бы крупинку увидеть. Говорят, некоторые даже песни пели, а у нас такого не было. Мы были всегда на виду у неприятеля, чуть какой звук, так по нам сразу стрелять начинали.

Март 2005 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Сураева Юлия Эдуардовна**, ученица средней школы №1 10-го «А» класса г. Чехова.

Романюк Иван Дмитриевич

НАС ВСТРЕЧАЛ ВЕСЬ ГОРОД

Родился 6 октября 1921 года на Украине в селе Коськов, Шепетовского района Хмельницкой области в простой потомственной крестьянской семье.

После окончания средней школы в 1939 году поступил в 1-е Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище, которое закончил 6 июня 1941 года. После окончания военного училища приказом народного комиссара обороны присвоено воинское звание лейтенант, и я направлен для прохождения службы в 706-й артиллерийский полк 177-й стрелковой дивизии (Ленинградский военный округ). Постоянное место дислокации 706-го артполка с. Аракчеевка Новгородской области. Место дислокации штаба 177-й стрелковой дивизии г. Боровичи Новгородской области. 706-й артполк в это время находился на Лужском артиллерийском полигоне около населенного пункта Подлипки. Я прибыл в полк 9 июня 1941 года. Приказом командира полка назначен командиром взвода, старшим офицером 2-й гаубичной батареи калибра 122 мм.

Из выступления В.М. Молотова по радио в 12 часов 22 июня я узнал, что фашистская Германия напала на СССР. Он призвал народ подняться на священную Отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков.

706-й артполк, в котором я начал свою офицерскую службу, после доукомплектования имуществом и оружием до штата военного времени, в первых числах июля 1941 года занял огневые позиции южнее г. Луга (8 км, вблизи д. Раково). Стрелковые полки 177-й стрелковой дивизии к 5 июля 1941 года заняли оборону южнее г. Луги на создаваемой Лужской укрепленной позиции с предпольем глубиной 10—15 км, имея передний край по реке Плюса (Северо-Западный фронт).

В связи с явной угрозой прорыва противника в направлении г. Луга, командиром 177сд создан передовой подвижный отряд дивизий. Он 4 июля 1941 года выдвигается в район г. Пскова с задачей вести разведку противника по маршруту Псков — Плюсса — Луга, активными действиями сдерживать продвижение его передовых подразделений в направлении г. Луга и выиграть время для завершения строительства укреплений на занимаемой пехотой позиции.

Для поддержки действий передового отряда артиллерийским огнем ему передавался мой взвод 122-мм гаубиц.

К утру 5 июля отряд выдвинут в г. Псков в район моста через реку Великая. У коменданта охраняемого места, офицера-сапера мы узнали, что противник в районе моста не появлялся. Саперы продолжали минировать мост. Наш отряд занял оборону по северному берегу реки. Я развернул свои гаубицы на пустыре, по обе стороны моста. Отсюда хорошо просматривался противоположный берег реки, а металлические конструкции моста не мешали вести огонь. На следующий день в районе моста начали появляться подразделения, отходящие из г. Острова, занятого противником 5 июля. Вскоре поток наших отходящих подразделений увеличился. Они тоже начали организованно занимать оборону по северному берегу реки.

На следующий день, на противоположном берегу реки появилось несколько машин с пехотой и три танка с крестами противника. Подпустив немцев ближе к реке, я подал команду на открытие огня. Огнем взвода подбит один танк и уничтожена одна машина с пехотой. Остальные машины и два танка развернулись и скрылись.

Число отходящих со стороны Острова наших подразделений все увеличивалось. Они начали занимать оборону по северному берегу реки. Скопление наших красноармейцев увеличи-

валось. Стало тесно. Командир нашего отряда принял решение отойти на следующий рубеж в сторону Луги.

9 июля противник занял Псков и рвался к Луге. Отряд получил команду переместится на следующий рубеж. Особенно ожесточенные бои велись с противником нашими передовыми отрядами при поддержке артиллерии 11—14 июля. Противник рвался к Луге. 13 июля вклинился в нашу оборону. Бои велись круглосуточно. Некоторые населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. К утру 14 июля наши передовые отряды при поддержке огнем артиллерии выбили противника из предполья и восстановили позицию по р. Плюса. В этом бою огнем моего взвода подбит один танк противника.

10 августа в районе Новой и Старой Середки противник предпринял психическую атаку. Пьяные эсэсовцы с засученными рукавами, с расстегнутыми воротниками, с развернутыми знаменами, на которых развевалась фашистская свастика, атаковали наши позиции. Интенсивным артогнем противник был уничтожен, а некоторая часть уцелевших фашистов решила спрятаться в противотанковом рву, но он был заминирован нашими саперами. В этом рву вместо спасения эсэсовцы нашли себе могилу. Атака врага захлебнулась.

В этом бою огнем нашей гаубичной батареи подбито три танка, а пехоту врага мы уничтожили картечью.

Полтора месяца наша 177сд вела изнурительные бои на дальних подступах к Ленинграду, удерживая Лужский рубеж обороны, находясь в окружении.

После участия в оборонительной операции на дальних подступах к Ленинграду в июле-августе 1941 года под Лугой и выйдя из окружения в составе 177сд (Северо-Западный фронт), я участвовал в обороне блокированного немецкими фашистами Ленинграда с сентября 1941 года по 27 января 1943 года в составе 70сд, которая затем была переименована в 45-ю гвардейскую стрелковую дивизию (Ленинградский фронт).

В октябре 1941 года в составе 10-й отдельной стрелковой бригады участвовал в форсировании р. Невы в районе Невской Дубровки. Оборона Невского пятачка до 23 ноября 1941 года в составе 330сп 86сд, 502сп 177сд (Ленинградский фронт). 23 ноября 1943 был тяжело ранен. Находился на излечении в эвако-

госпитале №1012 (г. Ленинград, ул. Менделеева, дом. 2) и в 9-м батальоне выздоравливающих (г. Ленинград).

После излечения проходил службу в 227-м артполку (переименованном в 96-й гвардейский артполк 70сд, которая была переименована в 45-ю гвардейскую сд, Ленинградский фронт).

В дальнейшем до окончания войны проходил службу в 96-м гвардейском артполку 45-й гвардейской сд, входившей в состав 30-го гвардейского корпуса (Ленинградский, 2-й и 1-й Прибалтийский фронты).

В дальнейшем участвовал в операциях:

12—18 января 1943 г. — прорыв блокады Ленинграда «Искра»;

10—23 февраля 1943 г. — Красноборская операция (наступательная);

15—18 сентября 1943 г. — Синявинская наступательная операция;

14—27 января 1944 г. — окончательно снятие блокады Ленинграда;

10.06—11.07.1944 г. — наступательная операция на Карельском перешейке (Выборгская операция);

26.06.1944 г. — Нарвская операция;

20—26 сентября 1944 г. — Освобождение Советской Эстонии; освобождение Риги;

октябрь 1944 г. — Либавская операция;

февраль — май 1045 г. — разгром Курляндской группировки;

8 мая 1945 г. — пленение немцев в Прибалтике и Курляндии;

8 июля 1945 г. — ленинградцы торжественно встречают части и соединения 30-го гвардейского стрелкового корпуса, возвратившихся после победоносного завершения войны.

Награды:

Ордена:

Красной Звезды (№ 57602) — приказ командира 45 гв сд №05/н 24.01.1943 за участие в прорыве блокады Ленинграда.

Отечественной войны II степени (№ 13557) — приказ командира 30 гв ск № 0438/н от 27.07.43 г.

Отечественной войны I степени (№ 61135) — приказ командира 21 А № 034/н от 19.06.44 г.

Красного Знамени (№ 163837) — приказ командующего № 479 от 08.06.45 г.

Красной Звезды (№ 3523660) — указ от 30.12.56 г.

Ленина (№ 322798) — указ от 22.02.68 г.

«За службу Родине в ВС СССР» III степени (№ 9742) — указ от 30.04.1975 г.

Отечественной войны I степени (№ 453042) — указ от 11.03.1985 г.

Медали: 20 шт., в том числе:

«За оборону Ленинграда», указ от 22.12.1043 г., удостоверение № Д121172;

«За боевые заслуги»;

«За Победу над Германией».

Благодарности от Верховного Главнокомандующего:

— за прорыв блокады Ленинграда

— за окончательное снятие блокады Ленинграда

— за освобождение Эстонии

— за освобождение Выборга

— за освобождение Риги

Ранения:

23.11.41 г. — на Невском пятачке тяжелое ранение голень левой ноги, находился на излечении в эг-1012 в Ленинграде и 9-м батальоне выздоравливающих в Ленинграде.

24.11.42 г. — под Невской Дубр. легко ранен в левую ногу.

17.02.43 г. — под Красным Бором легко ранен в живот и правую руку. Находился на излечении эг-260 в Ленинграде.

30.07.43 г. — под Синявино сквозное непроникающее ранение в поясничной области находился на излечении в эк-260 в Ленинграде.

15.09.43 г. — под Синявино легко ранен в левую руку, находился на излечении в ПМП и 112 МСБ.

В период ВОВ связь с родственниками не поддерживалась. Мать находилась на оккупированной территории по месту постоянного жительства на Украине, а сестра была угнана в Германию и возвратилась домой после окончания войны. Со своей семьей встретился в январе 1946 г., когда был предоставлен отпуск.

В ноябре 1942 года в полк прибыли 4 девчонки-радистки, среди них была 18-летняя Маша Ерошенкова, через некоторое время она мне приглянулась. Мы с ней завели дружбу, которая переросла в любовь. Через год мы с ней стали официально мужем и женой. 8 декабря 1943 г. зарегистрировали наш брак. Прожили мы вместе с моей Машей более 60 лет. Вырастили трех дочерей и четырех внуков. Дождались рождения двух сорванцов правнуков. Жизнь свою мы прожили в любви и согласии. 24 февраля 2004 г. планировали отметить 80-летний юбилей. Но, не дожив 13 дней до юбилея, моя Маша, ничем серьезно не болея, скоропостижно скончалась. Пришлось вместо юбилея отмечать поминки.

Война для меня закончилась в районе населенного пункта Кроте в Латвии. 8 мая принимали пленных, которые ротными и батальонными колоннами с песнями, хорошо выбритые шли сдаваться в плен. Война всем надоела. Затем все три дивизии (45, 63-я и 64-я) входившие в состав 30-го гвардейского Ленинградского стрелкового корпуса, готовились к возвращению из войны в родной Ленинград.

Все полки 45-й гвардейской, 63-й гвардейской, 64-й гвардейской дивизий получили наименование Ленинградские, а дивизии стали Красносельскими. Наша 45-я гвардейская Красносельская сд и ее полки совершала 1000-км марш по маршруту Рига — Псков — Красное Село — Ленинград. По пути следования военнослужащие помогали восстанавливать разрушенные дома вдовам, старикам, оставшимся после тяжелейшей войны без кормильцев.

Все дивизии к 8 июля были сосредоточены в ближайших южных пригородах Ленинграда. В готовности 8 июля пройти по установленным для каждой дивизии отдельным маршрутам через весь город с южной окраины и сосредоточится в северной части пригорода Ленинграда. На трех маршрутах построены арки Победы с символическими ключами от города. 8 июля выдался яркий солнечный день. За Нарвской заставой у воздвигнутой рабочими Кировского завода триумфальной арки в честь воинов-победителей собрались тысячи людей. Еще больше народа было на проспекте Стачек от Автово до площади перед Кировским райсоветом. Пройдя под триумфальной аркой, ко-

мандир 45 гв сд генерал-майор Трусов отдал рапорт секретарю горкома партии Кузнецову. Мать-героиня А.П. Чеснокова и ветеран Кировского завода А.К. Мирошников преподнесли генералу хлеб-соль. Затем колонна прошла по мосту Шмидта — 1-я линия Васильевского острова, Большой проспект. (Петроградская сторона)

После окончания Великой Отечественной войны продолжал служить в Советской Армии на командно-штабных должностях: командир батареи, начальник штаба дивизиона, заместитель командира дивизиона, начальник полковой школы сержантов в 96-м гвардейском артполку 45гвсд.

С августа 1952 года по август 1953 года в распоряжении главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Германии на должности военного советника.

По возвращении из ГДР с августа 1953 г. по август 1956 г. — командир батареи, начальник штаба дивизиона, начальник полковой школы сержантов 96-го гвардейского артполка 45-й гвардейской СД. С 1956 г. по июнь 1960 г. — слушатель военной артиллерийской командной академии, г. Ленинград (ЛВО). После окончания академии отправлен в распоряжение Главнокомандующего ракетными войсками стратегического назначения. С мая 1960 г. по май 1963 г. командир ракетного полка. С мая 1963-го по январь 1968 г. заместитель командира ракетной дивизии (МВО). С января 1968 г. по март 1976 г. в частях центрального подчинения на командно-штабных должностях (МВО). В марте 1976 г. уволен в запас. С сентября 1976 г. по 1991 г. — помощник начальника отдела (служащий СА, центральный аппарат).

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Осокин Александр Сергеевич**, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Одинцовского района.

Сидоренко Иван Иванович

ИНОГДА НАМ ПРОСТО ВЕЗЛО

Родился 16 октября 1916 года в Украине, Запорожской области Куйбышевского района в селе Благовещенск. Украинец, православный, с 1932 г. комсомолец, с 1940 г. член КПСС.

Окончил до войны 7 классов в селе Черниговка Покровского района, Запорожской области (ныне — Днепропетровская обл.) С 1935 по 1938гг. закончил военно-пехотное училище в городе Харьков (Украина). В 1939 году окончил четырехмесячные курсы (спецкурсы) по шифровально-штабной службе в городе Тамбове, в составе 120-го стрелкового полка, 40-й стрелковой дивизии.

После войны в 1950 году окончил годичные курсы усовершенствования командиров стрелковых дивизий при Краснознаменной, ордена Ленина и ордена Суворова 1-й степени Военной академии имени М.В. Фрунзе. С 1949 по 1952 г. закончил Краснознаменную ордена Ленина и ордена Суворова 1-й степени Военную академию имени М.В. Фрунзе в Москве.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, в 8 часов утра, находясь в штабе 5-го механизированного корпуса 16-й армии в лесу под Бердичевым (Украина), где работал в должности помощника начальника шестого отделения шифровальной службы

в звании старшего лейтенанта. Начальником 6-го отделения корпуса был капитан Творогов Иван Иванович.

Начинал участвовать в боевых действиях:

В 1938 году с 1 по 11 августа происходили известные события с японцами в районе озера Хасан. Там я получил боевое крещение, будучи командиром взвода. Ходил в атаку на гору Заозерная. Было много потерь, так как воевали без авиации. Когда авиация нанесла решительные удары, японцы запросили мира. Конфликт закончился. В августе 1939 г., после окончания курсов по шифровально-штабной работе в городе Тамбов, направлен командиром 6-го отделения 51-го стрелкового корпуса 16-й армии.

Боевой путь:

В июне—сентябре 1941 г. корпус вел тяжелые бои западнее Смоленска. В связи с большими потерями корпус был расформирован, и в октябре-ноябре 1941 года я был направлен заместителем начальника 8-го отдела 29-й армии Западного (затем Калининского) фронта, где армия вела тяжелые оборонительные бои в районе города Ржев.

В феврале 1943 года назначен заместителем начальника 8-го отдела только что сформированной 1-й танковой армии, с которой прошел почти весь боевой путь. Осташков, Калинин, Елец, Курск, Обоянь — весь путь до Курской битвы. Летом 1943 г. 1-я танковая армия сыграла важную роль в знаменитой Курской битве. Дальнейший боевой путь: Ахтырка, Сумы, сражения под Белой Церковью, Казатином, Ильницами, Жмеринкой, Черновцами, Радомышлем, Львовско-Сандомирская операция. В сентябре 1944 года назначен заместителем начальника 8-го отдела 1-го Украинского фронта (маршал Советского Союза И.С. Конев) в звании майора.

Сандомирско-Силезская, Нижнее-Силезская, Верхне-Силезская, Берлинская и Пражская операции 1945 года — участие в их подготовке.

Военные боевые действия закончил в Германии под городом Дрезденом, в пригороде Радыбейль, где размещался штаб 1-го Украинского фронта, в должности заместителя начальника

8-го отдела штаба 1-го Украинского фронта, в звании подполковника. Начальником 8-го отдела штаба был полковник Шахрай.

Ранения:

Февраль 1943 г. — ранение правой руки (кисть).

Февраль 1943 г. — ранение в ногу (легкое).

Признан инвалидом Великой Отечественной войны 2-й группы.

Возвращение с войны:

По окончании войны, в конце 1945 года, управление нашего Украинского фронта было переформировано в Центральную группу войск (ЦГВ) с местом дислокации в городе Бадене (Австрия), в 25 км от австрийской столицы. Командующим ЦГВ был назначен генерал-полковник, впоследствии генерал армии Курасов Владимир Васильевич.

В отпуск меня отпустили только в конце лета 1946 года, и я поехал в Москву, там женился. Затем снова уехал в Австрию, но уже с женой.

Награжден:

Орденом Красной Звезды №214057, приказом 1-й танковой армии № 014 от 27.07.43 г.

Орденом Отечественной войны II степени №136710 приказом 1-й гвардейской танковой армии №020 от 08.05.44 г.

Орденом Отечественной войны I степени №240877 приказом 1-го Украинского фронта №0139 от 19.09.45г.

Орденом Красной Звезды №2882958.

Орденом Красного Знамени №505585.

Орденом Отечественной войны II степени №3060146.

Медалью «За боевые заслуги» №2445184 — указом ПВС СССР от 06.11.45 г. Орденская книжка № 574488.

Медали Советского Союза:

«За победу над Германией».

«За взятие Берлина».

«За освобождение Праги».

«За оборону Москвы».

Юбилейные:
«20 лет победы в Великой Отечественной войне».
«30 лет победы в Великой Отечественной войне».
«40 лет победы в Великой Отечественной войне».
«50 лет победы в Великой Отечественной войне».
«55 лет победы в Великой Отечественной войне».
«30 лет Советской армии и флоту».
«40 лет Вооруженных Сил СССР».
«50 лет Вооруженных Сил СССР».
«60 лет Вооруженных Сил СССР».
«70 лет Вооруженных Сил СССР».
«Ветеран Вооруженных Сил СССР».
«100-летия В.И. Ленина».
«100-летия Г.К. Жукова».
«120-летия И.В. Сталина».
«850-летия Москвы».
Иностранные медали:
Чехословакии:
«Дукельская памятная медаль», 1959 г.
«20-летия словакского народного восстания», 1964 г.
«За верность и дружбу в борьбе», 1970 г.
Румынии:
«За победу над фашизмом».
Польши:
«За храбрость».

В войне погибли родственники.

В 1943 г. погиб отец. Немцы, отступая, забирали с собой скот. Отец и его друг спрятали в овраге стадо коров. Из оврага были видны дома села Братского, которые подожгли немцы. Отец и его друг побежали к домам. Не добежав до своих домов, они наткнулись на немцев, которые их расстреляли.

Остались живы родственники:

Младшая сестра Евдокия (1918 года рождения) Во время войны находилась на оккупированной территории (Украина). Ее угнали в Германию. После освобождения вернулась домой.

Воспоминания о войне

1-й Украинский фронт, 16-я армия 51-й стрелковый корпус. В октябре 1941 года я был направлен помощником начальника, затем заместителем начальника 8-го отдела штаба 29-й армии Западного (затем Калининского) фронта в район города Ржев.

Моя служба и работа заключалась в обработке поступающих и отправляемых самых секретных и совершенно секретных документов по инстанциям сверху вниз и снизу вверх. Мне неоднократно приходилось докладывать обстановку маршалам Жукову и Коневу, а также другим командующим фронтами и армиями, которых мы обслуживали скрытой связью из ставки Верховного Главнокомандующего и в ставку ВГК, а также между фронтами и армиями. Маршал Жуков всегда принимал нас вне всякой очереди, кто бы у него ни находился.

Службу в армии закончил в 1972 г. в Риге в должности начальника 8-го отдела штаба Прибалтийского военного округа в звании полковника.

Был случай...

Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь

Однажды, при отступлении, в районе Смоленска две автомашины и два автобуса отстали от основной колонны по причине поломки одной из машин. У меня были важные государственные документы. Через некоторое время двинулись догонять свою колонну. Дорога была очень пыльная, надвигались сумерки. Мы пристроились к хвосту какой-то колонны. И как потом оказалось, это была немецкая колонна. Вскоре колонна остановилась минут на десять. Немцам был дан приказ не выходить из машин. Это и спасло нас. Но минуты ожидания были хуже смерти. Когда колонна двинулась, мы немного приотстали. За нами пристроился немецкий мотоцикл с двумя солдатами. Решение возникло внезапно. Как по команде, из каждой машины выскочило по человеку, и я в том числе. Немцы не успели опомниться, как мы их связали и погрузили в свою машину вместе с мотоциклом. У них с собой оказались очень важные документы. Потом мы нашли свою колонну. Самое главное, удалось

сохранить важные государственные документы, и взять в плен двух языков, тоже с важными документами. За проявленную выдержку и сообразительность, командиров машин и меня наградили орденами Красной Звезды. Награждал член Военного совета армии генерал-майор Попель.

Еще один пример...

Несем приказ о прорыве из окружения

В феврале 1942 года, в Ржево-Вяземской операции, две дивизии нашего корпуса оказались в окружении. Из штаба надо было доставить документы для связи и приказ на прорыв из окружения. Три попытки сделать это не увенчались успехом. Мне было предложено на самолете У-2 (По-2) выполнить это боевое задание. Летели мы очень низко. Но «мессершмитты» нас заметили и начали преследовать до тех пор, пока не подбили. Упали мы на небольшую заснеженную поляну в лесу. Летчик и я успели выскочить из горящего самолета, и он взорвался. Мы больше суток бродили по лесу, не зная, на какой территории мы находимся. Сильно уставшие, замерзшие, мы вдруг услышали родную русскую речь. Радости не было конца. Солдаты нас доставили в штаб. Встретил нас командир дивизии Фокин. Приказ и документы были доставлены. Летчик и я были награждены медалью «За боевые заслуги».

Курская битва летом 1943 г. — одна из знаменитых и решающих битв в Великой Отечественной войне.

Был такой случай...

Находчивость прежде всего

В район командного пункта 1-й танковой армии, находившегося в трех километрах от передовой, прорвались два немецких танка. А в нашем штабе, в полной боевой готовности, был трофейный немецкий танк со свастикой, использовавшийся в особых ситуациях. Такая ситуация наступила. Был дан приказ подбить немецкие танки. Приняв нас за своих, они подпустили нас очень близко. Один танк мы подбили, он загорелся. А другой танк успел удрать. За подбитый танк трое офице-

ров и я были награждены орденом Красной Звезды. Вручил награду заместитель 1-й гвардейской танковой армии (фамилию не помню).

Командный пункт всегда под прицелом

Командный пункт армии, как правило, располагался вблизи от передовой и часто подвергался налетам вражеской авиации. Однажды на КП нашей армии, видимо по наводке, налетели 6 «юнкерсов» и в течение 20 минут, волнами, один за другим, утюжили командный пункт. Я в то время ходил по блиндажам с документами. Приходилось ползти по горячей земле, где вокруг рвались бомбы. Один раз вынужден был заползти в одну из воронок, а там раскаленная земля и осколки. Но все-таки это было спасением. После налета, пока шел к своему блиндажу, я видел трупы своих товарищей, то отдельные головы и другие части тела.

Зима 1943/44 г. я и четыре офицера, после ночного дежурства, ушли с КП армии (в 3-х километрах от передовой) в поселок Куры для отдыха. В поселке размещался основной штаб армии. Наш отдел размещался в одном из крестьянских домов. В избе мы разместились спать так: Крылов лег на кровать, которая была одна в комнате, Смолыго расположился на печи, Смирнов — на лежанке сбоку печи, а я лег на кушетке, примыкавшей к печке. В комнате за столом сидели офицер и машинистка, они что-то печатали. Возле печи суетилась хозяйка дома. В сарае стояла корова. Мы ложились спать под грохот наших «катюш». Часа через 1,5 — 2 мы проснулись от разрывов бомб, и рева самолетов. Одна из бомб попала в наш дом. Я не сразу сообразил, в чем дело и где я. Сразу не мог подняться, но постепенно стал выбираться из под завалов обрушившихся балок. Почувствовал боль в руке. Один из пальцев болтался, сильно текла кровь из ноги, но ранение было легкое, я мог передвигаться. Слышу стон Крылова на кровати, но к нему не добраться — завален балками и крышей. Кто на печке лежал — тоже убило. Смирнову я помог выбраться. Оба, хромая, выбрались из дома, полураздетые, босиком по снегу, побежали до командного пункта, нас буквально внесли в блиндаж связистов, где оттерли снегом и оказали первую медицинскую помощь. Как потом оказалось, Крылова и

Смолыгу солдаты извлекли из под завалов мертвыми. Машинистка с машинкой была обнаружена за окном, там же голова офицера. Хозяйка была раздавлена у печи, а корова была выброшена взрывной волной метров на 15 от дома. В доме и у дома взорвались две бомбы, а третья лежала неразорвавшейся.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь сын, **Сидоренко Евгений Иванович**.

Степанов Евгений Федорович

ПАРТИЗАНСКИЙ КРАЙ

Родился 10 декабря 1929 года в Великолукской области, Красногородский район, деревня Столбово. Национальность: русский. Православный.

Учился в Покровской школе. От дома до школы надо было идти три километра. И зимой, и летом, и осенью, и весной. Снег по пояс — все равно шли. До войны окончил 4 класса.

Потом началась война, три года в оккупации, ушел в партизаны. Не учился три года. Потом меня на самолете переправляли за линию фронта после тяжелого ранения.

После войны надо было и работать и учиться. Надо было заканчивать семилетку. Закончил семь классов, потом поступил в авиационный техникум.

О войне узнал в первый же день. Только к вечеру пришло к нам в деревеньку сообщение о войне. У дома стою, смотрю — идут, плачут. Думал, ну подрались, что ли. Смотрю — не то, война началась. Молодым мужчинам сразу же вручили повестки на завтра явится в сборные пункты в район.

12 лет мне было, когда началась война. В 1943 году 7 января, когда исполнилось 14 лет, пошел в партизаны. А до этого все

равно помогал партизанам, все исполнял, но нелегально. А потом, когда подперло, когда меня должны были арестовать, я пошел в партизаны и до 5 июля1944 года был там. С 5 на 6 июля 1944 года меня на самолете переправили за линию фронта.

В партизаны пошел добровольцем, кто же меня возьмет в армию, надо было иметь 18 лет. Тогда пацанов 12 пришло в партизаны, у них был старший парень. Пришла наша 10-я калининская партизанская бригада из-за линии фронта. В каждом районе Калининской области была своя бригада. Пришли свои довоенные руководители, секретари райкомов комсомола. Они с бригадой пришли в наш район, вот тогда я и пристал к ним сразу. Они в 1942 году, перед Новым годом, пришли, а я вот 7 января, пока они стояли у нашей деревни, пока еще ничего не было сожжено. И я сразу влился, стал связным, куда меня еще? Радио и телефонов не было, надо было ходить от одного отряда к другому, ходить в гарнизоны. Вот пошлют взрослых, стариков, даже с бородой, все равно немцы проверяют документы. Раз и все, смотришь, через три дня уже висит повешенный. Ну, я маленький был, и документ у меня был. Немцы привозили беженцев из прифронтовых деревень, чтобы в деревнях жить немцам. Привезут и бросают. Вот привезли к нам сюда и бросили. Вот под эту марку я тоже ходил из-под Старой Руссы. Там недалеко Старая Русса, Новгород, Ленинград, Великие Луки. Все это прифронтовое было. И мы старались, партизаны, не только для себя все узнать. У нас люди были и у немцев, в этих организациях немецких, специально посланные, оформленные, свои. Откуда мы черпали все, все сведения, даже за линию фронта передавали, в армию.

Я потом научился мины ставить, долго ли это все, обучился… и машины подрывал, и повозки, и под сапог кованый ставил. Однажды 14 машин подорвал, а их всего 27 было, в каждой машине все сгорело. Правда, в другой раз ругал меня командир, больно много толу положил, ведь дефицит. А мне хотелось, чтоб рвануло так рвануло. Там был бензин, двести литров, они же все крытые машины, кто от взрыва погибал, а кого накрывало этим, сгорали все, летели в кювет.

Командиром бригады был Вараксов Николай Михайлович. Звание подполковника ему дали позже. Сначала был просто ко-

мандир бригады, а когда ввели погоны и был вопрос, чего им давать, гражданские же все были, не военные, секретари. Решили дать подполковников всем командирам бригад.

У нас уже организовался партизанский край. Правда, он был выжжен немцами. Потому что как пойдут на нас, то каждый день карательные экспедиции. Черепа на касках у них были. Все уничтожали, все живое. И мирное население уходило к нам в леса. Тысячи людей из деревень, кто не успел уйти, расстреливали, сжигали живьем, детей в колодцы бросали.

Партизанская зона — это Красногородский район, Новгородский район, Себежский район, Идрицкий район, Несельский район.

Чтобы нас задушить, немцы снимали войска с фронта, с орудиями, с танками, с самолетами. Все шли на наш партизанский отряд. Недели две-три гоняют, мы отбиваемся. Потом затихают, на какое-то время, потом опять. А мы подрывали их эшелоны, машины, мосты взрывали. Не давали им покоя, связь нарушали.

Себежский район был наш — партизанский. Наш отряд пошел в Красногородский, свой район, а там еще партизанов не было. Ну, мы заняли тогда три деревни, прошли так километров пятьдесят. До районного центра от наших деревень было 15 — 20 километров. Одна центральная, большая деревня, две маленькие, задние. О нас сразу же доложили. Предателей полно было. Ну, немцы подумали, что это десант советский высадился, человек 20—25. Они подъехали на лошадях к нашим деревням, потом спешились. Думали, сейчас накроют деревню, уничтожат десант и все. А тут целая бригада — 470 человек. Все сидят, кто на чердаке, кто в погребе, кто где, но не на снегу. Ну, немцы цепью пошли. Командир сказал, чтобы они поближе подошли. Ну, после этого мы открыли огонь со всех сторон. Они попадали и залегли. А боеприпасы были только те, что принесли с собой, особо-то не расстреляешься. Командир дает сигнал прекратить, пусть полежат, они-то были в тонких шинелях, ботиночках и легких шапочках. А на улице минус 30 градусов. Там долго не полежишь. А мы, как поднимутся, опять по ним стреляем. И так затянулся бой на несколько часов. Так их и не пустили в деревню. Командир сообразил, что выстрелы были слышны в районе. Что там 15 километров, слышно, конечно. Рядом был второй

партизанский отряд. Наш командир и написал депешу тому командиру. А мне надо было ее отнести, а бой-то идет. Там где ползком, где бегом надо было идти. А ведь мне надо еще вернуться, чтобы сказать, что я все передал. Пришел я, доложил, что все в порядке, гляжу за поворот, а там и вправду едут десятки саней с немцами. Подпустили их. А что немцы-то?! Все в легком обмундировании. Сколько в таком виде просидишь на санях?! Ну, несколько минут, и ты уже все, замерз. Так они чего придумали, бегут, оружие на сани положили. Не побежишь ведь с пулеметом или с чем-то еще?! А сами бегут, уже замерзают, похлопывают себя. Потом как дали мы по ним, а лошади деревенские были, они как рванули, и с оружием, которое на санях лежало. Вот немцы без оружия и остались. Перебили их всех. Это вошло даже в историю партизанского движения. А потом все! До ночи дождались, немцы убрались, которые живы остались. Ночью они не ходили. Командир понял, что мы можем не выдержать. А то утром из района, опять немцы придут. Там же тысячи немцев. Собрались все командиры и решили, что надо уходить восвояси, в район Себежский. И за ночь пятидесятикилометровый марш как дали, и ушли. Немцы пришли утром на следующий день в деревню, население деревни расстреляли, сожгли деревню. А чем виноваты они были! Вроде скрывали они что? Так всегда было, всю войну!

Иногда неделями не евши ходили. Дадут там три сухарика и все. Страшное дело, когда некоторые бригады расходовали весь боезапас, а стрелять-то чем? Двумя пальцами, что ли! Шли мы прямо к фронту и уходили в наш тыл, пробивались. А нет больше выхода. Три недели нас окружают, уничтожают, сколько ни отбивайся, а израсходовали всю еду и весь боезапас. Конечно, потери большие, но воевать-то нечем. А самолеты не могут прилететь, потому что везде немцы. На самолетах привозили самое основное — боеприпасы, взрывчатку и остальное. Вот до чего доходило.

А между боями, когда все уляжется, песни пели. И гармошки были и баян. Слушали «большую землю», как мы ее называли, все-таки был приемник-то, так что всегда последние вести мы знали, что там творится на фронте. Переписывали все сведения, потом размножали, ходили в деревнях наклеивали даже в гарнизонах у немцев, как их бьют там, на фронте.

Ранения:

Разбита левая нога, прострелена стопа, пуля в легком с 1944 года и до сих пор под сердцем.

Лечились там же, в лесах. В землянках лежали, врач был у нас. Маскировали землянки хорошо, немцы проходили, не замечали. Были землянки подальше от самого лагеря, в них лежало человек по пятьдесят недвижимые, а то и больше. Все сходило, но однажды не сошло. То ли немцы с собаками унюхали, то ли еще чего. Медперсонал оставался в землянках, с ранеными. Их обнаружили, открыли, влезли, и пошло… начали разряжать пистолеты. Пришли мы, весь медперсонал и раненые лежат, всех расстреляли.

А еще я получил контузию. Мы-то землянки свои минировали. Вот выбегаю я как-то из землянки, а немцы нас минами забрасывают. Вот одна из мин попала в нашу землянку. Получился двойной удар. А у меня на тот момент вес был маленький, «бараний». Вот меня и подхватило. Ударило об дерево, выбило ногу. У меня с тех пор одна нога на 5 сантиметров короче другой.

А еще в 1943 году меня прикладом ударили. Партизаны хотели днем подойти к железной дороге, к вечеру, разведать там охрану, что где как там расположено. Чтоб там все подорвать. Нам передали, что в Киеве формируется немецкий состав. Эшелоны шли один за одним, а этот спаренный, его тянули три-четыре паровоза. Надо было его подорвать. Послали меня партизаны идти к железной дороге, разведать дорогу. Там немцы часто делали засады днем, а ночью убирались всегда. А ведь проходишь и не замечаешь их, там бурьян рос, а сами знаете, какой бурьян высокий, выше человеческого роста, камни, ямы всякие — не обойдешь. Пришлось идти. Ну я вроде рыбу ловить пришел, срезал какой-то прут, натянул нитку. Иду, а вдруг верзила немец встает. Он прикладом меня и ударил. Вроде выбить глаз хотел, чтобы я никогда не стрелял. Хотя не заподозрил, что я партизан, у меня документы-то были. Все равно врезал мне крепко. Пол-лица у меня заплыло. Действительно говорят: искорки из глаз посыпались. Не знаю, сколько я там пролежал, а когда встал, один глаз вообще заплыл, ничего не видно, и второй как-то плохо видит. Шагнул два шага и уперся в автомат. Думаю, все, надо поворачиваться кругом и уходить. Повернулся

и пошел к речке. Думаю: ну сейчас нажмут на спусковые крючки, и от пуль-то разлетишься в клочья. Они этого не сделали. Видимо не захотели себя выдавать. Я перешел мостик, речку, пришел еле живой в деревню, где партизаны ждали. Пришлось нам ждать до ночи. И эшелон этот мы подорвали.

Пасхальная экспедиция

Страшно тогда было. Это было 9 апреля 1944 года — Пасха. Немцы бросили страшные силы с фронта, чтобы нас истребить. Они думали, что скоро будут отступать, надо все зачистить. Мы бригаду заслона поставили, знали, откуда немцы будут идти, чтобы хоть не удержать, а на время остановить, чтобы мирные жители успели уйти. На рассвете пришли немцы. Думали нас голыми руками взять. Началась стрельба. Мы стрельбу услышали и сразу хватаем оружие, из землянки выскакиваем, и открывает огонь. Немцев тут же скосили. Они заметили землянки, и давай издалека стрелять. Наш дядя Ваня говорит: «Жень, бери пулемет». Я потащил пулемет. Улеглись поудобнее, а дядя Ваня говорит, чтобы я стрелял. А я боюсь — плечо выбито. Прижал покрепче, но все равно подложил под плечо свою шапку ватную, все-таки не так бить будет, и строчу по ним. Первых как рубануло, они как снопы посыпались. А они спины повернули, назад пошли, а я дальше стрелять не могу — ствол красный, может согнуться. Вот дядя Ваня пополз к болоту. Почерпнул целую шапку ледяной воды и давай ствол охлаждать, пока они опять не пойдут. Охладили. Я повернулся, диск на пулемете поменять, смотрю, а дядя Ваня уже мертвый лежит. Я только поднялся и получил ранение в легкое. Такой удар, что сразу темно. Я все таки еще взял диск и отстреливался, пока сознание не потерял. Наши недалеко от лагеря были. Бой услышали и пришли. Дорогу немцам перекрыли и не дали им выйти. Из немцев ни одного раненого не было, только убитые. Меня подобрал Тереня Александр Яковлевич, вот он меня и вынес в землянку. Когда лежал там — думали, что я умираю. Доложили, что ранен смертельно. То и дело спрашивал командир, как я! А ему отвечали — все живой. Выжил, здоровье было крепкое. Когда ходить начал — к партизанскому аэродрому пошли, и остальные раненые с нами. Самолет прилетал только когда темно, надо было ждать, мы залегли в километре от аэро-

дрома. Если бы самолет не прилетел, утром мы бы ушли в другое место, потом опять к аэродрому. Немецкая авиация дежурила. «Юнкерсы» не давали нашим самолетам взлететь. Бывало, наши самолеты в кусты на день затолкают, а вылететь смогут только через день. Но мы все же тогда улетели.

Не помню, в каком году, 1943-м или в 1944-м, поехали вместе с грузином Сулейко на лошадях в деревню. Надо было проверить запасы картошки и других продуктов. Как раз в мае месяце. Цветет все. Подъезжаем мы, деревня сожжена. Только яблони, которые не сгорели, цветут. Тут раз, и засада. Немцы сразу по лошадям стрелять начали. Видимо мы им живые нужны были. Лошадьми нас чуть не придавило. Мы через луг, там канава огромная. Мы туда, а немцы уже вот, окружают. А до леса еще идти и идти. Мы в эту канаву, ведь холодно. В канаве вода стояла, внутри деревом выложено, как труба, деревянная, мы и нырнули. А там прослойка воздуха, как в яйце. Мы друг к другу прижались, и лежим, Немцы думали, что мы утонули. Не догадались, что мы в трубе. Долго мы там были. Пока немцы не ушли. Вылезли, и в лес, к своим.

Был еще один случай — схватили меня немцы, посадили в погреб. День сижу, второй сижу. Я попросился в туалет. А в деревне туалеты на отшибе стоят. Немец вывел меня и стоит с винтовкой около двери. Я доски в стене попробовал, а гвоздики в них прогнили. И две доски открывались, я их сразу отодвинул и пролез. Когда вылез — приставил доски обратно. И сразу побежал оттуда, за туалет, по оврагам, по саду, по огородам, в лес, так и ушел от немцев.

Награды:

Медаль «Партизан Отечественной войны» 2-й степени.

Медаль Жукова.

Орден Отечественной войны II степени.

Нагрудный знак «Сын полка».

Диплом и знак лауреата Форума «Общественное признание».

Медаль «Ветеран труда».

Юбилейные медали:

«70 лет Вооруженных Сил СССР».

«50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов»

«Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

«Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

«Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».

«Двадцать пять лет победы в Великой Отечественной войне».

«50 лет Вооруженных Сил СССР».

«60 лет Вооруженных Сил СССР».

Январь 2005

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Василиу Валентина Адриановна**, студентка 2-го курса Института государствоведения, менеджмента и информатики, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Балашихинского района.

Татарников Сергей Сергеевич

ПЕРВЫЙ БОЙ

Родился 1923 году в городе Ленинграде, по национальности русский, состоял в комсомоле, потом был членом КПСС, по вероисповеданию христианин.

Окончил среднюю школу в 1941 г., в этом же году поступил в Ленинградское военно-инженерное училище им. Жданова.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г. По радио к гражданам обратился народный комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов и сообщил о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз; в это время я находился дома. Через четыре дня я получил повестку явиться в Ленинградское военно-инженерное училище им. Жданова.

Начал участвовать в боевых действиях в ноябре 1941 г. Я прибыл в Горьковскую область, Арзамасский район, на станцию Сережа. На фронт отправился в конце ноября, начинал боевые действия в звании младшего сержанта в составе 28-й отдельной стрелковой бригады 20-й армии Западного фронта, на должности командира отделения саперной роты, под командованием командира бригады полковника Гриценко.

Дорога к Победе

В конце ноября прибыли на эшелонах в Загорск, оттуда в поселок Красная Поляна Московской области, где и прошел мой первый бой (5 декабря 1941 г.). Потом Волоколамский район, станция Шаховская 24 июня 1942 г. был ранен, продолжил боевые действия в составе 40-й зенитно-артиллерийской дивизии в должности командира зенитно-пулеметного взвода, на Карельский фронте, в Северной Норвегии в городах Петсамо, Киркенес, где и встретил окончание войны.

Окончание войны

Окончание войны встретил в городе Киркенес, Северная Норвегия, в звании лейтенанта. После ранения продолжил боевые действия в других частях в составе 40-й зенитно-артиллерийской дивизии в должности командира зенитно-пулеметного взвода. Дорога домой проходила через Мурманск, Петрозаводск, Ленинград. Демобилизовался в городе Кандалакша Мурманской области 26 ноября 1946 года. Прибыл в Ленинград, где и поступил в Центральный котлотурбинный институт им. Ползунова на должность старшего техника.

Ранения:

24 июня 1942 года получил осколочное ранение нижних конечностей с переломом большой берцовой кости при разминировании узкоколейной железной дороги, был отправлен в госпиталь в городе Ишимбай, Башкирская АССР, где пробыл четыре месяца.

После госпиталя окончил Севастопольское зенитно-артиллерийское училище, стал лейтенантом. Воевал на Карельском фронте.

Награжден:

Медаль «За отвагу» № 983247», дата вручения сентябрь 1944 года. Вручал генерал-лейтенант Рейтер. Награжден за разминирование узкоколейной железной дороги.

Орден Красной Звезды № 751313, дата вручения сентябрь 1944 г. Вручал командир дивизии полковник Храмов, за отражение налета немецкой авиации на Курск в 1943 г.

Орден Красной Звезды № 1200180, дата вручения сентябрь 1944 года. Вручал командир дивизии полковник Храмов, за спасение летчика-наблюдателя при форсировании реки Свирь 1944 г.

Орден Отечественной войны I степени № 362438, дата вручения 11 марта 1985 г. Вручал начальник ЦНИИМАШ полковник Шиляев, и также 15 юбилейных медалей.

Погибшие родственники во время войны.

В декабре 1941 г. во время блокады г. Ленинграда, погибли отец, мать, младший брат.

Остались живы:

Старший брат, который прошел войну в звании лейтенанта на должности начальника связи танкового батальона и имеет награды: орден Красной Звезды, медаль «За взятие Кенигсберга». В 1945 г. был тяжело ранен.

Собственные публикации ветерана

Личная публикация: Т а т а р н и к о в С. С. Первый бой нашей бригады. Лобная № 48/394 30.11—7.12.2001. С. 3.

Публикации о ветеране

Материал о моей биографии публиковался в газетах: Шмелев А. «Сапер ошибается один раз», Калининградская правда №226—227 24.11.2001. С. 4.

Материал о моей биографии публиковался в книге Колдаева М. М. «40-я Печенгская Краснознаменная зенитная». Наука, М., 1984. С. 54, 109.

Первый бой нашей бригады

И вдруг в середине ноября 1941 г. одна из рот нашего батальона по тревоге была построена на плацу училища. Перед нами выступил старший батальонный комиссар. Не забуду его

трогательное обращение: «Сынки мои дорогие, Родина в опасности».

Был получен приказ, срочно отобрать курсантов и направить на формирование саперных рот в стрелковые бригады. В училище нам всем присвоили звание «сержант» и «старший сержант». Зачитали приказ, а потом началось спешное переобмундирование из курсантской формы в солдатские шинели и кирзовые сапоги. Все конспекты и наставления по инженерному делу было приказано оставить в училище. Настроение было ужасное. Вчерашние курсанты превратились в рядовых солдат и под звуки марша отправились на железнодорожную станцию. Мы тогда еще не знали, на какой участок фронта попадем.

В Горьковской области в течение нескольких дней из нас сформировали 28-ю отдельную стрелковую бригаду, затем Загорск, где уже ожидала колонна открытых грузовиков ЗИС-5, на которых нас развезли по населенным пунктам вблизи фронта. Наша отдельная саперная рота оказалась в районе Красной Поляны, где шли ожесточенные бои. Но когда мы приехали, стояло какое-то затишье, видимо, обе стороны готовились к решающей схватке.

Первым боевым заданием было дежурство в скрытых наблюдательных пунктах, где стояли подрывные дистанционные машины ПМД-2, с помощью которых мы должны были подорвать сплошные минные поля при появлении немецких танков.

Всю ночь с 5 на 6 декабря мы, не смыкая глаз, смотрели в амбразуры, ожидая танки, но вместо этого утром раздался страшный гром, по небу в сторону немецких позиций полетели огненные стрелы — как мы потом узнали, это были знаменитые «катюши» — гвардейские минометы. Началось наступление на всем Западном фронте.

Нам пришлось разыскивать наши же мины. Их было много, а миноискателей один-два на роту, поэтому пришлось отыскивать мины щупами. Не обошлось и без первых жертв.

Вскоре поступили миноискатели, появилась уверенность в своих действиях. Громадное количество противотанковых мин было обнаружено и обезврежено.

Руководили нами опытные командиры: командир роты В.Суханов и командир взвода В. Ощенков. Они нас, молодых

курсантов, жалели и наиболее опасные работы проводили сами. Когда немцы были выбиты из Красной Поляны, один из батальонов нашей бригады обошел ее с юго-востока, наступление продолжилось по Волоколамскому шоссе. Днем мы увидели большие кирпичные здания фабрики с бойницами и амбразурами, откуда немцы вели огонь по штурмующим батальонам. Это был наш первый бой.

Был еще один случай: для того, чтобы не отстать от наступающих на Петсамо танковых подразделений, я расположил пулеметы вместе с расчетами прямо за башнями наших танков. А когда танки ворвались в город, снял пулеметы и стал прикрывать пехоту.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Елисеев Иван Александрович**, аспирант второго года обучения кафедры (прикладные задачи системного анализа) Московского института экономики, статистики и информатики (МЭСИ), член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», г. Королев.

Тестоедов Василий Федорович

ТАНК ПРОШЕЛ НАДО МНОЙ

Родился 3 марта 1925 года. Д. Новогорская Кировской обл.

Русский, православный.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в д. Новогорская.

В армию был призван 9 января 1943 года. Был отправлен в город Горький учиться на связиста в Училище связи. По окончании училища сразу был направлен на фронт.

Боевой путь проходил: первоначально воевал на Украине, потом в Румынии, Венгрии, Чехословакии.

Войну закончил в Чехословакии.

Награжден:

Орден Отечественной войны № 3044141, 1985 г.

Медаль Жукова № 0350432, 1996 г.

Медаль «За боевые заслуги», № 145642.

Медаль «За безупречную службу», 1959 г.

Медаль «Ветеран Вооруженных Сил», 1976 г.

Медаль «За военную доблесть в ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И Ленина», 1970 г.

Медаль «30 лет Советской армии и флота», 1948 г.

Медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР», 1968 г.

Медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР», 1978 г.

Медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР», 1988 г.

Медаль «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», № 25925

Медаль «За участие в Великой Отечественной войне» №235731, 1946 г.

Медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне» №1787736, 1965 г.

Медаль «40 лет победы в Великой Отечественной войне», 1985 г.

Медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне», №16386646 1995 г.

Места вручения наград и фамилии вручавших не помню.

Погибших в войне близких родственников не было.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет.

Я родился 3 марта 1925 года в деревне Новогорская Кировской области Слопотского района. В семье нас было пятеро детей: двое парней и три дочери. Мы занимались сельским хозяйством. Все было хорошо, только в 1932 году у меня погиб отец. Он работал на лесоповале, вез бревна из леса, повозка опрокинулась и придавила отца, некоторое время он болел и вскоре умер. В это время началась коллективизация; мать, сестра и брат работали в колхозе, а я оставался дома за старшего. Приглядывал за маленькими сестренками. В школу я пошел в 7 лет. Учился хорошо. В 1938 году проводил брата в армию.

О начале войны я узнал из выступления В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 года. К этому времени мне исполнилось 16 лет, я окончил 8 классов. В начале войны я работал бригадиром в колхозе, так как остались только женщины, дети, подростки и старики.

Был призван в армию 9 января 1943 года., мне тогда еще не исполнилось 18 лет. Сначала нас отправили на пересылочный пункт в город Киров. Вместе со мной был мой друг Николай. Там мы пробыли около трех дней. Очень интересна судьба мое-

го друга. Мы все очень скучали по дому. И вот Николай не выдержал и на эти три дня сбежал из армии домой, а когда вернулся, нас уже не было — нас отправили в город Горький учиться на связистов в училище связи. Впоследствии я узнал, что он попал в другую часть и погиб. Вот так распорядилась жизнь.

Училище, где я изучал радиодело, располагалось в старой школе. Отопление печное, а дров нет. И нам приходилось ездить в лес пилить дрова. Занятия велись быстрыми темпами: и строевой занимались, и оружие изучали, а главное — овладевали радиоделом.

Уже к зиме 1943 года, сразу же по окончании училища, я был на фронте. Первые участия в боевых действиях были под Дарницей, под Киевом. Я освобождал Венгрию и Чехословакию. Там же, в Чехословакии, я и встретил конец войны. Население встречало нас, своих освободителей, цветами. Уже после войны, в 1984 году, меня пригласили в город Рож-Металл, который моя часть освобождала в 1945 году. Подарили мне хрустальные рюмки, вазу и картину с изображением города, которую я очень берегу, как память.

В военные годы я получил медаль «За отвагу». Случилось это в 1944 году во время боевых действий у озера Балатон в Венгрии. Я тогда еле уцелел. Шли сильные бои, и во время боя вышла из строя связь. По линии побежал связист, но прошло время, а связи нет. Погиб товарищ, а дело не сделал. И тогда командир приказывает: «Тестоедов! Наладить связь!»

Я взял в руки провод и побежал. А рядом грохот, рвутся мины, пули свистят, но нужно во что бы то ни стало найти поломку. И вот провод, который я держал в руках кончился, стал искать второй конец. Наконец нашел в кустах. Тогда я забрался в воронку от большого снаряда и стал соединять провода. И вдруг услышал шум, грохот — в атаку пошли немецкие танки. Около тридцати штук. Огромный «тигр» шел прямо на воронку, где я спрятался. Хотелось выскочить из убежища и бежать куда глаза глядят. Но я знал, что бежать некуда, сразу же пулеметная очередь или гусеницами раздавят. Я весь сжался в комочек и лег на самое дно воронки, а танк уже совсем рядом. Земля под ним посыпалась, просела, но я уцелел. И связь удалось восстановить.

Был у меня еще один случай во время войны, это уже произошло в Австрии. Меня послали к какой то церкви и приказали докладывать обстановку. Я залез на самый верх, на колокольню, видимость оттуда хорошая, и у меня был бинокль. Я заметил немецкие танки и передал информацию об их месторасположении своему командованию. И тут же появились наши самолеты — штурмовики. Некоторые танки сожгли, остальные разъехались — их атака была сорвана. Так продолжалось весь день. К вечеру я получил сообщение, что полученной информации достаточно и приказ возвращаться. Я собрал рацию и побежал вниз по лестнице. И вот мне удалось отползти буквально метров на 50, как я услышал рев снаряда и грохот взрыва. Колокольня исчезла и только пять минут назад в ней сидел я.

Нашу семью можно назвать счастливой, так как с фронта вернулись все родственники. Мой брат прошел две войны, финскую и Великую Отечественную. И остался жив. А по окончании Великой Отечественной войны его отправили воевать с японцами. Было очень трудно. Стояла невыносимая жара, были проблемы с продуктами и в особенности с водой. И видимо из за таких тяжелых условий брат мой умер от рака легких, не дожив и до шестидесяти лет.

Со своей женой, Лидией Максимовной, я познакомился под Одессой. Моя будущая жена училась там в педагогическом училище. И однажды к нам в часть приехали студентки из их института и выступили перед нами с концертом. Среди выступающих я и увидел Лиду, она мне очень понравилась, но познакомиться с ней я так и не решился. К счастью, я узнал адрес института, где училась Лида, и стал писать ей письма. Так мы переписывались в течение года.

В 1949 году я поступил в Одесское артиллерийское училище. А по окончании училища я приехал к Лиде, чтобы жениться. Когда я приехал, Лида была на уроках, она в это время уже училась на последнем курсе. Лида сказала учителю, что у нее заболела хозяйка и ее отпустили с уроков. Мы тут же пошли в загс и подали заявление, а на следующий день поженились. Но меня практически сразу же направляют в Германию. А Лида остается в Советском Союзе преподавать русский язык и литературу. Затем она поступила в Одесский университет и училась заочно. Я

приезжал раз в год. Так мы прожили с 1950 до 1954 года. А в начале 1954 года я забрал Лиду и дочку с собой в Германию. Приходилось много переезжать, жить в ужасных условиях, но мы все пережили — вместе.

С 1965 года мы живем в городе Чехове. Уже вырастили двух внучек и дождались правнуков.

Март 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Гураль Анастасия Викторовна**, ученица 11 класса МОУ средней общеобразовательной школы №1, г. Чехов.

Федотов Константин Сергеевич

МЫ УЧАСТВОВАЛИ В ПАРАДЕ ПОБЕДЫ

Я родился 22 марта 1926 года в деревне Болтино, Вадского района Горьковской области. Учился в 10-м классе Вадской средней школы до 14 ноября 1943 года, когда был призван в Красную Армию. В 1952 году окончил вечернюю офицерскую среднюю школу при леонидовском Доме Красной Армии Сахалинской области. В 1953 году поступил на инженерный факультет Военной академии химической защиты им. К.Е. Ворошилова, а в 1958 году окончил ее.

К началу Великой Отечественной войны находился с родителями по месту жительства. О ее начале узнал из сообщения по радио. С 22 июня 1941 года до 14 ноября 1943 года я, как и все мои сверстники-старшеклассники, во время продленных школьных летних каникул работал в колхозе на различных сельскохозяйственных работах, в какой-то мере замещая ушедших на фронт наших отцов и братьев.

После окончания 9-го класса летом 1943 года я привлекался на одномесячные военные сборы при одной из воинских частей, дислоцирующейся в Гороховецких воинских лагерях Московского военного округа.

Молодежь моего возраста, как и все советские люди, считала своим первейшим долгом — принятие непосредственного участия в отражении врага, вероломно напавшего на нашу Родину.

На воинскую службу призван 14 ноября 1943 года со школьной парты Вадским районным военным комиссариатом Горьковской области. По призыву был направлен в 50-й учебно-стрелковый полк 10-й ивановской бригады, где готовились младшие командиры по шестимесячной программе обучения. Во время призыва на военную службу мне было 17 лет 7 месяцев.

В начале апреля 1944 года, за месяц до выпускных экзаменов, всем курсантам учебного полка присвоили воинское звание ефрейтор, сформировали маршевые роты и направили воинским эшелоном в 185-й запасной стрелковый полк 2-го Белорусского фронта.

В действующую армию я прибыл 5 мая 1944 года. После отбора и моего личного согласия назначен на должность войскового разведчика 162-й отдельной разведывательной роты 139-й Рославльской стрелковой дивизии 50-й армии 2-го Белорусского фронта. В разведывательные подразделения отбирались физически крепкие, морально устойчивые, наиболее развитые бойцы и командиры. Предпочтение отдавалось тем, кто уже имел фронтовой опыт. И такой тщательный отбор был вполне оправдан.

На войне трудно всем: и пехотинцам, и артиллеристам, и танкистам, и связистам. Но они, как правило, действуют сообща, в составе своих подразделений и частей. У разведчиков положение иное. Ответственнейшие задания они выполняют небольшими группами, а порой и в одиночку. В любую секунду может произойти встреча с врагом, которая потребует исключительной выдержки, максимального напряжения физических и моральных сил, мгновенной реакции, разумной хитрости, находчивости. И думается, неспроста слова «с ним бы я пошел в разведку» до наших дней звучат как самая высокая похвала.

Находясь в действующей армии, я принимал участие в следующих стратегических наступательных операциях:

1. Белорусская — с 23 июня по 29 августа 1944 г.
2. Белостокская и Ломжа-Остралекавская фронтовые наступательные операции — с 30 августа по 15 сентября 1944 г.
3. Оборонительная операция на р. Нарев с 16 сентября по 12 января 1945 г. (во время этой операции я принимал непосредственное участие в разведпоиске по взятию «языка»).

4. Восточно-Прусская — с 13 января по 27 января 1945 г.
5. Восточно-Померанская — с 10 февраля по 4 апреля 1945 г.
6. Берлинская — с 16 апреля по 8 мая 1945 г.

Мой боевой путь проходил от м. Чаусы Могилевской области р. Проня до канала Ной-Эльде, г. Грабов в Германии. Общее расстояние пути составляет более 1800 км., из них с боями 1300 км. В ходе наступательных операций принимал непосредственное участие в сражениях на полях Могилевской, Минской, Гродненской областей, в освобождении Польши, в штурме оборонительных рубежей в Восточной Пруссии и Германии.

Участвовал в форсировании таких водных преград: Проня, Рестог, Днепр, Друть, Березина, Свислочь, Неман (трижды), Висла и Одер.

Первое свое боевое крещение я прошел на Могилевском направлении. Вначале мы — молодые солдаты — присматривались к военной профессии разведчика. Постепенно приобщались к работе разведчиков. Вскоре мы освоились, и нас стали включать в состав групп, действующих на второстепенных направлениях и заданиях. Учились у ветеранов мастерству, перенимали их опыт и сноровку. В условиях боевой обстановки учеба протекает интенсивно. Мы быстро убедились, что профессия войскового разведчика — дело непростое. Мелочей здесь не бывает. Твердо уяснили, что девиз разведчика: «Сам погибай, а товарища выручай» — это не просто слова, а закон.

И я уже твердо знал, что тебя, раненого или убитого, на территории противника не оставят. Вскоре я в этом убедился на практике, когда меня, не участвовавшего в разведоперации, привлекли к вытаскиванию своего погибшего разведчика после неудачного поиска. Это было на р. Проня под Чаусами перед началом наступления наших войск в операции «Багратион».

Под ударами Красной Армии германские войска продолжали отходить на запад. Выход из создавшегося положения немецкое командование видело в переходе к стратегической обороне на рубеже Днепра, так называемом «Восточном вале» — самом крупном водном рубеже между Волгой и Одером.

Могилевскому плацдарму здесь придавалось очень большое значение. Он считался трамплином для летнего наступления немцев на восток. Могилев объявлялся крепостью.

Укрепления на Днепре состояли из трех оборонительных рубежей. Первый проходил на расстоянии 3—4 км. от города, второй — по городской окраине, третий — по центральным кварталам. Рубежи были связаны между собой ходами сообщений, баррикадами, минными полями, надолбами и колючей проволокой. На крышах каменных домов размещались пулеметные точки. Огневая мощь гарнизона была усилена поступившими на вооружение фаустпатронами. Все мосты через Днепр противник подготовил к уничтожению.

«Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его»,— заявил А. Гитлер на одном из совещаний в Берлине.

Освобождение Могилева являлось частью стратегической операции четырех фронтов Красной Армии с кодовым названием «Багратион». В результате ее проведения ставилась задача сокрушить группу армий «Центр», освободить Минск и полностью изгнать оккупантов с белорусской земли. На могилевском направлении действовали войска 2-го Белорусского фронта генерала армии Г. Ф. Захарова.

...Наступило утро 23 июня 1944 года. Туман сплошной белой завесой покрыл пойму Прони, из-за чего артиллерийскую и авиационную подготовку пришлось перенести на 2 часа позднее. В течение двух часов звучала артиллерийская канонада. Артиллеристы переносили огонь с одной позиции на другую. После первого залпа к реке высыпали саперы, которые в короткое время навели десятки штурмовых мостиков, собрали 6 мостов для артиллерии и танков. После залпа «катюш» в атаку на двадцатикилометровом фронте пошла пехота.

Погода в тот день так и не улучшилась, отчего летчики и не смогли развернуться, а артиллеристам пришлось вести огонь не по целям, а по площадям. И все-таки войска 49-й армии генерала И. Т. Гришина пробили в обороне противника 12-километровый пролом, форсировали Проню и продвинулись в глубину до 8 км. С утра 24 июня в бой был введен 121-й стрелковый корпус генерала Д. И. Смирнова из 50-й армии генерала И. В. Болдина.

Наша 139-я дивизия, преодолевая сопротивление врага, форсировала реки Бася и Реста, двигалась параллельно шоссейной и железной дорогам, идущим из местечка Чаусы к Могилеву.

К утру 27июня передовые батальоны вышли к Днепру. К тому времени наш 609-й полк овладел пригородом Могилева — Луполово, а 364-й полк вышел к Днепру южнее Могилева.

Третий наш полк — 718-й — находился в районе железнодорожного моста и имел задачу наступать на Могилев в северо-западном направлении. Полки приступили к форсированию Днепра. Наиболее активные боевые действия развернулись на участках наступления 609-го и 364-го стрелковых полков.

В книге Н. Борисенко «Страницы освобождения Могилева: год 1944-й» на странице 9 сказано так: «Части 121-го стрелкового корпуса 50-й армии генерал-полковника И. В. Болдина, овладев Луполовом и форсировав Днепр, охватили Могилев с юга и юго-запада, а его 139-я стрелковая дивизия достигла д. Тишковки и соединилась с частями 23-й гвардейской танковой бригады 49-й армии.

Таким образом, к 19.00 27 июня противник в Могилеве был окружен. В кольце оказались 12-я пехотная дивизия, 632-й охранный полк, 49-й охранный батальон и несколько специальных и тыловых частей 4-й армии противника. Остальные подразделения успели ускользнуть из окружения, однако впоследствии почти все они попали в минский «котел».

Сразу же после завершения окружения Могилева врагу был предъявлен ультиматум: «Прекратить бессмысленное сопротивление, сложить оружие и сдаться в плен». Ультиматум несколько раз передавался через мощную армейскую звукоустановку, но, надеясь вырваться из окружения, противник не сдавался. Попытки шести контратак немцев успеха не имели.

Части 199-й стрелковой дивизии генерала М. П. Кононенки и 139-й генерала И. К. Кириллова стояли насмерть. Ни один вражеский танк, ни один солдат не пробились на запад. Беспримерное мужество проявили здесь воины 1-й гвардейской инженерно-саперной бригады полковника А. Ф. Везирова».

Ночной штурм Могилева проводился в ночь с 27 на 28 июня. В качестве парламентера от Красной Армии выступал командир 1-го батальона нашего 609-го полка капитан В. В. Фатин.

К 16.00 на улицах города начали появляться белые флаги, а в 18.00 28 июня генерал фон Эрдмансдорф капитулировал вме-

сте с командиром 12-й пехотной дивизии Бамлером. Бои в Могилеве закончились.

В борьбе за Могилев враг потерял более 6000 солдат и офицеров убитыми и около 3400 пленными. Командир 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Бамлер на допросе заявил: «Могилевский гарнизон получил от Гитлера приказ любой ценой удержать город. Стремительный и бурный темп русского наступления опрокинул все наши замыслы и расчеты. Он ошеломил нас. Мы понесли тяжелые потери. Из 8000 солдат в дивизии осталось не более 3000. Русским достались огромные трофеи, в том числе материальная часть 12-го артиллерийского полка». А комендант Могилева генерал-майор фон Эрдмансдорф на допросе рассказал: «28 июня примерно в 3.15 ночи мне доложили, что противник вторгся в город с юга и востока. Связи с какими-либо частями у меня не было. Считая дальнейшее сопротивление бессмысленным, я и генерал Бамлер сдались в плен первому же русскому солдату» (ЦАМО РФ.Ф.32, о.11309, д.211, л.180). Этим первым солдатом был капитан В. В. Фатин.

Валентин Васильевич Фатин погиб в бою 17 июля 1944 года, похоронен в г. Скидель Гродненской области. Звание Героя Советского Союза присвоено 27.03.1945 г. (посмертно). Его имя присвоено школе №1268 Щелковского района г. Москвы, где он учился. В школе есть музей боевой славы, посвященный нашей 139-й дивизии.

Вот в такой фронтовой обстановке проходило мое боевое крещение. В последующих боях при освобождении Белоруссии мы, фронтовики, часто сталкивались с фактами зверского истребления гитлеровцами мирного населения и военнопленных, разрушения городов и сел. Вполне понятно, что мы — разведчики, всегда идущие впереди,— много видели собственными глазами. Разумеется, и до этого мы хорошо знали из газет о звериной сущности фашизма. У меня до сего времени остались в памяти публицистические статьи И. Эренбурга о зверствах оккупантов на нашей родной земле. Но одно дело прочитать, услышать, а другое — увидеть такое, от чего кровь стынет в жилах.

За три года оккупации на территории Белоруссии фашисты превратили в руины 209 городов, уничтожили 9200 сел и дере-

вень, расстреляли, повесили, замучили и сожгли свыше 2 млн. 200 тыс. советских граждан. Погиб каждый четвертый житель Белоруссии.

Какое преступление перед миром совершил Юзик Иотко, которому исполнился всего лишь год? В чем провинились двухлетняя Лена Миронович, Миша Новицкий, Вова Карабан и сотни тысяч других детей? Кто даст ответ на этот вопрос?

Нигде на земле, кроме как в Хатыни, не увидишь Кладбища деревень, уничтоженных фашистами вместе с людьми, уничтоженных и не восстановленных. В Белоруссии не было такого района, где бы фашисты не сжигали населенных пунктов, не грабили и не убивали мирных людей.

260 концлагерей и их отделений было организовано гитлеровцами в Белоруссии в 1941—1944 годах.

Горячее желание отомстить фашистским извергам руководило нашими людьми, нашими воинами. Что же, ненависть к врагу — большая сила на войне. Она поднимает человека на подвиг, заставляет драться не на жизнь, а на смерть.

Но разведчики действуют в особых условиях. И в целом ряде случаев им приходится сдерживать чувства, кипящие в душе. Разведчик ни на секунду не имеет права забывать, например, что его задача — пленить гитлеровского солдата, а не просто уничтожить его в бою. Иными словами, чувство ненависти не должно ослеплять, толкать на необдуманные поступки, ставящие под угрозу срыва выполнение основного задания.

Существует несколько способов ведения войсковой разведки. Я остановлюсь на поиске. Захват «языка», особенно в период, когда боевые действия носят позиционный характер, — весьма трудное и опасное дело.

Разведчики нередко оплачивали успех своей кровью. А случалось, к сожалению, и так, что кровь, гибель наших товарищей не приносила желаемого результата. Но в сложившейся ситуации нужно было идти на риск. Командование не имело права оставаться в неведении относительно ближайших планов противника. Требовались контрольные пленные, то есть пленные, которые дадут возможность удостовериться в правильности ранее полученных данных или опровергнуть их.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в своей книге «Солдатский долг», Воениздат, 1997 г., с. 317, пишет, что при подготовке к Белорусской операции ему, как командующему фронтом, пришлось много заниматься со штабом и с командующими армиями. «Особое внимание уделялось разведке — и воздушной, и войсковой всех видов — и радиоразведке... Только в армиях правого крыла произвели четыреста поисков, и наши мастера-разведчики притащили больше восьмидесяти «языков» и важные документы».

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что в этой операции успешным был каждый пятый поиск, а четыре по разным причинам дали сбой.

В декабре 1944 года наша дивизия занимала оборонительный рубеж на р. Нарев в районе г. Ломжа, Остраленка и м. Новогруд. Командованию нужен был «язык» — предстояло большое наступление на территории Польши и Восточной Пруссии. К этому важному разведзаданию готовились мы тщательно и скрупулезно. К нашему счастью, отведенное на поиск время способствовало хорошей подготовке к нему. Укомплектовали группу, в состав которой входил и офицер-переводчик из штата дивизии. Подобрали объект нападения — огневую точку (пулеметчика) в первой траншее противника. Организовали непрерывное наблюдение за объектом поиска и поведением противника с использованием стереотрубы и других приборов. Изучили местность в районе выбранного объекта и маршрут скрытого подхода к нему.

Командир дивизии генерал-майор И. К. Кириллов, исключительно храбрый и заботливый о людях человек, лично следил за нашей подготовкой. Накануне поиска провел с нами практическое задание на местности. Организовал надежное огневое прикрытие.

Я входил в состав подгруппы захвата. В нее входил и Михаил Дробышев, уроженец из Белоруссии. В назначенную командованием ночь мы вышли на задание. Хотя была уже вторая половина декабря, но снега не было и вода в реке Нарев не замерзла. Благополучно на лодке пересекли реку, затем по нейтральной полосе двинулись к переднему краю противника.

При подходе к минному полю подгруппа огневого обеспечения заняла боевой порядок. Немцы периодически освещали нейтральную полосу ракетами и вели ружейно-пулеметный огонь. Как только осветительные ракеты сгорали, разведчики продолжали выполнять задание.

И вот, наконец, проделали проходы в минном поле, отбросив в сторону взрыватели, а затем и в проволочном заграждении. Преодолев подготовленные саперами проходы мы по-пластунски ползли к вражеской траншее. Двигались бесшумно. Останавливались, прислушивались, осматривались. Каждая минута казалась вечностью. Но вот и траншея, а в ней совсем рядом с нами интересующая нас огневая точка. Пулеметчик периодически топтался на месте, видимо от холода, а остановившись, пристально всматривался в сторону наших боевых позиций. Улучив удобный момент, мы по условленному сигналу напали на него. Он даже не успел и голос подать, как ему в рот воткнули кляп.

Захватив «языка», мы быстро двинулись в обратный путь к проделанному проходу в заграждении. Я тащил пленного на спине, а Михаил Дробышев шел сзади, поддерживая его за ноги.

При прохождении прохода в минном поле Михаил, усмиряя начавшего вдруг буйствовать пленного, оступился и задел противопехотную мину.

Раздался взрыв. Противник осветил ракетами передний край и открыл огонь. Незамедлительный огневой налет с нашей стороны заставил противника замолчать. За это время нам удалось выйти из прохода в минном поле, перевязать Дробышева — ему оторвало ступню одной ноги. Кроме пленного разведчика, пришлось нести на себе и Михаила.

Артиллеристы, минометчики и стрелки подразделения, в полосе которого мы проводили поиск, эффективно прикрывали наш отход по нейтральной полосе.

Наконец мы добрались до берега реки и переправились на лодке через Нарев. Вскоре разведгруппа в полном составе, при одном тяжелораненом и с пленным, была в боевых порядках своих войск.

Все участники разведпоиска были награждены. Меня наградили вторым орденом Красной Звезды.

Нужно сказать, что показания пленных служили для нашего командования важным источником информации. Уже сам факт захвата немца с его солдатской книжкой имел большое значение. В ней записан номер воинской части, подразделения. А если пленный к тому же оказывается достаточно осведомленным и дает показания, то, как правило, удается узнать много интересного. Вот почему разведывательные органы всегда стремились к захвату «языков».

Наши разведчики перед убытием на задания сдавали личные документы в своем подразделении.

За храбрость, стойкость, мужество, боевое мастерство и взаимовыручку, проявленные в боях и при выполнении боевых разведзаданий командования, я награжден:

1. Орденом Красной Звезды — 24.07.1944 г.
2. Орденом Красной Звезды — 24.12.1944 г.
3. Орденом Славы 3-й степени — 30.03.1945 г.
4. Орденом Славы 2-й степени — 25.04.1945 г.
5. Орденом Отечественной войны I степени — 11.03.1985 г.

и рядом медалей, знаком «Отличный разведчик».

Получил благодарности от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина:

1. За освобождение города Могилева, форсирование рек Прони и Днепра.
2. За овладение крепостью и городом Осовец.
3. За овладение городами Остраленка и Ломжа.
4. За прорыв обороны Восточной Пруссии.
5. За овладение Данцигом.
6. За овладение городами Черск и Картхаузен.
7. За форсирование реки Одер, прорыв сильноукрепленной обороны и овладение городом Аргенмюнде.
8. Приказом Верховного Главнокомандующего №11105 от 26.06.1945 г. объявлена благодарность участникам Парада Победы за хорошую организацию, слаженность и строевую выучку.

В декабре 1944 г. я получил легкое ранение в области правого виска, при взрыве противопехотной мины, во время разведпоиска по взятию «языка».

А в начале апреля 1945 г., при налете авиации противника на автоколонну во время совершения марша, взрывной волной меня сорвало со станины пушки, и обе мои ноги в области голени попали под колесо пушки. В первые три дня я не мог передвигаться без посторонней помощи. В обоих случаях лечился в подразделении, у своего санинструктора.

Великая Отечественная война не оставила в стороне ни одну нашу семью. Почти в каждом доме до сей поры, как открытая рана, незаживающей вечной болью, саднят сердца родным и близким неумирающие похоронки. До настоящего времени добровольные поисковые отряды принимают участие в экспедициях по поиску и перезахоронению останков воинов нашей армии, пропавших без вести в боях за Отечество.

Из нашей семьи на фронт ушли мой старший брат Анатолий и отец Сергей Петрович. На плечах матери осталось семеро детей школьного возраста. Ушли на фронт все пять братьев отца.

Во время нахождения на фронте я, по мере возможности, в редкие паузы затишья, писал письма-треугольники матери, отцу и его брату Гавриле Петровичу. Отец в то время был рядом со мной в соседнем 1-м Белорусском фронте, а его брат Гаврил в составе 3-го Белорусского фронта. Их письма, хотя и не часто, я получал и читал с радостью и тревогой. С одной стороны, письма воодушевляли меня на ратные подвиги, укрепляли веру в победу. А с другой стороны, на фронте шли ожесточенные боевые действия. Особенно я волновался и переживал за отца. Ведь он был отцом многодетной семьи, да и возраст перевалил за пятьдесят лет. Судьба пощадила его. Он прошел фронтовыми дорогами до победного окончания войны. Участвовал в штурме Берлина. В одном из уличных боев был тяжело ранен. Возвратился к своей семье после Дня Победы. Его медаль «За взятие Берлина» я храню как своеобразный памятник о нем и его вкладе в достижение Победы.

Война прошлась по моей родне каленым железом. Говорят, что павшие живут до тех пор, пока о них помнят живые. Вот и я в канун 60-летия нашей Победы вспомню своих родственников:

1) Мой брат Анатолий Сергеевич, род. в 1919 г., сержант. Погиб в бою 3 июля 1943 г. Похоронен в г. Колпино, Ленинградской области.

Три брата отца погибли в боях на подступах к Московской области:

2) Федотов Иван Петрович, род. в 1896 г., рядовой. Погиб в бою 19 марта 1943 г. Похоронен в д. Дюки, Спас-Деменского района, Калужской области.

3) Федотов Максим Петрович, род. в 1899 г., рядовой. Погиб в бою 28 июля 1943 г. Похоронен в д. Хотетово Хотынецкого района Орловской области.

4) Федотов Петр Петрович, род. в 1902 г., рядовой. Погиб в бою 7 августа 1943 г. Похоронен в д. Старое Аскерово Мсальского района Калужской области.

5) Отец моей жены, Шорников Петр Акимович остался живым в войне с фашистской Гермнией, в составе своей части был передислоцирован на Дальний Восток. Погиб в бою с милитаристской Японией. Похоронен в г. Владивосток Приморского края.

6) Два брата моего отца, Гаврил Петрович и Василий Петрович, как и отец, возвратились домой, имея тяжелые ранения.

Правильно говорят, что у войны не женское лицо. Но, когда над страной нависла смертельная угроза, женщины встали рядом с мужчинами. На фронте они были летчицами, врачами, военфельдшерами, зенитчицами, снайперами, связистками, регулировщицами дорожного движения и др. Всего в армию и на фронт было призвано 490 235 женщин. Многие из них не вернулись с войны.

В феврале 1944 года для прохождения службы в частях нашей дивизии прибыли из Центральной женской снайперской школы двадцать одна девушка-снайпер. Летом 1944 года наши войска успешно развернули наступательную операцию «Багратион» по освобождению Белоруссии от немецких оккупантов. Снайперы дивизии хорошо проявили себя в этих и последующих боях. Метким огнем они выводили из строя офицеров, снайперов, наблюдателей, а при освобождении г. Могилева уме-

ло действовали в уличных сражениях. Они «выкуривали» оккупантов, засевших на чердаках, в подвалах, подавляли их огневые точки, установленные в окнах домов. Порой для выполнения задания группа разведчиков усиливалась снайперами.

Говоря о поведении воинов-женщин, следует особо отметить, что подавляющее большинство из них вели себя достойно, порядочно и скромно. У многих была серьезная любовь и дружба. Женихов в погонах для выбора было предостаточно. И даже тогда, в трудные, огненные годы, нередко создавались основы крепких, надежных семейных уз. Люди сохраняли взаимную любовь и уважение на всю жизнь. И ныне я знаю ряд близких мне таких семей, истоки создания которых берут свое начало с фронтовых дней. Теперь они стали золотыми и бриллиантовыми юбилярами, достойными для подражания.

Вместе с тем, глядя правде в глаза, я должен отметить, что такие возможности были далеко не у всех фронтовиков. Это практически было исключено для бойцов стрелковых подразделений и даже их командиров звена: взвод, рота, батальон, а также и многих подразделений и частей.

По себе скажу, что за все время нахождения в действующей армии не было свободного времени и тем более выходных дней. Когда в конце 1944 года наша дивизия находилась в обороне на реке Нарев, бои временно прекратились. Но у разведчиков разведзадания возросли. Командованию нужны были данные о противнике для будущих сражений.

Моим сверстникам 1926 г.р. не повезло в любовных делах в том плане, что срок их срочной службы в армии продолжался 7 лет: с 1943 года до 1950 года. Ушли они в армию в свои 17 лет, а возвратились 24-летними. Возраст для жениха подходящий. Но ведь прежде чем создать семью возникает вопрос: а способен ли ты ее содержать?

Лично для меня окончательное решение семейного вопроса затянулось на еще более длительные сроки. Дело в том, что при увольнении (демобилизации) мне было предложено остаться в кадрах Вооруженных сил. Подумав и оценив все и вся, я дал согласие на это предложение. А для надежности и уверенности в завтрашнем дне поставил себе задачу — окончить военную академию.

Все это отразилось на времени создания моей семьи. А 2 января 2004 года ушла из жизни в мир иной любимая моя жена Екатерина Петровна, избранница моего сердца, верная спутница на моем жизненном пути. На всех торжествах, посвященных Дню Победы, исполняется песня «Катюша», и мне очень трудно сдержать себя в этот момент, слезы невольно выдают мои чувства.

Свою жену я знал со школьной скамьи, а полюбил ее с момента приезда в отпуск к своим родителям в 1950 году. Она окончила институт и работала преподавателем в средней школе. Ее детские годы и годы становления до выхода на самостоятельный жизненный путь были трудными и печальными. Трехлетним ребенком она осталась после смерти матери. В 1945 году на фронте погиб ее отец уже после Дня Победы.

Рядом с ней я твердо стоял на ногах, и до увольнения в запас из кадров Вооруженных сил уверенно шел своими военными дорогами по обширной территории нашей страны, от ее западных границ до восточных, и от Астраханской области (г. Капустин Яр) до Архангельской (г. Мирный). Она подарила мне двух прекрасных дочерей, Марину и Светлану, которые, как и их мать, стали офицерскими женами. Их мужья, Вячеслав и Владилен, были кадровыми военнослужащими с высокой профессиональной подготовкой, успешно продвигающимися по службе, а в девяностые годы они уволились в запас по оргмероприятиям.

Теперь задачу по защите Отечества решает представитель нашей родословной — мой единственный внук Станислав. Он был призван в Вооруженные силы по окончании университета и ко Дню защитника Отечества 23 февраля 2005 года завершил первый год своей службы в воинском звании лейтенанта. Он успешно продолжает семейную традицию — верой и правдой служит Отечеству.

3 мая 1945 года войска 2-го Белорусского фронта на линии Висмар, Виттенберг, а передовые подразделения 139-й стрелковой дивизии на линии Грабов и далее на юго-запад по каналу Ной-Эльде встретились с союзными английскими войсками. В тот же день столица нашей Родины — Москва — двадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий возвестила миру о том, что в полосе боевых действий 2-го Белорусского фронта на тер-

ритории Германии война победоносно завершена в пользу советских и союзных им войск.

Прекратились боевые действия. Дивизия вышла в назначенный район сосредоточения, расположенный в 15—25 км от г. Грабов. Все с нетерпением ждали правительственного сообщения о победном окончании Великой Отечественной войны с фашистской Германией. Наконец, пришла долгожданная весть о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Ликованию, охватившему воинов, не было конца. Солдаты, сержанты и офицеры обнимались, смеялись, пели, танцевали и плакали. Плакали от великого счастья, переполнявшего их солдатские сердца.

9 мая 1945 года в полках и отдельных подразделениях проходили построения и митинги, посвященные окончанию войны.

Накануне Дня победы генерал И. К. Кириллов отдал последнее боевое распоряжение: силами стрелковых, артиллерийских и разведывательных подразделений провести массовую проческу лесных массивов, населенных пунктов и проверку отдельных строений в границах закрепленных участков.

В период с 10 по 28 мая 1945 года через сборные пункты, расположенные на участке дивизии, прошло 5011 человек.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин принял решение о проведении Парада Победы на Красной площади в Москве. Подготовка к нему началась с 16 мая 1945 года. Отбор участников Парада Победы велся особенно тщательно. Кандидатами для участия в Параде Победы становились заслуженные воины, проявившие в боях мужество и героизм, храбрость и воинское мастерство. Немаловажное значение придавалось и физическим данным. Так, директива начальника Генерального штаба предписывала отбирать участников Парада не ниже 176 см.

Отбор кандидатов для участия в Параде Победы был тщательным и многоступенчатым. Первоначальный отбор в нашей разведывательной роте проводился Комиссией в составе представителей штаба дивизии и командования роты. Достойных кандидатов среди разведчиков нашей роты было много.

В результате этой работы от разведроты были отобраны два человека: младший сержант Точнев С. А. и я, ефрейтор Федотов К. С.

Аналогичный отбор кандидатов проводился в полках и отдельных подразделениях дивизии. Затем все десять кандидатов были представлены для осмотра и утверждения командованию дивизии.

Следующий этап осмотра проводился командующим 49-й армии Героем Советского Союза генерал-полковником Гришиным И. Т. Здесь же нам выдали новое обмундирование, фуражку и две пары офицерских кирзовых сапог.

Окончательный отбор был проведен в штабе 2-го Белорусского фронта в г. Штеттине. Осмотр сводного полка провел лично Маршал Советского Союза Рокоссовский К. К. в присутствии своих заместителей и командующих армиями. Во всех шеренгах строя тщательно осматривался каждый человек. Мне навсегда запомнился такой момент. Осматривая нашу шеренгу, маршал, улыбнувшись, сказал: «Ну, таких молодцов московские невесты не упустят».

Закончился отбор, и нас, тысячу счастливчиков, выбранных из 400 тысяч солдат и офицеров 2-го Белорусского фронта, направили в Москву. На парад ехали в плацкартных вагонах. Трудно рассказать о том впечатлении, о чувствах, которые нас сопровождали во время поездки. После боев, гари пожаров, крови, так хотелось надышаться победой, свободой и тишиной, что мы все светлое время смотрели в окна и двери вагона. Миновали Германию, а затем Польшу и вот она, наша любимая Родина. Из вагона видишь печные трубы на месте домов, разрушенные станции и вокзалы.

В пути, на станциях, наш поезд встречали и провожали ликующие, радостно возбужденные, наши родные советские люди, по которым мы, фронтовики, так соскучились. На станциях многолюдно. Играет духовой оркестр. Кто-то бежит вдоль вагонов и спрашивает: «Не видели на фронте моего мужа?», следующая за ней женщина тоже спрашивает: «Не встречали моего брата?» И такие вопросы задавались в течение всей стоянки нашего поезда.

А на перроне — танго и фокстроты. Мы танцуем, пока не услышим свисток паровоза и команду: «По вагонам!». И так на каждой станции, где останавливался наш поезд.

В Москве нас встретили по-царски, засыпали цветами под рукоплескания и овации. Разместили наш полк в Пролетарских казармах (Хамовники)... Началась подготовка к Параду Победы 24 июня 1945 года.

Во время подготовки к Параду Победы я был совсем недалеко от родительского дома, в 400-х километрах от него, но заехать на побывку в родные места не представилось возможным. Мой путь лежал обратно в Германию. Признаться, настроение у нас в то время было двоякое. С одной стороны, мы были в восторге от прошедшего парада и теплых встреч с родными нашими людьми, а с другой стороны — тяжелые воспоминания минувшего огненного лихолетья. При следовании поезда в обратном направлении, опять в окнах вагона мелькали разбитые полустанки, оставшиеся от сожженных домов печные трубы и т. д.

Ко времени возвращения нас с Парада Победы в Германию наша 139-я стрелковая дивизия была расформирована. А ее личный состав, боевая техника и все военное имущество переданы в 146-ю мотострелковую дивизию 1-го Белорусского фронта, дислоцирующуюся в предместьях Берлина. В самой Германии и ее столице все напоминало о недавно закончившихся боевых действиях. Потребовалось какое-то время для того, чтобы привыкнуть к восприятию немецкой разговорной речи.

Очень сильными были в то время чувства тоски по Родине, и хотелось быстрее и навсегда возвратиться в родные места.

Как поется в песне «Березовый сок» на стихи М. Матусовского, музыка В. Баснера:

Где эти туманы родной стороны
И ветви берез, что над заводью гнутся?
Сюда мы с тобой непременно должны
Однажды вернуться, однажды вернуться...

И в скором времени такая возможность нам представилась. Фронтовые объединения упразднялись, и создавались группы войск. Общее количество наших войск в Германии и других европейских странах резко сократилось. Мы в составе части прибыли в красивый и приветливый город Славянск Донецкой об-

ласти, и были этому событию восторженно рады. Но эта радость наша была недолгой. Старшие возраста воинов уволились в запас, а нам, молодежи, предстояла семилетняя срочная служба.

Я со своими однополчанами был передислоцирован на Дальний Восток, где проходил службу до 1953 года. В этом году я поступил на учебу в академию.

После окончания войны с Германией и Японией на долю моих сверстников вновь выпала нелегкая задача — затянувшаяся семилетняя срочная служба в Вооруженных силах. А ведь это очень большой период для одной человеческой жизни. За период срочной службы нам пришлось потрудиться, как говорится, за себя и за того парня. Дать возможность очередным призывникам 1928 г.р. подрасти и возмужать. И мы достойно и безвозмездно выполнили эту задачу. В 1950 году состоялся приказ о демобилизации нашего возраста. Пришла пора устраивать свою дальнейшую жизнь. И я твердо решил посвятить ее службе в Вооруженных силах, овладевать новым оружием. С этой целью я поступил в Военную академию химической защиты.

После окончания учебы в академии в 1958 году я был направлен в ракетные войска стратегического назначения. Сначала в течение более пяти лет служил на ракетных полигонах, возглавляемых генералами Григорьевым М. Г. и Воднюком В. И., а затем в Главном управлении эксплуатации ракетного вооружения.

Служба в РВСН (с 1958 г. по 1983 г.) воспитала во мне чувство гордой ответственности за причастность к оружию, которое было ново, небывало эффективно, технически совершенно и существенно повысило обороноспособность страны. И в настоящее время РВСН являются надежным щитом Родины. Находясь в постоянной боевой готовности, они, как говорили во время войны, находятся на переднем крае обороны.

После увольнения из рядов Вооруженных сил в запас я около 12 лет продолжал работать в том же Главном управлении в должности служащего Советской Армии, до 1995 года.

За поддержание высокой боевой готовности войск и освоение сложной боевой техники и др. я награжден:

1. Орденом «Знак Почета», указ ПВС СССР от 19.09.1974 г.

2. Орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3-й степени, указ ПВС СССР от 27.12.1982 г.

3. Медалью «За боевые заслуги», за выслугу лет в ВС СССР, 16.02.1957 г.

4. Знаком «Главный маршал артиллерии Неделин», приказ командующего РВСН №129 от 26.04.2002 г.

5. Памятным знаком «Ветерану РВСН от главы Одинцовского района», постановление №3748 от 01.12.2004 г.

6. Знаком отличия МО РФ «За службу в Ракетных войсках стратегического назначения», приказ командующего РВСН №2 от 14.01.2005 г.

7. В 2002 г. удостоен звания лауреата форума «Общественное признание» и награжден Дипломом и знаком лауреата.

8. В 2005 г. награжден знаком «Почетный ветеран Подмосковья», решение областного совета ветеранов Подмосковья», решение областного совета ветеранов от 17.01.2005 г.

С уходом в 1995 году на пенсию я активно включился в работу ветеранской организации Одинцовского района. В настоящее время являюсь членом президиума совета ветеранов.

В июне—июле 2004 года Белоруссия отмечала 60-летие со дня освобождения от фашистского ига и День независимости Республики. Лично мне представилась возможность посетить в эти дни Белоруссию дважды. Сначала я выезжал в г. Могилев по персональному приглашению Могилевского горисполкома, а затем участвовал в составе делегации Международного союза «Боевое братство — без границ», который возглавляет губернатор Московской области, Герой Советского Союза, Б. В. Громов.

Делегация в составе 53 человек находилась в Белоруссии с 3 по 12 июля и перемещалась по маршруту: Подмосковье, г. Витебск, г. Борисов, г. Минск; г. Брест, г. Мозырь, г. Гомель и далее на г. Рославль Смоленской области. Цель этой акции — увековечение памяти погибших в Великой Отечественной войне и павших в Афганистане, объединение усилий ветеранских организаций по патриотическому воспитанию молодежи, укрепление дружеских связей между городами Белоруссии и Московской области.

В составе делегации было три участника Великой Отечественной войны. Мы, ветераны-фронтовики, восприняли и будем помнить эту поездку как светлое путешествие в свою героическую юность.

Апрель 2005 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Якушев Николай Романович**, председатель правления Одинцовского районного отделения ВОД «Боевое братство».

Федотов Степан Фатеевич

В МАЕ 45-го

Родился 10 июня 1925 г. в селе Александровка Кореневского района Курской области. Русский, православный, комсомолец.

До войны работал в колхозе в родном селе Александровка.

Узнал о войне: 22 июня в 16.00 по московскому времени по радио в селе Александровка. В это время находился на работе в колхозе.

На войну ушел по призыву: 3 апреля 1943 г. был направлен на фронт в Алабино под Нарофоминском. Начал войну ефрейтором. Был назначен в запасном полку пулеметчиком.

В октябре 1943 г. был направлен в Кубинку в действующую часть 2-й механизированной бригады 9-го корпуса. Эта бригада была в составе 9-го корпуса 6-й танковой армии. В действующей части взяли в минно-инженерную роту минером-разведчиком.

В ноябре 1943 г. поехали на Украину в Винницкую область. 6-я танковая армия была в составе 1-го Украинского фронта. Командир фронта: маршал Конев.

С января месяца 1944 г. были с составе 2-го Украинского фронта. Командир фронта — в дальнейшем министр обороны СССР маршал Малиновский Родион Яковлевич.

1945 г. Чехословацкий корпус. Командир корпуса: генерал Людвик Свобода.

Война с Японией 1945 г. 6-я танковая армия под командованием Кравченко. Забайкальским фронтом командовал Родион Яковлевич Малиновский. 30-я бригада была под командованием Воронова. А наш 9-й корпус был под командованием Волкова.

Боевой путь проходил:

1-й Украинский фронт: Болгария, Украина, Приднепровье, Молдавия (ноябрь-декабрь 1943 г.);

2-й Украинский фронт: Румыния (август 1944 г.), Венгрия (октябрь 1944 г.);

Чехословацкий корпус: Будапешт (13.02.1945 г.), Австрия (1945 г.), Вена (13.04 1945 г.), Чехословакия (май 1945 г.).

Демобилизовался 3 апреля 1950 г. из Читинской области, со станции Оловянная, где прослужил 5 лет, в родное село Александровка Курской области.

Награжден:

Орден Отечественной войны II ст. № 463368 от 1944 г.

Орден Отечественной войны II ст. № 1083072 от 21.03 85 г. Военкомат г. Железнодорожный.

Орден Славы 3-й ст. 3 444234 от 1945 г. Читинская область.

Медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», за взятие и освобождение Будапешта, Вены, Праги.

Орден Ленина № 343923 от 21.06 63 г. Кремль, Председатель Верховного Совета РСФСР Игнатов.

Орден Ленина № 3124333 от 07.05.71 г. ГМПС, начальник Главка Демин.

Золотая медаль «Серп и Молот» №17246 от 07.03.71 г.

Присвоено звание «Героя Социалистического Труда» от 07.05.71 г.

Освобождал:

г. Звенигород, Шпола, Смела, Богуслав, Канев 03.02.44 г.

г. Умань, Христиновка 10.03.44 г.

г. Могилев-Подольск 20.03.44 г.

г. Бельцы 26.03.44 г.

г. Васлуй (Румыния) 23.08.44 г.

г. Роман, Бакеу, Бирлад, Хуши 24.08.44 г.

г. Фокшаны, Рымникул 27.08.44 г.

г. Плоешти, Бухарест 30.08.44 г.

г. Дебрецен (Венгрия) 20.10.44 г.

г. Рожнява 09.12.44 г.

г. Будапешт 13.02.45 г.

г. Секешфехервар, Веспрем 24.03.45 г.

г. Папа 26.03.45 г.

Выход на австрийскую границу и взятие г. Кесег, Чорнор, Шарвар, форсирование реки Раба 28.03.45 г.

г. Виннер-Нойштадт 03.04.45 г.

г. Вена 13.04.45 г.

г. Брно 26.04.45 г.

г. Иглава, Знаймо, Яромержице 08.05.45 г.

г. Мукден, Чаньчунь, Дайрен, за преодоление Хингана 23.08.45 г.

Ранения.

14.09.44 г. тяжелое осколочное ранение навылет в правое плечо, голову, подбородок. Это было в городе Турда в Румынии: в горах разорвало гранату, которую в нас бросили немцы. Сначала меня в румынский госпиталь привезли, а уже потом в наш, который в деревне Крестьян под городом Брашов. Там я лечился до ноября месяца 1944 г. после вернулся в свою часть в Венгрию.

Март 1945 г. Австрия. Придавило машиной, на которой ехали. После этого была контузия. В пять утра привезли в санчасть. В 8 утра я вышел из санчасти. Дело в том, что у меня ремень монтерский венгерский офицерский, а мне нужно было пришить бляху нашу советскую со звездой, вот я и пошел в другой двор к австрийцу. Я начал ему объяснять, что мне нужно бляху перешить. И в этот момент я услышал гул самолета. Он сбросил бомбу прямо на санчасть. Я чудом уцелел, а все, потому что вышел из санбата. Вот тогда меня контузило во второй раз. После меня подняли и под руки в другую санитарную машину привели. Отвезли в госпиталь, где я пробыл 10 дней, а после сбежал в свою часть. Мы тогда уже на Вену и Австрию наступать начали. А грудь у меня тогда еще не совсем зажила.

Сведения о родственниках.

На войне погиб двоюродный брат — полковник Григорий Иванович Фролов (подорвался на мине в Польше).

Отец и мать, а также родной брат Николай после войны остались живы. Отец Федотов Фатей Андреевич был крестьянином. Мать Федотова Анна Романовна работала служанкой у купца.

Собственных и иных публикации нет.

Февраль 1944 г. Группировка на Украине. Немцев окружили, предложили им сдаваться, но немцы не сдавались. Там была такая грязь, что нельзя было пролезть. Наши тылы все отстали, шли только танки вперед и трейлеры, которые боеприпасы подвозили от американской машины. Было мобилизовано население. Они на себе вручную подносили снаряды к фронту. А немцы по-прежнему не сдавались. Тогда наши самолеты налетели и начали немцев бомбить. Фронт, значит, был 12 км, а потом сузился до 4 км. А мы были на внешнем фронте и не пускали немцев, которые хотели освободить окруженных. И вот в это время, ночью, а тогда на улице пурга была, немцы на танках пошли напролом. Они нас били, а мы их били. И там такая мясорубка началась, что просто страшно было смотреть. Всех немцев, которые сидели на танках, уничтожили. Но часть эсэсовских танков вырвались из окружения. Эта ночь запомнилась на всю жизнь. Когда утром рассвело, и мы проходили, то на это страшно было смотреть. Наших было много побитых, да и немцев тоже много побитых.

Дальше 20 августа 1944 г. мы пошли в наступление: 2-й Украинский фронт и 3-й Украинский фронт на Румынию. Мы стояли на реке Прут. Рано утром нас накормили завтраком, и мы сидели, ждали указания. Нам сказали, что мы должны сесть на танки и в качестве автоматчиков на танках прорываться вперед, вперед. Не ввязываться в бои, а только впереди себя расчищать дорогу и прорываться вперед и только вперед. А до этого там была оборона. И мы были в этой обороне. Оборона была долгой, почти три месяца длилась: с мая месяца до августа. Там было сконцентрировано много нашей военной техники. И вот, значит, нам сообщили о наступлении. Примерно в 7 утра началась так

называемая артподготовка — это тысячи артиллерийских стволов открыли огонь. Стреляли минометы, пушки. Но самые первые — это «катюши» открыли огонь. Там был сплошной гул. Мы знали, что скоро пойдем в наступление, и нас одолевал такой страх, что даже зубы стучали. Вот такой был страх. Примерно 40 минут была артподготовка, а потом наши самолеты пошли бомбить. И тут же нам дали приказ сесть на танки. Мы облепили эти танки по 8—10 человек с автоматами на танк и вперед. Мы прорвали оборону немцев и продолжали идти по основным дорогам, по асфальту, прорываясь, все вперед и вперед. Это был наш 2-й Украинский фронт. А 3-й Украинский фронт тоже за нами пошел в наступление. И тут мы окружили немцев. А их было двести с лишнем тысяч человек. Но мы продолжали идти вперед на Бухарест, в столицу Румынии. Нам было дано такое указание: «Вперед на Бухарест!». В это время немцы не сдавались. Они сидели в кукурузе, а там кукуруза высокая, по 3 метра в высоту, под самый потолок. И вот двести тысяч немцев сидят в кукурузе и сдаваться не хотят. И тут наши самолеты налетели и начали их бомбить. А еще девчата наши на У-2 набирали мины в кабины и бросали к кукурузу на немцев. Значит, половину немцев перебили, а остальные сто с лишнем тысяч сдались в плен. А мы продолжали двигаться вперед, вперед. 20 августа мы начали наступление, а 30 августа мы уже были в Бухаресте на танках. Мы в бои не ввязывались, а только расправлялись с теми немцами, что на пути нам сопротивлялись. А уже тыловые части расправлялись с остальными немцами. В Бухаресте нас румыны очень хорошо встречали. Часть румынских солдат, а точнее часть румынской дивизии уже перешли на нашу сторону и стали воевать с нами против немцев.

Дальше после Бухареста мы пошли освобождать румынскую территорию. И вот мы вошли в город Турда на танках, а за нами шли мотопехота, артиллерия шла. Это город небольшой. Мы его прошли, затем через речку перешли по мосту. Мост немцы еще не успели взорвать. Как только наши танки выехали из города, немцы вылезли из засады. Они оказывается, все это время находились в городе в засаде. Немцы отсекли нашу мотопехоту от танков. Улицы были в городе узкие, и немцы устроили там такую мясорубку, что страшно было смотреть. Они стре-

ляли с домов, из окон, а их танки стреляли из дворов. Наша разведка плохо все рассмотрела и не заметила засаду немцев. А немцы тоже хитрые оказались: нашу разведку пропустили, а за разведкой наши танки проехали. Их немцы не тронули. А вот когда наша мотопехота и артиллерия поехали, тут немцы огонь и открыли. Тут же нам дали указание повернуть танки обратно. Мы развернулись, а проехать по улицам не можем, т.к. все улицы были забиты убитыми людьми и горевшими танками. Тогда мы добрали до той самой речки, по которой переправлялись. Мы переправились через нее еще раз по мосту на другую сторону и заняли оборону. Тут уже ночь наступила. Всю ночь мы окапывали танки вдоль берега. А мы ведь уже больше суток в бою находились: не спали, на ели, не пили. И наутро нас танкисты отпустили. А мы ведь были как автоматчики и минеры. Наша часть была в километре от передовой. Мы, значит, пошли в долину. А там кругом горы Карпаты были. Дорога разделяла на две части: с одной стороны аэропорт, а с другой стороны кукурузное поле находилось. И мы, значит, выкопали окопы в кукурузе и легли в них спать. В два часа дня приехала наша кухня на лошадях. Обед привезли. Нам сказали подходить к кухне по два человека, не больше. И тут началось движение в очереди. А немец в это время в горах сидел и на нас смотрел. А день был солнечный, и немцу видно нас было далеко и хорошо. И вдруг немцы открыли по нам артподготовку. И как сейчас помню: большая чашка, похожа на бельевую, а в ней лапша с мясом. И семь человек вокруг нее легли. Все легли, а я сидел. Там окоп кто-то копать начал, а я на эту землю сел, и сидел лицом к передовой. И вот мы сидим, кушаем, и как вдруг снаряд разрывается. А мы его не видели, не слышали. Когда снаряд близко разрывается, его не видно. И когда снаряд разорвался, я тут же потерял сознание. А когда очнулся, то висел головой в окопе и упирался в него руками, а живот на брусе. Мне тогда голову ранило, подбородок, а из плеча кровь струей. Мне глаза залило, и я их протер. Я подумал, что у меня мозги вылетели, и что скоро конец настанет. Все, подумал я, отвоевался. И в это время санинструктор подбежал и говорит мне: «Что у тебя?», а я ему: «Иди других перевязывай, мне все равно конец!». А санинструктор пощупал все руками и сказал мне: «Да что ты, это же хлеб окровавленный

лежит!» А я: «А почему кровь с головы идет?». А санинструктор: «Да, потому что кожу у тебя сорвало с волосами!». Он мне сказал, что мне нужно плечо заткнуть, а то кровь сильно идет, и наложил мне пакеты. Он меня всего перебинтовал, всего перевязал. Я сижу в окопе, а у меня только глаза и видно. А все мимо проходит, смотрят на меня и противятся, морщатся. Часа через полтора-два приехала телега на подводе. Молдаван приехал. И мне сказали, чтобы я садился на телегу и уезжал в санбат, иначе весь кровью изойду. Меня одного положили на телегу и повезли в санбат. А на самом деле ранило человек 17. А еще ведь бой продолжался, и наши солдаты в кукурузе сидели. А туда тоже снаряды летали, там тоже раненых было много. Значит, едем мы с этим молдаванином на телеге, а на дороге мины разрывались. Вся дорога в выбоинах. И вдруг как колесо попадет туда! Я все губы обкусал. И я думал: «Если сейчас телега перевернется, то мне конец!». А лошади несутся! Они тоже бояться разрывов, то справа разрывает, то слева разрывает. И вот мы за горы заехали, и через ущелье проехали, и там еще в другой долине за ущельем в кукурузе находились большие санбатовские палатки. Там санчасть и разместилась. Вот туда меня и привезли. И начали мне кровь останавливать. Кровь наконец-то остановили. Ночью, когда уже стемнело, привезли остальных раненных. Много было раненых: у кого ногу ранило, у кого руку. На другой день нас посадили в румынский автобус и повезли в другой госпиталь. На другой день за раненными солдатами опять приехал автобус. Нас всех раненных в этот автобус посадили и повезли в другой госпиталь. Как только нас привезли в новый госпиталь и мы там расположились, вдруг немецкие самолеты налетели и бомбить госпиталь начали. Но никак в него попасть не могли. Мы сразу подушки на голову и под кровати легли. Тут вроде бомбежка закончилась. Так как это был румынский госпиталь, и все врачи в нем были румынскими, то нас опять посадили в автобус и повезли в новый госпиталь. Привезли нас в деревню Крестьян под городом Брашов. Вот в этой деревне и расположился наш госпиталь. В нем я лечился до ноября месяца 1944 г. В ноябре месяце я был заведующим столовой, кладовой и т.д. Меня начальник госпиталя выписал в свою часть. А часть моя была уже в Венгрии. Вот я, значит, и приехал в свою часть в Венгрию. Я нашел

свою роту, и мы уже пошли дальше в наступление на Австрию. Взяли Вену, с Вены повернули на Чехословакию, освобождали Братиславу, город Брно. А Прагу уже с 8 по 9 мая освобождали. Вот там, в Праге, мы и встречали День Победы. Помню, солнечный день был, весь народ ликовал. Нас в гости приглашали. А я на тот момент был за командира взвода, т. к. командира взвода ранило. И был приказ командира: «Собрать всех и выезжать в лес на окраину города». А солдаты все разбрелись, и удалось их собрать только наутро. Нас всех посадили в машины и вывезли из города в лес. А в лесу лагерь расположился. Там уже были готовые землянки и палатки стояли. Вот в этом лагере мы и расположились до июля месяца 1945 г.

В июле месяце поступил новый приказ. Нас опять всех собрали и вместе со всех техникой, во всем оборудованием и вооружением погрузили в вагоны. Все обрадовались, думали, домой на Родину едем. Нас провезли через Прагу, вокруг Варшавы. А Варшава вся разбита, вся почти разбита была. Потом ехали через Белоруссию, Брянскую область. А в Белоруссии было страшное дело: все дома были сожжены. Одни печки стояли. Там ведь партизаны действовали. А ребятишки кто во что одеты были: кто в русскую военную форму, а кто в немецкую. Одежды ведь тогда не было — оккупация была, одеваться было не во что. А ребятишки все голодные были, и вот они подходили к нашим эшелонам, и мы им давали еду с наших кухонь, хлеб давали.

Потом мы поехали дальше. Вот уже по СССР ехали, по Сибири. И вот под Куйбышевым мы уже узнали, что едем воевать с Японией. Вот мы уже Читу проехали, Байкал проехали, Читинскую область, Бурятию. В Читинской области, начиная со станции Оловянная, потом Борзя, Даурия, Забайкальск, Отпор, мы и выгрузились. Там был весь наш 2-й Украинский фронт, вся наша 6-я танковая армия, весь наш 9-й корпус. Но тут нашу бригаду переименовали со 2-й на 30-ю бригаду, и мы стали гвардейцами. Нас погрузили на машины и повезли в Монголию к монголо-японской границе. Там мы должны были штурмовать Хинганские горы на танках, на технике. А в горах, как известно, ни дорог, ничего. И вот мы пошли в эти Хинганские горы. А у японцев в этих горах было 23 укрепления. У них там все под землей было: электричество, жилища, техника, оборудование, склады, кухни. Мы эти укрепления обошли и пошли правее че-

рез горы. Мы форсировали горы, и вышли в степи. Правее нас было пустыня Гоби. По пустыне шли танки, а правее от танков шла монгольская конница под командованием Чойбалсана. А у нас Плиев командовал конницей. А мы: минеры и автоматчики на танках, у нас самоходки были СУ-100. Наш Забайкальский фронт была под командованием Родиона Яковлевича Малиновского, а 6-я танковая армия под командованием Кравченко; нашей бригадой командовал Иван Яковлевич Воронов, а корпусом — Волков. Вот мы преодолели горы, степи, пустыни и вышли к железной дороге. А это наша КВЖД, построенная в 90-х гг. XIX в. И вот мы вышли в Мукден, Чаньчунь, Харбин, порт Инкоу, Дайрен, Порт-Артур. Мы наступление начали 8 августа, а 23 августа были уже на побережье Тихого океана в Порт-Артуре. На берегу мы оставили танк как памятник.

Со 2 на 3 сентября 1945 г. СССР, США, Англия и Япония подписали капитуляцию. Вот для меня война и кончалась в сентябре месяце 1945 г. После мы вернулись в Мукден, и пробыли в нем до апреля 1946 г. Война тогда уже закончилась, но остатки еще сопротивлялись. Мне командир бригады дает новое задание: «Бери солдат и поезжайте ликвидировать японскую заставу». Сказал взять нам все необходимое, чтобы взорвать и ликвидировать заставу. Дали нам бронетранспортер и всю необходимую технику. И мы тогда поехали по степи на машине.

Мы обогнали танки и бронетранспортеры. Видим вдали бараки, примерно 3—4 барака увидели. И мы поехали на эти бараки. А там кругом проволочное ограждение. Мы когда поближе подъехали, то увидели, что на крышах японцы загорают в одних трусах. Они нас, когда увидели, все попрятались. Мы открыли заставу и подъехали к одному бараку прямо к подъезду. В кабине нас было трое: 2 водителя и я. Я тут залез на машину и ребятам дал взрывчатку, пилу, кирку. Ведь там где взрывать, где пилить, а где и ломать придется. Не успел я тогда все это сказать, как один из нас — Костя Доброхотов, такой смельчак, помню, был, пошел в этот самый подъезд. Не успел он войти, как закричал. А мы только стрельбу услышали и крики. Тут сразу под машину две гранаты бросили. Я упал в кузов, и все, кто со мной был, тоже упали. Двоих наших водителей убило. Остальных, кто рядом с машиной тоже были, ранило осколками. Костю, когда он закричал, японцы закололи кинжалом. У нас штыки были, а у

них кинжалы. Вот этим кинжалом они его прямо в живот и закололи. А после и пристрелили. Мы все, кто жив остался, побежали в сторону от барака и залегли. Потом уже бронетранспортер подъехал и увидел, что мы заметались, и открыл огонь. А в бронетранспортере 4 пулемета было. А следом танк начал стрелять по всем баракам. То в один барак стрельнет, то во 2-й, 3-й, 4-й. Тут мы увидели, что японцы бегут, и давай по ним стрелять. Их было человек 30. Семерых мы ранили, а остальным убежать удалось. Мы потом этих раненых пристрелили. Затем отправились искать радиостанции. Зашли в помещение барака и увидели большую радиостанцию. Мы в нее взрывчатки наложили и взорвали. Затем пошли все остальные бараки проверять. Зашли еще в один барак и увидели на полу половик собранный и щель в полу. Я говорю ребятам: «Это люк. А ну-ка откройте его и посмотрите, что там в нем». Открыли люк. Один туда полез, и как закричит: «Японцы здесь сидят!». Он вылез. Я японцам говорю: «Выходите, а то гранату брошу». Они вышли. Их было трое, и были они в одних трусах. Мы взорвали остальные японские радиостанции, а этих японцев с собой увели. Машина наша тогда уже не работала, т.к. граната в моторную часть попала. Мы тогда на танки и бронетранспортеры сели. Этих японцев посадили на танки и в нашу часть привезли. Командир нас встретил и спрашивает: «Что случилось?». А я ему отвечаю: «Японцы сопротивляться начали. Наших троих убило, мы их там закопали. Остальных раненных привезли». Командир бригады пистолет вытащил и закричал: «Ах вы, самураи проклятые, сопротивляетесь?!» Он стрелять начал. Стрельнул несколько раз по японцам на расстоянии 10 метром и ни разу не попал. Потом инженер бригады нашей Кузьмин тоже пистолет вытащил и стрельнул. Но осечка была. Командир бригады: «Отставить, не надо расстреливать. Сдать в комендатуру. Значит, им суждено жить». Вот их в трусах в комендатуру и сдали. Так они живы и остались.

Японцы тогда еще бои вели. Японская армия тогда была — 1 млн. 300 тыс. человек. Их расчленили на 3 группировки. А нас было 4 фронта: 1-й Дальневосточный, 2-й Дальневосточный, наш Забайкальский и Тихоокеанская флотилия. У нас войск было больше: 2 млн. человек. 10 дней наши самолеты и наша артиллерия их бомбили. Наконец многие из них сдались в плен.

В Мукдене было кладбище наше с 1904 г., еще со времен войны, и русские попы там были. Тут велели наших тех трех,

что на заставе погибли, на этом кладбище похоронить. За ними полетели самолеты. Их выкопали, облили спиртом и привезли в цинковых гробах. Здесь, на мукденском кладбище их и похоронили.

После Мукдена мы поехали на 74-й разъезд, где я пробыл до апреля 1950 г. Все эти 5 лет я был старшиной роты управления. Всех стариков и рядовой состав тогда демобилизовали, а сержантский состав оставили. Мы воспитывали новое поколение. А демобилизовался я только 3 апреля 1950 г. Приехал сначала домой, а в июле поехал в Москву. Я начал работать на кирпичном заводе г. Железнодорожного. А затем здесь построили керамический завод, на котором я проработал 40 лет. Основная моя работа была — обжигатель, а затем и мастер.

Был еще случай в Венгрии. Мы ехали по Венгрии. У нас тогда только техника и артиллерия была, а пехоты не было. Пехоту выбило. Мы едем по дороге. И вдруг с гор немцы спускаются и обстрел начали. Мы разворачиваем нашу технику: танки у нас были и «катюши», и открываем ответный огонь по этой горе. Нам всем сказали вперед идти. А у нас была рота автоматчиков, разведчиков, минеров-разведчиков рота. Нам сказали прочесать эту местность. И вот мы забрались на эту гору. Когда немцы огонь открыли, Толю Михониченко, друга моего с соседней деревни, ранило. Нам пришлось его на плащ-палатку положить и спускать с горы. Мы тогда много немцев перебили. А раненные лежали и по-немецки воды просили. Но мы им воды не дали, и добивать тоже не стали, пускай мучаются. Вот только автоматы у них отобрали. Толю тогда в госпиталь положили. Мы с ним еще долго потом переписывались. Он еще ко мне с Донбасса, где он жил, в гости приезжал.

Еще произошла история с нашим командиром в Молдавии. Батальоны ушли вперед, а мы остались охранять штаб, они всегда в тылу оставались. Вот наша рота пулеметчиков и минер разведчиков остались в штабе. С одной стороны там небольшая гора была, а с другой речка. Вот над этой речкой, по дороге мы и шли. С этой горы немецкая разведка, человек 50 открыли по нам огонь. Нас тогда было около 500 человек. Нам дали приказ штурмовать гору. Мы побежали с криками: «Ура! Вперед!» Немцы обстрел сделали и вперед побежали. Мы забрались на эту гору, и тут ровное место началось. Мы увидели село, хаты.

Там находилась немецкая оборона. Эти 50 немцев к своей обороне побежали. А мы их преследуем, стреляем. Горин Николай тогда на лошади даже их преследовал. Немцы почти до села добежали, а мы на середине поля оказались. Тут они огонь по нам открыли с минометов, пулеметов. Положили нас. А нам ни назад, ни вперед. Все кругом перемешались. Наши взводы все смешались: разведка, автоматчики. Потом ко мне подползает ординарец и говорит: «Командира взвода ранило!» А я ему: «Ну а где ребята?» Он отвечает: «Да, все из других взводов, они меня не слушают! Тащить его надо!» Я спрашиваю: «А куда ранило?» Ординарец отвечает: «Его контузило и в ногу ранило». Командира Сафронова мы на плащ-палатку положили и оттащили к краю леса к нам в тыл. Там в лесу ручьем большую вымоину образовало, глубиной в 1 метр. Вот мы туда и легли отдохнуть. Я говорю командиру: «Ложись на дно, а то из миномета стреляют, заденут!» Мы легли, а он остался. И тут мина рядом разорвалась. Командира очень сильно тогда контузило. Нас не так сильно, потому что мы в канаве лежали. Мы его опять на плащ-палатку положили и по этому ручью потащили к домикам. А возле этих домов наша санчасть располагалась. Мы его туда сдали. Наших солдат в том бою больше половины погибло. Если бы мы командира не потащили, то тоже на этом поле бы остались.

Автор предоставляет московскому отделению Академии военно-исторических наук право на некоммерческую публикацию настоящего текста воспоминаний без какого либо гонорара.

Декабрь 2004 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Хованская Дарья Игоревна**, студентка 3-го курса факультета экономики и управления Государственного колледжа технологии и управления «Колледжный комплекс», член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Балашихинского района.

Хондак Дмитрий Сергеевич

МЫ ВЫПОЛНИЛИ СВОЮ ЗАДАЧУ

Родился 28 октября 1915 года в селе Березовка Курской области Борисовского района (граница с Украиной). По национальности русский. По вере православный. Состоял в КПСС с 1938 года (награжден орденом 50 лет КПСС). Состоял в комсомоле и во всероссийском обществе автолюбителей с 1978 года.

До войны окончил: в 1928 году школу (3 года в деревне, потом 4 года в вечерней школе), харьковское ФЗУ — 1933 год.

После войны: сталинградский техникум — 1950 год.

Взят в армию по специальному набору в 1937 году с офицерским званием в железнодорожные войска (11.1937—01.1942).

Для меня война началась в 1939 году. Мы знали о том, что наше правительство заключило мирный договор с Германией. Мне даже до начала войны в Бресте дали приказ поменять колесные пары поездам для отправки немцам вагонов с продовольствием (на наших дорогах были 1524 мм расстояние между рельсами, а у них 1521мм).

В те годы Германия объявила войну Англии и Франции. Гитлер захватил всю Европу, кроме Англии и части Франции. Нападение на Европу было вероломным, неожиданным. Уже в

тот момент я чувствовал, что скоро что-то будет! К войне мы готовились очень тщательно, сильно готовились, хотя старались не показывать вида.

Перед тем, как война началась, всех командиров собрали на совещание, где сказали, что надо готовиться к войне. Мы в этот момент находились в Брестской области, в селе Бариново. 22 июня в 2 часа ночи я услышал сильные взрывы, помню, как сыпались осколки стекла, трещали стены — так для меня началась война. Раздалась громкая тревога. Подняли всех, кого только было возможно.

Тогда сразу схватились за оружие. Над нами летали самолеты, некоторые из них разбрасывали какие-то листовки. Мы подбили сразу два самолета.

Прошел большую физическую подготовку до призыва в армию. В армию взят по спецнабору в 1937 году в железнодорожные войска, в звании лейтенанта. Взят на Западный фронт командиром взвода с 22 июня 1941 года по 12 февраля 1944 года. Служил в городе Рыбница — на Бессарабской границе (нынешняя Молдова).

Отходили с первых дней войны. Шли ужасные бои! Мы оставляли города. Враг превосходил по численности и вооружению. У нас на вооружении находились винтовки старого образца, еще со штыком, а у высших чинов были личные пистолеты (ТТ).

11 июля 1941 года — Речетово, около Гомеля. Нас постоянно бомбили немецкие самолеты. Они бомбили кольцевым налетом. Они подорвали мост через Днепр, и мне с моим отрядом надо было его восстановить под непрекращающимися бомбежками. Мы смогли восстановить мост.

Отходили мы с ожесточенными боями через Гомель, Минск, Могилев, Смоленск.

Я участвовал в Смоленском сражении. Оно длилось с 10 июля по 10 сентября 1941 года.

Мы два месяца держали оборону в ожесточенных боях с превосходящей армией противника. Немцам не удалось сразу прорваться на Москву.

Участвовал в обороне Москвы, под Вязьмой. Нас направили на Западный фронт, где командующим был Иван Степанович Конев. Потом нас объединили с Резервным фронтом и поставили командующим Г. К. Жукова.

Мы стояли насмерть, держались, и немцы, с превосходящей по силе армией, так и не смогли прорвать нашу оборону.

Многие погибали, спасая Москву, Родину, от жестокого врага. Ночные бомбардировки немцев следовали одна за одной. Изнурительные, кровопролитные бои продолжались до ноября 1941 года.

5 декабря 1941 года началось контрнаступление. Было поднято все, что только можно, вплоть до аэростатов. Все, что могло гудеть, гудело.

Хотя наши войска и уступали по численности и оснащению вражескому войску. Немцы явно не были готовы к нашим атакам. Мы пошли в наступление по всем направлениям. Враг стал отступать, теряя и оставляя технику, бросая склады с горючим, боеприпасами, оружием, оставляя за собой целыми мосты и переправы через реки.

Мы окружили в районе Ефремова большую группировку войск противника и уничтожили их.

Первая большая победа для меня, да и для всех остальных русских солдат была колоссальной моральной поддержкой. Тогда я почувствовал, что мы выиграем войну и разобьем врага.

В 1943 году мне дали новое звание — командир взвода (1.1943—2.1944).

Помощником командира роты по технической части меня назначили в 1944 году (с 12.02.1944 по 9.05.1945).

Война продолжалась и после 9 мая, когда уже был подписан документ о капитуляции Германии.

Это было у города Перлаум (ныне Балтийск) там было много немцев, они прятались в подвалах домов. Мы их атаковали, искали, где только возможно. И мы их нашли! Кого-то брали в плен, а того, кто сопротивлялся, убивали. Я лично взял в плен сорок немцев, два из которых были полковниками. Их звали Шульц и Ганс.

Закончил войну 9 мая 1945 года в городе Кенигсберг в составе 34-го батальона механизации в звании майора, под командованием полковника Аркадия Михайловича Кузнецова и подполковника Томашевича.

Получил три ранения. В госпиталях не лежал, лечился в санчасти при расположении войск.

Первое ранение в 1941 году под Смоленском попал под бомбежку, получил осколочное ранение в грудь.

Под Вязьмой получил второе ранение 5 декабря 1941 года. В сражении с танковой дивизией противника.

Третье ранение получил в 1943 году под Ржевом. Тогда получил легкое ранение в ногу. Много тогда погибло народу. Только с моего взвода с поля боя не вернулись двадцать один человек.

Возвращался с войны домой через Кенигсберг, Минск, Смоленск, Вязьму. Потом взяли в учебный полк. Впоследствии направили в Чернигов, потом в Сталинград (1952—1956 г. — седьмая железнодорожная бригада) — там получил новое звание — командир роты, служил под командованием полковника Ягодаряна.

Уволен из армии с выслугой 26 лет с правом ношения военной формы, по причине расформирования части (приказ сто).

После увольнения со всей семьей уехал из Сталинграда в подмосковный город Щелково на поезде. По дороге случилась курьезная ситуация.

Мы ехала нормально, но в кокой-то момент расцепилась сцепка у вагонов. Первые вагоны уехали вперед, а я ехал в последнем вагоне. Наши задние вагоны только что спустились с горочки и мой последний вагон приподняло. Меня и остальных немного придавило вещами, но потом разобрались. Довезли до пункта назначения нас уже на машине.

Работал в аэродромном строительном управлении. Начальником был полковник Григоренко. Потом меня назначили начальником авиабазы. Впоследствии перешел на 345 механический завод в Балашихе.

Член совета ветеранов железнодорожных войск.

Награды:

Советом ветеранов войск 31-й армии награжден юбилейным нагрудным знаком: «31-й армии — 50 лет». Председатель Совета ветеранов Н.М.Афанасьев.

Медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Выдан 28 марта 1995 года. Ельцин. № 117422424

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года награжден медалью «За оборону Москвы». Вручена 13 октября 1998 года. Начальник Управления Президента Российской Федерации по государственным наградам Н.Сивона.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1978 года награжден юбилейной медалью «60 лет Вооруженных Сил СССР». Вручена 17 февраля 1978 года. Майор-инженер Уемов.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 года награжден юбилейной медалью «Тридцать пять лет победы в Великой Отечественной войне1941—1945 годов». От 8 мая 1975 года. Балашихинский военный комиссариат. Полковник Феофанов.

Медаль «За боевые заслуги», от 6 ноября 1947 года.

Орден Красной Звезды, от 11 сентября 1944 года, № 717238.

Орден Красной Звезды, от 5 ноября 1954 года, № 3325078

Орден Отечественной войны I степени № 534474, указом Президиума Верховного Совета СССР 11 марта 1985 года

Знак «Ветеран железнодорожных войск», 1978 г. Казамирчук, Кабанов.

Медаль «В память 850-летия Москвы», 26 февраля 1997 года. Медаль вручается за доблестный труд.

«В ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» 14 апреля 1970 г. Григоренко.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 года награжден юбилейной медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», от имени Президиума Верховного совета СССР медаль вручена 29 апреля 1985 г. Балашихинский горвоенком. Подполковник Богачков.

Удостоверение к юбилейной медали «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня Рождения Владимира Ильича Ленина». От имени Президиума Верховного Совета СССР. 14 апреля 1970 года.

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 года. Награждается юбилейной медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Балашихинский Горвоенком. Полковник Саначев.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1967 года вручается медаль «Пятьдесят лет Вооруженных Сил СССР». Вручена 1 ноября 1968 года. Балашихинский Горвоенком. Полковник Саначев.

Памятный знак «Шестьдесят лет битвы за Москву». Мэр города Москвы Ю.М.Лужков.

С 27.04.2000 г. по приказу президента Ельцина повышается в звании и становится полковником за заслугу участника ВОВ перед Родиной.

Отец был в Чапаевской дивизии при Советской власти. Его подстрелили враги в 1922 году — мне тогда было 6 лет. Рос я без отца, был пастухом. Первым трактористом в колхозе.

В войне принимали участие двоюродные братья. О них я ничего не знаю.

В войне также принимал участие и мой родной старший брат Иван. Он попал в плен в 1943 году. Когда перевозили его в Германию, он вместе с остальными пленными пробил в полу вагона дырку. Они вместе со всеми остальными пленными, высыпались на рельсы где-то около Майданека. Многие погибли под колесами поезда. А брат выжил. Он вернулся домой через три месяца после побега. Умер дома от истощения.

Публиковался в книге «Фронтовые мосты».

В ней у меня своя статья: «Вяземский котел».

В войну были и курьезные случаи:

…Мы тогда стояли на станции Издержского, недалеко от Вязьмы. Мне дали приказ: после того, как наши войска прой-

дут — подорвать часть железной дороги и мост через реку. На станции Пызлово прошли колонны танков и людей.

Через какое-то время пошла еще одна колонна. Я думал, что это наша колонна танков, а оказалось — это колонна немецких танков. Танки стали давить наш строй! Мне сломали ребра. Мы пошли в атаку. С собой у нас были бутылки с зажигательной смесью. Мы сразу смогли поджечь несколько танков. Немцев, что были на танках, били врукопашную. Ведь на поле боя либо ты их, либо они тебя. Большая часть батальона погибла героически… я сражался до последнего, пока не потерял сознание.

После этого я со своим взводом попал в тыл немцев.

11 октября 1941 года на закате я увидел лошадь, а на ней был наш политический руководитель.

Он мне сказал, что командир армии со всеми частями будет выходить из окружения. Меня, со своим взводом, направили в деревню Пустотошино.

Нам там надо было поднять панику, чтобы остальные вышли из окружения. Мы легли около оврага и стали стрелять по немцам. После того, как закончились патроны, мы пошли в штыковую. Бой продолжался три часа. Было много крови, трупы солдат проваливались под лед. Из боя мы вышли победителями. Мы выполнили свою задачу! В это время остальные шли под трубами магистрали Калуга — Вязьма. Впоследствии и мы там поползли. Прошли в общей сложности километров двести.

Мы вышли из окружения между Кубинкой и Москвой-3.

Из нас сделали новый батальон, новую бригаду. Каждый день проводили в боях, в жестоких боях…

Февраль 2005

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Володько Николай Михайлович**, студент 2-го курса Института социально-экономического моделирования и прогнозирования, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Балашихинского района.

Худенко Василий Макарович

ОТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ЗАПАД

Родился 02.04.1922 г. в селе Чапаевка Козельщинского района Полтавской области. Русский. Христианство. Коммунист. Членство в общественной организации: комсомол, Совет советских офицеров.

До войны окончил десятилетку.

Узнал о начале войны утром 22 июня 1941 года, в это время я находился на стрельбище на Дальнем Востоке, нам срочно сказали прибыть на митинг, где нам и объявили об этом ужасном событии.

Начинал участвовать в боевых действиях. Пошел в армию добровольно и был направлен на курсы в сержантскую школу, а затем, в июне 1941 года, был направлен на Дальний Восток, в Уссурийский край, на маньчжурскую границу. После окончания полковой школы в 1941 году был направлен в пулеметно-минометное училище во Владивостоке, а затем в Комсомольск-на-Амуре. В феврале 1942 г. был выпущен лейтенантом. Начал участвовать в боевых действиях в июне 1942 года под командованием полковника А.М.Игнатова в 64-й стрелковой дивизии (сформированной с 27 февраля по 6 июня 1942 года в городе Серпухове).

Боевой путь проходил через Уссурийск (июнь 1941), населенный пункт Платоновка (июнь 1941), Владивосток (июнь 1941), Комсомольск-на-Амуре (июнь 1941), Канск (февраль 1942), Сухиничи, Калужская область (29.01.1943), Новосибирск (март 1943), река Жиздра (24.03 1943), город Щигры (июль 1943), Киров (4.08.1943), Смоленск (25.09.1943), Витебск (май 1944), Бобруйск (май 1944), река Баси (июнь 1944), Неман (июль1944), город Лунно (июль 1944), Гродно (июль 1944), река Бебеж (октябрь 1944), Люблин (ноябрь1944), Висла (23.12.1944), город Кутно (январь 1944), Радом (14.01.1945), Лодзь (25.01.45), Познань (январь 1945), река Варта (январь 1945), Франкфурт (февраль1945), город Костшина (3.02.1940), Калиш (февраль 1945), Одер (февраль 1945), Шпрее (24.04.1945), Берлин (25.04.1945).

В августе 1942 г. в составе 66-й армии Донского фронта я участвовал в операции «Кольцо» по окружению и разгрому 6-й немецкой армии помощником командира взвода 5-й стрелковой роты 451-го стрелкового полка.

17 июля 1943 город, г. Шигры, под командованием полковника Яременко, командиром 5-й стрелковой роты 451-го стрелкового полка.

4 августа, город Киров, под командованием полковника Яременко в составе 10 армии, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

25 сентября, 1943 город, Смоленск под командованием полковника Яременко, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

23 июня 1944 г., населенный пункт Радуга, под командованием полковника Яременко, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

24 июня 1944 г., населенный пункт Бобыль, под командованием полковника Яременко, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

28 июня 1944 г., город Могилев, под командованием генерала Шклярова, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

24 июля 1944., город Люблин, под командованием генерала Шклярова, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

19 января 1945 г., город Лодзь, под командованием генерала Шклярова, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

23 февраля 1945 г., город Познань, под командованием генерала Шклярова, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

30 апреля 1945 г., город Берлин, под командованием генерала Шклярова, командиром 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка.

Военные боевые действия закончил в апреле 1945 года в городе Берлине.

Ранения:

Контузия 22 апреля и 26 апреля 1945 года в Берлине, 26 апреля 1945 года два ранения в Берлине.

Демобилизовался в ноябре 1969 года в городе Чехове.

Награжден:

Орденом Красного Знамени (№ 2858872).

Орденом Отечественной войны I степени (№ 135668).

Орденом Красной Звезды (№ 3424292).

Орденом «За боевые заслуги».

Удостоен ордена «Знак Почета» уже в мирное время.

20 медалей: «За победу над Германией», «За освобождение Могилева» и т.д.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года награжден медалью «За взятие Берлина». От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 1 ноября 1945 года генералом-майором Дука (А № 056053).

Постановлением Президиума московского областного комитета ДОСААФ СССР награжден «Почетным знаком ДОССАФ СССР». Председателем центрального комитета ДОСААФ СССР Героем Советского Союза адмиралом флота Г.Егоровым 8 декабря 1982 года (№ 45522).

Постановлением Президиума Московской областного комитета ДОСААФ знаком «За активную работу». Председателем центрального комитета ДОСААФ. 17 января 1980 года. Покрышкин (№202).

Постановлением Президиума Московской областного комитета ДОСААФ знаком «За активную работу». Председателем центрального комитета ДОСААФ. 18 февраля 1981 года. Покрышкин (№211).

Постановлением Президиума Московской областного комитета ДОСААФ знаком «За активную работу». Председателем центрального комитета ДОСААФ. 18 января 1982 года. Покрышкин (№ 197).

В войне погибших родственников нет.

Остались живы родственники: Сестра (Антонина Макаровна Худенко), брат (Федор Макарович Худенко), брат (Иван Васильевич Худенко), дядя (Бабыч Михаил), братья Григорий Сергеевич Худенко, Колеснык Виктор Антонович (капитан), Колеснык Дмитрий Антонович (начальник орудия), Колеснык Иван Антонович (артиллерист), Колеснык Василий Анатольевич.

Собственные публикации ветерана: Чеховская районная газета «Чеховский вестник»

«От Дальнего Востока...»

Родился я в 1922 г. в бедной крестьянской семье. В неурожайном и голодном 1933 году мои родители умерли от голода, оставив сиротами троих детей: братишку и сестренку, мне в это время было 11 лет. Впереди был Полтавский детский дом, в котором нам пришлось прожить семь лет. А затем была служба на Дальнем Востоке, у озера Ханко. Попал я служить в 154-ю горнострелковую дивизию. Обучался в полковой школе, куда зачисляли только тех, кто имел среднее образование. А позже в этой школе был сформирован спортивный взвод, куда зачислили и меня.

Физическая нагрузка была нечеловеческая. Днем — боевая учеба, стрельба, изучение тактики, приемов штыкового боя,

уход за лошадьми. Ночами помогали пограничникам в охране Государственной границы.

Да, было неимоверно тяжело и порой казалось, что больше нет сил, выносить такие нагрузки. Но позже я понял, что благодаря этой школе я в совершенстве овладел программой выживания в военных условиях. И это очень пригодилось мне на фронте.

В апреле 1941 года полк принял участие в тактических учениях, после которых меня и моих товарищей направили во Владивостокское пулеметно-минометное училище. Учебу завершили в феврале 1942 года в городе Комсомольск-на-Амуре, получили звания лейтенантов и были направлены на фронт.

Но в Сибири, в городе Канске, меня и других офицеров оставили для подготовки сибиряков-лыжников. Затем этих бойцов мы сопроводили под Москву, а нас, офицеров, еще раз вернули в Сибирь — для обучения военному делу новых солдат. Эти лыжные сибирские батальоны сыграли важную роль в разгроме немцев под Москвой и под Ленинградом. Новых солдат мы сопровождали на фронт, на этот раз под Старую Руссу, куда пробирались по ночам болотами.

Затем полгода обучался сам на курсах «Выстрел» в городе Новосибирске, после чего был направлен на 1-й Белорусский фронт под город Могилев. Там сражалась 64-я орденов Суворова и Кутузова Могилевская стрелковая дивизия, сформированная в 1942 году в городе Серпухове.

В июне 1942 года наша дивизия под командованием полковника А.М.Игнатьева перебазировалась в район села Линево Сталинградской области и вошла в состав 1-й гвардейской армии Сталинградского фронта. 26 августа дивизия вступила в бой. Воины соединения стойко встали на защиту волжской твердыни. Например, третья минометная рота 433-го стрелкового полка под командованием серпуховича Петра Емельяновича Горшелева, поддерживая наступление пехоты, уничтожила 3 пулеметные точки, 3 склада боеприпасов, одну противотанковую пушку, 3 автомобиля с грузом и до 180 немецких солдат и офицеров.

В составе 66-й армии Донского фронта наша дивизия участвовала и в операции «Кольцо» по окружению и разгрому 6-й

немецкой армии. За проявленный героизм сотни воинов были награждены боевыми орденами и медалями, а весь личный состав дивизии — медалью «За оборону Сталинграда».

После сражений на Волге 84-я дивизия с 29 января по 3 февраля 1943 года передислоцировалось в район города Сухиничи Калужской области. 2 марта в составе 16-й армии Западного фронта мы начали наступление. В оперативной сводке от 14 марта 1943 года говориться, что противник силой до 16 танков с пехотой пытался контратаковать подразделения 433-го полка. Но в кровавой схватке враг был остановлен и понес тяжелые потери в живой силе и технике. 24 марта после огневого налета 7 танков и до 250 человек пехоты противника с использованием дымов обошли с запада первое боевое охранение, отрезав его от реки Жиздры. Завязалась жестокая схватка. Враг, не выдержав огня, залег. Тогда противник бросил в атаку еще 2 танка, две бронемашины и до 50 автоматчиков. Советские солдаты мужественно дрались с врагом. Из боевого охранения в живых осталось 6 человек, а остальные пали смертью героев.

Через месяц 64-я была включена в состав 50-й армии. 17 июля под командованием полковника Яременко она перешла в наступление и второй раз форсировала реку Жиздру. После двухдневных боев нас перебросили в район города Щигры. 4 августа дивизия передислоцировалась под город Киров и в составе 10-й армии освободила Смоленск; стали готовиться к Белорусской операции.

23 июня 1944 года наши части в составе 49-й армии 1-го Белорусского фронта на могилевском направлении вели бои за населенные пункты Радуга и Бобыли. После их захвата противник в беспорядке стал отступать на левый берег реки Баси.

Так, помощник командира взвода 5-й стрелковой роты 433-го стрелкового полка сержант Яровой, пробираясь с отделением бойцов к огневой точке немцев, был схвачен фашистами. При конвоировании, поняв безысходность своего положения, он вытащил кольцо с чекой из гранаты и бросил ее под ноги. Три немца были убиты, а четвертый тяжело ранен. Хотя он сам получил тяжелое ранение и был доставлен в часть, он выполнил свой долг.

Освободив Могилев, дивизия продолжала преследовать и уничтожать фашистов, одолевая рубеж за рубежом. Форсировав реки Неман и Бебеж (Бобр), мы вышли в район станции Черемша (Польша), а затем железнодорожным транспортом нас перебросили в город Люблин.23 декабря 1944 года дивизия поила коней в реке Висле и готовилась к зимнему наступлению 1945 года.

За боевые действия по освобождению Белоруссии 64-я стрелковая дивизия была награждена орденом Суворова и получила название Могилевская, а за проведение Варшавско-Познаньской операции была награждена орденом Кутузова.

14 января 1945 наша дивизия в составе 33-й армии форсировали Вислу, и перешли в наступление, держа направление на города Радом, Лодзь, Познань, Калиш, южнее города Франкфурт-на-Одере. На переправе через реку Варту командир дивизии, генерал Шкляров приказал охранять мост, пропускать свои войска и не допускать отходящие немецкие части. Это был большой бетонный мост длинной более 30 метров, оцепленный колючей проволокой, немцы взорвать его не успели или специально оставили, чтобы по нему могли переправить вторые эшелоны немецких войск, окруженные под Познанью.

Мне и моей 9-й роте 1433-го полка было поручено охранять указанный мост, обеспечивать переправу через реку Варта наших войск. В то же время было приказано не пропускать немецкие войска в сторону Германии. Приказали взять под охрану мост роте, а в ней было всего 87 человек при двух пушках. Правда, рота была усилена пулеметным взводом из трех станковых пулеметов и взводом минометчиков — три миномета 82-мм калибра. Всего собралось около 150 человек.

Река Варта в этом месте протекает по равнине. Мост поднят над водой довольно высоко, а к мосту с двух сторон насыпаны дамбы. С востока, откуда могли появиться вражеские войска, на расстоянии около 600 метров находился лес. Рядом с мостом, у реки, находилась усадьба какого-то немецкого помещика. Постройки все уцелели, а на скотном дворе были даже коровы, но хозяева поместья бежали в Германию.

Вокруг моста немецкие солдаты устроили своего рода круговую оборону. Были окопы, колючая проволока и пулеметные гнезда. Я приказал занять круговую оборону. Подправили око-

пы, разрушенные нашими войсками при наступлении, установили пушки, минометы и пулеметы. Нападения можно было ожидать с любой стороны. И чтобы оно не было неожиданным, с обеих сторон моста были выставлены наблюдатели, которые в случае опасности могли вовремя подать сигнал тревоги.

Весь день через мост проходили вторые эшелоны наших войск. Сначала прошли танки, потом долго шла пехота. В середине дня пошли обозы, автомашины. Это к передовой подтягивались вспомогательные войска, которые везли к фронту боеприпасы и продовольствие.

Так в хлопотах прошел весь день. Казалось, что немцы у моста так и не появятся. Но к вечеру со стороны леса подали сигнал: «Идет противник!» Я дал своему войску команду: «Приготовиться к бою!»

Из леса появилась колонна немцев. Они допустили ошибку, шли без разведки. Когда до моста оставалось метров 150—200, в небо взлетела красная ракета. И как гром среди ясного неба на идущих фашистов обрушилось море огня. Били пушки, пулеметы, а минометчики вели огонь по хвосту колонны, не давая немцам возможности отойти обратно в лес. Немецкие солдаты стали перестраиваться в цепь, но было уже поздно, почти половина их солдат упали или убитыми, или ранеными. И тут среди солдат противника кто-то стал размахивать белой рубашкой, давая нашим воинам понять, что они сдаются. Я дал команду роте: «Прекратить огонь». Немецкие солдаты поднялись и стали сдавать свое оружие в указанное им место. Всего сдавшихся с оружием было около 50 человек. Их под конвоем автоматчиков отвели на немецкую усадьбу и поместили в скотном дворе.

С пленными я долго беседовал вместе с переводчиком и разъяснил им, что расстреливать их никто не собирается, и жизнь им сохраним.

В свою очередь, пленные рассказали, что чуть южнее идет еще одна колонна немцев. У них было четыре орудия, множество пулеметов, большой обоз с боеприпасами и продовольствием.

Утром, посовещавшись с командирами взводов, мы решили предложить немецкой группировке капитуляцию. Переводчик поговорил с немецкими солдатами, ранее сдавшимися, чтобы они пошли парламентерами.

Я послал с парламентером взвод своих автоматчиков. Немецкую колонну они нашли в лесу. Сначала немцы открыли по парламентерам огонь. Было ранено несколько наших солдат, но большинство вражеских солдат драться не желало. Правда, некоторые офицеры попытались перейти реку по плывущему льду. Но эта попытка стоила жизни нескольким. Они проваливались в воду и тонули.

Офицеры сдаваться не стали. Они отпрягли нескольких лошадей из повозок, освободив их от орудий, и ускакали на них в глубь леса. Моя рота взяла в плен около 200 солдат противника. К тому же нам достались богатые трофеи: захвачены четыре пушки, девять пулеметов МГ-9 и большое количество коробок с пулеметными лентами, а также около 50 лошадей, продовольствие. Все это пригодилось, когда мы форсировали реку Одер. Там мы били немцев их же оружием.

Многие солдаты, офицеры и сержанты были награждены ордерами и медалями. В этом бою особенно отличился командир взвода лейтенант Ю.А.Калякин, москвич, награжденный двумя орденами Красного Знамени, двумя Красной Звезды, орденами Отечественной войны первой и второй степени.

Все пленные были сданы тогда в штаб 39 стрелкового корпуса, в который входила 64-я дивизия.

В начале февраля 1945 года моя рота в составе 433-го стрелкового полка вышла с боями на реку Одер у железнодорожного моста в районе города Франкфурт-на-Одере. Впереди был Берлин. Мост взорвали, но разведчики по уцелевшим перилам моста переправились на другой берег. Но после длительного, прицельного обстрела немцами им пришлось вернуться назад.

Разведчики были ребята геройские. В январе того же года еще на реке Висле получили мы приказ взять «языка». Операцию решено было провести на участке моей роты. С берега несколько дней просматривали в бинокли линию обороны противника. Было решено брать или связного, или пулеметчика. До другого берега Вислы 800 метров, посреди — широкая полынья.

Там, помню, много уток плавало. Полковые разведчики и саперы, все в белых халатах, подтянули к полынье две надувные лодки, не испугав даже уток, спустили лодки на воду и переплыли. Сначала на одной — первая группа, вторую подтащили на веревке.

Группа захвата ползла к немецким траншеям. С того берега немцы вели редкий пулеметный огонь, освещали местность ракетами. Нам повезло — наткнулись на телефонный провод. Перерезали его и стали ждать, на место повреждения неминуемо должны были выйти связисты. Так и произошло. Связист шел один, и мы его легко взяли.

В траншею пулеметчиков бросили противотанковую гранату и захватили оставшегося в живых пулеметчика, он лежал в «лисьей норе». Начался отход, переправились благополучно через чистую воду и уже на подходе к нашей траншее нас обнаружили, обстреляли, был тяжело ранен сержант. А «язык» (связист) тот оказался очень ценным, он много знал.

На подходе к Берлину мы научились применять захваченное в немецких траншеях новое оружие — фаустпатроны. Противник придавал большое значение борьбе с нашими танками, и реактивные снаряды в изобилии подвозили на передний край, но немцев выбивали с занятых позиций так быстро, что фаустпатроны он не успевал забирать. А оружие это было весьма эффективное, им жгли танки, и даже можно было разрушить кирпичный дом, снести крышу с пулеметчиком.

...На подступах к Берлину дивизию вывели в резерв, надо было получить пополнение и готовиться к штурму города. Офицеры изучали город по карте, по местности, учили солдат использовать новое «трофейное» оружие, особенно новое немецкое противотанковое — «фауст». На рассвете 16 апреля используя подручные средства переправы, рота достигла западного берега реки Одер. Дальше у нас было наступление на Берлин. С ходу было захвачено несколько разбитых домов, мы вышли на шоссе Франкфут — Берлин.

Нашему продвижению мешали водоемы — озера, каналы, ожесточенное сопротивление противника. Немцы не хотели отходить к Берлину, оказывая упорное сопротивление и цепляясь за каждый водоем, немцы пытались отходить в южном направлении, к Америке. Бои не затихали ни на минуту, ни днем, ни ночью, солдаты, сержанты и офицеры были в боевом едином строю. Постоянные атаки, за четыре первых дня без сна и отдыха мы продвинулись километров на 40, и это была сплошная полоса ожесточенного боя. Множество мертвых и раненых с

обеих сторон. Многие пали смертью храбрых, не дожив до Дня Победы, от которого их отделяло всего лишь 10 дней.

22 апреля я был контужен взрывом фугаса, он взорвался в четырех-пяти метрах.

После контузии с поля боя я не ушел, а продолжал командовать ротой, руководил наступлением.

24 апреля в пригороде Берлина мы наступали по берегу канала и по берегам реки Шпрее. Весь Берлин был в огне. По нашим наступающим войскам ожесточенно били немцы из артиллерии, пушек и других орудий. В этом бою 26 апреля от разрыва снаряда я получил сразу три ранения и был направлен в медсанбат. Большой осколок удалили, а два осколка поменьше до сих пор в ноге. 2 мая мы полностью овладели городом, а 8 мая представители немецко-фашистского верховного командования подписали в Берлине Акт о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии.

Я вернулся в полк уже после победы, через месяц. Но дивизию вскоре расформировали, оставшихся в живых бойцов и командиров передали в 82-ю гвардейскую дивизию восьмой гвардейской армии, где я был назначен командиром учебной роты. А в 1947 году расформировали и эту дивизию, а я принял командование мотострелковой роты уже в другой части 21-й дивизии. После этого началось мое продвижение по службе. Уже в Одесском военном округе я был заместителем командира батальона, начальником химической службы полка, а позже в Венгрии я был заместителем командира зенитного полка. В этом же году я женился на замечательной девушке Александре, она была моей опорой 51 год нашей совместной жизни. Она была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

В 1966 году за безупречную службу Советской Армии я был занесен на Доску почета ЮГВ (Южной группы войск) в Венгрии, а также на Доску почета в ГУТМО (Главное управление военной торговли СССР).

Прослужив около 33 лет, я в 1969 г. в звании подполковника уволился из рядов Советской Армии. Я работал учителем военной подготовки средней школы в Чехове-3, в Ваулове, и в течение десяти лет эта школа занимала первые места в районе по

военно-патриотическому воспитанию. По совместительству работал военруком и в школе Чехова-7. Из 100 выпускников Вауловской школы (выпуск 1969—1979 гг.) 85 стали офицерами, в настоящие время большая часть полковники. С 1995 года по состоянию здоровья не работаю, но участвую в военно-патриотической работе. В данный момент времени являюсь членом Президиума Российских ветеранов. Занимаюсь патриотическим воспитанием молодежи. Состою в обществе «Союза Советских офицеров». Выступаю на сборах допризывников Чеховского района. Надеюсь быть полезным и сегодня.

...Я думаю, ни один фронтовик не в силах вырвать из памяти годы, проведенные на войне. Всегда мы мысленно возвращаемся к тем дням и событиям, вновь переживаем и радость от успешного исхода боев и сражений, и боль от потери своих товарищей. Как горел Берлин и как падали бело-розовые лепестки от цветущих яблонь на раскаленные стволы пушек. За далью лет не меркнет зарево величайших из войн, оно напоминает живущим о тех, кто не вернулся и кто чудом уцелел в огненном смерче. Дорога к Победе шла через всю Россию.

Март 2005 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Москалева Светлана Александровна**, ученица 11-го «Б» класса муниципального общеобразовательного учреждения — средней школы №1 с углубленным изучением отдельных предметов.

Чуксина Мария Ивановна

МЕДИКИ ЗАЩИЩАЛИ РОДИНУ

Война. Тяжелое время! Она принесла множество страданий нашему народу. Независимо от возраста, статуса, социального положения, пола, расы и вероисповедания — люди боролись за свободу и независимость Родины. Я Мария Ивановна Чуксина. Русская, православная христианка. Родилась 19 декабря 1921 года в с. Карай-Салтыки в Тамбовской области. Родители назвали меня в честь бабушки Марии, а возможно подарили мне имя Божьей Матери. Со временем я выбрала достойную профессию по своему духу и душевной доброте. Избрав профессию врача, я не подозревала о том, какую судьбу мне приготовила жизнь. В 1933 голодном году моя семья переехала в Ташкентскую область, в город Чирчик, где строился тогда химический комбинат. В 1939 году я окончила среднюю школу №3 им. Ворошилова с отличием и без экзаменов поступила в Ташкентский медицинский институт на лечебный факультет. Я решила помогать людям! Возможно — это одно из первых — достойное, жизненно важное решение определило мою дальнейшую судьбу. На третьем курсе, во время сдачи летней сессии в 1941 году, студенты института услышали по радио правительственное сообщение о начале Великой Отечественной войны. Жизнь изменилась.

Отец уехал на трудовой фронт — на Шатурскую электростанцию. Младший брат — студент первого курса Железнодорожного института — был призван и отправлен в город Коканд, в школу связистов. Я продолжала учится, часть студенческого городка была переоборудована под госпиталь, куда сразу стали поступать бойцы с ранениями конечностей. Студенты-медики проходили первую практику. Кому позволяло здоровье стали донорами сдавая каждые 2 месяца по 250 грамм крови. Два дня в неделю работали на заводе «Ташсельмаш», помогали выпускать военную продукцию. В дни каникул нас отправляли на уборку хлопка (50 кг в день) в район Сырдарьи. Летом 1943 года молодым специалистам вручили повестки в военкомат. Юношей сразу отправили в Донбасс, где шли кровопролитные бои. А девушек — в Москву, в Главное санитарное управление. Через две недели я получила назначение в Макеевку, что в нескольких километрах от города Сталино (нынешний Донецк), там образовался новый 329-й зенитно-артиллерийский полк, который был сформирован из разбитых частей. Полк вошел в состав 9-го Сталинградского Краснознаменного корпуса противовоздушной обороны Юго-Западного фронта. Меня назначили младшим врачом полка. Полк был отправлен в днепропетровскую часть. Он занималась охраной важных стратегических объектов: железнодорожных и понтонных мостов, водных переправ, заводов, занимавшихся ремонтом боевой техники. Линия фронта проходила всего лишь в восьмидесяти километрах, и почти каждый день зенитчикам приходилось отражать налеты противника. Особенно страшными были «звездные» налеты, когда со всех сторон немецкие бомбардировщики в центр бросали бомбы. Люди погибали, они погибали у нас на глазах. Человеческие тела разрывали снаряды, трупы лежали на горящей от взрывов матушке земле! Бомба, попадавшая в орудийный расчет, уносила жизни солдат бесследно. В одну из таких страшных ночей в Днепропетровске зенитчики сбили два немецких самолета, медики тут же оказывали помощь раненым. Впоследствии весь личный состав, находившийся в ту ночь на дежурстве, был отмечен правительственными наградами. Так осенью 1944 г. я была награждена орденом Красной Звезды. Орденоносный полк прошел Украину, Молдавию, Румынию, Чехословакию и Венгрию. В г. Галац в

Румынии стояли наши морские части, работали подводники. В Чехословакии на Дунае полк охранял Дунайскую флотилию. Не смотря ни на что, наши сильные духом солдаты пели песни, организовывали скромные вечера, иначе от страха и от ужаса увиденного можно было сойти с ума. О конце войны услышали в городе Комарно, но еще целых полгода зенитно-артиллерийский полк стоял в Венгрии, в Будапеште, на охране моста через Дунай. Этот мост был единственным средством сообщения двух берегов, по нему двигались пешеходы, гужевой и автомобильный транспорт. Когда пришел приказ об увольнении женщин из армии, мне предложили продолжить службу, и еще полгода я прослужила военным врачом в артиллерийском полку в Одессе. В 1946 году демобилизовалась и уехала к отцу, который в то время жил в Москве. Радость возвращения мирной жизни не омрачала даже временная проблема с пропиской в Москве. Преодолев все трудности, я поступила на работу в женскую консультацию Красногвардейского района. Стала врачом-гинекологом, так как была знакома с этой дисциплиной еще в Днепропетровске, пройдя курсы специализации. Пройдя всю войну, я не встретила свою вторую половинку. Возможно, поэтому я выжила в тяжелое военное время, чтобы встретить его, своего единственного мужчину, мужа и отца будущему ребенку. Знакомство произошло в обыкновенный рабочий день. В тот момент, когда я пришла по вызову на дом к женщине, оказала необходимую помощь, выписала рецепт и больничный лист, и собралась уходить. Но судьба распорядилась иначе, она привела красивого молодого офицера, проходящего службу в Азербайджане, который в Москве был проездом. После скромного знакомства молодой человек проводил меня до дома, попросил телефон. Сначала были короткие встречи в Москве, переписка, приглашение в гости. В Кировабаде в августе 1947 г. мы зарегистрировали брак. С мужем, как и положено жене офицера, я исколесила всю страну, вплоть до Курильских островов. Брак оказался счастливым. И ради этого стоило выжить в тяжелое военное время. В Балашиху мы приехали в 1955 году. Свою работу врача я начала на «Скорой помощи», была участковым терапевтом в Горенской поликлинике, а когда Балашихинский литейно-механический завод построил свою поликлинику, в течение трех

лет была ее заведующей. Но работа администратора и хозяйственника была не по характеру мне, и я стала цеховым врачом (в течение 17 лет) для работников БЛМЗ, затем главным врачом санатория — профилактория завода, а когда был построен санаторий-профилакторий «Дружба», еще 13 лет проработала там врачом-ординатором. Удивительно, но на пенсию я ушла лишь в 1994 году, в возрасте 73 лет. У меня много наград. Кроме упомянутого уже ордена Красной Звезды — орден Отечественной войны II степени, юбилейные медали, медаль «За трудовую доблесть» и звание «Ветеран труда». Я — майор медицинской службы, участник Парада Победы на Красной площади в 2000 году. Несмотря на почтенный возраст, я активно работаю в совете ветеранов района, оказываю помощь нуждающимся.

Март 2005

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Килярова Росина Сергеевна**, студентка 4-го курса, юридического факультета, Института социально-экономического прогнозирования и моделирования, г. Балашиха, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Балашихинского района.

Шмелев Анатолий Александрович

НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Родился 4 апреля 1924 года в г. Сызрань Самарской области. Русский. Православный. Член КПСС до дня самороспуска КПСС. До вступления в КПСС был членом ВЛКСМ.

До войны окончил в июне 1941 года среднюю школу в г. Баптраки (ныне г. Октябрьск) Самарской области.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в г. Сызрань при отбытия по вызову для поступления добровольно в Каспийское высшее военно-морское училище (КВВМУ) в г. Баку.

Прибыл в КВВМУ (г. Баку Азербайджанской ССР). После прохождения курса молодого краснофлотца в составе курсантского батальона на учебном военном корабле «Правда», входившем в десантное соединение кораблей Каспийской военной флотилии участвовал в высадке морского десанта в порты Ирана: Пехлеви, Наутшехр, Бендер-Шах при выполнении операции по оккупации северной части Ирана в августе 1941 года.

Боевой путь проходил на учебном корабле (УК) «Шаумян» действующей Каспийской военной флотилии и в периоды боевой морской практики с мая по сентябрь 1942 года, принимал участие в переброске войск, вооружения, боеприпасов и продовольствия из Красноводска на Астраханский 12-футовый рейд для Сталинградского фронта. В октябре 1942 года участвовал в

выполнении боевых заданий на Апшеронском полуострове в составе истребительного батальона училища.

С февраля 1943-го по август 1943 г. проходил морскую боевую практику на УК «Правда». В сентябре 1943 года участвовал в боевом дежурстве сторожевых катеров противоминного наблюдения в Бакинской бухте. С мая 1944 года по июль 1944 года исполнял должность дублера командира второй артиллерийской башни главного калибра на гвардейском крейсере «Красный Кавказ» действующего Черноморского флота. С июля по сентябрь 1944 года исполнял обязанности помощника командира морского охотника МО-78 8-го дивизиона морских охотников того же флота, участвовал в конвойных операциях кораблей при сопровождении выхода и возвращения подводных лодок на боевые позиции.

В феврале 1945 года окончил КВВМУ с присвоением воинского звания лейтенант и получил направление в распоряжение командующего Черноморским флотом.

По прибытии в Севастополь в марте 1945 года был назначен командиром БЧ 2-3 (артиллерийской и минно-торпедной боевой части) тральщика и включен в состав специальных команд, отправляющихся в США для приемки боевых кораблей по ленд-лизу в состав Советского Военно-морского флота.

В период апрель — май 1945 года спецкоманды железнодорожными эшелонами были переброшены из Севастополя во Владивосток, а затем на военном транспорте «Сухона» через Тихий океан на Аляску в военно-морскую базу «Колд-бей».

После прохождения обучения на принятых кораблях, возвратились на Родину в состав Тихоокеанского флота в конце июля 1945 года. Мой корабль минный тральщик ТЩ-593 12-го отдельного дивизиона тральщиков сразу же принял участие в боевых действиях, так как в ночь с 8 на 9 августа началась война с империалистской Японией. Участвовал в конвойных операциях и морских десантах в порты Южного Сахалина: Маока (ныне Холмск) 20.08.45., Хонто (ныне Невельск) 23.08.45., Отомари (ныне Корсаков) 25.08.45. и Курильские острова Итуруп, Шикотан (26.08.45).

Военные действия закончил 2 сентября 1945 года. Однако для минных тральщиков боевые действия продолжались в течение сентября-декабря 1945 года и мая-декабря 1946 года. Проводилось боевое траление морских мин, поставленных в ходе Второй мировой войны Японией, США и СССР в районе пролива Лаперуза и вдоль побережья Приморского края.

Ранения:

Ранений не было. Был контужен во время бомбежки кораблей на Астраханском 12-футовом рейде в августе 1942 года. В госпитале не лежал. Помощь оказана в корабельном лазарете канонерской лодки (КН) «Ленин».

Вторая контузия была при взрыве мины в трале в период боевого траления в июле 1946 года.

Погибших в войне родственников нет.

Награды:

Орден Красного Знамени №221195, указом Президиума Верховного Совета СССР.

Орден Отечественной войны I степени №522690.

Орден Красной Звезды №178584, приказ командующего ТОФ.

Орден Красной Звезды №3412959, приказ министра обороны СССР.

Медали: «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др. Всего 30 медалей.

Собственные публикации ветерана:

Книги:

«Люди долга и чести», кн. 1. Изд-во «Либрис», Москва, 1996 г.

«Люди долга и чести», кн. 2. Изд-во «Московский журнал», Москва, 1998 г.

«Люди долга и чести», кн. 3. Изд-во «Московский журнал», Москва, 2003 г.

«Встреча в конце пути» (повесть) г. Королев, 2000 г. Литературный историко-краеведческий альманах «Болшево», глава «Солдатская слава», Болшево, 1999 г.

«Московское Краснознаменное военно-инженерное училище», 2003 г., Москва, СИП РИА, очерк «Девушки-саперы».

Газеты:

Опубликованы статьи на военно-патриотические темы в разные годы свыше 500: «Красная звезда», «Красное знамя» (Приморский край), «Боевая вахта» (Тихоокеанский флот), «Калининградская правда» (г. Королев, Московской области), «Ветеран» и др.

Журналы:

«Советский воин», «Воин», «Крылья Родины» и др.

Подготовлена к печати книга «Люди долга и чести», кн. 4.

Другие публикации о ветеране:

В. А. Соколов. Человек долга и чести. В газете «Калининградская правда» №36 3 апреля 2004 года. 4 страница.

Боевая морская практика курсанта

После высадки морских десантов в портах Ирана корабли действующей Каспийской военной флотилии выполняли боевые задачи по переброске войск, боевой техники, боеприпасов и продовольствия из Красноводска в Астрахань.

Мне как курсанту Каспийского высшего военно-морского училища периодически после прохождения теоретического курса приходилось в порядке морской боевой практики по нескольку месяцев в году плавать на различных кораблях: УК «Правда», УК «Шаумян», КЛ «Ленин», сторожевые катера противоминного наблюдения, выполняя при этом боевые задания.

Наиболее остро в памяти остался массированный налет немецких пикирующих бомбардировщиков «юнкерс» на корабли, производящие перегрузку войск и техники с морских на речные суда, на Астраханском 12-футовом рейде для доставки их под Сталинград.

Было это в конце августа 1942 года. Группа немецких самолетов обрушила на корабли бомбы, пушечно-пулеметный огонь

и для деморализации массу разных предметов: металлические бочки, рельсы, которые при падении издавали душераздирающие звуки и наводили ужас. По боевому расписанию я исполнял обязанности заряжающего на 37-мм автоматической пушке К-70.

В мою задачу входило доставать из кранцев первых выстрелов пятипатронные обоймы и досылать их в приемник казенника.

Когда самолеты начали атаки, корабельная артиллерия открыла огонь всеми калибрами. Рвались бомбы, громыхали выстрелы, свистели падающие бомбы и снаряды. Помню, что недалеко от корабля произошел сильный взрыв (как потом выяснилось, упал и взорвался сбитый самолет). Взрывной волной меня отбросило в сторону, ударило о надстройки, и я потерял сознание. Очнулся только в корабельном лазарете. От контузии оправился недели через три.

Морские десанты

Довольно четко остались в памяти боевые действия на минных тральщиках уже в составе Тихоокеанского флота, когда началась война с Японией. Я был командиром артиллерийской и минно-торпедной боевой части тральщика ТЩ-593 12 ОДТЩ и участвовал во всех десантных операциях, в которых был задействован корабль.

Первой была высадка морского десанта в южносохалинский порт Маока (ныне Холмск). 20 августа 1945 года в составе первого броска ворвались в порт под огнем противника, ошвартовались у причалов и выбросили десантников и боевую технику, которые сразу же вступили в бой.

Корабль отошел от причала и, став на рейде, начал огневую поддержку десантников. Целеуказание на орудие и пулеметы я давал по запросу с берега и в направлении, указываемом ракетами ракетниц десантников. Жестокий бой длился до наступления темноты. К ночи японцы стали отступать в глубь побережья к сопкам. К утру там бой возобновился с новой силой.

К исходу второго дня перед кораблями десанта была поставлена новая задача: принять на борт по 300 человек морских пехотинцев с боевой техникой и следовать в порт Отомари, что

на южной оконечности острова Сахалин. Каждый тральщик на буксир должен взять катер, на каждом из которых были размещены по нескольку десантников первого броска.

Погода начала портиться. Усилился порывистый ветер, возросло волнение. Буксирные тросы натягивались как струны. Командование десанта приняло решение торпедным катерам отдать буксирные тросы и следовать самостоятельно в порт Хонто, где силами десантников овладеть причалами и удерживать их до подхода основных сил десанта.

Как раз в этот момент произошло событие, которое вынудило значительно снизить движение десантного отряда. На моем корабле ТЩ-593 лопнул стальной буксирный трос и, попав в воду за корму, намотался на правый винт. Машины пришлось заглушить. Оставшись без движения, корабль сильно качался, а необходимо было срочно снаряжать одного из матросов в легководолазном костюме с необходимым инструментом, чтобы спуститься под корабль и освободить винт. В штормовую погоду это было сложно и опасно. Выполнить эту задачу взялся трюмный машинист Иван Яценко, опытный и закаленный в боях на Черном море моряк. Почти два часа пришлось ему в бушующем океане вести труднейшую работу. Весь избитый, изможденный от перенапряжения сил, он выполнил задачу и машина заработала.

Десантный отряд полным ходом двинулся дальше, к проливу Лаперуза.

Стемнело. Лил проливной дождь. Полная светомаскировка затрудняла удерживать место в строю и к утру корабли отряда оказались разбросанными на большом расстоянии друг от друга.

Десантники, располагавшиеся в основном на верхней палубе, промокли до нитки и периодически по очереди спускались в кубрики, чтобы немного согреться.

Отряд приближался к проливу Лаперуза. Шторм не утихал. Громыхала гроза, порывистый ветер бил каплями дождя по лицам моряков, находившихся на ходовом мостике и на верхних боевых постах.

По разведданным было известно, что пролив Лаперуза заминирован. Нужно было входить за тралами, но тральщики не мог-

ли их ставить из-за штормовой погоды. Было решено форсировать минные поля без тралов, хотя это было крайне рискованно.

При входе в пролив усилилась бортовая качка, крен достигал предельно допустимого угла (свыше 40 градусов). Это было тем более опасно, так как основная нагрузка была выше ватерлинии. (Основная масса десантников и их боевая техника располагались на верхней палубе.)

Порой корабль по долгу задерживался в накрененном положении и, казалось, в следующее мгновение произойдет переворот (оверкиль). К Отомари подходили на рассвете. Вот и вход в порт. Видны пирсы. Возле них ни одного судна. Подходим к причалам довольно спокойно. Видимо японцы не ожидали русских десантников в такую штормовую погоду.

Выброска десанта и боевой техники прошла быстро и организованно. Сопротивление японцев началось с опозданием, когда десантные группы устремились в город.

К вечеру к причалам десантники стали приводить пленных японцев для сдачи оружия. Вскоре возле причала образовалась огромная гора винтовок, пулеметов, шашек, кортиков и другой военной утвари. Не обошлось и без трагических курьезов. Это место тихоокеанского побережья характеризуется значительными приливами и отливами. Утром, когда шла высадка на причалы приходилось прыгать и спускать технику по трапам, а вечером, в результате отлива, корабли оказались ниже уровня причала и на корабль приходилось прыгать или спускаться по трапу. Один из десантников с автоматом на плече, стволом вниз прыгнул на палубу. От резкого толчка при прикосновении к палубе внезапно прогремел выстрел. Пуля пробила деревянную палубу тральщика как раз над машинным отделением, где находился дежурный машинист. Хотя и на излете, но она попала ему в область живота и застряла. Корабельному врачу сразу же пришлось приступить к работе. Вскоре пуля была извлечена, она почти не коснулась кишечника.

Боевое траление

Вспоминается случай из боевой жизни минных тральщиков. Но прежде, чем о нем рассказать, следует дать небольшую ин-

формацию о морских минах. Они бывают контактные и неконтактные с количеством взрывчатого вещества в боевом заряде от 300 кг до 1500 кг. Взрыв такой мины рассчитан на уничтожение корабля даже крупного водоизмещения. В задачи минных тральщиков входит с риском для жизни определить границы минного поля, а затем, осуществляя тральные галсы в строю уступа, осуществлять тральные работы. Контактные мины, стоящие на якорях на определенном углублении от поверхности моря, тралы отделяют от якорей и они всплывают. После чего их уничтожают. Неконтактные мины находятся на дне и взрываются, когда над ними проходит корабль с мощным электромагнитным полем, создаваемым генераторами корабля.

Случай, о котором я расскажу, произошел при разминировании контактных мин. В тот день траление подходило к концу. Вечерело, и с берега потянул бриз. Появились белые барашки. Нужно было убирать тралы и возвращаться в базу. Вдруг с поста динамометров поступил доклад:

— На правом натяжение восемь!

А через минуту:

— Натяжение упало!

— Мина! Справа сто пятьдесят! — раздался голос сигнальщика.

Мина вытралена. Теперь необходимо ее уничтожить. А для этого на шлюпке нужно подойти к ней, прикрепить подрывной патрон, вставить запал с бикфордовым шнуром, поджечь и удалиться, нажимая на весла, подальше в мертвую зону разлета осколков, чтобы не оказаться жертвой взрыва.

Спустили шлюпку-двойку. В шлюпку прыгнули я и матрос Архипов. Он на веслах, я на руле. Подойдя к мине на несколько метров, переложил круто руль на правый борт и скомандовал Архипову:

— Правая на воду, левая табань!

Развернулись и стали подходить к мине кормой. Мина играла на волнах, сверкая зеленью водорослей, то подпрыгивая, то уходя под воду. Я лег на транцевую доску шлюпки, подготовив подрывной патрон, бикфордов шнур с запалом и закурил, чтобы

от папиросы поджечь пороховой состав огнепроводящего шнура. Вытянув руки вперед стал ловить момент, чтобы ухватить мину. Шлюпку подбрасывало на волне, мина тоже не поддавалась, прыгала вверх-вниз. Наконец коснулся скользкого корпуса мины, пытался ухватить поплотнее, но она выскальзывала, угрожая шлюпке коснуться свинцовым рогом и … взорваться.

С первого захода мину обуздать не удалось. Отошли. Через некоторое время маневр повторили. Удачно. Подрывной патрон на колпаке, приложил огонек папиросы к концу бикфордова шнура. Зашипев, вырвался дымок из сердцевины.

— Весла на воду! — крикнул Архипову, и мы стали удаляться от рогатой смерти.

Шлюпка летела стремительно, вдруг ее резко подбросило и мы увидели за кормой тральщика, шедшего следующим в общем строю и взлетевший столб воды. Это значит, произошел взрыв мины в его трале. С мостика моего тральщика командир корабля по мегафону взволнованно крикнул:

— Заглохли машины, корабль дрейфует в сторону мины. Постарайтесь предотвратить взрыв.

Я прекрасно понимал, чем грозил взрыв мины кораблю и резко развернувшись, вдвоем налегли на весла, устремившись обратно к мине, которая должна, может быть, через минуту-две взорваться.

Нужно успеть выдернуть запал с бикфордовым шнуром…

Сердце гулко стучало в груди.

Остаются метры. Развернулись кормой. Подходим. Я на транцевой доске, вытянув руки, лихорадочно нащупываю шнур в воде, вглядываюсь, не пузыриться ли дымок. Секунды кажутся вечностью. Вдруг нащупал, схватил, дернул изо всех сил. И в следующее мгновение ощутил удар , в борт шлюпки, будто кто-то бросил камень. Это сработал запал в воде.

Взрыв мины был предотвращен, но она должна была быть уничтожена. А это значит впереди повторение «игры со смертью».

Это один из эпизодов, а подобных было много и в 1945-м, и в 1946-м, и даже частично в 1947 году, пока все коммуникации в прибрежной акватории Приморского края не были очищены.

На заключительном этапе было проведено всем дивизионом тральщиков контрольное бомбометание глубинными бомбами транспортного пути через Уссурийский залив. Безопасное плавание судов в этом районе было обеспечено.

Май 2005

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Пославский Роман Владимирович**, студент 5-го курса МИРЭА, член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство», г. Королев.

Шорников Николай Федорович

ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНАЯ СТРАДА

Родился я в подмосковном поселке Запрудня в ничем не примечательный день 20 февраля 1920 года. Сколько помню свое детство, все в нашем поселке было связано с местным стекольным заводом. Здесь работали мой отец, соседи, даже наша улица называлась Заводской. Однако про себя я твердо решил, что стану военным. Поэтому, после окончания в 1938 году средней школы, поступил в Черниговское военно-инженерное училище и стал кадровым военным. К началу Великой Отечественной войны в звании лейтенанта был командиром конно-саперного взвода 32-й кавалерийской дивизии, которой командовал герой Гражданской войны, кавалер трех орденов Красного Знамени полковник Баскелевич.

В первых числах июля 1941 года наша дивизия была передислоцирована из Крыма в Белоруссию, в состав кавалерийской группы генерал-полковника Городовикова. Нам предстояло прорвать линию фронта и углубиться на 200—250 км в тыл противника, уничтожая его резервы, карательные отряды, склады и мосты, нарушая коммуникации.

Первый бой

Наши эшелоны разгружались на станции Василевичи. После ночного перехода остановились у деревни Беседовка. В 10 часов утра раздалась частая стрельба. Последовал приказ: «К бою!» Мы вскочили в седла, начали строиться. Раздалась команда: «Шашки к бою! В атаку — марш, марш!» Оказалось, наша дивизионная разведка выманила фашистов из деревни. Те, ни о чем не подозревая, надеясь на легкий успех, погнались за разведчиками и попали под удар подстерегавшего их нашего кавполка. В бою были уничтожены 700 фашистов, а для меня эта стычка с противником стала серьезным испытанием. Был убит мой конь Желанный, с которым прослужил более года. Что касается меня, то я вылетел из седла, пролетел шесть метров (лошадь шла карьером), сильно ушибся, но остался жив.

Вскоре после этого наша кавалерийская группа получила приказ идти на соединение с Киевской военной группировкой, чтобы усилить ее и удерживать Киев. Но к тому времени город был оставлен.

Первое ранение

В августе 1941 года в бою под городом Золотоноша я был ранен осколками мины в обе ноги. Бойцы меня не оставили. Раздвинув ящики со взрывчаткой на пулеметной тачанке, положили на солому и вывезли в город Льгов, где я находился на излечении в госпитале с сентября по октябрь 1941 года. Приехавший вскоре начальник инженерных войск 13-й армии полковник Бабин предложил мне должность командира роты 275-го инженерно-саперного батальона. Не долечившись, я отбыл в часть.

13-я армия входила в состав Юго-Западного фронта. 4 декабря 1941 года, в канун Московской битвы, штаб армии находился в Ельце, а мы — на противоположном берегу реки Сосны, в небольшой деревушке. В 22 часа 4 декабря из штаба армии поступил приказ: срочно занять оборону по окраине деревни и без приказа не отходить.

Немцы бегут

Командир батальона майор Михюль вызвал меня и командира саперной роты старшего лейтенанта Логинова и отдал приказ занять рубеж вправо и влево от дороги, ведущей на Елец. Бойцы, набрав в карманы гранаты Ф-1, а в подсумки и вещмешки патроны, удачно приспособили каменные ограды, разделявшие огороды в деревне; последние стали своеобразными бойницами. Как кадровый офицер, назначенный старшим, я распорядился выслать разведку. Через 40 минут она вернулась и доложила: на нас в пешем строю двигается до батальона противника. Быстро созрел план: подпустить фашистов вплотную, забросать гранатами и открыть огонь на поражение. Вскоре послышался тяжелый топот. Немцы шли колонной и, увидев жилье, ускорили шаг в надежде отдохнуть в тепле от 20 градусного мороза. Мы их подпустили вплотную. Я подал сигнал ракетой. Пошли в ход гранаты, а затем с двух сторон противника встретил мощный огонь. Картина была страшная. Бросая убитых и раненых, фашисты с воплями откатились назад. В ответ через несколько минут ударила немецкая минная батарея, которая нам, за каменными оградами, большого вреда не причинила. Через 30 минут нас попытались атаковать, но атака была слабой, мы ее легко отбили, и больше нас никто не беспокоил. Только там, где находились немецкие гарнизоны, по деревням, беспрестанно взлетали осветительные ракеты. Думали, что мы перейдем в наступление.

В 6 часов утра прибыл связной от командира батальона, который привез письменный приказ: оставить позиции и двигаться на Елец, а потом на Загонск. К обеду мы соединились с батальоном. Я доложил о выполнении задания. Вечером 5 декабря мы узнали, что утром 6 декабря наша 13-я армия с оперативной группой генерала Костенко переходит в контрнаступление в общем направлении Елец — Ливны — Римский Брод — Касторная. Около 8 часов утра 6 декабря появились наши лыжники, и мы сообща погнали врага назад. За эти декабрьские бои я был награжден орденом Красной Звезды. Вручил орден командующий 13-й армией генерал-лейтенант Пухов.

Контрнаступление продолжалось до 7—8 января 1942 года, а затем пять фронтов, в том числе и наш Юго-Западный, перешли в общее наступление, которое продолжалось примерно до 20 апреля. В результате 13-я армия вышла на рубеж Малоархангельск — Поныри, то есть на Курскую дугу, где фронт и стабилизировался. До этого наш батальон в основном занимался обезвреживанием как немецких, так и отечественных мин. На Курской же дуге главной задачей стала установка минных полей, противотанковых и противопехотных мин.

Ночью 2 июля 1943 года на нашем участке фронта был взят в плен немецкий сапер, который проделывал проходы в минных полях. Он сообщил о том, что в 3 часа утра группы армий «Центр» и «Юг» во главе с генерал-фельдмаршалами Г. Клюге и Э. Манштейном переходят в наступление. Командующие Центрального и Воронежского фронтов генералы армии К. Рокоссовский и В. Ватутин принимают решение за полчаса до намеченного фашистами срока начать артиллерийскую контрподготовку, что вызвало замешательство у врага. На каждую стрелковую дивизию 13-й армии немцы бросили по две пехотные дивизии, до ста танков и столько же самолетов. На нашем участке фронта противник четыре раза переходил в атаку и четыре раза атаковывался. И только на пятый раз, подтянув свежие силы, фашисты сумели вклиниться в главную пофлосу обороны 13-й армии — на 5—6 км в глубину и на 6 км в ширину. В ночь с 5 на 6 июля наш батальон на острие атаки установил минные поля. Замечу, на Курской дуге от мин было подорвано столько же танков, сколько их вывела из строя артиллерия. Не случайно после войны в Понырях был установлен памятник героям-саперам.

13-я армия была на острие атак группы армий «Центр», которая наступала ниже Орла, на Курск. Мы приняли участие в разгроме этой группы войск и в ходе летней кампании 1943 года продолжили наступление на запад.

Командир корпуса наградил меня орденом.

К этому времени я уже был в звании майора и занимал должность заместителя командира батальона.

В один из дней успешно развивавшегося наступления получаю приказ: с саперной ротой и переправочным парком посту-

пить в распоряжение стрелкового корпуса, которому предстояло форсировать реку Десну и освободить город Новгород-Северский. К исходу дня моя команда вышла в исходное положение. Послали на противоположный берег реки инженерную разведку, которая, возвратясь, доложила: противник не обнаружен, мин нет. Я доложил командиру корпуса, что берег свободен. Тот приказал передовому полку начать переправу. Мы переправили на понтонах стрелковый полк, а затем для ускорения дела я предложил собрать паромы, натянуть через реку якорные канаты. Расчет был верный: если на понтоне вместе с гребцами размещалось 30 бойцов, то на пароме в два раза больше. Собрав паромы, за ночь мы перевезли стрелковую дивизию. Затем я предложил командиру корпуса план: на день спрятать паромы в удобные места у берегов и замаскировать их кустами. Утром появился немецкий самолет-разведчик «Рама». Зенитчики открыли огонь. Самолет поднялся выше, сделал круг и, по-видимому, ничего не обнаружив, улетел. С наступлением темноты я спросил разрешения связать паромы в линию моста. И тогда войска корпуса пошли по ним, как по дороге. Утром город Новгород-Северский был взят.

В ответ противник предпринял мощную контратаку. Он заметно потеснил войска корпуса. Немецкие танки вышли к реке и прямой наводкой расстреляли наш наплавной мост. Мост утонул. Командир корпуса вызвал меня на передовой командный пункт, чтобы поставить новую задачу. По дороге я вместе с посыльными — связистами сержантом и рядовым попал под мощный артналет. Меня контузило. Однако, полежав минут 15 на земле, с помощью моих спутников я добрался до ПКП. Увидев мое состояние, генерал хотел отправить меня в медсанбат, но я упросил его отправить меня в мою роту, где под присмотром хорошего фельдшера продолжал выполнять боевую задачу. Приказал командиру роты оцепить с противоположного берега реки остатки наплавного моста и трактором отбуксировать на нашу сторону. Из остатков моста удалось собрать лишь два парома. Но и это был хлеб! Туда мы перевозили боеприпасы, обратно — раненых. За эту операцию командир корпуса наградил меня орденом Отечественной войны II степени.

Между тем 13-я армия продолжала наступление на запад. В 1944 году мы подошли к государственной границе по реке Западный Буг, удачно форсировали реку в двух направлениях. В этой операции нам помогали химические войска. Они ставили мощную дымовую завесу, и фашистские бомбардировщики не могли прицельно бомбить. За успешную операцию по форсированию Западного Буга командующий 13-й армией генерал — лейтенант Пухов наградил меня орденом Красной Звезды.

Продолжая наступление, мы вышли к реке Висле, за которой была Польша. Реку достигли к вечеру теплого августовского дня. Посланная мной разведка доложила: противника нет и мин тоже. Оставалось ждать приказа. Наступило утро следующего дня. Приказа о форсировании реки все не было. Мы нервничали: упускались благоприятные условия для проведения операции. Немцы воспользовались заминкой и к обеду подтянули танки, которые стали окапывать. И только на следующий день, часов в 10 утра, был получен приказ о форсировании реки. Ударила артиллерия, заревели «катюши». Мы подхватили понтоны на руки, спустили их на воду, началась переправа. Сумели сделать четыре рейса, переправить стрелковый полк, когда у нашей артиллерии и «катюш» кончились боеприпасы, и немецкие танки стали расстреливать нас в упор. В моей роте из 120 человек в живых осталось всего 14. К тому времени наш батальон был передан в 6-ю инженерно-саперную бригаду. Новое командование про нас забыло. Видимо, решило, что все погибли. Вспомнили про «остатки роты» лишь через месяц…

В конце 1944 года в числе ста офицеров-орденоносцев инженерных войск я был вызван в Москву и зачислен на подготовительные курсы Военно-инженерный Краснознаменной академии имени Куйбышева. Однако начать учебу довелось лишь после Парада Победы, и не в академии, а в Высшей инженерно-минной школе в подмосковном Нахабине, которую я закончил в 1947 году. Затем проходил службу в Группе советских войск в Германии. До 1951 года — в должности заместителя командира батальона, дислоцировавшегося в городе Барби, неподалеку от Магдебурга. С мая 1951 года до января 1952 года служил преподавателем инженерной подготовки в Тюменском пехотном учи-

лище, где мне было присвоено звание подполковника. С января 1952 года по сентябрь 1953 года был офицером учебного отдела Московского инженерного училища. После успешно сданных экзаменов наконец-то сбылась моя заветная мечта — стал слушателем Военно-инженерной Краснознаменной академии имени Куйбышева, которую закончил с отличием в 1958 году. По распределению был назначен заместителем командира 25-го инженерно-саперного полка Дальневосточного военного округа, дислоцировавшегося в городе Уссурийске. Однако в 1959 году, в связи с сокращением численности Вооруженных Сил на 1 млн. 200 тыс. человек, полк расформировали, а меня назначили дивизионным инженером 40-й мотострелковой Хасанской дивизии. Через год командующий 5-й армией генерал-лейтенант Егоровский, учитывая боевой опыт, перевел меня старшим офицером в штаб армии. 28 января 1968 г. приказом министра обороны СССР №02008 мне было присвоено звание полковник. К тому времени я стал заместителем начальника инженерных войск 5-й армии. В 1970 году подал рапорт об увольнении в запас, как выслуживший срок в звании полковника. Вместо этого приказом министра обороны увеличили срок службы еще на 4 года, так как я в то время руководил работами по восстановлению укрепленных районов в Приморье, на границе с Китаем. В конце службы командующий округом генерал армии Петров поручил мне строительство улучшенной грунтовой дороги — в 6 метров шириной — через Сергиевский учебный центр, к границе с Китаем для выдвижения танковой дивизии. Эту дорогу мы построили без выходных дней за 6 месяцев, за что я был награжден командующим именными часами в позолоченном корпусе. Такими же часами я был награжден при уходе в отставку в апреле 1974 года.

Не могу сегодня не вспомнить о своем младшем брате Александре Федоровиче, тоже фронтовике, теперь уже покойном. Брат прошел всю войну, закончил ее сержантом. Имел 14 ранений. Человек беззаветной храбрости, он был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды. Александр Федорович был одним из тех пехотинцев, которые штыком добывали успех авиации, артиллерии, нашего брата — бойцов военно-инженерных войск.

После службы три года я работал в Запрудненском профессиональном училище №8 военруком и, похоже, забрал все переходящие знамена в Талдомском районе за успехи в подготовке допризывной молодежи.

При встречах с молодежью меня часто просят рассказать о Параде Победы, участником которого (24 июня 1945 года на Красной площади, в Москве) мне посчастливилось быть. Вместе с боевыми товарищами я стоял как раз напротив Мавзолея.

Молодежь также частенько просит перечислить мои награды. Что и теперь я сделаю с указанием дат и номеров орденских знаков.

Орден Красной Звезды, декабрь 1941 г. (№90791);
Орден Отечественной войны II степени, 1943 г. (№31441);
Орден Красной Звезды, декабрь 1944 г. (№722585);
Орден Красной Звезды, декабрь 1954 г. (№3167318);
Орден Отечественной войны I степени, 1985 г. (№038675);

Медали:

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», 1945 г.;

«20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», 1965 г.;

«30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», 1975 г.;

«50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», 1995 г.;

«40 лет Вооруженным Силам СССР» 1968 г.;

«50 лет Вооруженным Силам СССР» 1968 г.;

«60 лет Вооруженным Силам СССР» 1978 г.;

«Медаль Жукова» (Д 0344758), 1996 г.;

«70 лет Вооруженным Силам СССР» 1988 г.;

«За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» 1959 г.;

«За воинскую доблесть. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» 1970 г.;

«850 лет Москвы», 1997 г.;

«Ветеран Вооруженных Сил СССР», 1976 г.;
«30 лет Советской армии и флота», 1948 г.;
«За боевые заслуги», 1948 г.

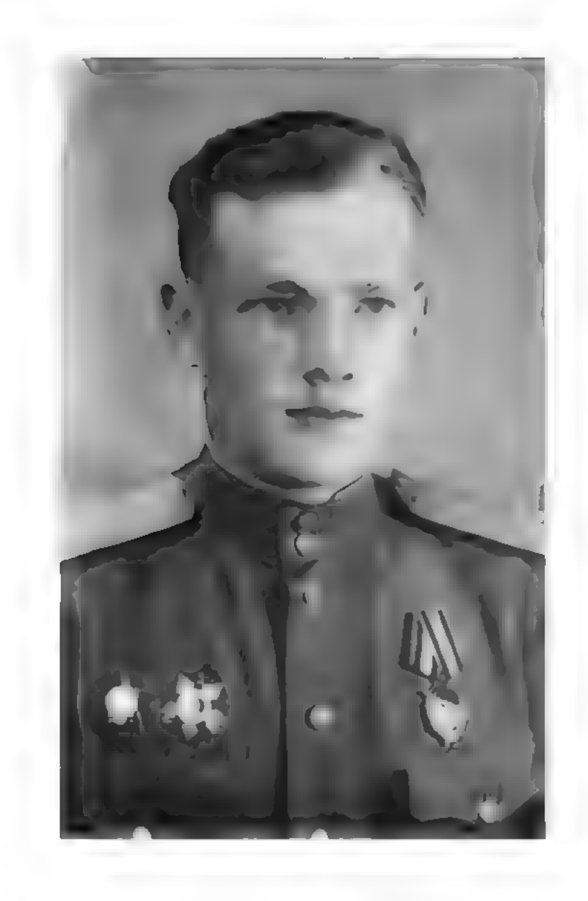
Почетные знаки:
«Отличник пограничных войск» II степени, 1973 г.;
«Фронтовик», 2000 г.;
«За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», 1970 г.;

Н. Шорников, полковник в отставке.

Декабрь 2004 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Олейник Григорий Владимирович**, студент 2-го курса МГАПИ, кафедры «Технология машиностроения», член местного отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Талдомского района.

Шугаев Борис Александрович

ПОМОЩЬ ДЕСАНТНИКАМ

Родился 23 июля 1923 года, в Свердловской области г. Ревда. По национальности — русский. Член комсомола, партии.

Награды — орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени и орден Боевого Красного Знамени. В октябре 1944 года, во время нахождения в действующей армии, мне была вручена почетная грамота ЦК ВЛКСМ за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Член Осоавиахима, инструктор юных авиастроителей. Закончил школу в 1940 году, в 1941 поступил по спецпризыву (с отрывом от производства) в аэроклуб, который закончил за 3,5 месяца. Весной 1941 года направлен для продолжения учебы в Батайскую авиационную школу пилотов. В том же году школа была перебазирована в Азербайджанскую ССР.

О начале войны мы все узнали в училище, которое находилось в Ростовской области, когда началась бомбежка полевого аэродрома. В первое время мы, курсанты, выходили в оцепление, боялись высадки десанта фашистских войск, наша задача была не допустить этого, но училище практически сразу было перебазировано в тыл, в Азербайджан. Там и проходила вся моя

учеба. Учиться было тяжело, не было самолетов, все на фронте, не хватало горючего и другие проблемы военного времени. В итоге учились летать на американских истребителях «аэрокобра».

В январе 1943 года, после окончания учебы, направлен служить в 25-й запасной авиационный полк, в мае 1943 г.— 66-й истребительный авиационный полк, командиром полка был В.А. Смирнов. В октябре 1943 года полк был переброшен на фронт, входил в 4-ю воздушную армию под командованием генерала Вершинина, который в дальнейшем стал маршалом авиации. Базировались на Кубани, аэродром находился рядом со станицей Вышестеблеевской.

Наш полк с октября 1943 по апрель 1944 года совершил 2060 боевых вылетов, было сбито 179 вражеских самолетов. Потери — погибло 12 летчиков и потеряно 18 самолетов.

После Крымской операции были перебазированы на Украину в район г. Миргорода для пополнения личным составом и получения новой материальной части. Находясь в Миргороде, выполняли боевые задачи по прикрытию союзников, англичан и американцев, которые с нашего аэродрома вылетали на бомбардировщиках для бомбежки фашистов.

Под Миргородом попутно выполняли боевую задачу по прикрытию союзных войск (в основном американских). Это те самолеты, которые бомбили Германию. Для них было создано две базы на территории СССР: одна в Миргороде, другая в Полтаве. С нашего аэродрома «летающие крепости» по 60 самолетов вылетали для бомбардировки крупных объектов немецких войск. Эти группы летали челночно, т.е. они садились у нас, заправлялись, подвешивали бомбы и летели бомбить, потом садились, например, в Англии, там заправлялись и опять летели на задание. Когда самолеты подходили к аэродрому, вылетала пара, чтобы не допустить вражеские самолеты-разведчики, а если появятся — сбить их. Вот таких у меня было два вылета по прикрытию и посадке самолетов союзных войск.

После пополнения полк был переведен в Польшу на 2-й Белорусский фронт. Позднее дивизия была зачислена в резерв Главного Командования Вооруженными Силами СССР. Мы вы-

полняли задачи по указаниям Верховного Главнокомандующего, обеспечивали и выполняли задачи 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. В Польше основными были аэродромы Торн, Быдгощ — это в конце войны.

Вся дивизия участвовала в Берлинской операции, выполняли прикрытие бомбардировщиков, участвовали в штурмовке, бомбили корабли в польских и немецких портах. На наш истребитель могли подвесить 2 бомбы по 100 кг или одну в 250 кг. После окончания войны 9 числа, у нас еще были задания на 10 и 11 числа. Мы должны были постоянно находиться в боевой готовности, потому что немецкий флот к этому времени еще не сдался. Весь немецкий флот скопился в районе мыса Хель в северной части Прибалтики. Но немцы вовремя одумались и сдались.

Ранения

Мы вылетали на прикрытие-блокировку немецкого аэродрома в районе Багирово, туда должны были подлететь штурмовики Ил-2 со своим прикрытием, а мы должны были обеспечить их работу — не дать возможность взлететь истребителям с этого аэродрома. Наша главная задача была — блокировка, но все получилось не совсем так. Наши штурмовики пришли чуть раньше со своим прикрытием и начали штурмовать. Они справились со своей задачей, а в это время взлетели с этого аэродрома и с других аэродромов немецкие самолеты. Мы туда подходим блокировать, а в воздухе уже больше двух десятков немецких истребителей. Блокировать нечего. Мы сразу вступили в воздушный бой. Их было много, крутись, вертись, стреляй! Один наш самолет подбили, пилот кричит: «Подбили, прикрой!» Второй кричит: «Прикрой!». Я наблюдаю, наша «кобра», а за ней «мессершмитт» идет. Я кричу: «За тобой идет МЕ-109!» А в это время за мной такой же идет, в хвосте. Я нажал на кнопки вооружения, произвел длинную очередь. Секундный залп этой очереди — 10,5 кг. Меня в это время подбило, самолет дернуло, попал бронебойный снаряд, пробил борт, пробил дверь, каблук сапога. Там подковка была 5 мм, удар был настолько сильным, что каб-

лук согнула на 90 градусов. В результате, рассечение ноги, но все обошлось, сделали только перевязку, до госпиталя не дошло. У меня привычка держать ноги на весу, если бы не этот факт, то пятку бы отбило. Такая ситуация была в моей жизни. Благодаря этому удару я увернулся от других снарядов. Потом потерял управление, с трудом мог вести самолет, хотя меня преследовал другой немец. Но, слава Богу, не догнал — у меня была большая скорость. Пришлось возвращаться на свой аэродром, так как точно не знал, в каком состоянии органы управления самолета. Из восьми летчиков пять в том бою были подбиты.

А был и другой случай.

К нам пришел летчик раненый. У самолетов «аэрокобра» стекло за пилотом было сделано из нескольких слоев. Своеобразная стеклянная броня, но через нее все видно. А на некоторых самолетах вместо стекла была бронированная плита. Очень толстая (2 см), но некачественная. Если попадут в плиту, то осколки, которые от нее отлетали, могли серьезно ранить летчика. Именно так было с этим раненым. Весь в крови пришел к своему аэродрому, не смог самостоятельно вылезти из самолета. Ему оказывали помощь техники, направили в госпиталь. Ранение было тяжелое и в результате — две дырки в черепе остались навсегда.

Еще интересный случай. Дело было в районе Керчи (на мысе Эльтиген). Немцы там подготовили достаточно серьезную оборону, и наши никак не могли ее преодолеть. Надо было обойти их с какой-нибудь стороны. Командование решило высадить южнее Керчи (в районе Эльтиген) наш морской десант. Они удачно высадились и прошли, зашли уже километров на 50 на занятую немцами территорию, но потом немцы опомнились и начали этих десантников постепенно теснить к береговой линии. А в это время погода испортилась, авиация помочь десантникам не могла. Более того, не могли сбросить им питание, боеприпасы. И немцы, воспользовавшись этой ситуацией, прижали наших уже совсем к берегу. Полоска у наших десантников осталась километра 2 длиной и метров 100 шириной, а дальше про-

лив. Им надо было сбросить помощь, а погоды нет, но потом погода все же более менее наладилась, и начали посылать наши Ил-2 (штурмовики), им подвешивали вместо бомб грузы на парашютах (боеприпасы и питание). И вот они (Ил-2) по два самолета идут, а рядом два самолета истребителей, прикрывают штурмовики. Идем, груз сбросили — что в море попало, что к немцам, полоса наших была совсем узкая, но эти десантники были уже совсем в отчаянном положении, надо было помогать. Таким образом и помогали — штурмовики груз сбрасывают, а мы на истребителях их прикрываем. Идем обратно и видим — на море бочка, а в бочке сидят два человека и гребут к нашему берегу, а до него где-то около 20 километров. Мы вверху, высота около 100 метров, смотрим — это наши десантники в бочке, мы им крыльями помахали, они нам. Во втором вылете и наблюдаем ту же бочку, но пустую, людей нет. Нас это обеспокоило, что с нашими десантниками случилось. Еще долго, уже после войны я вспоминал тот случай, как же те ребята на бочке, доплыли ли. А в 80-х годах я случайно встретил одного товарища, который в это время был там, на мысе Эльтиген, рассказал про тот случай, а он, оказывается, знает тех десантников, которые 7 декабря 1943 года на бочке переплывали через Керченский пролив в Тамань. Я послал письмо по адресу, который дал мне мой товарищ и получил ответ от бывшего морского пехотинца, а ныне пенсионера Гришина И.С., который и рассказал мне, как дело было дальше. Вот отрывок из его письма: «Мы очень завидовали вам, находящимся в воздухе, когда наша жизнь была на волоске, вы помахали нам крыльями и вселили в нас надежду на спасение. Я этот момент очень хорошо помню, а как его забудешь, если под нами была холодная вода и впереди неизвестность. Нас подобрал торпедный катер…». Вот так через много лет я узнал продолжение той истории.

Интересный случай был в 1944 году. Идем мы четверкой, в это время справа немецкий истребитель пытается нас атаковать, я развернулся на него, сделал несколько выстрелов, один снаряд

40 мм пушки, не бронебойный, а фугасный, взорвался в кабине летчика, и все наши экипажи видели этот меткий выстрел.

В то время за 30 боевых вылетов была положена правительственная награда. За каждых два сбитых самолета — награда, за 10 успешных разведок давали звание Героя Советского Союза. Если бы награды нам давали как положено, то все летчики закончили бы войну с массой наград, но их так не давали. У меня 6 сбитых самолетов и 152 боевых вылета, а наград всего три — орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени и орден Боевого Красного Знамени.

Когда закончилась война, наш полк базировался в Германии на аэродроме Меркиш-Фридленд. Я не помню, кто конкретно принес это известие, но несмотря на то, что мы, конечно, этого ждали со дня на день, помню огромную радость от этого известия. Сразу началась пальба, все стреляли в воздух, так выражали свою радость, кто из автомата, кто из пистолета, даже пошли на аэродром, перезарядили оружие, которое у самолета, направили в небо и дали очередь. Это конечно не положено, но поначалу нас не ругали за это. Потом уже начали запрещать такую стрельбу. У меня даже полковник из патруля отобрал личный пистолет, когда я салютовал в честь победы.

24 июня, когда в Москве был парад в честь Победы, нас командование отпустило в Берлин, посмотреть город, а то мы все летали над ним, а в самом городе и не были. В Москве был парад, а мы фотографировались на рейхстаге, на котором расписались, у Бранденбургских ворот. Конечно, чувствовалось, что город был разбит. Впечатления хорошие, потому что было видно, что немцы получили хорошее возмездие. Недалеко от рейхстага, рядом с Бранденбургскими воротами, идет автострада, она бетонная, достаточно длинная. Дивизия Покрышкина во время боевых действий стояла на этой автостраде, используя ее как аэродром, настолько это была хорошая дорога, что на нее могли садиться и взлетать самолеты. Эта автострада шла по всему Берлину, на ней проходили немецкие парады.

Недалеко от Бранденбургских ворот есть так называемая арка Победы (которую поставили немцы в честь победы над

французами) и рядом сквер. Очень много в этом сквере стояло памятников, немецких, не все, конечно, сохранились. И среди этих памятников стоял разбитый немецкий самолет «Юнкерс-52» (транспортный) и два истребителя, разбитые. Этот факт долго был засекречен, но как мы тогда поняли: именно на этих самолетах и собирался драпать Гитлер, стояли они сосем рядом с его резиденцией, а в качестве аэродрома можно было использовать автостраду. Однако наши вовремя дали залп по этим самолетам, и мы увидели уже только остатки этих самолетов.

Ноябрь 2004 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Дмитрук Ирина Николаевна**, руководитель Исполкома Регионального отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Московской области.

Оргкомитет по изданию 6-го тома мемуаров
«От солдата до генерала. Воспоминания о войне»
в составе:

Руководителя Оргкомитета – президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Вураки Андрея Федоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича;
членов Оргкомитета от Регионального отделения Общероссийской общественной организации «Молодежное Единство» Московской области – Аристархова Владимира Владимировича, Дмитрук Ирины Николаевны, Баришевского Евгения Васильевича, Даньшина Павла Михайловича.

Выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

Председателю Правления Одинцовского районного отделения ВОД «Боевое братство» **Якушеву Николаю Романовичу**,

Председателю Совета ветеранов г. Королев **Курбатову Василию Васильевичу,**

Руководителю исполкома Балашихинского отделения партии «Единая Россия» **Никитину Анатолию Анатольевичу**,

Учителю русского языка и литературы средней общеобразовательной школы №1 с углубленным изучением отдельных предметов г. Чехова, Московской области **Телковой Ирине Владимировне**.

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 6

Редактор Б.А.Петров
Художник М.А.Зосимова
Набор и верстка А.А.Кувшинников
Корректор Н.Н.Самойлова

ООО «Алгоритм–Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-93-02

Сдано в набор 14.04.05. Подписано в печать 25.04.05.
Формат 60x84/16. Офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 26. Тираж 850 экз. Заказ

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии
им. В.И.Смирнова. 214000, г.Смоленск, проспект им. Ю.Гагарина, 2.